

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 2/09

Scientific monthly

Sociology Series

Moscow 2009

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 2/09

Ежемесячный научный журнал

Серия «Социология»

Москва 2009

УДК 309
ББК 66.0я43
П 50

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии
«Социология»

Ж.Т. Тощенко
Н.М. Великая – ответственный редактор
М.Б. Буланов
Е.А. Колосова

ISSN 1998-6769

© Коллектив авторов, 2009
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая социология

- Г.И. Козырев*
Социальное конструирование образа жертвы
в социально-политических отношениях и в конфликте 11
- Н.М. Великая, А.А. Голосеева*
Роль институтов гражданского общества
в общественном диалоге в современной России 28
- И.В. Гудков*
Особенности электорального поведения при формировании
региональных представительных органов власти 49
- В.В. Попов*
Трансформация политического ландшафта
в электоральном цикле 2003–2007 гг. 68
- Е.А. Китайцева*
Деятельность политических партий
в общественном мнении российских граждан 77
- М.Ю. Милованова*
К вопросу о раскрытии политического потенциала молодежи 85

Социологическое образование и история социологии

- Н.В. Романовский*
Историзация социологии – понятие и сущность 94
- М.Б. Буланова*
Модель социологического образования, разработанная
Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским 113
- Д.Ж. Кондов*
История социологии как история социологии 123
- А.А. Мочалов*
Проблемы образования в российской социологической мысли
конца XIX – начала XX века 154

**Социальные и культурные проблемы России
в социологическом измерении**

<i>Д.Н. Баринев</i> Динамика социальной тревожности в современном российском обществе	163
<i>И.В. Лескова</i> Проблема культурной идентичности в ситуации кризиса ценностей ...	175
<i>Е.В. Кириченко</i> Природа гендерной асимметрии в обществе сквозь призму социально-философской мысли	183
<i>В.А. Адилев</i> Теоретические подходы к анализу образа Москвы	209
<i>Лю Юаньюань</i> Имидж Китая в общественном сознании современной России	220
<i>П.Н. Калмыков</i> Китайская учащаяся молодежь Москвы. Ресурс миграционного притока или российские контрагенты в Китае?	234
<i>Е.А. Тарасенко</i> Исследование потребительских установок и предпочтений при построении бренда в категории вин среднего сегмента	251
<i>Е.Ю. Озерова</i> Жизненные стратегии бывших военнослужащих	268
<i>В.И. Горбачева</i> Родительская компетентность как социальная проблема	276
<i>Е.А. Колосова</i> Чтение как фактор ранней социализации современных российских детей	284

Социология медицины

<i>Н.И. Белова</i> Концепция социального конструирования реальности в применении к исследованию здорового образа жизни	291
--	-----

<i>Ю.А. Курякова</i>	
Национальный проект «Здоровье» в оценках профессионального сообщества врачей	296
<i>А.И. Дубинина</i>	
Медицинское обслуживание и лекарственное обеспечение в системе здравоохранения современной России	307
Abstracts	319
Сведения об авторах	327

CONTENTS

Political Sociology

- G.I. Kozyrev*
Social constructing of “victim’s” image in the social-political conflicts 11
- N.M. Velikaya, A.A. Goloseyeva*
The role of civil society institutes in public discussion
in modern Russia 28
- I.V. Gudkov*
Features of electoral behavior during forming of Regional Legislatures 49
- V.V. Popov*
The transformation of the political landscape during the electoral
cycle of 2003–2007 years 68
- E.A. Kitaiceva*
Attitudes to activity of political parties in modern Russian society 77
- M.Ju. Milovanova*
Towards the issue of political potential of the Youth 85

Sociological Education and History of Sociology

- N.V. Romanovskiy*
Historization of Sociology – concept and essence 94
- M.B. Bulanova*
Model of sociological education of N. Kareev and M. Kovalevsky 113
- D.G. Kondov*
Historical sociology as history of sociology 123
- A.A. Mochalov*
The issue of education in the Russian sociology
of the end of 19th – the beginning of 20th century 154

Social and Cultural Problems of Russia: sociological approaches

<i>D.N. Barinov</i>	
The Dynamics of social anxiety in the modern Russian society	163
<i>I.V. Leskova</i>	
Problem of cultural identity in conditions of value crisis	175
<i>E.V. Kirichenko</i>	
Social philosophical ideas about essence of gender inequality	183
<i>V.A. Adilov</i>	
Theoretical approaches in analysis of image of Moscow	209
<i>Li Juan Juan</i>	
Image of China in the Russian public consciousness	220
<i>P.N. Kalmykov</i>	
Chinese young people in Moscow. The source of the migratory inflow or Russian partners in China?	234
<i>E.A. Tarasenko</i>	
Consumer perception and preferences in wine category for new wine brand development at the average price segment	251
<i>E.Ju. Ozerova</i>	
Life Strategies of former military men	268
<i>V.I. Gorbacheva</i>	
Parenting Competence like Social Problem	276
<i>E.A. Kolosova</i>	
Reading as a factor of early socialization of modern Russian children	284

Sociology of Health

<i>N.I. Belova</i>	
Social designing of a healthy way of life	291
<i>U.A. Kupryakova</i>	
Estimation of the National Project "Health" by professional community of doctors	296

A.I. Dubinina

Healthcare system of contemporary Russia: medical services and pharmacological support	307
Abstracts	319
Author's info	

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЖЕРТВЫ В СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И В КОНФЛИКТЕ

В статье представлена теоретическая основа концепции «жертва» в социологии конфликта, обосновывается понятие «жертва» и дается типология «жертвы». В статье выделяются основания для анализа процесса конструирования жертвы в социально-политических конфликтах и выделяются этапы конструирования образа «жертвы» и их содержание.

Ключевые слова: социально-политический конфликт, жертва, образ, социальное конструирование.

В постсоветский период и в России, и в мире наблюдается актуализация проблематики «жертв» в социально-политических отношениях и конфликтах. В России появились жертвы либерализации экономики, жертвы приватизации, жертвы дефолта и др. «Жертвами» объявляют себя большие социальные группы и суверенные государства. На политическом поле конструируются различные образы «жертв», которые используются как социальные и политические идентификации. Субъекты, конструирующие виртуальные образы жертв, требуют реальных компенсаций.

Между тем ни в зарубежной, ни в отечественной социологии и конфликтологии проблематика «жертвы», как одного из элементов в структуре конфликтного взаимодействия, пока еще не нашла адекватного отражения. Поэтому данное исследование представляет собой попытку нахождения новых теоретико-методологических подходов и обоснований, которые позволили бы решать возникающие проблемы.

Понятие «жертва» в социологии конфликта

Теоретически обоснованное понятие «жертва» в социологии конфликта отсутствует. Поэтому для определения данного понятия мы будем использовать те научные направления, в которых это понятие имеется.

Так, виктимология как «учение о жертве» исследует прежде всего состояние и факторы, способствовавшие превращению человека в жертву целенаправленного насилия или несчастного случая. «Жертва» в виктимологии – это пострадавший в результате целенаправленного насилия или несчастного случая человек, нередко сам способствовавший превращению себя в жертву¹.

В международных принципах права, разрабатываемых различными международными организациями, также имеется понятие «жертва». Например, в Женевских конвенциях и в Дополнительных протоколах регламентируется право жертв на получение помощи, а также право и обязанность воюющих государств и третьих стран оказывать помощь жертвам. При этом к жертвам отнесены пострадавшие от вооруженного конфликта люди, которые не принимают непосредственного участия в конфликте, а также те, кто принимал участие в конфликте, но в данный момент не представляет угрозу для противника, например раненые, пленные, больные².

«Принципы права» дают общее представление о том, кого следует считать пострадавшим в ходе вооруженного конфликта и кому необходимо оказывать гуманитарную помощь. Но в них нет однозначного определения понятия «жертва», а также четких разграничений между такими понятиями, как «жертва», «потеря», «пострадавший».

Все приведенные выше представления о понятии «жертва» являются для нас определенной основой для разработки понятия «жертва в социологии конфликта».

В широком смысле под понятие «жертва» в конфликте попадают не только люди, лишившиеся жизни, но и подвергшиеся другим видам насилия (заложники, вынужденные переселенцы, беженцы, лишившиеся имущества, здоровья и иных ценностей люди). В таком смысле жертвой можно считать любого индивида, группу, социальный слой, в той или иной мере пострадавших от конфликтных действий сторон или иным образом имеющих отношение к конфликту. Появление жертвы может также предшествовать конфликту – стать его причиной. Как правило, в таком конфликте одна сторона обвиняет другую либо в неприятии мер по предупреждению жертв, либо в неоказании надлежа-

щей помощи жертвам. Однако такое широкое понятие «жертвы» вынуждает нас классифицировать жертвы по степени их причастности к социально-политическому конфликту и/или по мере причиненного им ущерба. Существует также проблема определения жертвы самими конфликтующими сторонами. Так, кого одна сторона может считать жертвой, для другой – враг, подлежащий уничтожению. Такую «жертву» можно условно классифицировать как «жертва по принадлежности» к враждебной социальной группе.

Жертва может появиться и вне конфликта. Например, в случае одностороннего насилия агрессора над жертвой. Существенное значение также имеет сам факт «наделения» пострадавших людей (страны) статусом «жертва», который наделяет жертву правом на компенсацию причиненного ей ущерба, наказания виновников, восстановления справедливости. Итак, «жертва» в структуре конфликта – это в той или иной мере невинно пострадавшие в ходе конфликта люди либо пострадавшие, ставшие причиной или предлогом для возникновения конфликтной ситуации.

Основания и причины появления «жертвы» в конфликте весьма многообразны. Например: *случайная жертва*, *жертва некомпетентности* (неправильного расчета), преднамеренная жертва, как результат заранее спланированных и осуществленных действий, *мнимая жертва*, как способ (предлог) для предъявления претензий другим, невинным (не вполне виновным) в каком-то событии людям (организациям, странам) и др. Для нас особый интерес представляет последний вид жертвы, которая является результатом конструирования *образа жертвы* в реальном или мнимом конфликте.

Процесс конструирования образа «жертвы» и классификация формируемых образов

Реальная жертва конфликта (если она имела место) и ее образ могут в значительной степени расходиться по своим качественным и количественным характеристикам. В философском понимании *образ* – это идеальное отражение предметов и явлений материального мира в сознании человека. В социологии *образ* – это обобщенное, социально сконструированное отражение реальных характеристик предметов и явлений. Целенаправленно сконструированный образ называется имиджем³. В нашем исследовании под словом «образ» мы будем понимать как спон-

Г.И. Козырев

танно, так и целенаправленно сконструированное отражение реальных и мнимых характеристик предметов и явлений.

Конструируемый «образ жертвы» должен прежде всего отвечать стратегическим и тактическим целям и задачам той или иной противоборствующей (противостоящей) стороны в определенный период времени и в определенной ситуации. Кроме того, он должен приобрести социальную значимость как для непосредственных и косвенных участников конфликта, так и для окружающей социальной среды.

В зависимости от преследуемых целей сторона может конструировать следующие образы жертвы: *образ «жертвы-героя», образ «жертвы-утраты», образ «жертвы по принадлежности», образ «жертвы-трагедии», образ «жертвы-врага», образ «жертвы-страны», образ «жертвы-народа», образ «абстрактной жертвы»* и другие образы. Некоторые образы «жертвы» могут «выполнять» различные функции, т. е. использоваться и как «жертва-герой», и как «жертва-утрата», и как «жертва-потеря» и др. Образ такой «жертвы» условно можно назвать *«многофункциональным»* или *«универсальным»*.

Рассмотрим процесс конструирования образа «жертвы» на примере формирования образа «жертвы-героя».

Конструирование образа «жертвы-героя». Процесс формирования образа «жертвы-героя» и других образов «жертвы» предполагает проведение целого ряда социальных действий (мероприятий, этапов), которые так или иначе дополняют друг друга и являются составной частью общего процесса. В нашем исследовании мы рассмотрим следующие виды мероприятий по созданию и реализации образа «жертвы»: актуализация, «приватизация», героизация, гуманизация, институционализация, историзация (мифологизация), объективация, легитимизация, сакрализация, реализация образа «жертвы» в социальных и политических практиках.

Актуализация образа «жертвы» конфликта. Выше уже говорилось, что в социально-политическом конфликте (политических отношениях) формируемый образ «жертвы» призван выполнять определенные функции для достижения целей той или иной стороны. Поэтому формирование образа «жертвы» или актуализация ранее сформированного образа осуществляются осознанно, т. е. в нужный момент времени, когда влияние создаваемого или актуализируемого образа на развитие конфликта будет максимальным. Например, образ «жертвы-героя» наиболее актуален в условиях войны; образ «жертвы-потери» – при предъявлении претензий обвиняемой стороне.

«Приватизация» жертвы конфликта призвана показать, а если возникает необходимость, то и доказать, что «невыполнимую» утрату в лице жертвы понесла конкретная сторона конфликта. Например, стараниями советской пропаганды образ Павлика Морозова был как бы изъят из своей семьи, своей деревенской среды и им противопоставлен. В результате дорогие и близкие убитому подростку люди были превращены во врагов, а предполагаемые убийцы жертвы стали его яростными защитниками. Другой пример «приватизации» жертвы – попытка определенных кругов в руководстве Украины представить голодомор как целенаправленную акцию по уничтожению украинского народа. При этом пострадавшие всех национальностей, проживавшие в то время на Украине, считаются украинцами, а их палачи причисляются к некоей внешней силе.

Героизация жертвы конфликта – наделение конструируемого образа качествами героя. Какими бы качествами ни обладала жертва в реальности, в процессе героизации она, как правило, наделяется качествами положительного героя, который и в обычной жизни проявлял незаурядные способности, демонстрировал смелость, принципиальность, честность и др., и в экстремальных условиях вел себя достойно. Конструируемый образ «жертвы-героя» может также наделяться качествами пассионарной личности, которая осознанно приносит себя в жертву ради достижения общественно значимой цели и общего блага.

Гуманизация жертвы конфликта – придание реальной или мнимой жертве определенных свойств и качеств, которые подчеркивали бы ее жизнелюбие и добрые отношения к окружающим: «он так любил жизнь», «у него были большие планы на будущее», «он всем желал добра». Гуманизация, во-первых, способствует увеличению в массовом сознании значимости понесенной утраты, во-вторых, подчеркивает антигуманный характер посягателей на жертву. Последнее обстоятельство, благодаря пропаганде и манипуляции фактами, может превратить палача и тирана в «самого человеческого человека», а его жертвы в безжалостных «врагов народа».

Контраст между гуманизмом, героизмом и трагизмом жертвы, с одной стороны, и антигуманной, варварской сущностью ее врагов, с другой стороны, является наиболее значимым, если жертвой становятся относительно не защищенные в реальной жизни существа: дети, женщины, старики. Например, легендарная героиня французского народа Жанна д'Арк (1412–1431 гг.) в наибольшей степени, на наш взгляд, сочетала в себе большинство из перечисленных качеств. Поэтому этот образ героической

Г.И. Козырев

жертвы, по мнению французов, оказал решающее влияние на исход Столетней войны (1337–1453 гг.), а сама она в 1920 г. была канонизирована католической церковью.

Институционализация образа «жертвы». Институционализация, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, имеет место тогда, когда «осуществляется взаимная типизация опривыченных действий»⁴. Когда многократно повторяемые социальные действия типологизируются, рационализируются и приобретают устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, норм, установок, регулирующих определенную сферу человеческой деятельности. Целенаправленное конструирование образа «жертвы» предполагает проведение периодически повторяющихся мероприятий: почтения памяти жертвы, возложения цветов к памятным местам, закрепления ее образа в официальных символах, атрибутах, памятных знаках, нормативных документах, общественном сознании. Для актуализации формируемого образа создаются памятники, музеи, научные организации. Имя жертвы-героя присваивается улицам, городам, поселкам, кораблям и самолетам.

На наш взгляд, необходимо учитывать различия, существующие между естественным процессом институционализации и целенаправленной «принудительной» институционализацией. Первая является результатом «типизации опривыченных действий», на основании которых естественным образом формируются правила и нормы. Вторая, как правило, начинается с создания официальных правовых актов, регламентирующих поведение людей. Примером такой принудительной институционализации является коллективизация крестьянских хозяйств в СССР. Суть целенаправленной институционализации формируемого образа заключается в том, чтобы на официальном уровне закрепить создаваемый образ жертвы, придать ему общенародную и государственную значимость, обеспечить образу государственную и общественную поддержку и защиту. Одной из основных задач институционализации конструируемого образа «жертвы» является «закрепление» вновь создаваемой социальной реальности и установление контроля над поведением людей.

Историзация (мифологизация) образа «жертвы». В ходе институционализации создается также история образа «жертвы», так как любой институт должен иметь свою историю. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан»⁵. История может создаваться как на основании реальных событий и фактов, так и на основании вымыслов

(мифов). И чем длиннее история, тем большим количеством мифов она обрастает. Будучи повествовательной формой описания событий, миф придает дополнительное измерение историчности⁶. Следовательно, мифологизация образа жертвы предполагает придание жертве (ее истории) каких-то вымышленных свойств и качеств, которыми она не обладала в действительности или обладала не в полной мере.

Необходимость мифологизации истории конструируемого образа жертвы возникает в том случае, если история реальной жертвы не соответствует преследуемым стороной конфликта целям и задачам или такой жертвы не было вообще. Известно, что первоначально созданный Александром Фадеевым образ героёмолодогвардейцев не понравился Сталину, и писателю пришлось вносить в уже созданный образ значительные коррективы. Следовательно, создавая или разрушая те или иные мифы (образы), можно фактически переписывать историю.

Чем меньше реальных исторических фактов и свидетелей произошедшего события, тем проще исказить реальность. При этом необязательно говорить неправду. Можно просто умолчать о тех или иных фактах или «перетолковать» их в соответствии с новыми реалиями и интересами⁷. Процесс мифологизации начинается с того момента, когда каждый последующий интерпретатор события вносит в предыдущее повествование нечто свое (рассуждения, предположения, доводы, вымысел).

Объективация образа «жертвы». Придание институционализированному образу исторических свойств способствует тому, что образ жертвы приобретает качества объективности. Это процесс, в результате которого «субъективно» конструируемый образ или произошедшее событие приобретают свою собственную реальность, устойчивость и повторяемость в сознании и поведении людей. Отныне он (образ) воспринимается как изначальная данность социального мира.

Легитимация образа «жертвы». «Институционализированному миру» (по Бергеру и Лукману) требуется легитимация, т. е. способы его «объяснения» и «оправдания». Чтобы мир стал более убедительным для нового поколения⁸. Однако легитимация предполагает не только «объяснение» и «оправдание» институционализированного мира, но и признание его целесообразности и правомерности. На уровне общества речь идет об общественном признании институционализированного образа «жертвы» и правомерности отдания ей соответствующих почестей. На международном уровне речь идет о международном признании наличия «жертвы» и ее значимости.

Г.И. Козырев

Официальные и дружественные визиты иностранных делегаций (в том числе и первых лиц государства), как правило, включают в свою программу возложение венков к памятным местам, символизирующим институционализированную «жертву», как акт ее признания и скорби по утрате. Непризнание национального образа жертвы-героя (или просто жертвы) другими государствами расценивается как враждебный акт. Например, в настоящее время факт геноцида армянского народа (1915 г.) признала 21 страна. Турция, не желающая признавать факт уничтожения ею более полутора миллионов армян, находится в сложных международных отношениях с теми странами, которые этот факт признали. В октябре 2007 г. палата Конгресса США также приняла постановление о признании факта геноцида армянского народа, что привело к дипломатическому конфликту между США и Турцией.

Сакрализация образа «жертвы». Под сакрализацией «жертвы» в нашем исследовании понимается процесс придания некоему пострадавшему в ходе реального или мнимого конфликта объекту (человеку, животному, строению и др.) символического, священного смысла. Если в создании образа принимает участие церковь, то жертва дополнительно наделяется статусом святого мученика. Сакральный образ жертвы или какой-то ее символ становятся основным элементом определенных обрядов, ритуалов, культовых действий. Например, принятие присяги молодых воинов у памятника жертвам прошлой войны; посвящение в пионеры в доме-музее героя.

Сакральная «жертва-герой» в нашем исследовании – это пострадавший (принесший себя в жертву) за благополучие других людей реальный или мифический герой. Например, мифической жертвой и героем для многих народов мира является Прометей, пострадавший за то, что дал людям возможность пользоваться огнем. Для миллионов людей во многих странах героем, павшим в борьбе за свободу и счастье простых людей, является герой Кубинской революции Че Гевара. Для российского народа уже несколько веков героем, отдавшим свою жизнь за независимость Родины, является Иван Сусанин. Легендарная героиня французского народа Жанна д'Арк была канонизирована католической церковью.

Сакрализация образа «жертвы» как бы завершает процесс вхождения конструируемого образа в институциональную систему и в культуру социума. Сакральный образ жертвы воспринимается не только как легитимный социальный институт, как объективная реальность, но и как элемент культуры, имею-

щий сакральную ценность. Сакрализация «жертвы» как бы возвращает историческую память социума к тому изначальному священному смыслу жертвоприношения, который основан не столько на разуме, сколько на вере в сакральную силу принесенной жертвы. Сакрализация в значительной мере увеличивает влияние образа «жертвы» на социализацию и поведение людей.

Реализация образа «жертвы» в социальных и политических практиках. По мнению Бергера и Лукмана, процесс производства социального продукта (экстернализация) и его объективация реализовываются в процесс интернализации, посредством которой, в ходе социализации, объективированный социальный мир переводится в сознание и поведение людей⁹. Целенаправленно конструируемый образ, как «социальный продукт», предполагает двойное назначение. Во-первых, как элемент социальной реальности и как социальный институт, сформированный и объективированный образ «жертвы» оказывает влияние на социализацию и ресоциализацию людей в обществе (социальной общности), которое считает жертву «своей». Так, на образах таких героев, как Павлик Корчагин, Павлик Морозов, Зоя Космодемьянская и др., были воспитаны десятки миллионов советских людей. Кроме того, образ «жертвы» как элемент культуры также способствует идентификации и мобилизации людей на основе общих ценностей. Во-вторых, «жертва», как эквивалент социального обмена, с древнейших времен разделяет людей на тех, кто принес жертву, и на тех, кто «повинен» в появлении жертвы. Если «в обмен» на понесенную жертву сторона не получила соответствующую компенсацию («ответный дар»), то она вправе предъявлять претензии к посягателю. Кроме того, считающая себя обиженной сторона может целенаправленно конструировать образ врага, повинного в появлении жертвы и не возместившего потерю.

Особенности конструирования различных образов «жертвы»

В зависимости от преследуемых целей сторона может конструировать различные образы жертв. При этом, несмотря на наличие общих закономерностей, конструирование каждого «образа» может иметь свои особенности.

Конструирование образа «жертвы-утраты». Само понятие «коллективная или массовая жертва» выдвигает на первый план количественные характеристики «жертвы», которые призваны показать, как много утратила (потеряла) та или иная сторона

Г.И. Козырев

конфликта. Или как много непосредственно не причастных к конфликту людей пострадали в результате действия (бездействия) той или иной стороны. Преследуя свои интересы в конфликте, противоборствующие стороны могут умышленно завышать или занижать количество пострадавших, ссылаясь на данные, достоверность которых сложно проверить. Чтобы подчеркнуть трагизм образа «жертвы-утраты», используются такие показатели, как *непричастность* жертвы к конфликту, *гуманный* характер ее поведения, *жестокость* посягателей, *невосполнимость* утраты.

Конструирование образа «жертвы-трагедии». Данная категория жертвы также характеризует тяжесть понесенной утраты. Но суть образа «жертвы-трагедии», в нашем понимании, заключается в том, чтобы представить произошедшую трагедию как предопределенный (неизбежный) удар судьбы. Внушаемая фатальность произошедшего позволяет прямым и косвенным виновникам избежать ответственности за случившееся. Виновники трагедии стремятся избежать наказания и сохранить свои статусные позиции, проявляя демонстративную заботу о пострадавших людях и декларативно заявляя о том, что «всё взято под контроль».

Конструирование образа «жертвы-агрессора», «жертвы-врага». С позиции формальной логики понятия «жертва» и «агрессор» («враг») являются антиподами. Поэтому враг не может быть жертвой. Но политическая практика вносит свои коррективы в формальную логику. Необходимость создания образа «жертвы-врага» возникает тогда, когда одна из сторон не может опровергнуть имевшие место факты героических и жертвенных поступков представителей другой стороны. Например, невозможно опровергнуть факт героической гибели миллионов советских солдат во время освобождения Европы от фашизма. Но в некоторых из освобожденных стран к власти пришли (стремятся прийти) антироссийски настроенные политические силы, которым мешают образы солдат-освободителей. Для дискредитации образа «жертвы-героя» и формирования образа «жертвы-врага» в приведенном примере используются следующие методы.

1. *Превращение освободителей в оккупантов.* Исторический факт освобождения страны (народа) замалчивается либо его значимость умалчивается. На первый план выдвигается проблема «захвата» советскими войсками территории страны. Освобождение интерпретируется как оккупация. Актуализируются «ужасы» советской оккупации. Таким образом, жертвам-освободителям приписывается ответственность и вина за события, в которых

они не участвовали. Подменяя факты и понятия, «перемещая» события во времени, создатели образа «жертвы-врага» пытаются переписать историю в своих интересах. Таким образом, они конструируют новую социальную и политическую реальность.

2. *Дискредитация подвига жертвы-героя.* Совершенный герой (героями) подвиг подвергается сомнению либо дискредитируется. Например, говорится о том, что в действительности никакого подвига и не было, либо о том, что ничего героического в поведении героя нет и т. п.

3. *Обесценивание факта жертвенности.* Попытка навязать мнение, что принесенная жертва была либо напрасной, либо не соразмерной достигнутым результатам. Например, говорится о том, что солдаты-освободители погибли по недоразумению, из-за некомпетентности своих командиров или защищая не те идеалы.

4. *Оспаривание числа погибших героев.* Умышленное занижение числа погибших либо замалчивание (забывание) самого факта гибели людей, места совершения подвига или места захоронения погибших.

Конструирование образа «абстрактной жертвы». Данный образ жертвы формируется на основе различных категорий реально или мнимо пострадавших людей. Например, «русскоязычное население Прибалтийских стран», «индейцы Северной Америки», «евреи», «выходцы из стран Ближнего Востока» (в европейских странах) и др. Абстрактность данной категории жертвы, с одной стороны, не позволяет конкретизировать предъявляемые претензии к реальному и мнимому посягателю, а с другой стороны, может использоваться как постоянный фактор давления на обвиняемую в посягательстве сторону. Например, во времена СССР Запад обвинял советское руководство в нарушении прав человека. Распался Советский Союз, сменилась политическая система России, но образ «абстрактной жертвы», права которой нарушаются, продолжает выполнять свою роль в межгосударственных отношениях. Универсальность «абстрактной жертвы» позволяет предъявлять те или иные претензии почти любому оппоненту или противнику.

Конструирование образа «жертвы по принадлежности». Для того чтобы оправдать посягательство на жизнь и жизненно важные ценности людей, принадлежащих к «низшей» социальной группе, требуются определенные теоретические обоснования и реальные факты. Иными словами, необходимо потенциальную жертву представить в виде врага, который даже самим фактом своего существования представляет угрозу «высшей» социальной группе. В теоретическом плане для этих целей обычно ис-

Г.И. Козырев

пользуются различные националистические и расовые теории, а также теории классовой борьбы, которые пытаются доказать превосходство одних наций, рас, классов над другими. Кроме того, чтобы обосновать правомерность посягательства «высшей» социальной группы на «низшую», необходимо убедить себя и своих сообщников, а также, по возможности, и других в том, что данная социальная группа представляет реальную или потенциальную угрозу для конкретной «высшей» группы и/или для других аналогичных групп. Например, фашистская пропаганда Германии времен Второй мировой войны обвиняла евреев в том, что они захватили ключевые позиции в экономике и бизнесе и тем самым ограничили возможности развития германской нации; марксистская теория классовой борьбы обвиняет буржуазию в нещадной эксплуатации наемных рабочих и считает, что она должна быть уничтожена как класс.

Процесс формирования образа жертвы по принадлежности происходит по принципу амбивалентности. «Низшая» социальная группа предстает как посягатель на жизненно важные ценности «высшей» группы, которая может позиционировать себя в качестве жертвы. Таким образом, происходит одновременное формирование и образа врага и образа жертвы, которая готова уничтожить своего «врага»: «Весь мир насилья мы разрушим...» Примером такой двойственной (амбивалентной) позиции может служить положение Израиля на Ближнем Востоке. Некоторые арабские страны и организации считают Израиль агрессором (врагом), а себя жертвой. Мнение Израиля (определенных его кругов) прямо противоположное.

Конструирование образа «жертвы-страны» (этноса, нации).

Когда какая-либо страна подвергается агрессии извне, то ее однозначно можно признать жертвой. Например, нападение фашистской Германии на Советский Союз. Но существуют ситуации, в которых факт агрессии (насилия) по отношению к реально или мнимо пострадавшей стране (этносу, нации) является не столь очевидным. Например, в вооруженном конфликте между сербами и косовскими албанцами (вторая половина 1990-х гг.) однозначно определить *агрессора* и *жертву* весьма непросто. Каждая противоборствующая сторона, опираясь на поддержку своей «косвенной стороны», стремилась доказать, что агрессором является ее противник. В этом конфликте благодаря стараниям США и НАТО косовские албанцы были признаны «жертвой» агрессии со стороны сербов. В результате «жертва» получила всестороннюю поддержку, а сербская часть Югославии подверглась жестокой бомбардировке.

Суть конструирования образа «жертвы-страны» заключается в том, что считающая себя жертвой (признанная другими в качестве таковой) страна получает определенное право на компенсацию полученного ущерба и/или на ответную агрессию (возмездие). Так, после терактов 11 сентября 2001 г. президент Буш заявил, что Соединенные Штаты стали жертвой агрессии международного терроризма и что отныне США имеют право на месть. Аналогичной, по сути, была реакция президента Путина на взрывы жилых домов в Москве и других российских городах (осень 1999 г.). Страны Прибалтики, а также Украина, Грузия, Польша пытаются представить себя жертвой советской (российской) оккупации и претендуют на определенные компенсации.

Сформированный образ «жертвы-страны» должен отвечать следующим требованиям:

- наглядно демонстрировать то, что страна (народ, нация) действительно подверглась целенаправленной агрессии, т. е. стала жертвой;
- идентифицировать посягателя (агрессора) и обличать его агрессивную сущность;
- показывать величину нанесенного посягателем ущерба (число погибших, пострадавших, количество утраченных ценностей, возможностей и др.);
- обосновывать свое право на компенсацию утраченного либо на «удар возмездия».

Конструирование образа «многофункциональной («универсальной») жертвы». Реальная жертва может изначально обладать несколькими, необходимыми для формирования «универсального» образа свойствами. Например, такими как героизм, трагизм, непричастность к конфликту, значительным числом понесенной утраты и др. Некоторые из этих и других свойств могут быть «приписаны» образу «жертвы» в ходе его формирования.

Конструирование образа многофункциональной жертвы можно проследить на примере деятельности американских СМИ и администрации Белого Дома по поводу произошедшего 11 сентября 2001 г. в США террористического акта.

Жертва-страна. После 11 сентября Буш сделал заявление о том, что отныне Соединенные Штаты имеют все основания наносить ответные удары по террористам в любой точке мира. Восприятие своей страны как жертвы агрессии сплотило нацию. Около 90% американцев выразили поддержку Бушу в его стремлении «наказать» виновников теракта¹⁰.

Г.И. Козырев

Жертва-трагедия. Суть образа «жертвы-трагедии», как уже говорилось, заключается в том, чтобы представить произошедшее событие как удар судьбы. Сконцентрировав внимание людей на трагизме попавших в ситуацию жертв и намерениях проявить заботу о пострадавших людях, администрация США вывела из-под критики и наказания своих сотрудников, отвечающих за безопасность страны. Популярность президента Буша, как уже говорилось, даже возросла.

Жертва-утрата. В процессе формирования образа «жертвы-утраты» на первый план выдвигаются количественные характеристики пострадавших. При этом чем большее количество людей стали жертвами конфликта, тем больше оснований имеет потерпевшая сторона для предъявления претензий к виновной в появлении жертв стороне. В результате теракта 11 сентября 2001 г. погибли 2750 мирных жителей. Это самый жестокий и кровавый теракт в истории США. Все это дает весомые основания для поиска и наказания виновников произошедшего события, т. е. для возмездия.

Жертва-герой. В событии 11 сентября были и свои герои, которые, рискуя своей жизнью, помогали другим. Имена героев выявлялись и множились. Их подвиги стали основанием для гордости и подражания. К шестой годовщине трагического события на месте гибели людей был построен мемориальный комплекс.

Каждый из видов многофункциональной жертвы играет свою роль в конфликте и в политических отношениях и в зависимости от потребностей создателей образа может актуализироваться в той или иной ситуации. В целом каждый из видов жертвы способствует формированию более основательного многофункционального образа жертвы.

Администрация Соединенных Штатов стремится с максимальной выгодой для себя использовать созданный образ многофункциональной жертвы. По мнению аналитиков, «она превратила 11 сентября в мандат вседозволенности. Наиболее вопиющий пример – война в Ираке»¹¹.

В целенаправленном конструировании образа жертвы огромная роль принадлежит средствам массовой информации. Современные СМИ и политические технологии, при наличии у заказчика соответствующих ресурсов и политического капитала, позволяют создавать виртуальные или не вполне реальные образы «жертв». Например, в последние годы, как уже говорилось, появились «жертвы советской оккупации», «жертвы голодомора» и др. Общественному мнению навязывается искусственно созданный

образ жертвы. Будучи ежедневно воспроизводимым, виртуальный образ начинает восприниматься как реальный.

Образ «жертвы» в нашем контексте предполагает выполнение следующих функций в реальном и потенциальном конфликте и в повседневной жизни:

- идентификация людей на основе их отношения к «жертве»;
- создание образа врага, который либо непосредственно повинен в посягательстве на жертву, либо имеет к этому посягательству косвенное отношение. Например, реальный враг отождествляется с прошлым врагом, с тем, который непосредственно повинен в появлении жертвы;
- консолидация людей на борьбу с идентифицированным противником;
- воспитание «новых героев», готовых пожертвовать собой ради достижения неких стратегических или тактических целей и ценностей в реальном и потенциальном конфликте;
- детерминация поведения людей в критической ситуации. Например, в один из самых критических периодов в Великой Отечественной войне, летом 1942 г., в СССР были учреждены ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского как пример доблести, героизма и готовности к самопожертвованию ради защиты достоинства и независимости своей Родины;
- образ «жертвы» становится элементом культуры, вокруг которого формируются свои ритуалы, обычаи, традиции.

Социальная и инструментальная значимость «жертвы» и ее образа в социальных и политических отношениях и в конфликте зависит от следующих факторов: масштаба события, в котором появилась жертва; величины понесенной утраты; масштаба задач, которые решала жертва в своей жизнедеятельности, или задач, которые стремится решить конструирующая образ жертвы сторона конфликта; числа приверженцев данной «жертвы»; актуальности проблемы, которую решает жертва для конкретного социума в определенный момент времени; актуализации значения жертвы в СМИ.

В реальном конфликте по количественным, качественным и другим показателям «жертвы» определяется «цена» самого конфликта, морально-нравственная мотивация конфликтных действий, понесенные каждой стороной потери, мера наказания за причиненный ущерб, отношения между бывшими противниками. Кроме того, существенное значение имеет интерпретация событий, связанных с появлением «жертвы» и конструируемый «образ» жертвы как один из способов позиционирования (иден-

Г.И. Козырев

тификации) субъектов в социальном и политическом пространстве. Так, в принятом Генеральной Ассамблеей ООН в 2003 г. «Совместном заявлении» голод в 1930-е годы на территории СССР был назван не геноцидом, а трагедией украинского народа. Однако в ноябре 2006 г. Верховная рада Украины признала голодомор геноцидом. 6 декабря 2006 г. Польский сейм также признал голод на Украине геноцидом украинцев. Вслед за Польшей аналогичные «признания» сделали: Конгресс США, парламенты Грузии, Литвы, Венгрии и некоторых других стран¹². Таким образом, в настоящее время и на самой Украине, и на международной арене развернулась политическая борьба за то, как квалифицировать произошедшую в 30-е годы прошлого столетия на территории СССР трагедию.

Выход из создавшейся конфликтной ситуации может быть найден, если российская сторона предпримет ответные действия по выявлению реального количества невинно замученных людей как на территории Украины, так и в других регионах бывшего СССР, где происходили аналогичные события.

Представленная в данной статье концепция конструирования «жертвы» в социальных и политических отношениях и в конфликтах, на наш взгляд, может оказать теоретико-методологическую и практическую помощь в урегулировании конфликтных ситуаций, возникающих по поводу конкретных и мнимых «жертв».

Примечания

- 1 *Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы. М.: Изд-во Эксмо, 2006.
- 2 *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций юридического факультета Брюссельского университета. М., 2000. С. 346–347, 507–511.
- 3 *Шестопал Е.Б.* Политическая психология: Учебник для студентов вузов. 2-е изд. М., 2007. С. 352–353.
- 4 *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Akademia-Центр, Медиум, 1995. С. 92.
- 5 Там же.
- 6 *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике: Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. С. 59.
- 7 *Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч. С. 259–260.
- 8 Там же. С. 103.

- ⁹ Там же. С. 102.
- ¹⁰ *Ольшанский Д.В.* Психология террора. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический Проект, 2002. С. 68–69.
- ¹¹ *Стуруа М.* Кто звонит по 9/11 // Московский комсомолец. 2007. 11 сент. С. 4.
- ¹² *Мастерков В.* Польша – ходатай «голодомора» // Московские новости. 2007. 19–25 янв. (№ 01–02). С. 5.

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена оценке состояния гражданского общества в России и анализу работы его трех важнейших институтов: общественных организаций, профсоюзов и политических партий. Проводится анализ направлений и особенности деятельности некоммерческого сектора в России; рассматриваются трудности работы независимых профсоюзов при агрессивной политике Федерации Независимых Профсоюзов России; прослеживается динамика развития многопартийности в России и оценка роли политических партий в общественном сознании.

Ключевые слова: гражданское общество, общественные, некоммерческие организации, профсоюзы, политические партии.

С начала XXI в. на Западе и в России наблюдается оживленная дискуссия о «социальном государстве», которое характеризуется наличием системы защиты жизненных интересов большинства населения.

Решение социального вопроса во многом зависит от состояния общественной морали. Жизнь опровергла утверждение, что государство становится социальным в результате достижения определенного уровня экономического развития, а не в результате принятия определенных политических решений¹.

Дискуссии о социальном государстве не прерываются и в силу того, что в государственном управлении в большинстве развитых стран постоянно идет смена неолиберальных, неоконсервативных и социалистических подходов, связанная с чередованием у власти различных политических сил. В нынешнюю эпоху глобализации многие склоняются к мысли, что фактически различия между этими подходами нивелировались, так как все они подразумевают социальные гарантии для населения, обеспечение безопасности

и т. п. Более того, на национальном уровне развитые страны эти вопросы во многом решили.

Соответственно эпоха глобализации ставит перед этими странами новую задачу – помочь решить социальные проблемы странам третьего мира, т. е. обеспечить их осуществление в мировом масштабе.

Россия находится в особом положении. Несмотря на то, что Российская Федерация провозглашена в ст. 7 Конституции РФ социальным государством, большинство экспертов едины во мнении, что пока в государственной политике России отсутствует долгосрочный социальный компонент, подразумевающий удовлетворение запросов общества в целом². Мы не будем подробно останавливаться на социальных проблемах России, эти вопросы достаточно освещены в специальной литературе.

Задачи социального государства решаются посредством институционализации социального контракта между государством и **гражданским обществом**, а именно – между государством, работодателями, профсоюзами, общественными ассоциациями и неправительственными организациями³. Гражданское общество в этой модели стало рассматриваться как самоорганизованное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не давать всему обществу быть подверженным единственному стремлению – получению рыночной прибыли.

Социологические опросы показывают, что в России многие воспринимают понятие «гражданское общество» очень широко. В их представлении гражданское общество – это не столько конкретные общественные организации (ветеранские, женские, молодежные, правозащитные, благотворительные и др.), сколько особый способ социального существования людей, основанный на разуме, свободе, праве и демократии⁴. Его отсутствие исключает демократический порядок экономической и политической жизни. Именно гражданское общество создает реальную возможность для самореализации личности и человеческих коллективов, устанавливает оптимальную меру вмешательства государства в экономический, социальный и духовный процесс.

Особую роль в становлении социального государства на Западе сыграли институты гражданского общества: общественные организации, в первую очередь профсоюзы, и политические партии.

Именно влияние партий социал-демократического толка и деятельность сформированных ими правительств смогли перевести социальное государство из области политического дискурса в политическую реальность. И сегодня в Европарламенте социалистические и социал-демократические партии формиру-

Н.М. Великая, А.А. Голосева

ют одну из ведущих фракций, в которую входит 232 депутата (27% от общего числа мест в Европарламенте) от 20 социал-демократических, социалистических и рабочих партий⁵.

Россия, как и весь остальной мир, является участником процесса глобализации. Несомненно, что экономическая составляющая в России вовлечена в этот процесс больше, чем политическая. Россия в настоящее время выстраивает свою внешнюю политику, пытаясь сохранить стопроцентный политический суверенитет. Это сделать очень трудно, учитывая, что практически все страны, по мере вхождения в глобализационные процессы, уступают часть своего политического суверенитета глобальным институтам.

В западных обществах влияние процессов глобализации на жизнь конкретного человека проявляется, в частности, в том, что человек, независимо от того, живет ли в мегаполисе или маленьком городке, имеет возможности коммуникаций, передвижения по всему миру и т. д. В России такие возможности имеет лишь определенная часть жителей крупных городов, остальная часть населения живет в абсолютно локальном, патриархальном обществе. Стоит вспомнить идею академика Львова о том, что существуют две России: богатая Россия, которая составляет 15–17% населения и пользуется 92% богатств страны, и Россия бедного большинства, на долю которого приходится лишь 8% народного достояния⁶.

Транснациональные корпорации, определяющие состояние современной экономики, приживаются на любой социальной почве, даже на самой архаичной. Им не нужно всеобщее социальное благополучие, им не требуется модернизировать общество. Их вполне устраивает такое положение вещей, когда, наряду с оазисами экономического и социального прогресса, существует периферия, периферийный капитализм в вечном состоянии догоняющего развития.

В то же время и в нашу страну пришло осознание того, что в условиях глобализации единственным источником творческого созидания является человеческая личность, конкретный гражданин, и это заставляет выдвинуть заботу о human resources (человеческих ресурсах) на первый план. Новый для российского общества акцент на конкурентоспособность государства, экономики и – главное – человеческой личности рожден осознанием ведущей роли свободной инициативы самостоятельного гражданина в эру информационного общества, необходимости создания возможностей для реализации его деловых, интеллектуальных, культурных, благотворительных и иных гражданских инициатив⁷.

Государство должно активно способствовать созданию и развитию институтов гражданского общества, поддерживать все разумные законодательные и организационные инициативы, создающие для общественных организаций, гражданских объединений, для всего так называемого третьего сектора режим максимального благоприятствования.

Проанализируем состояние трех основных институтов гражданского общества в современной России – общественных организаций, профсоюзов и политических партий, с точки зрения их участия в построении гражданского общества в стране.

Общественные организации

В наиболее передовых странах власть очень тесно и активно взаимодействует с общественными организациями, профессиональными ассоциациями, с «сетевым сообществом». Эти организации постепенно вытесняют и замещают государственные институты. Им делегируется часть полномочий, в том числе в социальной сфере. Именно это придает современному обществу демократичный характер и исключает политическое господство рыночной олигархии.

Это – новая важнейшая закономерность развития глобальных процессов: роль институтов гражданского общества становится не просто важным, но и решающим фактором политического, экономического и научно-технического развития страны.

В западноевропейских странах сеть некоммерческих организаций осуществляет многообразную деятельность в области социальных услуг населению (поддержка инвалидов и престарелых, образование, культура, защита окружающей среды и т. п.). Выпуск продукции и оказание услуг некоммерческими организациями достиг весьма внушительного объема (сегодня он составляет от 4% ВВП в Германии и Испании до 15% в Нидерландах). Некоммерческие организации в лице торгово-промышленных палат и ассоциаций производителей всё более активно участвуют в регулировании процессов производства и распределения материальных благ. «Третий сектор», объединяющий всё многообразие некоммерческих организаций (НКО), становится важным источником социальных инноваций, которые после успешного апробирования превращаются в часть государственной политики (примером могут послужить реабилитационные программы для детей-инвалидов, кризисные центры для пострадавших от насилия и т. п.).

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

На решение этих задач основные средства формируются за счет частных пожертвований. Так, в США за последние 40 лет объемы пожертвований выросли с 70 млрд до 250 млрд долл. Примечательно, что большинство этих пожертвований идет не от корпораций, а от простых граждан. Из собранных в США в 2004 г. 248 млрд долл. 75% было пожертвовано гражданами и менее 5% – корпорациями. При этом более 70% американцев жертвуют хотя бы один раз в год, в Германии – более 50%, а в Великобритании более 57% жертвуют хотя бы раз в месяц.

Эти негосударственные расходы не только намного превосходят все государственные российские расходы на аналогичные сферы деятельности, но и весь бюджет нашей страны.

Некоммерческий сектор выполняет важную социально-психологическую функцию, с помощью своих сотрудников и добровольцев активно вовлекая в экономическую деятельность социально уязвимую часть населения (инвалидов, родителей детей-инвалидов, безработных женщин старших возрастов и т. п.). Наконец, некоммерческий сектор вносит вклад в повышение качества решений в социальной области, принимаемых органами государственного и муниципального управления, а также в усиление общественного контроля над их реализацией и деятельностью бизнеса, в первую очередь со стороны ассоциаций потребителей и экологических организаций.

Все более очевидным становится возрастание влияния некоммерческих организаций (НКО) в международных отношениях. Не случайно повышение качества «третьего сектора» стало одним из основных требований, предъявляемых к странам – претендентам на вступление в Европейский союз.

Низовая инициатива, решающая повседневные проблемы жизни людей, – это и есть демократия. Именно она требует ответственности государства перед своими гражданами и ответственности граждан за благополучие своего государства. Именно она освобождает население от иллюзий патернализма. Именно она воспитывает массовый социально-психологический тип гражданина, а не подданного.

В России также становится очевидной необходимость поддержки гражданских инициатив независимого, негосударственного, некоммерческого сектора.

Надо отметить, что в нашей стране гражданскому обществу всегда приходилось завоевывать свои права в тяжелой борьбе с косностью и инертностью бюрократии. Весь прошлый век общественные организации влачили жалкое существование.

У нас сегодня принято ругать 1990-е годы. И все мы знаем – есть за что! Но в то же время нельзя не видеть, что в эти годы возникло и начало развиваться множество общественных объединений, ставших ростками молодой российской демократии. Именно общественные организации помогли людям преодолеть «синдром потери будущего», о котором так много ныне говорят футурологи и фантасты. Более того, общественные инициативы напрямую содействовали стратегии выживания и социальному самосохранению людей.

Теперь ситуация меняется – наши граждане активно осваивают возможности свободной самоорганизации, учатся отвечать за собственную жизнь и жизнь других людей. Однако процесс этот довольно противоречив.

Число некоммерческих организаций в Российской Федерации на 1 января 2007 г. составляет 738 146 или, исключая органы государственной и муниципальной власти, 673 019. Эти данные отличаются от цифр, которыми располагает Федеральная регистрационная служба (ФРС). По данным на 1 декабря 2007 г., число НКО, состоящих на учете в ФРС и ее территориальных органах, составляло 243 130 организаций. За 7 месяцев 2007 г. территориальными органами ФРС принято 37 560 заявлений о государственной регистрации НКО (за 2006 г. – 32 000) и вынесено 6845 решений об отказе в регистрации (что составляет 15,4% от общего числа решений о государственной регистрации)⁸.

Основу третьего сектора составляют организации, существующие уже довольно длительное время: 56% из них активно работают более 10 лет, 77% – более 5 лет. Сейчас этот сектор расширяется в основном за счет освоения новых организационно-правовых форм.

В общей структуре организационно-правовых форм НКО (за исключением учреждений) преобладают общественные и религиозные организации (49,9%) и потребительские кооперативы (23,9%), тогда как другие типы представлены значительно меньшим числом организаций. Наименьшее число таких структур – среди организаций территориального общественного самоуправления (0,4%). Анализ структуры некоммерческого сектора за несколько последних лет говорит о том, что доля общественных и религиозных организаций сократилась, а доля других форм – фондов, общественных движений, автономных некоммерческих организаций и некоммерческих партнерств – возросла, в том числе в связи с изменением законодательства.

Главными сферами деятельности НКО, как и в предыдущие годы, являются образование и наука (32%), культура и спорт

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

(27%)⁹, а также здравоохранение и работа профсоюзов и профессиональных организаций. Также образовательной деятельностью занимаются около половины НКО (46%), подавших заявки в Общественную палату Российской Федерации для участия в конкурсе на получение грантов¹⁰.

Информированность граждан о существовании некоммерческих объединений остается на очень низком уровне.

Таблица 1

**Знаете или слышали ли Вы что-либо о деятельности некоммерческих (общественных) организаций в Вашем регионе?
(% от числа опрошенных)**

Источник: Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2007 г., с. 4.

Как мы видим, более половины россиян (55%) ничего не знают и не слышали о деятельности некоммерческих организаций в своем регионе.

По данным опроса Фонда «Общественное мнение»¹¹, свыше трети россиян (35%) заявили, что впервые услышали выражение «некоммерческая организация» в ходе интервью, и только каждый пятый респондент сообщил, что знает это словосочетание. Лишь менее четверти граждан (22%) считают, что в России существуют и развиты независимые организации. На вопрос, развиты ли в стране независимые средства массовой информации, положительные ответы дали 49% всех опрошенных (отрицательно ответили 33%).

Таким образом, информированность граждан о том, что такое некоммерческая, общественная организация, и типах подобных организаций остается неудовлетворительно низкой и неизменной на протяжении последних нескольких лет, несмотря на увеличившееся количество публикаций в средствах массовой информации и деятельность общественных палат и советов разных уровней.

Интересно отношение граждан к деятельности некоммерческих организаций.

В общественном мнении деятельность НКО воспринимается прежде всего как правозащитная. Хотя такое же число респондентов считает, что деятельность НКО вообще не заметна и не важна для большинства граждан.

Дополняет картину несформированности общественного мнения о деятельности НКО ответ на вопрос фонда «Общественное мнение» о том, приносит ли эта деятельность позитивный результат самим опрошенным. Большая часть (56%) не смогла дать какой-либо ответ. Остальные ответы распределились почти поровну: 19% посчитали, что никакой пользы нет, а 25% – что польза, большая или меньшая, все-таки есть.

Несомненно, что только гражданские ассоциации могут стать катализаторами социального партнерства в общественных отношениях, к которому мы пока безуспешно стремимся.

В настоящее время представители госорганов и органов местного самоуправления уже начали воспринимать гражданские организации как реальную силу и готовы цивилизованно работать с ними. Но этот факт пока не надо переоценивать.

Влияние общественных организаций может быть столь велико, что позволяет некоторым исследователям утверждать, что «проявления деятельности институтов гражданского общества могут стать дестабилизирующим фактором в политической и экономической жизни государств»¹². Институты гражданского общества могут стать инструментом или механизмом влияния политических и финансовых кругов. Особое значение эти тен-

Н.М. Великая, А.А. Голосева

денции приобретают в условиях снижения авторитета и доверия к официальным представителям власти, к институтам демократии и попыток каких-либо влиятельных сил дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию, вызвать политический кризис.

Таблица 2

**С какими суждениями
о роли и деятельности некоммерческих организаций
Вы согласны, а с какими нет?
(% от числа опрошенных)**

Источник: Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2007 г., с. 5.

В современном обществе некоммерческий гражданский сектор, включающий добровольные союзы и благотворительные фонды, становится важной отраслью экономики. Например, в Германии труд в общественных организациях разного рода эквивалентен полной занятости более миллиона человек.

Но есть и серьезные проблемы. Анализ, проведенный Общественной палатой и другими экспертными структурами, показывает, что в связи с усложнением регистрации и отчетности организационные затруднения и расходы некоммерческих организаций существенно увеличились. Особенно это коснулось небольших организаций, не располагающих квалифицированными юристами и бухгалтерами.

Данные, поступающие в режиме мониторинга за весну–осень 2007 г., уже свидетельствуют о некотором сокращении «третьего сектора», о продлении сроков регистрации и перерегистрации, о других трудностях.

Многие лидеры общественных организаций жалуются на то, что власть активно поддерживает их инициативы только на словах, не оказывая никакой конкретной помощи и не допуская общественников на свое поле деятельности¹³.

В ходе избирательной кампании 2003–2004 гг. в адрес власти то и дело раздавались упреки в «декоративности» независимых гражданских институтов, пропагандистском характере сближения государства и неправительственных организаций.

В 2004–2005 гг. администрацией был предпринят ряд шагов, направленных на изменение ситуации: был создан Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, принят Закон и сформирована Общественная палата России, выделено 500 млн рублей на финансирование институтов гражданского общества с 2006 г., увеличено финансирование партий и усилена их роль в политической системе страны и т. д.

Можно подвести некоторые итоги. До недавнего времени большинство российских общественных организаций финансировались различными международными фондами. Профильные организации пытались получить гранты по направлению своей деятельности. Необходимо было поддержать и снять отечественные общественные организации с западного финансирования. С этой целью и была создана Общественная палата, которая выступает в качестве российского грантодателя. Результаты работы палаты положительны, но пока не очень значимы. Например, в 2006 г. Общественная палата даже не смогла освоить выделенных ей 500 млн рублей – не было одоб-

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

рено достаточное количество проектов. В 2007 г. на гранты выделено еще больше средств.

Общественная палата на данный момент выполнила одну довольно сложную задачу – эта организация и эксперты, работающие в ней, завоевали хорошую репутацию. Положительным принципом их работы является ротация членов каждые полгода.

Можно выделить следующие особенности функционирования в Российской Федерации общественных организаций.

Первое. Наиболее активные и развитые из них связаны с защитой прав потребителей: обманутых дольщиков, обманутых вкладчиков и т. п. Как это можно объяснить? В России активно заработали рыночные институты. Взаимодействуя с ними, человеку все чаще приходится искать защиту в суде. Так как чаще всего суды либо не находят решения, либо решения принимают не в пользу обманутого, люди не видят другого пути, кроме как объединяться для защиты своих интересов. Это действительно эффективный путь. Мы видим, что движение дольщиков жилья принудило администрацию обратить внимание на проблему и сдвинуть что-то с мертвой точки.

Второе направление, которое нельзя недооценивать. Большое влияние за последние 3–4 года приобрели общественные организации, защищающие права военнослужащих. Создана система, которой можно жаловаться и добиться результата. Жалобы внутри самой системы (в Минобороны или нижестоящие ведомства) совершенно бесполезны. А вот «Солдатские матери» добились, что дело рядового Сычева было расследовано, и виновные были обнаружены и наказаны.

Третье направление: благотворительные организации, особенно оказывающие помощь нуждающимся детям, детским домам. Многие ими делается по инициативе рядовых граждан. Следует отметить и конфессиональные благотворительные организации.

Четвертое направление – лоббистские отраслевые общественные организации разного уровня и масштаба, их работа с каждым годом становится все более эффективной: торгово-промышленные палаты, зерновые союзы, союзы нефтяников и газовиков. Некоторые из них воспринимаются в обществе как часть истеблишмента, но также они являются частью общего институционального дизайна. Так, Ассоциация игрового бизнеса показала свою эффективность, сумев обернуть в свою пользу закон об игровом бизнесе. Это, конечно, негативный пример, но показательный.

Положительная динамика в развитии общественных организаций, безусловно, видна. Однако пока государство оказывает им

недостаточную поддержку, а иногда и открыто препятствует гражданским инициативам. Необходимо принятие целого ряда законопроектов, связанных с упрощением регистрации, отчетностью и налогообложением НКО.

Профсоюзы

Современное профсоюзное движение в Российской Федерации характеризуется агрессивными действиями Федерации Независимых Профсоюзов России (ФНПР) по полной его монополизации. Профсоюзы субъектов Российской Федерации доведены до уровня «филиалов». Практически вся профсоюзная собственность была приватизирована. Приватизация прошла в 2004–2005 гг., по мнению многих, с грубыми нарушениями закона. Именно собственность, а не профвзносы, является основным источником доходов ФНПР. Кстати, новые профсоюзы какой-либо собственности лишены.

За последние годы в стране созданы несколько сотен новых межрегиональных профсоюзов, не входящих в ФНПР. Самые активные: Российский профсоюз работников среднего и малого бизнеса, Общероссийское объединение профсоюзов «Единение». С ними ведется довольно жесткая борьба. Постоянно появляются сообщения в прессе о нападениях на лидеров независимых профсоюзов.

У российских профсоюзов сейчас действительно очень сложный и противоречивый период становления. Не стоит напоминать, что из социализма профсоюзы вышли как «школы коммунизма» и распределители путевок. Ни наемный работник, ни профсоюз не были готовы к поведению на рынке.

Ситуация усугублялась еще и тем, что в России никогда не было полноценного рынка труда, и отношения работника с работодателем носили преимущественно патерналистский характер. Новые роли и новые ситуации были просто неизвестны ни работнику, ни работодателю. Они не были известны и государству. Не зная о том, как в условиях рынка работают социальные инструменты найма, государственные органы по труду часто уклоняются от предписанных законом обязанностей или «играют» на поле работодателей. А профсоюзы привычно идут во след «партии власти», которая сегодня имеет ярко выраженную правоцентристскую ориентацию, в то время как естественными политическими союзниками профсоюзов являются левые и левоцентристские силы.

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

Приходится признать, что социальная политика государства в нашей стране больше обслуживает интересы работодателей, чем работников. Наличие Трудового кодекса автоматически не решает все проблемы взаимоотношений между предпринимателями и наемными работниками.

Последние изменения трудового законодательства фактически лишают рабочих права на забастовки и сильно занижают их права при возникновении трудовых конфликтов. Работодатель практически безнаказанно может уволить любого старого или неудобного работника. Все больше препятствий возникает на пути деятельности независимых профсоюзов. При сохранении такой тенденции безработицы может и вообще не быть, но положение наемных работников будет близко к положению крепостных.

Как показывают опросы, бездействие государства в сфере трудовых отношений воспринимается людьми более болезненно, чем сами перемены в этих отношениях. Не имея опыта регулирования социальных взаимодействий конфликтного характера мирным путем, государственные органы по труду часто уклоняются от предписанных законом обязанностей.

Отношения на российском рынке труда сейчас соответствуют раннекапиталистической стадии, для которой характерна почти полная зависимость работника от работодателя. Трудовое право не создает правовой защищенности первого.

Сейчас практически нет никакого серьезного противовеса интересам крупного капитала и связанной с ним государственной бюрократии.

Наверное, главная проблема взаимоотношений работника и работодателя – заработная плата, доля которой в валовом национальном продукте остается слишком низкой (47,5%), т. е. на уровне 1980-х годов, тогда как в экономически развитых странах она составляет 70% ВВП.

По данным Федерации европейских работодателей, Россия находится на последнем месте по величине минимального размера оплаты труда среди европейских стран. Первое место занимает Люксембург, где этот показатель в 77 раз выше, чем у нас.

Главный потребитель зарплат – работник наемного труда в частном секторе. Ему необходим полноценный механизм заключения трудовых договоров. Ничего нового рынок труда пока не «придумал». Без крепких профсоюзов этот механизм работать не будет.

Можно сделать вывод, что профессиональные союзы как важнейший институт гражданского общества сегодня свою главную задачу – защищать людей наемного труда от всех превратностей

рынка труда, представлять их интересы в отношениях с работодателями, способствовать развитию деловой этики и т. д. – не выполняют.

Существует мнение, что незрелость профсоюзного движения объясняется общей несформированностью рыночной системы. Как только все устоится, действенные профсоюзы возникнут с неизбежностью, как и все прочие рыночные формы, а государство должно лишь законодательно оформить то, что будет «подсказано живым творчеством масс».

Есть и другое мнение: механизм социального партнерства на рынке труда надо создавать и отлаживать. И государство должно взять это на себя.

Речь идет о трехсторонней модели социально-партнерских отношений, когда государство, профсоюзы и работодатели заключают Генеральное соглашение, регулирующее вопросы в области экономической политики, занятости населения и условий жизни, защиты трудовых прав и экологической безопасности. На первый взгляд, здесь нет особых проблем – представители наемных рабочих и служащих (профсоюзы) и работодателей (союзы предпринимателей), а также государства подписывают контракт, определяющий взаимоотношения сторон в общественном развитии и социально-трудовых вопросах. Однако реалии социально-экономической жизни и трудовых отношений свидетельствуют о том, что все эти трехсторонние договоренности не более чем имитация социального партнерства. Работодатель видит в работнике простой элемент производственных издержек и часто вообще не считается с трудовым законодательством. Ему легче и выгодней договориться с местной властью. Ни для кого не секрет, что в подавляющем большинстве предприятий и компаний социально-трудовые отношения складываются стихийно, а многие государственные решения в области социально-экономического развития принимаются без учета интересов работников. Эта проблема коренится в том, что данная модель социального партнерства безнадежно устарела. Современные профсоюзы, утратившие монополию на выражение интересов трудящихся, не в состоянии обеспечить эффективного контроля гражданского общества над действиями власти и бизнес-сообщества.

Выход из этой ситуации нам подсказывает международный опыт, в соответствии с которым представительство интересов «работополучателей» в трехсторонних соглашениях осуществляют не только профсоюзы, но и другие виды некоммерческих организаций – правозащитных, природоохранных, ветеранских, молодежных и др. (в лице общественных палат, ассоциаций и

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

конгрессов общественных объединений). Увеличение состава участников социального партнерства расширяет спектр вопросов, решаемых в рамках партнерства, а также повышает актуальность достигнутых соглашений в глазах широкой общественности, средств массовой информации.

Политические партии

Роль партий в жизни современного демократического общества не подвергается сомнению. Именно многопартийность позволяет протекать политическому процессу в конкурентных формах, обеспечивает функционирование механизма смены и рекрутации политических элит. Легальная многопартийность обеспечивает плюрализм мнений и представительство разнообразных интересов, в том числе в представительных и законодательных органах власти, составляет основу стабильности политической системы современного западного общества.

В России партии вообще долгое время не рассматривались как реальные участники политического процесса ни обществом, ни тем более правящей элитой.

Российские граждане в массе своей равнодушны к партиям, не доверяют партийным лидерам, избегают членства в политических партиях. Пока для населения роль и значимость партий невелика. Рейтинги доверия к политическим партиям традиционно очень низки. Более трети (35%) наших сограждан считает, что без парламента вполне можно было бы обойтись (ФОМ, 15 октября 2005 г.). И это – показатель реальной ситуации в стране. Эта реальность в том, что доминирующий центр власти в России – это власть исполнительная, что успех реформ здесь всегда зависел от силы и эффективности власти, которая всегда в России выступала главным инициатором социальных и политических изменений.

В чем же причина «партфобий» российских граждан, если не считать отсутствия в стране демократических традиций и общего низкого уровня политического участия населения?

В России, где отсутствуют демократические традиции, неглубоки и традиции многопартийности. Партстроительство в России долгие годы было верхушечным, номенклатурным и искусственным. Все партии были сформированы сверху, в результате деятельности отдельных политических фигур, часто занимающих определенные позиции в исполнительной, реже в законодательной власти. Формирование же региональных и ме-

стных отделений являлось следствием договорного процесса на федеральном уровне. Особую роль в этом процессе играли так называемые партии власти, партии администрации как федерального, так и регионального уровня («Наш дом – Россия», «Отечество – вся Россия», «Единство»).

Нынешняя российская многопартийность далека от совершенства, однако России удалось пройти длинный путь от супермногопартийности первой половины 1990-х годов, от пестроты политических образований до относительной устойчивости политического спектра и политического ландшафта последних лет. Но и в настоящее время партстроительство продолжает оставаться верхушечным и номенклатурным и во многом зависит от воли бюрократии. Ныне же действующая партия власти – «Единая Россия» – приобрела невиданное доселе влияние.

Курс на ограничение мультипартийности, начатый при президенте Путине, привел к сокращению количества реальных игроков на политической сцене, к укрупнению партий и к усилению роли политических партий в российской политической системе.

Таблица 3

**Количество политических партий,
принимавших участие в выборах
в Государственную Думу Российской Федерации**

	1995	1999	2003	2007
Количество партий	111	64	30	14

Источник: Мониторинг «Как живешь, Россия?» ИСПИ РАН, руководитель проекта – Левашов В.К.

Сегодня можно выделить несколько групп политических партий.

Первая группа – это парламентские партии, активно участвующие и в региональных избирательных кампаниях, и преодолевшие проходной барьер на думских выборах 2007 г. – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». Особое место здесь занимает «Единая Россия», обладающая большинством в Государственной Думе.

Вторая группа – партии, имеющие шанс стать членами парламента и продолжающие деятельность в ряде регионов (Союз правых сил, «Яблоко»).

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

Третья группа – партии, у которых нет шансов пройти пере- регистрацию и которые вынуждены будут присоединиться к другим более крупным партиям (Аграрная партия, Партия социальной справедливости, Партия возрождения России, Патриоты России).

Курс на снижение многопартийности в целом отвечает запросам российского общества. Во многом сокращение численности партий – естественный процесс для России, и связан он в первую очередь с тем, что социальной базы для столь огромного количества партий в России нет и быть не может.

Таблица 4

**Сколько партий необходимо России?
(% от числа опрошенных)**

	2001	2004	2005	2006	2007
Одна сильная партия	34	34	38	32	30
Две или три	41	44	39	42	46
Несколько не очень больших партий	4	6	4	5	7
В партиях вообще нет необходимости	8	6	7	7	6
Затрудняюсь ответить	13	10	12	14	13

Источник: Мониторинг «Как живешь, Россия?» ИСПИ РАН, руководитель проекта – Левашов В.К.

В отличие от Европы, в России нет ни потребности, ни опыта создания партийных коалиций, однако курс на сокращение числа политических партий стимулировал объединительные процессы, особенно после принятия закона, который запрещает создание коалиций между партиями на выборах. В 2001 г. путем объединения «Единства» (пропрезидентская партия) и «Отечество – вся Россия» (региональные лидеры) была образована партия «Единая Россия». В 2006 г. партия «Справедливая Россия» была образована путем слияния партии «Родина», Российской партии пенсионеров и Партии жизни.

Однако данные процессы имеют и обратную сторону. По сути, идет вытеснение малочисленных, немажоритарных партий из избирательного процесса, в том числе на основе ужесточения за-

конодательства. Согласно последней версии «Закона о политических партиях» партия должна иметь не менее 50 тысяч членов, не менее 200 региональных отделений, а в половине субъектов Федерации количество членов региональных организаций должно быть не менее 500 человек.

Дело здесь даже не столько в новом избирательном законодательстве, которое ограничивает количество парламентских партий и усложняет процедуры создания и регистрации политических партий, сколько в особенностях его применения. Жесткие требования к сбору подписей позволяют предъявить претензии и снять с регистрации любую партию, но снимаются в первую очередь потенциальные соперники.

По сути, исполнительная власть, получила эксклюзивное право решать, кого допускать к выборам представительной власти, особенно на региональном уровне. Выборы в региональные и муниципальные органы власти последних лет дали нам массу примеров, демонстрирующих не всегда адекватную и законную реакцию действующей администрации на появления реальных конкурентов для «Единой России».

Наиболее показательный случай – снятие в 2005 г. с выборов в Московскую городскую Думу и в Челябинской области Российской партии пенсионеров, которую подвергли остракизму после ряда успехов в некоторых регионах (в Томске, например, партия пенсионеров опередила «Единую Россию»). В 2007 г. с предвыборной гонки в Вологодской и Самарской областях был снят Союз правых сил; в 2008 г. – в Якутии сняли «Справедливую Россию».

Обращение в суд в таких случаях малоэффективно, так как практика показывает, что судебные дела по выборам закрываются. Политический процесс превращается в имитацию, а выборы превращаются в псевдоконкурентную борьбу.

Новое избирательное законодательство, призванное усилить партийную деятельность на местном и региональном уровне, вызвало к жизни скорее курьезные ситуации, когда в «партию власти» стали загонять насильно. Российская пресса полна свидетельств того, как в «Единую Россию» вынуждали вступать чиновников, студентов и курсантов военных училищ.

Избирательная власть регионов по-прежнему выступает как режиссер выборов: продолжается формирование так называемых губернаторских списков, бренды политических партий используются для того, чтобы провести своих людей в законодательные собрания, имеют место манипуляции с границами избирательных округов, чтобы обеспечить преимущество кандидатам

от «своих» партий. На региональном уровне активно использовались технологии развала партий, снятия с выборов «неудобных партий», каковыми выступают наиболее вероятные конкуренты. Наконец, очевидна и информационная блокада для партий, которые неудобны региональной власти.

В сущности, избирателю в который раз демонстрируют, что партии – лишь объект политических манипуляций. Административное вмешательство региональных властей во внутрипартийную жизнь по определению не может привести к позитивным результатам.

Подобная практика, направленная на сокращение численности партий, участвующих в избирательном процессе, понижает уровень политической конкуренции, что в конечном итоге может привести и к постепенной утрате легитимности власти, так как все новые и новые группы граждан лишаются представительства только потому, что их менее 7, 8 или 10%. Отсутствие вариативности в законодательных палатах (любого уровня) неизбежно ведет к деградации законодательной власти, вырабатывающей стратегические для страны (региона, города) решения.

Последствия могут быть губительны и для общества. При отсутствии привычки голосовать и вообще участвовать в политической жизни, бороться за свои интересы – подобные ограничения порождают патернализм и иждивенчество, стремление переложить на государство ответственность за все и снять ответственность с себя.

Итак, можно сделать вывод, что политические партии пока остаются действительно слабыми и неэффективными институтами гражданского общества. Их влияние на власть весьма и весьма ограничено. При этом общество, граждане не осознают и не рассматривают деятельность партий как полезную и нужную обществу. И хотя деятельность партий в сфере поддержки разнообразных гражданских инициатив постоянно расширяется, они не столь заметны рядовым гражданам. Кстати, учитывая уровень жизни и заработной платы, российское общество скорее должно склоняться к левым политическим организациям. При этом социальная проблематика практически никак не отражена в партийных программах, а одни и те же лозунги гражданского общества, правового государства, демократии с успехом используются различными политическими группами. Отсюда – и слабость программных положений многих партий, их декларативность, нереальность.

Таким образом, в публичном дискурсе последних лет оценка уровня развития гражданского общества претерпела существен-

ные изменения. Если 15–20 лет назад большинство исследователей отмечало отсутствие институтов гражданского общества, то сейчас и научное сообщество, и государство ищет пути их развития и совершенствования. При этом часто государство в лице политической элиты исходит из посыла, что сначала надо достигнуть определенного уровня социально-экономического развития и стабильности, а потом сосредоточиться на развитии институтов гражданского общества, которые пока рассматриваются как непозволительная роскошь. Эта традиция имеет давнюю историю и связана с тем, что государство в России долгие годы выполняло те функции, которые в демократических обществах выполняют общественные организации и бизнес. Что касается наших сограждан, то большинство из них действительно имеет весьма смутные представления о гражданском обществе, его задачах и функциях. Между тем только формирование в общественном сознании устойчивых представлений о том, что самоорганизация населения и соответствующие структуры гражданского общества должны ограничивать и государство, и рынок, позволит сдвинуть этот процесс с мертвой точки.

Примечания

- 1 Концепция социального государства Российской Федерации. М., 2004. С. 113
- 2 *Храмцов А.Ф.* Социальное государство. Практики формирования и функционирования в Европе и России // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 27–28; *Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М., 2005.
- 3 *Федотова В.Г.* Социальное государство и рынок // Свободная мысль – XXI. 2002. № 7. С. 82.
- 4 *Смирнова М.В.* «Как нам обустроить гражданское общество?» // Приднестровье. 2007. 17 августа (№ 152).
- 5 Выборы в Европе. 2004 г. Дайджест материалов Интернет-СМИ. 23 июня 2004 г. [Электронный ресурс] // Сайт международного института политической экспертизы. – М., 2004–2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: www.stratagema.org/polittechnology.php?nws=10880061027748582678, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 10.12.2008.
- 6 *Львов Д.С.* Выступление на Рождественских образовательных чтениях 31 января 2006 г. в Кремлевском дворце съездов [Электронный ресурс] // Золотой лев: Издание русской консервативной мысли. Интернет-версия журнала. – 1997–2008. – Электрон. дан.

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

- ные. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/73_6.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 20.11.08.
- 7 *Абакумов С.* Гражданское общество и государство в России: реалии и перспективы развития и взаимодействия [Электронный ресурс] // Рейтинг персональных страниц и электронных библиотек VIPERSON / © Некоммерческое партнерство «Научно-Информационное Агентство “НАСЛЕДИЕ ОТЕЧЕСТВА”» – М., 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=268855>, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 20.11.08.
 - 8 Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М., 2007. С. 11.
 - 9 Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России. М.: АНО «Социологическая мастерская Задорина» [Электронный ресурс] // Сайт исследовательской группы «ЦИКРОН» – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/4/061111.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 27.11.08.
 - 10 Данные Общественной палаты РФ за 2006 год. [Электронный ресурс] // Сайт Общественной палаты Российской Федерации / © 2006–2007 Общественная палата Российской Федерации. – М., 2006. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/files/final.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 09.12.2008.
 - 11 Репрезентативный опрос населения Российской Федерации, проведенный Государственным университетом – Высшей школой экономики (ГУ–ВШЭ) совместно с Общероссийским общественным фондом «Общественное мнение» (ФОМ) // Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Общественная палата Российской Федерации. М., 2007. С. 4.
 - 12 *Подберезкин А.И.* Институты гражданского общества и стратегия России. Часть 1.8. [Электронный ресурс] // Сайт Партии социальной справедливости. – М., 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.pp-pss.ru/main.php?ID=251537>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 21.11.08.
 - 13 *Горчакова Л.Ф.* Роль общественных организаций в профилактической и реабилитационной работе с детьми и подростками, находящимися в трудной жизненной ситуации // Бедные дети: проблема безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних граждан в России. М., 2008.

И.В. Гудков

ОСОБЕННОСТИ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ

В данной статье на основе анализа результатов голосования в регионах на выборах представительных органов власти с момента введения смешанной (пропорционально-мажоритарной системы) и данных проведенных автором комплексных исследований электоральных предпочтений выделены в качестве доминирующих на современном этапе развития политического пространства России пять типов электорального поведения: «патриархальный», «традиционный», «клиентарный», «протестный» и «маргинальный». Описание типов электорального поведения включает в себя анализ специфических ожиданий, потребностей и мотивов голосования населения, характерных для выборов представительных органов власти регионов.

Ключевые слова: выборы, политический процесс, региональное политическое пространство, электоральное поведение.

Попытки описать специфическую систему и иерархию факторов, определяющих поведение российских избирателей, в последнее время предпринимаются довольно значительным числом исследователей. Подобный анализ имеет не только научную, но и практическую ценность, так как позволяет вырабатывать оптимальные механизмы организации и проведения избирательных кампаний, определять и корректировать стратегию и тактику участия в выборах политических партий и кандидатов. В данной статье мы остановимся на факторе региональной специфики электорального поведения.

С момента смены в России политического режима и закрепления федеративного устройства началось относительно самостоятельное и отнюдь не равномерное развитие регионов, связанное с особенностями их экономического положения, наличием или отсутствием ресурсной базы, особенностями де-

И.В. Гудков

мографического состава, природными условиями, степенью влияния и авторитета политической власти и т. п. Безусловно, политическая история регионов, их экономические и социально-демографические особенности отразились на формирующихся в их рамках типах и формах политической активности населения, в том числе электоральной.

Анализ результатов голосования в регионах на выборах представительных органов власти с момента введения смешанной (пропорционально-мажоритарной системы) и данных проведенных автором комплексных исследований электорального поведения позволяют выделить в качестве доминирующих на современном этапе развития политического пространства России следующие типы электорального поведения:

- «патриархальный»;
- «традиционный»;
- «клиентарный»;
- «протестный»;
- «маргинальный».

В регионах с относительно невысокой долей урбанизации, сохранившимся традиционным укладом преобладает **«патриархальный»** тип электорального поведения. Довольно четко он выражен в республиках Северного Кавказа и в Сибири. Для данного типа электорального поведения характерны: «единообразное» голосование, высокая явка, преобладание в мотивах голосования «мнения авторитетных лиц», доминирование персоналистского выбора, слабая выраженность собственно политических ориентаций населения.

Сохранившаяся система кланово-родственных связей (тейпы, родовые семьи), традиционное уважение к руководителям, четкая система соподчинения – все это обеспечивает крайне высокий мобилизационный потенциал правящих элит. В результате в этих регионах оказывается возможной реализация практически в чистом виде «кабинетных» замыслов. Население голосует так, как говорят начальники. Причем важно отметить, что подобное голосование не носит характера «подчинения» или «принуждения». Люди голосуют так, как их «просят руководители», «из уважения к ним».

Довольно яркой иллюстрацией такой организации голосования могут служить, например, результаты референдума по объединению Красноярского края. Участники фокус-групп, проводимых за два месяца до даты референдума в Эвенкийском АО, практически единодушно высказывались против объединения, приводя вполне осознанные рациональные аргументы:

«объединение приведет к потере статуса субъектов, к снижению финансирования, к изменениям в административном устройстве, к сокращению ставок в бюджетной сфере и прочее»¹. Однако более 50% населения проголосовало за объединение. На фокус-группах, проведенных в Эвенкии в январе 2007 г. (спустя год после объединения), респонденты следующим образом комментировали свое решение: «Проголосовали, потому что губернатор попросил. Мы понимали, что его сильно “нагнули” в Москве. Это была наша дань Золотареву (губернатору), за все, что он для нас сделал»².

С отношением к выборам как к «дани уважения начальству» связан и особый, «единообразный» стиль голосования. Практически на всей территории Сибири и в республиках Северного Кавказа «партия власти» на региональных выборах набрала рекордный для того избирательного цикла процент голосов: 53,64% – в Омске, 46,79% – в Томске, 42,5% – в Красноярске. Причем при таком высоком проценте голосования за «Единую Россию» удалось «не обидеть» и вторую «партию власти» («Справедливая Россия» набрала по этим территориям от 8 до 12%). Свои традиционные проценты получили и остальные участники (ЛДПР, КПРФ, СПС). Комментируя результаты выборов, губернатор Красноярского края А. Хлопонин, возглавлявший список «Единой России», так объяснял успех партии: «Проголосовав за “Единую Россию”, люди поддержали выработанную руководством края программу развития. Успех партии – это показатель правильности выбранного нами курса»³. Сами же избиратели, оценивая довольно сдержанно темпы развития края («Развивается в основном сам Красноярск, а на 100 км отъедешь – ни дорог, ни нормального жилья, ни возможности работать»), вместе с тем поддерживают и уважают губернатора и голосовали за «Единую Россию» преимущественно из-за фигуры Хлопонина и других «уважаемых» начальников, возглавивших списки на местах: «Хлопонин Север очень хорошо знает – он «свой». Он к нам приезжает не просто агитацию вести, а как друг. Мы его очень уважаем»⁴.

Довольно интересную картину дает анализ мотивов голосования, доминирующих при данном типе электорального поведения. Как правило, на первое место респонденты ставят мотивы «общественной» значимости: «важно не то, что кандидат (партия) может сделать лично для меня, а то, что он (она) может сделать для нашего района (поселка, рода)»; «что хорошо для всех нас, то хорошо и для меня». Сформулировать этот «востребованный коллективный интерес», определить, что является

И.В. Гудков

«важным для всех», могут «знающие люди»: начальники, главы родовых семей, представители «уважаемых» профессий (врачи, учителя). Вот почему решение о голосовании, как правило, принимается коллективно, в результате «общественных» обсуждений. По этой же причине, при данном типе электорального поведения, как правило, минимален процент случайного голосования, когда решение принимается непосредственно на избирательном участке.

Еще одной важной отличительной чертой «патриархального» типа электорального поведения является невычлененность собственно политических ориентаций населения. Здесь доминирует персоналистский выбор, а политические партии идентифицируются не по идеологическим установкам, а в связи с конкретными людьми: «Что это за партия такая “Справедливая Россия” – мы не знаем, но у нас ее Дружинин представляет»; «Коммунисты у нас тоже есть – Тамара Яковлевна Карнаухина там, но сейчас она заболела, поэтому деятельности никакой не ведет»; «ЛДПР во многих мероприятиях участвует, но у них лидер – пьющий человек, что уж тут говорить о партии»⁵. Голосование за партии в том случае, если партийный список не является формой персоналистского выбора, здесь носит преимущественно формальный, немотивированный характер: «Голосуем за одних, а выбираем совсем других – кот в мешке»; «Нехорошо, когда люди идут первыми в списках, а потом уходят, это беда партийных списков, кто там за ним остался»; «Особенно у нас. Все всех знают. И знают, что если их выберут, никогда они работать в Заксобрании не будут»⁶.

Довольно сходен по стилистическим характеристикам с «патриархальным» так называемый **традиционный** тип электорального поведения. Внутри данного типа представляется целесообразным выделение двух моделей голосования: традиционное партийное (идеологическое) и консервативное (инерционное).

Традиционное партийное голосование – явление, характерное для большинства стран развитой демократии, например в США население традиционно голосует за республиканцев или консерваторов. В России история свободных выборов довольно коротка, не закончено политическое структурирование общества, да и идеологическую оформленность партий нельзя считать окончательной. Политические установки и лозунги партий могут меняться даже в рамках одного выборного периода, являясь продуктом скорее технологическим, нежели идеологическим. Так, например, КПРФ может позволить себе критиковать действующую власть за ограничения свободы слова и налоговое давление на предпринимателей, а СПС может выступить за социально-ориентирован-

ную экономику и расширение социальных обязательств государства, как это случилось на последних региональных выборах. Тем не менее и в нашей стране традиционно-партийное голосование на выборах, безусловно, присутствует. Учитывая идеологическую неустойчивость большинства партий, целесообразно говорить не столько о структуре политического предложения, сколько о структуре политического спроса, т. е. о размежевании среди идеологически ориентированного электората. Для российского общества характерно не столько собственно идеологическое, сколько социокультурное размежевание на основе различного представления о базовых ценностях и антиценностях, образующих социально-политические противостояния («кливажи»). Период зарождения и оформления данного ценностного размежевания – первое постсоветское десятилетие, а его главные линии – поддержка/отрицание рынка (реформаторы/антиреформаторы), технократизм/социальность реформ, авторитарность/демократизм, национал-патриотизм/западничество. Совокупность этих кливажей определила систему координат, в которой формировались на данном этапе партии и блоки, а вместе с ними и их избиратели. Все многообразие политических партий, возникших на данном этапе, традиционно распределяемое по «право-левой шкале», с точки зрения электорального спроса сводилось к двум типам: «демократы» и «коммунисты». Соответственно основными ценностными ориентациями демократически настроенного электората были: гражданские свободы, рыночная экономика, открытое либеральное государство. Коммунистически настроенный электорат придерживался противоположных ценностей: управляемая экономика, сильная (авторитарная) власть, социально ориентированное государство, национал-патриотизм (великодержавность). Таким образом, можно говорить о двух первоначально сложившихся вариантах партийного голосования: «за демократов» и «за коммунистов».

Безусловно, наиболее ярко данный тип голосования проявляется на федеральных выборах, тем не менее в тех регионах, где партийно-идеологическое голосование традиционно является доминирующим (Санкт-Петербург, Воронеж, Орел, Ростов на/Дону и ряд других), выборы региональных представительных органов власти также являются битвой преимущественно партийно-политических структур, а голосование за кандидатов-мажоритариев определяется по их партийной принадлежности: «Я всегда, когда за кандидатов голосую, сначала смотрю графу, где написано, в какой он партии. О человеке я мало что знаю, а партия – это идея, программа»; «Человек и партия – это едино.

И.В. Гудков

Какая партия – такие там и люди, поэтому для меня главное – партия, а люди в ней могут меняться»⁷.

Яркими носителями традиционно-партийного голосования являются люди, чье политическое самоопределение происходило в «перестроечные» годы, соответственно в возрасте от 40 лет и старше, причем это наиболее социально активная главным образом городская часть населения, принимавшая непосредственное участие в политических процессах конца 80-х, начала 90-х годов.

Примечательно, что первоначально граница «водораздела» между двумя типами идеологической активности («демократической» и «коммунистической») пролегла между севером и югом страны. Население северных регионов, включая две столицы (Москву и Санкт-Петербург), представляло собой преимущественно демократически ориентированный электорат. К югу от Москвы начиналась граница так называемого красного пояса с преобладающим прокоммунистически настроенным населением. Однако было бы неверным рассматривать это противостояние исключительно с позиций идеологических. Дело в том, что южные территории – это в основном аграрные регионы с большой долей сельского населения в социально-демографической структуре. Голосование за коммунистов здесь имело не столько идеологическое основание, сколько происходило в силу консерватизма населения, предпочитающего стабильность, взвешенность, «хорошо проверенное старое».

В данном случае мы имеем дело с **«консервативной» (инерционной)** моделью голосования внутри обозначенного нами традиционного типа электорального поведения.

Российская ментальность развивалась на стыке двух систем социокультурных генотипов: инновационной и инерционной. Первый генотип предполагает установку на обновление уклада жизни, восприимчивость к инновационным импульсам (новаторским идеям, социальным реформам, совершенствованию производства), состязательность, самоценность свободы личности, венчурную психологию, полисную организацию социальной и политической жизни, высокую социальную мобильность. В инерционном генотипе доминируют настороженность к инновациям, самоценность сложившегося (традиционного) уклада жизни, склонность к централистской организации социальной, политической и даже экономической жизни, экстенсивность воспроизводственных циклов, вертикально-сословная иерархия, инерционная социальная мобильность⁸.

Водораздел между носителями инновационной и инерционной культуры по линии «город – село» был заложен в Петров-

скую эпоху, когда происходил форсированный процесс реформирования по западному образцу светской жизни за счет форсированного же развития крепостнических отношений. Принципиальным образом перестраивалась верхушка общества, тогда как внизу только укреплялась православная соборность.

Всю последующую историю сельское население продолжало оставаться носителем традиционной культуры, с той или иной степенью активности противостоя внедрению инноваций, как духовно-нравственных, так и политических. Неслучайно российское крестьянство в наибольшей степени пострадало от репрессий в сталинскую эпоху.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что традиционный тип электорального поведения, характерный для сельских жителей, носит не идеологический, а социокультурный характер, и в полной мере повторяет характеристики инерционного типа поведения. Вот почему организованное голосование за коммунистическую партию («за прежний режим») после 2001 г. сменилось столь же организованным голосованием за «Единую Россию» как «гаранта стабильности и существующего мироустройства».

Как уже было отмечено, по своим характеристикам традиционный (инерционный) тип электорального поведения во многом совпадает с описанным выше «патриархальным»: высокая явка, единообразное голосование, большой мобилизационный потенциал элит, ориентация не на личное, а на коллективное мнение. Однако природа этих поведенческих характеристик иная. Высокая явка сельского населения на выборы – не признак активного социально-политического участия, а «дань» традициям, социальная память – в советское время за «неприход» на выборы лишали трудодней. Высокий мобилизационный потенциал элит обеспечивается административным, а не личным влиянием. Носители «патриархального» типа электорального поведения голосуют «по рекомендации», «из уважения», тогда как на селе, как правило, действует метод «кнута и пряника»: «Я прихожу на избирательный участок, а в дверях наш председатель стоит и говорит, помнишь ли ты, за кого голосовать надо, как уж тут забудешь, когда он так грозно смотрит, ирод»⁹. «Единообразие» в голосовании обеспечивается выбором по принципу «за тех, кто у власти»: «Потому что власть у нас одна. Раньше КПСС была, а теперь “Единая Россия”», «Откуда знаем, почему у власти, так ведь там все главы, раньше они были коммунистами, а теперь в “Единой России”»¹⁰.

В большинстве аграрных регионов именно село определяет облик представительных органов власти субъекта. В отдельных

И.В. Гудков

регионах, таких как Тульская, Воронежская, Белгородская области, явка на выборы в сельской местности в 2–2,5 раза превышает явку по городу, что при примерно равных долях сельского и городского населения в демографической структуре определяющим образом сказывается на результатах голосования. Так, на выборах в Воронежскую областную Думу (2005 г.) первое место по городу заняла партия «Родина» с результатом 24,16% против 14,01% «Единой России», однако голосование по селу в корне изменило картину, общеобластной итог «Родины» – 21,01%, «Единой России» – 29,11%. Еще более показательными являются итоги голосования по одномандатным округам: партии «Единая Россия» удалось провести в сельских районах 10 своих кандидатов, при том, что по городу их прошло только 2. В результате, набрав всего 29% голосов избирателей, «Единая Россия» получила 70% мандатов в областной Думе. В этом случае вполне уместно говорить о не вполне корректной представленности интересов населения региона в законодательном органе власти, в результате чего значительно падает доверие к действиям депутатского корпуса и самому институту политического представительства. Так, по итогам исследования общественного мнения, проведенного в г. Воронеже спустя год после выборов депутатов областной Думы, «неудовлетворительно» оценили работу депутатского корпуса 48,3% горожан, а еще 41,6% опрошенных затруднились ответить. Более того, только 2,3% жителей города считает, что депутаты оказывают влияние на процессы, происходящие в регионе¹¹. Участники фокус-групп, проведенных в рамках того же исследования, называли депутатов «марионетками, обслуживающими интересы областной администрации». Абсолютное большинство участников считает, что их интересы оказались «неучтенными» при распределении депутатских мандатов, и выразили недоверие нормативно-правовой стороне выборов. Доминирующее мнение респондентов – «итоги голосования были «сделаны» областным аппаратом в управляемых сельских районах»¹².

Недоверие к процедуре выборов, факты «давления» со стороны руководителей и чиновников, убежденность, что «всё продается и покупается», в целом крайне низкая степень оценки действий органов власти порождают формы электорального поведения, которые можно обозначить как **«клиентарная»** и **«протестная»**.

В настоящее время «патрон-клиентские» взаимоотношения на региональном уровне становятся чуть ли не единственной формой взаимодействия между властью и бизнесом, властью и

общественно-политическими институтами. Представительные органы субъектов формируются как обслуживающие интересы бизнеса и административного аппарата структуры, а политические партии, по сути, оказываются «поставщиками» политических услуг, одновременно попадая в зависимость от финансового ресурса регионального бизнеса и административного ресурса исполнительной власти.

По мнению ряда экспертов, в последнее время отношение к выборам в законодательные собрания регионов как к «политическому торгу» за право реализовывать посредством них свои интересы со стороны чиновников и бизнес-элит становится все более откровенным. Налицо факты проявления ценностного конформизма основных участников выборов, выражающиеся в купировании темы правовых нарушений, допускаемых всеми сторонами (подкупа, агитации в день выборов, распространения «неучтенной» агитпродукции и т. п.), откровенном использовании «черных» фондов, «агрессивном» административном давлении (как чиновничьем, так и корпоративном). Это, в свою очередь, приводит к резкому падению доверия населения к институту представительства и процедуре выборов, на основе которых он формируется. Первоначально такое отношение выражается в снижении электоральной активности, население начинает игнорировать институциональные формы взаимодействия с государством: резко падает явка либо возрастает нигилистическое голосование («против всех»). Однако постепенно избиратели, «заражаясь» ценностным конформизмом элит, начинают относиться к выборам, как к единственной возможности получить какие-либо «блага». Так формируется названный нами **«клиентарным»** тип электорального поведения.

Наиболее ярко данный тип выражен в тех регионах, где сконцентрированы интересы крупных бизнес-структур и представлены влиятельные ФПГ: Поволжье, регионы Крайнего Севера, приграничные территории (Калининград, Хабаровск).

«Клиентарный» тип электорального поведения отличает: доминирование «рационального» выбора в мотивах голосования, средний (либо чуть ниже среднего) уровень явки, зависимость последней от «качества» политического предложения и агитационной активности основных игроков (чем активнее кампания и выше уровень кандидатов, тем выше явка), сложно прогнозируемый результат голосования (на конечный результат может повлиять огромное количество факторов: от появления «более выгодного» предложения до «удаления» основных игроков юридическими либо финансовыми средствами).

И.В. Гудков

Важным элементом, отличающим «клиентарный» тип электорального поведения от остальных, является характер отношения населения региона к представительным органам власти. При довольно высокой информированности о деятельности последних респонденты крайне низко оценивают степень влияния депутатов на процессы, происходящие в регионе. Так, по данным количественного опроса, проведенного в Калининградской области в марте 2007 г., большинство населения считает, что на процессы, протекающие в области, наибольшее влияние оказывает губернатор (43,6%), на втором месте «крупный бизнес» (27,5%), при этом влияние областного депутатского корпуса оценивается на уровне 4,3%¹³. Участники фокус-групповых исследований, проведенных в Республике Коми и Самарской области в 2006–2007 гг., выражая свое отношение к депутатам, говорили об их несамостоятельности, утверждая, что вся их работа подчинена отстаиванию интересов чиновников и корпораций: «У нас всё президент и правительство решают, а в Госсовете только руки поднимают, их туда для того и выбрали»¹⁴, «Чем у нас депутаты занимаются – землю оттяпать, льготы выбить, собственность к рукам прибрать. Они даже не краснеют, потому что сами-то кто – да никто. За ними такие деньги стоят! Они там наказы отработывают, только не народные, а своих боссов»¹⁵.

Избирательные кампании в регионах с выраженным «клиентарным» типом электорального поведения проводятся с применением преимущественно маркетинговых технологий: дифференциация населения на целевые группы, выявление потребностей каждой группы и выработка предложений, максимально удовлетворяющих потребности. Так, например, план выборной кампании в Самарскую губернскую думу партии «Единая Россия» включал в себя следующие мероприятия: акция «С днем рождения, малыш» (подарки в роддомах для матерей), «Здоровая Россия» (строительство катков и хоккейных коробок для молодежи), поддержка социальных проектов творческой интеллигенции, акция «Позвони родителям» (бесплатная связь для военнослужащих срочной службы) и т. п.

Как правило, выборные кампании для избирателей с «клиентарным» типом поведения отличаются высоким уровнем применяемых рекламных технологий: «дорогая» полиграфия, массированное информационное воздействие, высокочатратные массовые мероприятия (концерты звезд, спортивные турниры, автопробеги и пр.). Избиратели хотят видеть «товар лицом» и с подозрением относятся к политическим игрокам, пытающимся на них сэкономить.

Эффективным средством привлечения голосов избирателей становятся так называемые добрые дела: ремонт подъездов, вывоз мусора, опиловка деревьев, строительство детских площадок: «Они же потом четыре года будут только на себя работать, так пусть хоть в эти два месяца что-то для нас сделают»¹⁶.

В подобных условиях становится крайне сложным прогнозировать итоговый результат голосования. Избиратели, стараясь максимально эффективно использовать момент выборов, принимают предложения всех без исключения участников процесса, часто просто забывая имена и политическую принадлежность «дарителей». Как правило, наибольшие шансы на успех имеют те игроки, которым удалось «закрепиться» в сознании избирателей. Большое значение имеет фактор «доминирования в информационном поле». Случается, что даже «негативная» известность выводит кандидатов в лидеры избирательной гонки. Так, по одному из округов на выборах в Самарскую губернскую думу в 2007 г. победил кандидат, «нелестными» высказываниями в адрес которого были расписаны все дома и подъезды округа. Тем не менее именно ему были «приписаны» в сознании избирателей все «акты благотворительности» («ругают, значит, больше всех сделал»).

Большинство из описанных нами фактов так или иначе находятся вне рамок нормативного поля. Таким образом, как мы уже отмечали, главным условием существования «клиентарного» типа электорального поведения является ценностный конформизм участников политических процессов, определяемый их социально-психологическими и культурными особенностями.

В случае доминирования иной (нонконформистской) системы ценностей у ее носителей проявляется так называемый **протестный** тип электорального поведения.

Определить географические границы данного типа поведения избирателей довольно сложно, так как в данном случае мы имеем дело не с географической, а социально-демографической общностью. Основными носителями данного типа являются люди старшего поколения, воспитанные в традициях советской эпохи, образованная молодежь и представители интеллигенции (в социокультурном понимании данного слова). С определенными допущениями в таком случае можно говорить, что данный тип электорального поведения характерен для городов с высокой концентрацией высших учебных заведений, наличием высокотехнологических производств и связанных с ними научно-исследовательских центров и лабораторий, существенной долей в демографическом составе научно-технической и творческой

И.В. Гудков

интеллигенции. Одним из основных отличительных критериев исследуемого типа поведения является уровень образования и связанных с ним жизненных практик его носителей.

Выявляя идеал-типическую модель российской государственности, многие исследователи говорят о том, что основа ее коренится в просвещении. Либо просвещение, либо «дурь самодержавья». Именно просвещение задает допустимые границы свободы, является основой культуры социального взаимодействия, «коллективного творчества масс».

На всем протяжении российской истории именно «просвещенные» слои общества являлись основными регуляторами степени государственного давления и произвола, начиная с восстания декабристов, заканчивая диссидентским движением в советскую эпоху.

Система образования и наукоемкая индустрия явились основой для формирования в СССР особого культурного социального пространства, в рамках которого развивалась «действительная оппозиция тоталитарному строю»¹⁷. Коммунистическая номенклатура вынуждена была допускать существование в рамках формальных структур альтернативных форм социального взаимодействия: научных лабораторий и кружков, туристических и рок-клубов, писательских сообществ и групп читателей толстых журналов. Исследователь В.С. Библер называет это «социумом свободного времени»¹⁸. Формируемое в рамках него культурное пространство предполагало наличие таких базовых ценностей и развитие таких социальных практик, как «культура свободы», умственная дисциплина, уважение к «инакости», привычка к гласному обсуждению и культура спора.

Именно просвещенная интеллигенция стала в эпоху перестройки основным проводником ценностей «нового времени»: демократизации, гражданских свобод, открытости и гласности, а в эпоху Ельцина (начало 1990-х) – социальной базой поддержки реформ и государственных преобразований. Это был период небывалого подъема гражданской активности, период бурный, но достаточно непродолжительный. Как только «новая власть», продолжая извечные традиции российской власти, решила, что «власть – это мы, а не они», начала урезать гражданские права, проводить непопулярные экономические эксперименты, обернувшиеся снижением жизненного уровня в том числе (и прежде всего) интеллигенции, подменять понятие «свобода» понятием «вседозволенность», социальная активность интеллигенции сменилась разочарованием и демонстрацией «неучастия».

Таким образом, российскую интеллигенцию отличает, с одной стороны, ценностный нонконформизм, с другой стороны, конформность моделей поведения и социальных практик. Ценностные ориентации в данном случае становятся мерилем допустимости применения тех или иных поведенческих форм.

Для того чтобы понять природу «протестного» типа электорального поведения, носителем которого является образованная часть общества, важно выявить основные поведенческие особенности данной группы, определяющие характер ее социально-политического участия. К таким особенностям относятся: «легитимность инакомыслия», неприятие давления, поддержка и сочувствие «слабым», невыраженная коммюнитарность, предпочтительность когнитивного опыта поведенческому, критическое отношение к официальной информации и пропаганде.

Отличительной чертой российской интеллигенции всегда была ее оппозиционность действующему режиму (самодержавию в царской России, коммунистической партии в СССР, демократам в постсоветской России). Показательным, например, является отношение к Б. Ельцину, вектор которого менялся от «абсолютной поддержки», когда тот являлся выразителем «инакомыслия» (один против Верховного Совета), до полного разочарования, когда он стал действующим президентом. «Инакомыслие» всегда порождало небывалый интерес и практически априорную поддержку. Применительно к электоральному поведению можно говорить о факторе «легитимности инакомыслия», определяющем мотивы голосования: «за тех, кто в оппозиции».

Следующая черта «протестного» типа электорального поведения связана с неприятием любых форм давления и может выражаться как в отказе от политического участия (моратории на выбор), так и в активном социальном протесте («Митинг несогласных» в Санкт-Петербурге в период думских выборов).

Для «протестного» типа электорального поведения характерно также голосование за «слабых» игроков, особенно в том случае, если на последних оказывается давление со стороны официальных властей (жалость к обиженным). В итоге лидером выборной гонки может оказаться явный аутсайдер (так случилось, например, во время выборов мэра г. Воронежа в 2005 г., когда по итогам голосования первое место занял кандидат, шансы которого в начале кампании ни один из экспертов не расценивал как серьезные).

Имея дело с «протестным» типом электорального поведения, необходимо учитывать также критическое отношение его носителей к официальным источникам информации. Все, что прохо-

И.В. Гудков

дит по официальным СМИ, воспринимается как пропаганда и подвергается сомнению. Предпочтение отдается неофициальным источникам и неформальным формам коммуникации. Во многом позицию избирателей определяет их собственный когнитивный опыт.

Завершая анализ особенностей «протестного» типа поведения избирателей, важно отметить, что в настоящее время он не оказывает решающего воздействия на результаты региональных выборов. Во-первых, в связи с задаваемыми государством нормативно-правовыми рамками (ликвидация графы «против всех», ограничение возможности массового выражения протеста – «Закон об экстремистской деятельности»), а во-вторых, в связи со слабой коммунитарностью его носителей, предпочитающих индивидуализм и отвергающих возможность влияния на политические процессы посредством «энергии толпы».

Описание типов электорального поведения, проявляющихся на современном этапе политического развития России, закончим характеристикой еще одного типа, имеющего социально-демографическое основание – **«маргинального»**. Необходимость выделения данного типа диктуется актуальностью самой проблемы «маргинализации общества и социальной дезинтеграции» в постсоветской России.

Понятие «маргинальность» служит для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности состояния субъекта по отношению к каким-либо социальным общностям (национальным, классовым, культурным). Маргинал – человек, по каким-то причинам покинувший одну социальную группу и перешедший в другую, но еще не установивший с ней экономические, социальные и духовные связи («промежуточный человек»).

Как отмечают исследователи, «люди, по разным причинам выпадающие из привычной социальной среды и неспособные примкнуть к новым общностям (зачастую по причинам культурного несоответствия), испытывают большое психологическое напряжение и переживают своеобразный кризис самосознания»¹⁹, что, в свою очередь, отражается на их поведенческих реакциях.

Особенностями «маргинального» типа электорального поведения являются: низкая степень лояльности действующим политическим институтам, неприятие нормативных процедур, негативная мобилизация, доминирование иррационального выбора, низкая избирательная активность.

В наибольшей степени данный тип электорального поведения выражен в депрессивных регионах с низкой социальной

занятостью либо на тех территориях, где в социальной структуре значительно представлены такие группы, как: бывшие заключенные, низкоквалифицированные рабочие, безработные. Примечательно, что подобные «зоны риска» могут обнаруживаться и в благополучных в целом регионах. Так, например, в Республике Коми, являющейся донором федерального бюджета, обладающей большим количеством природных ресурсов, имеющей на своей территории высокодоходные предприятия добывающей и перерабатывающей отраслей, пятая часть населения до сих пор проживает за чертой бедности. Среднедушевые денежные доходы в месяц (по итогам 2005 г.) составили 11148,8 рублей. Однако соотношение доходов 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных групп населения в 2005 г. составило 18,7 раз. На долю 10% наиболее обеспеченных в 2005 г. приходилось 32,1% общего объема денежных доходов (их среднедушевой доход составил 35,9 тыс. рублей). На долю 10% наименее обеспеченных приходилось 1,7% общего объема денежных доходов (их среднедушевой доход равнялся 1,9 тыс. рублей). Ситуацию усугубляет огромный разрыв в уровне жизни различных социальных групп: отсутствие у значительной части населения возможности получать медицинское обслуживание, крайне плохие условия жизни, отсутствие элементарных социальных гарантий. В результате усиливается социальная напряженность, падает доверие к действиям властей всех уровней, возрастает социальная дезинтеграция. Недоверие властям порождает проблему легитимности политических институтов и демократических процедур. Население либо отказывается от проявления политического участия, либо это участие приобретает характер спонтанно-эмоционального, либо начинает носить форму «естественного обмена».

Во время фокус-групповых дискуссий респонденты следующим образом объясняли свое нежелание принимать участие в выборах: «Не ходила и не пойду – время еще на это тратить. Я пятнадцать лет как-то кручусь, детей кормлю и себя, и никакой поддержки от государства не получала. Я ему не нужна, так зачем оно мне нужно?»²⁰

Нежелание принимать участие в выборах является формой так называемой негативной мобилизации, характерной для данного типа электорального поведения. Другой его формой является так называемое голосование не за, а против. Очень характерным для «маргинального» типа электорального поведения является голосование за кандидатов и партии, спекулирующих на ярких популистских лозунгах национал-патриотичес-

И.В. Гудков

кого и «классового» содержания типа «борьбы с олигархами», «восстановления границ России в пределах 1913 года», «Россия для русских» и пр. Эта тенденция имеет прежде всего психологические корни: человек редко способен признать виновным в своем положении себя, предпочитая переложить ответственность на обстоятельства и других людей (олигархов, чиновников и т. п.). Поэтому для мобилизации «маргинального» электората, как правило, используется образ «врага», ответственного за все беды и несчастья. Избиратели в таком случае голосуют не за, а против тех, кто для них ассоциируется с этим образом (типичным примером является голосование за партию Жириновского).

Разрыв привычных социальных связей и смыслов обуславливает резко негативную реакцию на традиционные формы коммуникации и содержательные концепты. Возникает потребность в новых смыслах, идеях, формах выражения политической позиции. Выбор становится зависимым от случайных эмоциональных, как правило, персоналистских предпочтений. Отсюда – значимость демонстративного поведения, политики жеста, эпатажных лозунгов, яркого видеоряда. Именно из этих потребностей анализируемой социальной группы рождаются так называемые лидеры толпы, значимость которых на региональном уровне, возможно, даже выше, чем на общефедеральном. Аккумулируя социальный протест и переводя его в русло более или менее профессиональных форм политического участия, эпатажные региональные лидеры выполняют функцию социальных буферов, а их рейтинг зачастую перекрывает рейтинг федеральных политиков. Именно они, как правило, составляют основную конкуренцию на региональном уровне всем «партиям власти» (начиная с «Демвыбора», заканчивая «Единой Россией»), а созданные ими партии и блоки получают довольно приличный процент на выборах региональных представительных органов власти. Так, например, в Воронеже блок «Справедливость», созданный Г. Кудрявцевой, рейтинг которой на родине перекрывает рейтинг действующего губернатора, получил по городу около 15% на выборах в областную думу в 2005 г.

Необходимым условием для успешной карьеры «народного героя» является его скандальность. В этом случае его замечают и на федеральном уровне, а на его родине с гордостью говорят: «Это – наш. Смотрите, как он их всех!» Например, коммунист Василий Шандыбин, устраивавший драки в Госдуме с другими депутатами и позволявший себе неприличные шутки. Даже теперь, когда Шандыбин уже не депутат Госдумы и живет не в

Брянске, а в Москве, на своей родине он пользуется авторитетом. Или один из наиболее скандальных депутатов Госдумы прошлого созыва, публично померившийся силами с самим Шандыбиным, Александр Федулов. Он давно уже не депутат, но в своей Курской области до сих пор пользуется определенной популярностью. Не случайно на выборах мэра Курска за него проголосовало 20% избирателей (за победителя Виктора Суржикова – 30%). Теперь «непримиримый борец с коммунистами» возглавляет курское отделение СПС, благодаря чему рейтинг этой партии там гораздо выше, чем в других регионах.

Другой пример, Дмитрий Rogozin, прошедший в Госдуму по одному из одномандатных округов Воронежской области и сделавший ее плацдармом для политической карьеры непримиримого оппозиционера. Умело играя на настроениях жителей своего округа, Rogozin добился там небывалой популярности: на предпоследних выборах в Госдуму он получил около 80% голосов. Партию «Родина», которую он тогда возглавлял, поддержало 20% процентов избирателей Воронежской области. Три года назад, благодаря этому феномену, Воронежская область, бывшая когда-то столицей «красного пояса», стала восприниматься как столица «пояса коричневого».

Еще одной чертой маргинального типа поведения, получившей, к сожалению, широкое распространение на региональных выборах, является склонность его носителей к так называемому естественному обмену: голос взамен денег или, что не менее распространено, крепких алкогольных напитков.

Подводя итоги, считаем необходимым еще раз отметить, что попытка типологизации электорального поведения, предпринятая в данной статье, базировалась прежде всего на анализе особенностей поведения избирателей на выборах региональных представительных органов власти. Соответственно она была основана на выявлении специфических ожиданий, потребностей и мотивов голосования, характерных для данного уровня выборов. При проведении избирательных кампаний иного уровня, в частности глав исполнительной власти, формируется принципиально другая система электоральных ожиданий и мотивов, соответственно, изменяются и типы поведения избирателей.

- 1 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Эвенкийского автономного округа в период с 04.02.05 по 18.02.05 Институтом социального маркетинга. Квотирование по уровню образования и месту проживания.
- 2 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории бывшего Эвенкийского автономного округа в период с 09.01.07 по 23.01.07 с квотированием по полу, возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.
- 3 Программа «Сегодня», канал НТВ, 12 апреля 2007 г.
- 4 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории бывшего Эвенкийского автономного округа в период с 09.01.07 по 23.01.07 с квотированием по полу, возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 09.12.04 по 20.12.04 с квотированием по полу, возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.
- 8 Опрос, проведенный на территории г. Воронежа в период с 12.05.06 по 20.05.06. Метод: полужформализованное интервью по месту жительства респондентов с квотированием по полу, возрасту, району проживания. Совокупная выборка 800 респондентов. Материалы из личного архива автора. С.147.
- 9 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 12.05.06 по 20.05.06 с квотированием по полу, возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.
- 10 Там же.
- 11 Опрос, проведенный на территории г. Воронежа в период с 12.05.06 по 20.05.06. Метод: полужформализованное интервью по месту жительства респондентов с квотированием по полу, возрасту, району проживания. Совокупная выборка 800 респондентов. Материалы из личного архива автора.
- 12 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 12.05.06 по 20.05.06 с квотированием по полу, возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.
- 13 Опрос, проведенный на территории Калининградской области в период с 10.03.07. по 20.03.07. Метод полужформализованного интервью по месту жительства респондентов с квотированием по полу,

- возрасту, району проживания. Совокупная выборка 1200 респондентов. Материалы из личного архива автора.
- 14 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Республики Коми в период с 23.11.06 по 8.12.06 с квотированием по полу, возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.
 - 15 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Самарской области в период с 05.02.07 по 25.02.07 с квотированием по полу, возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.
 - 16 Там же.
 - 17 *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М., 1997. С. 299
 - 18 *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. М., 1990. С. 276
 - 19 *Волков Ю.Г., Мостовая И.В.* Социология: Учеб. пособие. М., 1998. С. 154
 - 20 Фокус-групповое исследование, проведенное на территории Воронежской области в период с 12.05.06 по 20.05.06 с квотированием по полу, возрасту и типу занятости. Материалы из личного архива автора.

В.В. Попов

ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА
В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЦИКЛЕ
2003–2007 гг.

Статья посвящена изучению трансформации политического ландшафта России в электоральном цикле 2003–2007 гг. Отсутствие фактической возможности у парламентских партий влиять на ход законотворческой работы в условиях полного доминирования одной партии привело к реструктурированию всей партийной системы. Проведенный анализ изменений внутри самих партий, а также условий функционирования позволил выявить тенденцию их идеологического сдвига влево.

Ключевые слова: политическое пространство, политические партии, выборы, электоральный цикл.

После парламентских выборов 7 декабря 2003 г. в Российской Федерации началось новое структурирование политического ландшафта страны, что выразилось в новом составе Государственной Думы и в принципиально ином представительстве политических партий в законодательных собраниях регионов.

Это стало возможным по ряду причин, в том числе и потому, что многие из депутатов, избранных в одномандатных округах, присоединились к тому или иному депутатскому объединению в Госдуме. Значительная часть вошла во фракцию «Единая Россия». В результате к первому заседанию Государственной Думы четвертого созыва, состоявшемуся 29 декабря 2003 г., фракция «Единая Россия» насчитывала свыше 300 голосов. Такой внушительной численности не достигала ни одна политическая сила за весь период деятельности Государственной Думы начиная с 1994 г. Убедительное большинство фракции «Единая Россия» позволяло ей приступить к реализации своих политических амбиций и приоритетов.

«Единая Россия» с самого начала работы Государственной Думы провозгласила курс на укрепление взаимодействия законодательной и исполнительной власти в решении проблем общества и государства. Для этой цели в нормы Регламента Государственной Думы были внесены значительные изменения, позволившие закрепить доминантное положение партии власти. Члены «Единой России» получили посты семи заместителей председателя Государственной Думы, возглавили все 29 Комитетов палаты. Кроме того, согласно внесенному в Регламент Думы изменению, минимальное число депутатов, изъявивших намерение образовать депутатскую группу, должно было насчитывать не 35, а 55 членов. Такое ужесточение условий подталкивало к тому, чтобы депутаты объединялись, прежде всего, на основе политических партий, победивших на выборах. Также новые нормы Регламента Государственной Думы позволили ускорить процесс принятия решений по внесенным законопроектам.

Подобное структурирование Государственной Думы и новые нормы Регламента фактически означали, что депутаты других политических партий – КПРФ, ЛДПР и блока «Родина» не имели возможности повлиять на принятие или блокирование законопроектов, а имели лишь парламентскую трибуну для высказываний. Некоторые политологи отметили, что Дума стала «однопартийной»¹. Фракция «партии власти», не имеющая конкретной законотворческой программы, активно использовала лозунг «мы с президентом» и без промедления принимала внесенные правительством законопроекты.

Апробированную в Государственной Думе модель единороссы стали переносить на всю Россию. Партийное строительство и развитие «Единой России» в итоге самым тесным образом переплелось с построением властной вертикали в регионах.

Для реализации этих планов и закрепления существующего положения Государственная Дума практически без обсуждения приняла поправки в избирательное законодательство, в частности были ужесточены нормы создания и функционирования партий, отменены мажоритарные округа на федеральных выборах, введен порядок назначения губернаторов, отменены порог явки избирателей и графа «против всех».

Региональные отделения партии «Единая Россия» строились и укреплялись по всей России на протяжении 2003–2007 гг. при активной поддержке губернаторов – членов одноименной партии и с использованием медиаресурсов исполнительной и законодательной (также контролируемой единороссами) власти на местах – региональных ГТРК, печатных органов Законода-

В.В. Попов

тельных собраний и правительств краев и областей. Российские политологи и политики отмечали, что еще ни одна партия после КПСС не строилась и не укреплялась такими темпами, как «Единая Россия». Бывший президент СССР и бывший коммунист Михаил Горбачев в качестве главного недостатка «путинского периода» назвал монополизацию власти в парламенте партией «Единая Россия». «Это убивает все завоевания нашей парламентской системы, – заявил Горбачев, – президент должен вмешаться в ситуацию»².

Очевидно, что в этих условиях другие партии, прошедшие в Государственную Думу четвертого созыва, оказались лишены возможностей равного участия как в законодательной деятельности, так и в дальнейшем продвижении своих идей посредством доступа к федеральным и региональным средствам массовой информации, а следовательно, лишались и возможностей к наращиванию темпов собственного партийного строительства. «В настоящее время наблюдается негативная тенденция монополизации партией власти “Единая Россия” всех сторон общественной жизни, создается угроза народовластию и демократическому развитию страны...» – отмечали делегаты II Съезда народных депутатов Сибири³.

При этом открытой критики действующего президента В.В. Путина со стороны лидера КПрФ Геннадия Зюганова практически не звучало, а критика обезличенного «курса» российской власти в целом и «Единой России» не давала широкого общественного резонанса и не могла повлиять на принятие законодательных решений. КПрФ теряла своих сторонников и политическое влияние, дрейфуя в сторону «застойной» оппозиции, понижая собственный политический рейтинг.

Активность КПрФ и протесты сторонников этой партии в регионах (демонстрации и митинги на улицах с перекрытием основных магистральных дорог), связанные с принятием так называемого ФЗ № 122 о монетизации льгот и введением его в действие, лишь ненадолго привлекли внимание СМИ и общественности, повысили ее рейтинг. Но, как уже было отмечено, изменить ситуацию это не могло, что еще больше ухудшило имидж КПрФ как борца за права народа.

«Идеология КПрФ сегодня уже не так актуальна, как десять лет назад, когда слоган “Назад в СССР!” еще имел актуальность и привлекал в стан КПрФ тех, кто не прижился в новых рыночных условиях»⁴. Опора на ностальгирующего по прошлому избирателя стала давать сбой, потеряла свою привлекательность. «Можно не сомневаться, что судьба КПрФ по большому счету

сегодня – не в руках самих коммунистов и их электората, объединенного протестными настроениями по поводу условий нынешней жизни, а в руках действующей власти... Целенаправленные шаги по укреплению экономики, безопасности, социальных гарантий граждан – это все меньшая популярность коммунистических идей»⁵.

Слабость КПРФ спровоцировала появление серьезных конкурентов. «Российская партия пенсионеров» за год «раскрутки» показала результат, в ряде случаев на сотые доли уступающий результату КПРФ. На региональных парламентских выборах 12 марта 2006 г. Партия пенсионеров получила больше 10% голосов, а в Нижегородской области и вовсе был поставлен рекорд – КПРФ набрала 17,81, а Партия пенсионеров – 17,19%⁶.

Что касается другой парламентской партии – ЛДПР, то она на протяжении всего четвертого созыва занимала позицию, лояльную «партии власти», голосовала за все законопроекты, предложенные «Единой Россией», президентом и правительством. Работа с региональными отделениями партии ЛДПР ничем не отличалась от предыдущих лет, ее лидер Владимир Жириновский время от времени ездил по стране и периодически появлялся на каналах центрального телевидения с эпатажными заявлениями, подтверждая известную максиму о том, что он является главным и зачастую единственным ресурсом партии.

Вместе с тем ЛДПР покидали известные партийцы: Сулейман Керимов, Константин Ветров, Егор Соломатин, Олег Малышкин, Николай Курьянович, Алексей Митрофанов. «Тот факт, что из ЛДПР уходят столпы, на которых держалась партия, говорит о том, что там есть серьезные проблемы. Жириновский устал поддерживать свой имидж», – заявил один из лидеров «Справедливой России» Геннадий Гудков⁷, и эту точку зрения разделяют многие аналитики.

Значительные изменения произошли и в блоке «Родина». Через небольшое время после начала работы Государственной Думы четвертого созыва блок «Родина» раскололся. В феврале 2004 г. в Москве прошли съезды двух блокообразующих партий Народно-патриотического союза «Родина». Съезд Социалистической единой партии России отказал Сергею Глазьеву в поддержке на президентских выборах, осудил его за «присвоение себе права действовать и говорить» от имени всего блока «Родина» и сместил Глазьева с поста лидера партии⁸. Съезд Партии регионов России единогласно лишил Глазьева поста сопредседателя. Съезд принял еще одно неприятное для Глазьева

В.В. Попов

решение переименовать ПРР в политическую партию «Родина». Выступая на съезде партии, еще один ее сопредседатель – руководитель фракции «Родина» в Государственной Думе Дмитрий Рогозин заявил, что разговоры о создании какой-либо партии на базе блока бессмысленны. Партия российских регионов – это и есть «Родина». Блок раскололся.

На этом трансформации «Родины» не закончились. Ее руководители постепенно всё больше отступали от ярко националистической риторики о «положении русского народа», подменяя ее высказываниями социальной направленности. С уходом Дмитрия Рогозина, который вместе со своими сторонниками пытался создать на базе национально-патриотической идеологии новую партию «Великая Россия», «Родина» потеряла свои националистические корни и стремительно «полевела». Новым лидером «Родины» стал Александр Бабаков.

В августе 2006 г. произошло слияние Российской партии жизни (РПЖ), «Родины» и Российской партии пенсионеров. Лидером новой партии, образовавшейся в результате слияния и названной «Справедливая Россия: РОДИНА/ПЕНСИОНЕРЫ/ЖИЗНЬ», был избран Председатель Совета Федерации Сергей Миронов⁹, который сразу же сделал заявление, что одной из главных целей новой структуры станет всемерная поддержка действующего президента Владимира Путина¹⁰. Таким образом, в России появилась вторая партия, которая заявила о своих претензиях потеснить «Единую Россию» в качестве партии власти.

Автором этого проекта многие российские политологи называли заместителя главы президентской администрации Владислава Суркова, который заявил, что «Единая Россия» не оправдала надежд Кремля, поэтому на партийном поле должен появиться не менее сильный игрок, который сменит нынешнюю партию власти.

Суть проблемы Сурков обрисовал образно: «Нет у общества “второй ноги”, на которую можно переступить, когда затекла первая». В России нужна вторая крупная партия. Именно к этой партии должны в перспективе отойти голоса, которые сейчас собирают партии «левого уклона с сильным националистическим привкусом».

Заместитель председателя Генсовета «Единой России» Валерий Рязанский заявил, что новая левоцентристская партия не повлияет на поддержку «Единой России», поскольку она поглотит часть левых сил и электората КПРФ. Директор Института прикладной социологии Ольга Крыштановская также высказала

мнение, что новая левоцентристская партия станет не конкурентом, а скорее «довеском» «Единой России», отбирающим голоса у коммунистов. А речь заместителя главы кремлевской администрации была растиражирована средствами массовой информации для того, чтобы дать сигнал чиновникам и региональным элитам о планах Кремля¹¹.

Так или иначе, но, по мнению некоторой части экспертного сообщества, при поддержке кремлевской администрации в России была создана вторая пропрезидентская партия. Немалую роль в этом сыграла и востребованность в обществе левых идей, которые исходят не от «беспомощной» КПРФ. Некоторые СМИ даже успели окрестить «Справедливую Россию» «актуальными левыми»¹². «Справедливой России» удалось использовать «левый» тренд общественных настроений для завоевания симпатий электората.

Политические трансформации проходили на протяжении 2004–2007 гг. и в партиях, не прошедших на выборах в Государственную Думу четвертого созыва. В мае 2005 г. «Союз правых сил» вновь появился на политической сцене страны. На очередном партийном съезде новым лидером был избран 30-летний вице-губернатор Пермской области Никита Белых. Ему принадлежит идея ребрендинга партии. На съезде в сентябре 2006 г. была предложена новая программа. В числе приоритетов говорилось о прохождении в Думу в декабре 2007 г. Программа подразумевала отказ от конструктивного сотрудничества с действующей властью. Важно подчеркнуть, что обновленный СПС значительно полевел.

Основные лозунги новой программы по достройке капитализма, с которыми СПС вышел на региональные выборы, сводились к увеличению зарплаты и пенсий. Непоследовательность СПС привела к тому, что партия окончательно потеряла свое лицо и продолжала терять своих сторонников.

Еще одна партия либеральной ориентации, не прошедшая на выборах в Государственную Думу – «Яблоко», по мнению политологов, рискует окончательно впасть в политическое забвение. Во многом это обусловлено личной непопулярностью лидера «Яблока» Григория Явлинского и невнятностью идей этой партии. «В этой ситуации следует винить присущий либералам индивидуализм, наполеоновские амбиции их вождей, неспособных договариваться с народом, а также их симпатии к США и Западу, ставшие в последнее время весьма непопулярными среди россиян»¹³. Сколько-нибудь заметной политической активности «Яблока» не наблюдается и до сих пор. Впервые на-

В.В. Попов

кануне весенних выборов 2007 г. «Яблоко» и СПС не стали координировать свои усилия.

В марте 2007 г. на базе партии «Свободная Россия» возникла партия «Гражданская сила», которая активно позиционировала себя как праволиберальная. Она резко критиковала отход СПС от традиционных либеральных ценностей и предложила собственную программу: «В настоящее время сформировавшийся класс активных граждан, создающих интеллектуальный продукт страны, не имеет главного – своих представителей во власти. Партия “Гражданская сила” – демократическая, праволиберальная партия, готовая отстаивать интересы этого социального слоя в Государственной Думе. Основным лозунгом, который мы хотим донести до своих избирателей, является – “Нужно работать!”»¹⁴. В качестве главных идеологических конкурентов ГС рассматривала СПС и «Яблоко», считая себя единственной правой партией страны¹⁵.

11 марта 2007 г. в 14 субъектах Российской Федерации прошли выборы в региональные законодательные органы власти. По мнению экспертов, они стали важнейшим событием внутриполитической жизни страны. После перехода на новый порядок формирования исполнительной власти в регионах (назначение глав субъектов РФ парламентами регионов по представлению Президента РФ вместо прежней процедуры избрания) именно Законодательные собрания республик и областей превратились в политический институт, который оказывает решающее влияние на политический процесс на региональном уровне.

Прошедшие выборы политологи не без основания назвали предварительным итогом трансформации политического ландшафта, очередным этапом в формировании партийной системы, в которой должно быть четыре-пять парламентских партий и несколько аутсайдеров, которые будут выполнять спойлерские функции¹⁶. Электоральные предпочтения определили четверку лидеров: «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР. Это нашло подтверждение по итогам выборов в Госдуму, в результате которых было сформировано абсолютное парламентское большинство в лице «Единой России», которая сегодня остается силой, не имеющей противовеса в лице других (оппозиционных или позиционирующих себя в качестве таковых) партий.

- 1 *Алексеева Л.* Оппозицию выгнали на улицы и она объединилась [Электронный ресурс] // Сайт Информационно-аналитического агентства «МиК – Маркетинг и Консалтинг» / АНО «Маркетинг & Консалтинг». – Электрон. данные. – 2004. – Режим доступа: <http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=16457>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 21.11.08.
- 2 *Ефимов И.* Совет Федерации не оставил долгов // Московские новости. 2007. 13 июля.
- 3 Постановление II Съезда народных депутатов Сибири [Электронный ресурс] // Сайт Новосибирской областной организации КПРФ. – Электрон. данные. – Новосибирск, 2007. – Режим доступа: <http://kprfnsk.ru/party/docs/1763/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 21.11.08.
- 4 *Калашикова Е.* КПРФ грозит самоубийство [Электронный ресурс] // Интернет-газета «Дни.ру» – Электрон. данные. – 19.06.2006. – Режим доступа: <http://www.dni.ru/news/polit/2006/6/19/85599.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 22.11.2008.
- 5 *Рыбалко Е.* Революционный держите шаг // Ставропольская правда. 2007. 9 ноября.
- 6 См.: *Калашикова Е.* Указ. соч.
- 7 *Гудков Г.В.* Внутри ЛДПР намечается серьезный кризис [Электронный ресурс] // Официальный сайт депутата Г.В. Гудкова / Д. Гудков – Электрон. данные. – 30.08.2007. // Режим доступа: <http://www.gudkov.ru/cgi/news-view.html?id=4844>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 22.11.2008.
- 8 *Костюков А.* У Глазьева отняли «Родину» // Независимая газета. 2004. 16 февраля.
- 9 Процесс объединения РПП, РПЖ и «Родины» в «Справедливую Россию» уже начался [Электронный ресурс] // Сайт Российского информационного агентства «Новый Регион». Версия 2.0 / NR2.RU – Электрон. данные. – 28.10.2006. – Режим доступа: <http://www.nr2.ru/89386.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 22.11.2008.
- 10 *Владимиров Д.* С думой о «Родине» // Российская газета. 2006. 28 сентября.
- 11 *Руднева Е., Николаева А., Латухина К., Кашин В.* Многопартийная система // Ведомости. 2006. 16 августа (№ 151 (1678)).
- 12 *Гулько Н.* «Актуальные левые» сдали первый вступительный экзамен // Коммерсант. 2006. 10 октября (№ 189 (3520)).

В.В. Попов

- 13 «Предсказаны итоги думских выборов 2007» // Независимый информационно-аналитический портал о выборах «Выборы 2008». Публикация от 01.06.2007 г. [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2007. – Режим доступа: // <http://www.vibori.info/news/article.php?id=4041>, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 22.11.2008.
- 14 Программа Всероссийской политической партии «Гражданская сила» [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Гражданская сила». – Электрон. данные. – Режим доступа: // http://www.gr-sila.ru/razdel_id27.html, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 22.11.2008.
- 15 Партия «Гражданская сила» представила свою новую программу [Электронный ресурс] // Сайи Уральского регионального информационного центра «ИТАР-ТАСС» («ТАСС-Урал»). – Электрон. данные. – 23.10.2007. Режим доступа: // <http://www.tass-ural.ru/press/?id=990>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 22.12.2008.
- 16 *Бунин И.* Мартовские выборы: важнейшие итоги // Труд. 2008. 17 марта.

Е.А. Китайцева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Для эффективного функционирования политической системы Российского государства важное значение имеют проблемы становления и развития политических партий. Однако, несмотря на глубину происходящих в России политических и социально-экономических преобразований, процесс их функционирования протекает сложно и противоречиво. Кроме того, в связи с преимущественно низким развитием политической культуры населения значение института политических партий в современном обществе оценивается негативно. Чтобы правильно оценить нынешнее состояние и перспективы демократии в России, необходимо понять природу противоречивого отношения к демократическим ценностям, в том числе и к такому важному институту, как политические партии.

Ключевые слова: политические партии, политический процесс, политические ценности и интересы.

Политические партии являются одним из базовых институтов современного общества, а также важнейшим звеном его политической системы, так как они играют важную роль в процессе осуществления государственной власти и процессе формирования политической культуры социума. Значение партий для политической жизни общества велико. Оно заключается в том, что они позволяют аккумулировать и актуализировать интересы различных социальных слоев и отдельных социальных групп, разрабатывая политическую идеологию и формулируя политические доктрины. В соответствии с законом РФ «О политических партиях» политическая партия – это добровольное объединение граждан Российской Федерации, созданное в целях участия в политической жизни общества посредством формирования и выражения политической воли граждан, участия в выбо-

рах и представления интересов граждан в законодательных (представительных) органах государственной власти и представительных органах местного самоуправления.

Для углубленного понимания процесса функционирования современных российских политических партий необходимо рассмотреть общепризнанные систематизирующие подходы к типологии партийно-политического спектра. Это позволит выявить место каждой политической партии в обществе, определить пути межпартийных коммуникаций и спрогнозировать тенденции развития политической системы общества.

Существует масса классификаций функций политических партий. Например, Дж. Сартори при рассмотрении вопроса о функциях политических партий прежде всего акцентировал свое внимание на борьбе партий за политическую власть. Он выделяет следующие функции:

- осуществление добровольного участия граждан в политической жизни и особенно в выборах;
- социальная и политическая интеграция различных слоев общества для достижения общей цели;
- посредничество в представлении интересов социальных групп, стремление добиться их баланса;
- сглаживание конфликтов или выявление предрасположенности к ним, их соответствующая нейтрализация;
- выражение воли большинства граждан;
- разработка политики и соответствующих политических решений;
- подбор и формирование политических лидеров.

Клаус фон Бейме акцентирует внимание на четырех основных функциях:

- определение целей;
- аккумуляция и выражение социальных интересов;
- мобилизация и социализация граждан, преимущественно во время проведения избирательной кампании;
- рекрутирование руководящей элиты и формирование правительственных структур.

Существуют различные подходы, рассматривающие функционирование политических партий, акцентируя внимание на различных аспектах. Например, сторонники структурно-функционального и системного подходов подчеркивают роль партий как институтов артикуляции и агрегации социальных интересов в рамках политической системы общества. Представители бихевиористского подхода выделяют такие функции партий, как:

- поддержание единодушия между членами партий;

- набор приверженцев среди молодых людей, прежде относившихся к той или иной партии индифферентно или даже враждебно;
- возбуждение в избирателях энтузиазма путем указания в публичных выступлениях и публикациях на многочисленность партии и на важное значение общей цели;
- сообщение избирателям сведений о политических проблемах, которые приходилось разрешать, о личных достоинствах своих лидеров и о недостатках их противников¹.

В последние 15 лет в России произошли глубокие перемены в политике и в социально-экономической сфере. В стране сформировались первичные основы рыночной экономики, утвердились принципы разделения властей, выборности институтов власти. В.В. Петухов в своей монографии «Демократия участия и политическая трансформация России»² отмечает, что специалисты весьма скептически оценивают современное состояние и перспективы российской демократии. «Подобного мнения придерживаются как транзитологи, обращающие внимание на замедление и даже приостановку движения России к достижению универсальных демократических стандартов, так и сторонники “особого русского пути”, утверждающие, что страна отторгает любые западные модели развития»³. Сегодня важной задачей является реконструкция гражданского общества, т. е. трансформация политических и социальных институтов, а также системы ценностей и установок. Решение данной задачи невозможно без развития партийной системы и повышения уровня доверия граждан к государственным и общественным институтам.

Исследователями отмечается неукорененность в массовом сознании самого института политических партий. Данные опросов ведущих социологических центров (ФОМ, ВЦИОМ) свидетельствуют о тенденции негативного отношения россиян к партийной системе страны, которая оценивается со знаком «минус» на протяжении уже многих лет. Так, в исследовании ФОМ «Политические партии в жизни России» участников опроса попросили ответить на следующие вопросы: в чем заключается польза, приносимая нашей стране политическими партиями, и в чем – наносимый ими вред. Оба вопроса носили открытый характер. На первый из них затруднились ответить 60% опрошенных; еще 20% уверенно заявили, что никакой пользы политические партии не приносят. На другой вопрос ответила почти половина опрошенных (затруднились с ответом 51%, еще 2% сказали, что вреда нет). Партии обвинялись в бездействии и неэффективности, в паразитизме и расточительстве, безразличии к людям и т. д.

Е.А. Китайцева

На вопрос «В стране существуют демократические институты, посредством которых общество должно контролировать и влиять на государственный аппарат, бюрократию. Какие институты и методы в этом отношении, на Ваш взгляд, наиболее эффективны?»⁴ ответы распределились следующим образом: политические партии в данном списке занимают последнее место, т. е. только 5,4% респондентов считают их наиболее эффективным методом влияния на государственный аппарат. Заметим, что наиболее популярный ответ – это Президент РФ (40,7%). То есть большинство респондентов считают, что лично президент должен осуществлять контроль и влиять на государственный аппарат. Данный факт говорит о том, что респонденты не хотят сами быть активно вовлечены в процесс влияния на власть и предпочитают, чтобы все вопросы решал один человек. Но в такой ситуации невозможно построение демократического общества. Таким образом, можно сделать вывод о том, что общество, осознавая необходимость политического плюрализма, тем не менее стремится передать полномочия по решению всех проблем одному человеку – президенту, что может привести к монополизации власти.

Положительной представляется тенденция преобладания общественного мнения относительно необходимости функционирования в российской политической системе трех и более политических партий. Обратившись к табл. 1, мы можем отметить тот факт, что наличие партийного плюрализма как необходимого условия функционирования гражданского общества представляется все более значимым.

Несмотря на то, что многие респонденты отмечают необходимость функционирования одной сильной правящей партии, заметим, что партия может отражать интересы лишь части граждан. Иногда большей части, но никогда – всех. Ни в одном обществе мира не может быть полного единообразия и совпадения интересов и убеждений. Традиционно не совпадали интересы города и деревни, столицы и окраин страны, крестьян и рабочих, богатых и бедных.

И хотя общество признает необходимость политического плюрализма, тем не менее большинство респондентов отмечают, что «очень большое влияние» на общественно-политическую жизнь страны оказывает одна ведущая политическая партия (см. табл. 2).

Таблица 1

	2001 сентябрь	2004 апрель	2004 сентябрь	2005 октябрь	2006 июль	2007 апрель
Одна сильная правящая партия	34	34	34	38	32	30
Две или три большие партии	41	41	44	39	42	46
Много относительно небольших партий	4	8	6	4	5	7
Политические партии нам вообще не нужны	9	7	6	7	7	6
Затрудняюсь ответить	13	11	9	12	14	13

N = 1600

Общественное мнение – 2007 / Сост. Н. Зоркина. М.: Левада-Центр, 2007. С. 99.

Таблица 2

Ответы респондентов о влиянии политических партий на общественно-политическую жизнь страны

	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Яблоко»	СПС	«Справедливая Россия»
Очень большое влияние	48	6	5	1	1	3
Довольно большое влияние	33	22	19	5	6	13
Некоторое влияние	7	40	39	20	25	29
Не имеет большого влияния	2	15	18	28	28	22
Не имеет никакого влияния	1	6	6	24	16	10
Затрудняюсь ответить	9	13	14	23	25	23

2007 г., октябрь; N = 1600

Общественное мнение – 2007 / Сост. Н. Зоркина. М.: Левада-Центр, 2007. С. 102.

Е.А. Китайцева

В последнее время эксперты заговорили об угрозе отхода России от демократических завоеваний (свободы слова, выборов и других прав и свобод). Важно подчеркнуть, что основной отход от демократических ценностей люди видят в увеличении разрыва между богатством и бедностью (47,3%) (см. табл. 3). Однако при этом 32,1% респондентов признают, что угрозой отхода российского общества от демократических завоеваний является неумение и нежелание людей бороться за свои права и интересы.

Таблица 3

**Причины угрозы отхода России
от демократических принципов
(в %)**

	Население
В том, что вся власть в стране сосредоточена в руках президента страны	6,7
В том, что в Государственной Думе нет политических сил, представляющих реальную оппозицию президенту страны и его курсу	18,2
В большом разрыве между богатством и бедностью	47,3
В сращивании власти и капитала (олигархов и высшей бюрократии)	31,1
В том, что сами люди не умеют и не хотят бороться за свои права и интересы	23,1
В том, что средства массовой информации теряют свою независимость	9,0
В отсутствии равенства всех перед законом	36,5
В угрозе демократии со стороны международного терроризма	5,2
Такая угроза есть, но мне трудно сказать, чем она вызвана	6,8
Такой угрозы нет	6,1
Настоящих демократических завоеваний у России еще не было	18,2

Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 257.

Респондентам с различным уровнем материального положения был задан вопрос: насколько их удовлетворяет работа демократических институтов в России. Ответы распределились следующим образом⁵. Среди респондентов, которые материально обеспечены «хорошо», большинство (27,8%) скорее удовлетворены уровнем демократии. Большинство респондентов, материальный уровень которых «удовлетворительный» или «плохой», – скорее не удовлетворены (26,2%) и считают, что Россия вообще не является демократическим государством (33,8%) соответственно. В данной ситуации прослеживается прямая зависимость между уровнем материальной обеспеченности и удовлетворенностью демократическими преобразованиями, т. е. чем выше материальный уровень респондента, тем выше его удовлетворенность достижениями демократических преобразований.

У каждого человека есть право претворять свои политические убеждения в жизнь – разумеется, действуя в рамках законов. В демократическом гражданском обществе это становится возможным посредством партий. Партии – одно из главных изобретений человечества, оно помогло упорядочить политическую жизнь, перейти от кровавой борьбы за власть, дворцовых переворотов и верхушечных войн к юридическим процедурам. Без партий демократия (т. е. народовластие) – пустой звук. Однако, как отмечает С.М. Елисеев⁶, заинтересованность граждан политикой в России за последние 15 лет постепенно снижается. Разочарование в итогах реформ, не приведших к быстрому и заметному улучшению жизни масс, проявилось в дистанцировании граждан от политики реформаторов, от власти, от государства. Однако важно отметить, что интерес к политике является исходной характеристикой гражданской культуры. Люди не участвуют в том, чем они не интересуются, а вне участия они не могут приобрести навыки, необходимые для осуществления политических функций, и почувствовать себя способными оказывать влияние на власть. Высокий уровень гражданской культуры формирует у населения высокую степень идентификации с демократическим устройством общества и ценностями, на которых оно основано.

В целом российские политические партии имеют возможности для наращивания своего влияния в обществе. Но для этого необходима продуманная стратегия партийной мобилизации, которая не только включала бы в себя меры организационно-политического характера, но и была бы ориентирована на поиски новых людей, идей, смыслов, экспериментирования с новыми формами политической организаций⁷.

- ¹ *Елисеев С.М.* Политическая социология: Учеб. пособие. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2007. С. 142.
- ² *Петухов В.В.* Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Academia, 2007.
- ³ Там же. С. 5.
- ⁴ Исследование «Политические партии в жизни России». Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 31 марта – 1 апреля 2007 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6% [Электронный ресурс] // База данных «Фонд “Общественное мнение”». – Электрон. данные. – 2003–2007. – Режим доступа: // <http://bd.fom.ru/report/map/d071424>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 22.11.08.
- ⁵ Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 256.
- ⁶ *Елисеев С.М.* Указ. соч. С. 128.
- ⁷ *Петухов В.В.* Указ. соч. С. 112.

М.Ю. Милованова

К ВОПРОСУ О РАСКРЫТИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается противоречие между внешними проявлениями активизации государственной молодежной политики и отсутствием заметных, качественных сдвигов в положении большинства молодых россиян. Автор обращает внимание на оценку двух важнейших факторов социализации человека – образования и участия молодежи в общественно-политических процессах. Для эффективной интеграции молодежи в социально-экономические и политические процессы необходимо остановить потребительское отношение государственных и политических структур к молодежи исключительно как к электорату.

Ключевые слова: молодежь, политическая жизнь, социализация, молодежная политика.

Сегодня много говорится об исключительной роли молодежи как стратегическом ресурсе развития общества, о высшей социальной ценности, основном капитале, о раскрытии ее потенциала в целях инновационного развития страны. И ведь слова, послы все верные. Действительно, от того, какой вырастает молодежь, как она включена в государственные и общественные преобразования, зависят успех и процветание России. Ядро проблемы, однако, состоит в противоречии между внешними проявлениями активизации государственной молодежной политики и отсутствием заметных, качественных сдвигов в положении большинства молодых россиян.

Необходимо принимать во внимание то, что уже сегодня весь комплекс проблем и противоречий, с которыми сталкивается Россия, формирует достаточно жесткий набор требований к новым поколениям. Стремительное старение населения и неблагоприятные демографические тенденции поставили общество перед необходимостью уже в настоящее время предъявить к се-

М.Ю. Милованова

годнящим молодым людям повышенные требования. Молодежь – основной трудовой ресурс страны. Достаточно сказать, что коэффициент демографической нагрузки (количество нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособного населения) по прогнозу Росстата возрастет в 2016 г. по сравнению с 2005 г. на 20% и составит 709 человек¹.

Созданы ли условия для эффективной интеграции молодых граждан в процессы социально-экономического, политического и духовного преобразования, их самоопределения и самореализации?

Реальность свидетельствует об обратном. В большинстве своем российская молодежь равнодушна к участию во властных структурах. У нее практически отсутствует стремление к общественной деятельности, навыки самоуправления. Выборные общественные институты не пользуются ее доверием. Среди большинства молодежи отсутствует надежная идеологическая база для формирования политических движений и партий; в лучшем случае ей свойственна ориентация на конкретных лидеров.

Нельзя не отметить и появление сравнительно немногочисленной (2–3%), но быстро растущей группы богатых молодых людей.

Все более заметными становятся различия между группами внутри молодежи. К традиционным признакам по формам занятости, по характеру и содержанию труда добавляются новые – более значимые. Это социокультурные, этнонациональные, социально-пространственные, регионально-поселенческие, материально-имущественные. Теоретически усиление социальной дифференциации молодежи в условиях развивающегося общества имеет свои положительные особенности, так как появляются структурные возможности для реализации многоплановых групповых интересов, что в конечном итоге предполагает интеграцию. Принципиально другая ситуация складывается в российском обществе. Здесь усиливается социальное расслоение, что и ведет к дезинтеграции общества.

Степень эффективности участия молодых людей в социально-экономическом и политическом процессах определяется как минимум тем, насколько молодежь разделяет цели и задачи общественного развития и насколько она обладает необходимыми личными образовательными и профессиональными качествами и возможностями их реального применения.

В связи с этим хотелось бы остановиться на оценке двух важнейших факторов социализации человека – образования и участия молодежи в общественно-политических процессах.

К вопросу о раскрытии политического потенциала молодежи

В рамках реализации партнерского проекта «АСТ! Действуй! (Институциональное развитие общественных организаций для инновационной деятельности в молодежной среде)» при поддержке Министерства образования Саратовской области (С. Федин) был проведен опрос молодежи г. Саратова, Энгельсского и Красноармейского муниципальных районов на предмет оценки молодежью существующих для нее проблем. Опрос проводился специалистами органов по делам молодежи названных муниципальных образований, членами молодежных общественных организаций – Молодежный общественный совет при мэре г. Саратова (Т. Богданова), «Лидеры Поволжья» (М. Милованова), Молодежный общественный совет Энгельсского района (М. Игнатова).

В опросе приняли участие 563 человека в возрасте от 14 до 30 лет, выборка квотная – по полу.

Опрос показал, что самой злободневной по степени важности проблемой молодые люди считают возможность получения образования и профессионального обучения, что является закономерным на фоне противоречивых процессов, происходящих в сфере образования (см. табл. 1).

Таблица 1

**Рейтинг проблем,
беспокоящих молодежь в наибольшей степени**

Проблемы	Оценка по 11-балльной системе
Образование и профессиональное обучение	7,1
Криминализация общества и личная безопасность	6,3
Трудоустройство	6,1
Возможность самореализации в современном обществе	5,9
Здоровый образ жизни	5,6
Отношения с родителями и старшим поколением	5,6
Проблемы молодой семьи	5,4
Проблема проведения свободного времени и досуга	5,2
Проблема самооценки и внутренние конфликты	4,9
Сложности в общении, одиночество	4,8
Отношения между юношей и девушкой	4,5

М.Ю. Милованова

Молодежь сигнализирует о социальном неблагополучии российского общества. Сегодня так много говорится с самых высоких трибун о масштабности национальных проектов в сфере образования, а если и появляется понимание недостаточности предпринимаемых мер, то это оправдывается, что «нельзя объять необъятное». Однако достаточно ли четко мы представляем наше грядущее будущее? И каким оно будет, если уже сегодня более 20 млн человек живут за чертой бедности? На долю 15% обогатившихся в ходе реформ 1990-х годов приходится порядка 85% всех сбережений, 57% денежных доходов, 92% доходов от собственности². Сегодня среди студентов российских вузов 60% – это выходцы из экономически успешных семей социального верха (20%), а 40% – выходцы из семей социального низа (80%)³.

Таким образом, система образования России играет сегодня крайне неприглядную роль акселератора процесса социального расслоения. Доступ к образовательным ресурсам у различных социальных групп неодинаков. Без образования как мощного инструмента консолидации общества, формирования социального взаимодействия и взаимопонимания, общественного согласия невозможно «сделать Россию процветающей и зажиточной страной. Чтобы жить в ней было комфортно и безопасно»⁴.

Роль образования в уменьшении социального неравенства, преодолении бедности, безработицы, национальных конфликтов, развитии социальной мобильности, формировании качества жизни общепризнана во всем мире. В докладе Международной комиссии ЮНЕСКО по образованию для XXI в. определены четыре основополагающие цели образования:

- научить жить вместе;
- научить приобретать знания;
- научить работать;
- научить жить.

Все эти возможности должны быть доступными сегодняшней и завтрашней молодежи, и прежде всего в рамках деятельности молодежных общественных и общественно-политических организаций. Однако их потенциал оценивается крайне низко (см. табл. 2).

Отрадным является тот факт, что спектр решаемых общественными организациями молодежных проблем достаточно насыщен. Членами общественных организаций из числа опрошенных являются лишь 25%, что значительно выше показателя охвата молодежи деятельностью общественных организаций в целом по России, где только 2,7% молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций. Сходные

К вопросу о раскрытии политического потенциала молодежи

тенденции в США и странах объединенной Европы стали основанием для внедрения специальных программ по вовлечению молодежи в общественно-политическую жизнь⁵.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Какие из вышеназванных проблем молодежи
можно решить с помощью общественных,
в том числе молодежных, организаций?»**

Молодежные организации могут решить следующие проблемы	
Образование и профессиональное обучение	5%
Криминализация общества и личная безопасность	5%
Трудоустройство	18%
Возможность самореализации в современном обществе	16%
Здоровый образ жизни	14%
Отношения с родителями и старшим поколением	4%
Проблемы молодой семьи	5%
Проблема проведения свободного времени и досуг	10%
Проблема самооценки и внутренние конфликты	2%
Сложности в общении, одиночество	15%
Отношения между юношей и девушкой	6%

Из 25% респондентов, являющихся членами общественных объединений, большинство состоит в молодежных организациях самой разной направленности (см. табл. 3).

Между тем проведенное ВЦИОМом в октябре 2007 г. социологическое исследование показало, что 75% россиян активно ратуют за вовлечение молодежи в политическую жизнь страны, однако при этом 76% не могут назвать ни одного молодежного объединения. Сама молодежь не сильно стремится к участию в политике посредством вступления в какие-либо организации. Лишь 4% из тех, кому еще нет 30 лет, где-либо состоят, а 5% – подумывают о том, не вступить ли куда-нибудь. С точки зрения воспитательного воздействия общественных организаций на подрастающее поколение представляется наиболее приоритетной функция социального служения, а не политического учас-

М.Ю. Милованова

тия. Это относится прежде всего к молодежи от 14 до 18 лет. Например, свыше 84% подростков считают, что нужно создавать общественные объединения молодежи и детей. Около 7% полагают, что они не нужны, а остальные указали, что затрудняются дать однозначный ответ. Наиболее привлекательными для подростков в деятельности объединения являются возможности «быть полезным другим людям» – 49,7%, научиться организовывать полезные дела – 43,8%, побывать в других городах и странах – 41,1%. Лишь 15% отметили возможность приобщиться к политической жизни⁶.

Таблица 3

**Членство молодежи
в различных общественных организациях**

Разновидность общественного объединения	% от числа опрошенных
Молодежные организации	41
Профсоюзы	18
Студенческие объединения	13
Политические партии	8
Молодежные общественные советы при органах власти	8
Детские объединения при школах	6
Союзы молодежи	3
Объединения экстремистской и националистической направленности	3

Молодежные проекты, молодежные программы, молодежные службы, молодежные общественные объединения играют все более заметную роль в социальной жизни, становятся сферой приложения сил и стремлений юного поколения, возможностью сделать повседневную жизнь осмысленной, общественно значимой и интересной. Заметно стремление молодежи учиться всему, что способно изменить жизнь людей к лучшему.

Продемонстрированная политтехнологическая мобилизация молодежи в ходе думских выборов в декабре 2007 г. и президентских выборов в марте 2008 г. не привела к кадровой молодежной революции. Лидер «Молодежного Яблока» Илья Яшин, в свою очередь, уверен, что активисты этих движений уже испытывают

разочарование. «Наиболее успешно проявивших себя функционеров пристроили, а обещания... оказались рекламным трюком», – говорит он. Среди счастливых бывший лидер движения «Наши» Василий Якеменко, который возглавил Государственный комитет РФ по делам молодежи, и его брат Борис, ушедший в Общественную палату РФ. Председатель координационного совета «Молодой гвардии» Андрей Турчак назначен в Совет Федерации. Еще несколько человек из руководства движений получили места в Думе: лидер «России молодой» Максим Мищенко, секретарь федерального совета «Наших» Сергей Белоконев, бывший пресс-секретарь «Наших» Роберт Шлегель, а один из бывших лидеров «Идущих вместе» Павел Тараканов избран от ЛДПР. Вот и вся кадровая революция. Можно предположить, что часть молодежи, задействованная в этих организациях, вообще потеряет интерес к политике, а кто-то, возможно, даже прикнет к оппозиционным движениям⁷.

За привлечение молодежи к участию в политической и общественной жизни высказывается большинство респондентов – 75%. В их числе 42% считают, что это безусловно нужно делать; наиболее характерен такой ответ для опрошенных 45–59 лет (47%), среди самой молодежи определенно «за» участие в политике – 39–40%. В 2005 г. отмечала, что надо привлекать молодежь к политике, большая часть опрошенных – 82%, в том числе безусловно «за» были 48%.

Сторонники приобщения молодежи к политике полагают, что для этого прежде всего нужно:

- учитывать в программах партий интересы и проблемы молодежи (59%);
- создавать и укреплять молодежные организации при ведущих политических партиях (36%);
- выдвигать молодежь на первые роли в партиях, предоставлять молодежи возможность самой создавать политические объединения в соответствии со своими интересами (по 25–27%);
- развивать самостоятельные общественные молодежные объединения (17%).

О материальных стимулах и увязке с карьерным ростом молодых людей говорят только 17 и 14% опрошенных. За два года возросло число тех, кто считает самым важным учитывать в партийных программах интересы молодежи (с 50 до 59%), и сократилась доля тех, кто за материальное (с 23 до 17%) и карьерное стимулирование молодежи (с 18 до 14%).

Среди респондентов в возрасте до 30 лет 4% уже состоят в политических организациях. Еще 5% думают о вступлении в ка-

М.Ю. Милованова

кую-либо партию в ближайшее время. В принципе не против членства в партии, но в отдаленной перспективе, 21% молодежи. Каждый второй (47%) не хочет вступать ни в какую партию. И каждый четвертый затрудняется с ответом. Два года назад распределение ответов по этому вопросу было практически таким же.

В ответ на просьбу назвать молодежные организации и движения свыше половины россиян (54%) говорят, что не знают ни одной, еще 22% затрудняются с ответом или не могут припомнить названия. Причем в 2005 г. общее число тех, кто не сумел назвать ни одну молодежную организацию или движение, было таким же (76%). Остальные респонденты чаще всего называют движение «Наши» (12%), скинхедов (4%), «Идущих вместе», национал-большевиков (лимоновцев) (по 3%), «Соколов Жириновского», «Молодую гвардию Единой России» (по 2%). Другие молодежные объединения указывают не более 1% опрошенных.

Выбирая из предложенного списка молодежных организаций, респонденты также в первую очередь отмечают, что им известно движение «Наши» (20%), национал-большевики, скинхеды (по 16%), «Соколы Жириновского» (12%). Два года назад «Соколы Жириновского» и национал-патриотические организации типа скинхедов были известны россиянам менее (рост известности с 8 до 12% и с 12 до 16%), а «Идущие вместе» – более, чем сейчас (снижение популярности с 13 до 9%).

Симпатизируют опрошенные более всего «Нашим» (9%), «Соколам Жириновского», «Идущим вместе» (по 3%), РКСМ, молодежному отделению СПС (по 2%). В 2005 г. лидером рейтинга симпатий также были «Наши» (10%)⁸.

Слабая разработанность нормативно-правовой базы молодежной политики, отсутствие государственного статусного ведомства по работе с молодежью можно отнести к факторам негативных асоциальных явлений в молодежной среде. Созданный недавно указом президента Государственный комитет по делам молодежи РФ поможет решить многие проблемы нашей молодежи, считает 41% опрошенных, среди молодежи 18–24 лет оптимистов больше всего – 48%. 31% полагают, что от этого комитета толка не будет, 28% пока затрудняются с оценкой⁹.

Итак, реальное раскрытие потенциала молодежи станет возможным тогда, когда в государстве будут выработаны механизмы согласования интересов молодежи с другими группами общества, а также механизмы взаимоотношений между обществом и новым поколением.

Таковыми механизмами, безусловно, являются равный доступ к современному инновационному образованию для молодежи, а

также действительная включенность молодежи в общественно-политические процессы и отношения. Общественные и общественно-политические молодежные объединения должны стать социальными лифтами. Их роль в личностном росте, формировании ценностей служения обществу трудно заменимы. Недопустимо дальнейшее потребительское отношение государственных и политических структур к молодежи исключительно как к электорату. Тем самым тормозится формирование молодежного сектора гражданского общества, не налаживается конструктивный диалог поколений. Без выполнения вышеназванных условий нельзя рассчитывать на эффективную интеграцию молодежи в процессы социально-экономического, политического, духовного преобразования, самоопределения, самореализации.

Примечания

- 1 Стратегия государственной молодежной политики. М., 2007.
- 2 Программа политической партии «Справедливая Россия». М., 2008.
- 3 *Овсянников А.А.* Социодинамика реформ высшей школы. М., 1999. С. 168.
- 4 *Путин В.В.* Российское экономическое издание ВВП. Февраль 2008 года.
- 5 Стратегия государственной молодежной политики. М., 2007.
- 6 *Тетерский С.В.* Общественные объединения детей и молодежи России: современное состояние и перспективы развития // Молодежь – будущее цивилизации. Сборник материалов международной конференции 15–17 ноября 2005 года, Санкт-Петербург, 2005. С. 31.
- 7 Сайт молодежного общественно-политического движения «Молодежное яблоко» [Электронный ресурс] / © 2005–2008 «Молодежное яблоко». – М., 2005–2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.youthyabloko.ru/modules/news/index.php>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.12.08.
- 8 Молодежь и политика: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 799 [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения / © 2000–2008 ВЦИОМ. – М., 26.10.2007. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/9047>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 07.12.08.
- 9 Там же.

Социологическое образование и история социологии

Н.В. Романовский

ИСТОРИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ – ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ¹

Статья посвящена анализу содержания одного из терминов в социологической науке, а именно историзации социологии. Автор рассматривает эволюцию этого термина, а также границы историзации в прикладных исследованиях и в теоретических работах, его методологические ресурсы.

Ключевые слова: социология, историзация социологии, история, методология, теория.

Слова «историзация», «историзировать» и производные от них стали встречаться в международной социологической литературе к началу XXI в. Автор данной статьи обратил внимание на эти термины при подготовке обзора тенденций в социологии начала нового тысячелетия. Тогдашний главный редактор журнала Международной социологической ассоциации «International Sociology»² С.А. Аржоманд, подводя итоги состоявшемуся на страницах журнала в 2004 г. обмену мнениями о тенденциях мировой социологии, писал: «Я пытаюсь историзировать социальную теорию, встраивая (by grounding it) ее в меняющийся мир последнего столетия и в меняющиеся (подвижные) представления о ценностях». Очевидно, что в этом контексте глагол «историзировать» и существительное «историзация» автор применяет в двух значениях. Первое связано с происходящими реально переменами в социальном мире (онтологический аспект). Второе – с переменами в представлениях ученых (эпистемологический аспект) об изменяющемся социуме.

Позднее обнаружилось, что дифференциация смыслов понятий «историзация» и «историзировать» указанным «двоением» не ограничивается. Обращение с запросом «Historization Sociology» к информационно-поисковой системе Google выдает вер

смысловых оттенков, частично выходящих за пределы социальных наук. В рекламе издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригиналов (проект MEGA)³ термином «историзация» издатели подчеркивают желание придать данному проекту характер, противоположный практике политизации трудов этих мыслителей. Историзацию понимают и как растворение науки в рассказывании историй (побасенок). Дочь Х. и М. Линд, авторов американского социологического бестселлера 1930-х гг. «Средний город» (Мидлтаун), «историзацией» обозначила свои воспоминания и мысли о том, как родители создавали эту книгу⁴. В литературоведении историзацией называют создание автором достоверного исторического и социального контекста (контекстуализация) повестей и романов, когда изучение автором истории запускает процесс контекстуализации, литературной историзации. Бегство, уход в историю, характерные черты «этницизма», манипулирования историческими данными в этнонациональной политике (речь идет о КНР⁵) также маркируют понятием «историзация». Историзация в так называемой grey literature понимается как «идентифицирование, наделение именем, регистрация»⁶.

Что же означает термин «историзация» в применении именно к современной социологии, к социологическим знаниям и практикам? В каком смысле он употребляется ниже? Иными словами: каково определение этого термина для современной социологии? Я определяю феномен историзации в социологии конца XX в. в данном тексте как включение (интеграцию) временного (исторического) измерения во все компоненты социологического знания. Смысл этого термина отражает установку на максимально близкое к реальностям прошлого понимание предмета социологического исследования.

Как и когда началась историзация социологии? Историзация социологии в конце XX в. разворачивалась органично, почти незаметно. Да и понадобилась она, можно сказать, случайно, по терминологии Н. Лумана – контингентно (по стечению обстоятельств). Эпизод с этой гранью социологии конца XX в. оттеняет молодость нашей науки; ей лишь в силу обстоятельств пришлось решать данную задачу. Случайностью, прежде всего, было временное и частичное забвение исторической составляющей социологического знания, каким оно складывалось со времен Конта до Т. Парсонса. Если бы американская социология к 1950-м годам не достигла успехов в эмпирических исследованиях, поражающих воображение общественности; если бы Вторая мировая война не оборвала рост эмпирических исследований и

прирост теоретической мощи социологии в европейских странах⁷; если бы создатель гремевшей в 1950-е годы «большой теории» Т. Парсонс с самого начала интегрировал в нее историческое, временное измерение... Если бы... «Если бы»; тогда бы историзация наверняка не стояла бы на повестке дня социологии конца XX в.

Но случилось так, что в середине XX в. социология сделала лишние научной логики шаги. Вышедшая на ведущую позицию в мире социология США ушла в сторону от изначальной опоры на использование исторического знания. Однако возврат в привычную колею даже в этой стране почти не встретил сопротивления⁸. И Т. Парсонс, и Р. Мертон⁹, давшие повод говорить об «отступлении социологии в настоящее» (Н. Элиас)¹⁰, напротив, с 1960-х годов активно разрабатывали проблематику исторической составляющей социологии. В итоге всего за два – два с половиной десятилетия историческая социология вернула себе приоритетное положение в социологическом знании, которое занимала на протяжении почти всего первого столетия существования.

Развертывание историзации представляет собой, на мой взгляд, симптом ряда важных характеристик социологии и динамики ее развития. Историческая (временная, темпоральная) составляющая действительно неотделима («конститутивна», писал Т. Адорно¹¹) от социологии. Она действительно – «сама сущность социологии»¹². Характерно для обсуждаемой проблемы историзации еще одно обстоятельство. Обращение к временному аспекту социологии шло параллельно со столь же интенсивным ростом внимания к социальным аспектам пространства, к пространственному измерению социума. И. Валлерстайн, например, прямо указывает на этот факт¹³. Пространство и время – наиболее фундаментальные категории науки; в социальных науках с ними сравнима лишь категория «человек» (индивид и т. п.). В одно время с историзацией появилась социальная география, а П. Бурдьё стал разрабатывать понятия социального пространства (топос, топология, поле), и так далее. Постепенно при этом категории «пространство» и «время» стали осознанно применяться и к собственно социологическому знанию, его обогащению, освоению, пониманию. Возможно, для молодой науки, какой является социология, этот поворот к базовым категориям времени и пространства был неизбежен и продуктивен.

Сказанное относится и к современной российской социологии. Проблема историзации высветила характерную черту юбилеев отечественной социологии 2008 г. На первый взгляд, спор-

ным представляется решение связать пятидесятилетие российской социологии с институционализацией социологии в СССР, а не, скажем, вести отсчет от 70-х годов XIX в. Но в свете историзации такая датировка отсчета вполне оправдана. Действительно, если бы современная социология в России продолжала бы социологию, развивавшуюся, существовавшую в нашей стране до начала 1930-х годов (к этому времени она, правда, едва ли развивалась), историзация произошла бы и у нас, и шла бы легко, не нужно было бы объяснять ее сущность и смысл. Историческая составляющая являлась «конститутивной» и «сущностной» частью дореволюционной социологии в России. Но формирование (возрождение) с 1960-х годов социологии в нашей стране шло на другом фундаменте, социологическое сообщество интериоризировало другие сущностные характеристики социологической науки, обсуждать которые здесь нет необходимости. Отсутствие исторической составляющей в эмпирических и теоретических поисках советских десятилетий было перенесено на советскую почву вместе с усвоенными тогда подходами Парсонса и Мертона: проводившиеся в те годы прикладные исследования были предельно осовременены, иными словами – лишены исторической компоненты. К тому же в рамках истмата социологам никто бы и не разрешил ставить и решать проблемы теории социальных исторических процессов, их динамики, и т. д.

Исходной точкой начала историзации можно считать критику парсонсовской схемы имманентного движения человечества к модерну (modernity), его системы современных (modern) обществ. Одновременно происходило преодоление «старой» исторической социологии в ее умозрительной (кабинетной – «armchair») версии, не использовавшей созданных к тому времени специальных социологических методов измерений, ограничиваясь историческими примерами, аналогиями, суждениями о законах истории. На грани 1950-х и 1960-х годов «кончина»¹⁴ такой исторической социологии совпала с развертыванием критики историзма, свойственного ранним версиям «системы современных обществ» Т. Парсонса.

Историзация мировой социологии вначале развивалась в форме роста *исторической социологии* и взаимодействий социологии с исторической наукой. Последовало то, что назвали «историческим поворотом»¹⁵, «золотым веком», «возрождением» исторической социологии, концом отступления в настоящее и т. п. И. Валлерстайн в этой связи писал о «широкомасштабной эпистемологической реконфигурации»¹⁶. Критики парсонсовской социологии разрабатывали альтернативные пути понима-

Н.В. Романовский

ния связей активности людей с наличными структурами и их временной (темпоральной – во времени) характеристикой.

Новое качество развертыванию историзации придавали компьютерные информационные технологии. Базы данных на их основе значительно расширили возможности обращения социологов к прошлому; данный аспект при этом особо значим – массовые источники часто единственные сохранившиеся свидетели ушедшего. К тому же социология вступила в стадию, когда ее дальнейший рост шел в тесной связи с возможностью лонгитюдных и международных компаративных аналитических исследований на материале, который время делало историческим. Естественно, что объем обрабатываемых источников в трудах, отразивших процесс историзации, поражает воображение, особенно в сравнении с социологией «докомпьютерных» времен. Технические возможности обработки массовых источников сыграли в историзации важную роль. Американский социолог М. Дефлем, изучая практики недопущения в США нежелательных лиц, смог использовать 360 тысяч страниц материалов, отразивших слежку ФБР за иностранцами в годы Первой мировой войны¹⁷. Итальянский социолог Р. Францози (с группой кодировщиков), исследуя индустриальные конфликты, «систематизировал информацию 15 000 газетных статей за 1919–1922 гг., 15 000 – за 1986–1987, и – частично – более 40 000 статей за 1968–1972 гг.». Это стало основой его методологического труда «От слов к цифрам»^{18, 19}. Такие же объемы информации перерабатывают отечественные ученые. В монографии А.В. Жаворонкова использованы 60 миллионов социальных фактов – переменных из 165 исследований²⁰. Изучая промыслы советской деревни 1920-х годов, С.Ф. Гребениченко²¹ ввел в банк машиночитаемых данных 1217 документов (14 тыс. страниц актов широкого круга органов и организаций – от Коминтерна и ЦК ВКП(б) до отраслевых и местных профсоюзов); выделил 468 ключевых понятий (налоги, объемы производства, продажи, экспортные поставки и т. п.). Автоматически классифицированные и представленные графически с помощью программ SPSS/PC+ данные такого массива документов зафиксировали 42 «альтернативные ситуации» (подходов властей к промышленному сектору деревенской экономики) за десять лет. Естественно, в докомпьютерную эпоху такого рода массивы исследовательской информации ученому были просто не под силу.

Следует подчеркнуть, что историзацию двигали вперед отнюдь не только труды сугубых приверженцев исторической социологии. Выдающиеся работы в этом жанре (Б. Мур, Ч. Тил-

ли, Т. Скокпол и др.²²) служили примером и стимулом для подражания; они, можно полагать, оформляли спонтанное тяготение социологической мысли к интеграции исторического измерения, фактора времени, перемен, процессов. Гораздо большую, решающую для историзации роль сыграла позиция практически всех видных социологов последней трети XX в. Об этом российские социологи могут судить по работам исторического профиля Н. Элиаса, М. Фуко, И. Валлерстайна, П. Штомпки («Социология социальных изменений»²³). Н. Смелзер начал путь в социологии с историко-социологического труда²⁴. Историзация как деконструкция и конструктивизм вошла в классику социологии с теоретическим наследием М. Фуко и П. Бурдьё. Сравнительные межцивилизационные исследования сопровождают путь в науке Ш. Эйзенштадта. В ноябре 2006 г. в его честь прошел симпозиум с характерным названием «Процессы, меняющие мир»²⁵. П. Штомпка включил в понятие *«социологическое воображение»* способность связывать все, что случается в обществе, со *структурным, культурным и историческим контекстами*²⁶. Маргарет Арчер благодаря трудам о морфогенезе (генезисе форм) обрела известность и стала одним из президентов Международной социологической ассоциации (наряду с И. Валлерстайном и П. Штомпкой). Феноменологическая социология интегрировала импульс историзации через человеческий опыт (индивидуальную биографию), а интеракционизм Гофмана – в форме запечатленного сознанием индивида *фрейма*. Именно так И. Гофман передает смысл идеи фреймов (накопленных человеком пониманий окружающего мира): «...как исторически появляется такой набор пониманий, как он распространяется и захватывает географические пространства во времени, и как в каждом конкретном месте конкретные индивиды обретают данные понимания»²⁷.

В итоге трудно назвать крупную современную социологическую теорию (парадигму), которая строилась бы без интеграции исторического измерения. Большинство теорий и парадигм, формировавшихся «после Парсонса», были втянуты в этот процесс. Особенно острыми оказались баталии вокруг теории рационального выбора: многие оспаривали возможность быть рациональным в современном обществе и тем более иметь шанс на рациональный выбор²⁸, вокруг применения исторической социологии в социологии международных отношений. Важную роль играла постмарксистская социология, в частности авторы журнала «Critique» (в нем длительное время сотрудничал Ю. Хабермас).

Создавая теорию структуризации, Э. Гидденс строил ее как преодоление статичности теории Парсонса путем включения проблем социальных перемен, отделения синхронии от диахронии, статики от динамики²⁹. В социальной теории, в структурно-функционалистской литературе время «подавлено», – утверждал тогда Гидденс³⁰. Теория Парсонса неспособна «поместить действие как непрерывный поток поведения во время и в пространстве», его социология – вне времени и пространства. Теория структуризации Гидденса связала действия и структуры, отражала пространство и время, присущие социальным интеракциям. «Agency» (вместо парсонсовского action – «действие») – это не ряд дискретных актов, соединяемых вместе, а непрерывный поток поведения, «поток реальных или планируемых вмешательств телесных существ в постоянный процесс событий-в-мире»³¹.

Процесс историзации позволил социологам глубже проникать в сущность событий мировой истории XX в. Так, разработка проблем «народов без истории» (термин подразумевает главным образом народы бывших колониальных владений), возникновение «постколониальной социологии» стали заметной частью усилий по преодолению наследия империалистского господства на ряде континентов. Через призму историзации изучаются посткоммунистическая транзикация, глобализация, культурные взаимодействия и столкновения на религиозной (межцивилизационной) почве. В свою очередь, проявилась обратная связь мировых процессов с социологическим теоретизированием: например, изучение проблем глобализации позволило продемонстрировать важность изучения социетальных макропроцессов. Новый импульс получили попытки интерпретаций всемирной истории («социология истории»)³². К тому же историзация позволила пробиться к новому качеству понимания феноменов не только на макро-, но и на микроуровнях.

После Парсонса нормой для претендентов на роль теоретиков в социологии стало сочетание микро- и макроуровней социальной реальности, а также временного и пространственного измерений. Массовый размах получила историзация специальных социологических дисциплин, принесла весьма плодотворные результаты. Так, С.А. Аржоманд иллюстрировал историзацию социологии конца XX в. на примере серии трудов о специфике конфигураций властных структур стран северной Африки – в зависимости от имевшихся в наличии средств передвижения и типов вооружений (огнестрельное оружие или лук и стрелы, например): «Обществоведы, работающие в жанре региональных исследований, пытались историзировать социальную теорию с

целью понимания разнообразия моделей формирования государств»³³. Историзация привела к появлению классических исследований по социологии государства, власти, революции, семьи, образования, бизнеса, международных отношений, финансов, религии, войны, науки и др. Другие наверняка нашли бы своего читателя³⁴. Рефлексия состояния исторической социологии в отдельных странах, проблем ее и т. д. отражена в солидном комплексе аналитических трудов³⁵.

Процесс историзации не мог не вызвать определенные **институциональные подвижки**: спрос на историко-социологическое знание, их отражение в растущей популярности соответствующих университетских курсов (правда, чаще на уровне, эквивалентном нашей аспирантуре или докторантуре), в подготовке квалифицированных специалистов данного профиля. Около 15% отсылок справочной системы Google к термину «историческая социология» составляют программы курсов, читаемые профессорами и доцентами (в категориях нашей системы высшего образования) зарубежных университетов. В престижных университетах мира эти курсы читаются практически повсеместно. Представлены в интернете программы и тематика университетских курсов по исторической социологии специальных социологических дисциплин (социология войн, международных отношений и др.). Вот как аргументирует автор спецкурса по специализации «организация и менеджмент» факультета социологии Принстонского университета важность изучения исторической социологии. «Цели семинара тройственны. Первое, рассмотреть историю крупных корпораций и подъем профессионального менеджмента. Второе, ознакомление с главными парадигмами в сфере изучения организаций наряду с релевантными эмпирическими примерами. Третье, соединить первые две цели путем историзации корпуса знания известного как «организационные исследования» и помещения его в его исторический контекст. Акт историзации обеспечивает аналитический угол зрения, с которого мы можем оценить пределы знания в этой сфере, сделать метатеоретические и эпистемологические заключения»³⁶. Действуют исследовательские группы в университетах, объединения в международных и национальных сообществах социологов, выпускаются бюллетени, журналы и неперiodические издания, а также сборники трудов и монографии; обсуждаются национальные особенности процесса историзации социологии.

Терминология. Глубину воздействия той или иной новации в науке принято оценивать по вызванным ею появлению, конструированию новых научных терминов. Несколько лет назад, когда

журнал «Социологические исследования» проводил заочный «круглый стол» по исторической социологии, вопрос о наличии/отсутствии у исторической социологии особой, собственной терминологии был включен именно по этой причине в число предложенных участникам «круглого стола» вопросов: «Имеется ли в исторической социологии – наряду с общим – собственный понятийный аппарат?»³⁷ Тогда ряд участников (включая автора настоящих строк³⁸) выражали сомнения в наличии своей терминологии у исторической социологии. Исключение усмотрел лишь Г.Е. Зборовский, а Б.Н. Миронов указал на термин Н. Элиаса «фигурации»³⁹. Однако изучение развития историзации социологического знания переубедило меня: терминология меняется и обновляется. Сам термин «историзация» и производные (глагол to historize, historicize) – примеры такого рода новых терминов (неологизмов). Появились «исторические» и «неисторические социологи»⁴⁰. Новыми смотрятся или являются такие термины, как «деволюция», «безвременность» («timeless theory» – теория, лишенная элемента времени), «неоизм»⁴¹. Вслед за *становлением* появилась *эмерджентность*. Объекты внимания «исторических социологов» описываются такими терминами, как «продолжительность», «протяженность», «темпы», «ритмы», «траектории», «циклы», «последовательности», «обратная связь», «pastness»⁴² – «прошлость», «темпоральность» и «темпоральный», «клиотерапия», «укорененность» – от англ. «*embeddedness*»⁴³. Правда, новации эти относятся не только к социологии, скорее – к комплексу социальных наук. Можно к тому же ожидать, что терминологическое поле исторической социологии будет прирастать.

Эпистемологический эффект историзации. Прежде всего, подчеркну, что историзация не равнозначна историцизму. Последний предполагает жесткую, законообразную детерминированность истории, сравнимую с хорошо знакомым старшим поколениям россиян провозглашенным КПСС светлым коммунистическим будущим для всего человечества. В целом, видимо, попытки формулировать схемы, закономерности и ритмы истории следует пока, – пока не накоплены адекватные базы данных, – предоставить социальным философам. Историзация современной социальной мысли предоставляет более совершенный инструментарий исследований, позволяет достигать нового уровня познания социальной реальности, приближаться к объективному (Ж. Лакан⁴⁴). Историзация как средство объяснения, понимания, проникновения в причинности и т. п. – заключена в самой природе социологии. Как подчеркивал Ф. Абрамс, автор одной из первых книг по исторической социологии, – «объясне-

ние в социологии по необходимости исторично»⁴⁵. Дж. Александер необходимость использования данных истории для создания «теории перформанса» аргументирует следующим образом. Очерк истории этой теории, пишет он, показывает, что «чем комплекснее и сегментированнее социальные и культурные структуры», тем более развит сам перформанс⁴⁶, ссылаясь на Руссо, Ницше, Дюркгейма и... «моникагейт».

Историзация и методы социологических исследований. Историзация сопровождалась крайне примечательными подвижками в конкретно-методической стороне исследования социальной реальности минувшего (и, тем самым, понимания настоящего). Внедрение данных о минувшем в рутинную работу исследователей преобразовало представления о хорошо известных, казалось, не нуждающихся в дебатах методах, например, сравнении. Действительно, «мыслить без сравнений немислимо»⁴⁷. Но постоянное сопоставление исторических данных с данными, получаемыми современными социологическими методами, сделало очевидными различия между традиционными сравнениями и сравнениями, которые применяются в рамках исторической социологии. В сравнениях привнесена точность как качество всей социологии, что дает сравнениям в исторической социологии явные преимущества. Обсуждение метода сравнения содействовало, как минимум, уточнению терминологических, понятийных различий: сравнительно-исторический метод, сравнение в понимании Конта, сравнительная и историческая социология, сравнительная историческая социология (название секции Американской ассоциации социологов).

Социологи априорно не могут непосредственно контактировать с исследуемыми лицами, феноменами, процессами и т. д. прошлого. Но потребности изучения корней и истоков современных актуальных проблем привели к уточнению и расширению возможностей и способов применения в социологических исследованиях ряда давних социологических методов, казалось бы, исчерпавших свой потенциал. Обращение социологов к истории фактически «реабилитировало» нарратив как ценный для социолога путь в работе: «...нарратив – древний метод и, возможно, самая фундаментальная форма понимания, упорядочивания нами опыта», – пишет Б. Фливерг⁴⁸. М. Дефлем в заметках о лекциях по сравнительной и исторической социологии советует «полностью использовать объяснительный и интерпретивный потенциал нарративов»⁴⁹. Нарративы создают возможности углубить понимание проблем идентичности социальных акторов, действия и деятельности⁵⁰.

Второе дыхание также получили кейс-стади⁵¹, контент-анализ как методы исследования. Автор курса «Методы сравнительной и исторической социологии» профессор Джудит Степан-Норрис предлагает студентам освоить следующие методы: исторические, компаративные, контент-анализ, кейс-стади, устную историю. Важность последней она показывает опытом исследования групп, участники которых не ведут и не оставляют документов. В конкретном случае речь шла о тайной организации расистов в южных штатах США «Ку-клукс-клан». Эмпирическая база была собрана в ходе записи устных интервью-воспоминаний⁵². Появились частные методы: контрфактичность («Что было бы, если бы?»), каталогизация событий (Чарльз Тилли) по периодическим изданиям изучаемого времени (начиная с первой французской газеты XVII в.) и др. Более того, дискуссии о методах освоения прошлого стали стимулом научной рефлексии по поводу «события» и «последовательности событий», обнаружили новые грани проблем каузальности (каузации). Под влиянием историзации из социологической повседневности ушло соперничество сторонников количественных и качественных методов – достигнут их синтез.

Развиваются, уточняются, получают новое качество методы взаимодействия социологии со смежными дисциплинами (вплоть до социальных аспектов расшифровки геномного материала). Вырисовываются, например, контуры дисциплины на стыке истории, социологии и психологии⁵³. Труд Норберта Элиаса «Процесс цивилизации» «Журнал исторической социологии» назвал вехой в исторической психосоциологии, поскольку в книге показано становление общественной личности⁵⁴. Эта мысль о появлении в определенный момент развития человеческой истории личности такого рода чрезвычайно глубока. Нам сейчас трудно себе представить, что когда-то поведение и сознание были сугубо индивидуальными, групповыми и т. п., – вообще иными, чем то, что знаем мы и что сформировало в нас «общество». Но какими они были? Чем, когда и как была занята когда-то пустота, которую и заполнило сознание общественное? Верой? Мифами? Предрассудками? Инстинктами? И является ли сознание современное всегда именно общественным? В какой мере (в какой, точнее, пропорции – социология, все же, это измерение), они остаются групповыми и индивидуальными? Или дочеловеческими? Все это вопросы для страны мультицивилизационной, какой была и остается Россия, далеко не праздные, скорее – остроактуальные, если мыслить исторически, проецируя тренды настоящего на демографическое (в частности) будущее.

Новые акценты появились в методах сбора данных. Чарльз Тилли советует много знать⁵⁵. М. Мэнн подчеркивает, что для работы в исторической социологии «нужно читать очень много»; «совершать набеги и грабить» труды археологов, историков, антропологов, экономистов и представителей политической науки⁵⁶. Ценность данных, характеризующих представления респондентов о времени, об истории, их влиянии на сознание и поведение, находят отражение в практике исследования актуальных проблем. С одной стороны, изучаются историческая память, сознание⁵⁷. С другой – историческое измерение включается в текущие, мониторинговые опросы. В инструментарий исследователи вводят индикаторы с двухгодичным интервалом: вопрос повторяется, относимый к прошлому («Как было двумя годами раньше?»), к настоящему (оценка на момент опроса) и будущему (ожидания через два года). Протяженность интервала в два, а не три или полтора года, установили психологи. Расширение за пределы двух лет, по их данным, снижает надежность воспоминаний (представлений о будущем), от сокращения интервала сужается временной, исторический масштаб⁵⁸. Тем самым исследователь получает данные в интервале в шесть лет, что позволяет выявлять и глубже анализировать динамику и возможные варианты будущего. И в целом развитие исторической социологии идет бок о бок с ростом прогностических возможностей социологического знания⁵⁹.

Методологический ресурс историзации. Одним из важных для социологии, на мой взгляд, содержательных последствий историзации стало ее применение в качестве методологической стратегии в исследованиях. Популярность исторической социологии у студентов и аспирантов содействовала оформлению этой тенденции. Авторы специальных курсов по исторической социологии стремились объяснять студентам, каковы способы и пути обогащения научного исследования историческими данными, достижения существенного приращения нового научного знания. Предлагая студентам-социологам опыт успешных сравнительных, исторических исследований, накапливая и обобщая его, делясь опытом собственной работы с данными прошлого, авторы таких курсов не могли не представлять историзацию в виде «дизайна⁶⁰», построения исследования, позволяющего достигнуть определенных целей и решить сопутствующие задачи.

Сейчас историзация как апробированная методологическая стратегия подразумевает, что социолог, обращаясь к исследованию, связанному с анализом истории, **формирует и реализует его цели и содержание на основе приоритетного обращения к**

данным о прошлом. Историзацию в смысле методологической стратегии исследователя можно также представить как **направленность и содержание исследования, в основе которого лежит обращение социологов к данным о прошлом.** Это первый аспект рассматриваемого вопроса.

Второй заключен в том, что исследователи осознанно и целенаправленно стали анализировать предшествующее **развитие социологического знания, теоретических традиций**, в частности – релевантных конкретному исследованию. Одним из первых шагов на этом пути стал рост внимания к социологической классике, к социологическому наследию, полезность которых оспаривалась, как отмечено выше, несколько десятилетий назад. Упомянутый Мэтью Дефлем⁶¹ советует социологам «тщательно историзировать свои базовые категории анализа», изучать историю аналогичных исследований. В информации для студентов-заочников Лондонского университета по курсу исторической социологии цели и задачи курса сформулированы следующим образом: «усвоение исторического развития ключевых социальных и политических формаций современного мира» (это знание истории), а также «ознакомление и понимание различных способов концептуализации исторических перемен в разных теоретических традициях»⁶². В итоге знание развития нужной исследователю теоретической мысли, применение ее достижений становятся нормой профессии социолога.

Историзация российской социологии? До сих пор я оперировал преимущественно данными о зарубежной социологии. Подчеркну: содержательно аналогичные процессы развиваются и в отечественной социологии. Зарубежная социология лишь ярче демонстрирует логику процесса, имеющего в российских условиях более «латентный» характер. Об этом позволяет говорить использование нашими исследователями таких методов, как биографический метод, нарративы, изучение жизненного пути, контент-анализ документов (прессы) минувшего, устная история, интерес к историческому сознанию и связанным с ним аспектам социального действия. Проблематика временного, исторического измерения социальной реальности представлена в университетских курсах и в учебной литературе. В труде В.А. Ядова⁶³ о стратегии социологического исследования подчеркнута значение временного измерения социальной реальности. Проблема видится в том, что в России пока сказывается отсутствие емких, унифицированных баз данных проведенных в стране социологических исследований, лонгитюдов, позволяющих делать межстрановые и межцивилизационные сравнения в

историческом времени⁶⁴. Такой материал делает необходимыми более основательные теоретические обобщения. Использование материалов предшествующих исследований эффективно продемонстрировал в своей монографии А.В. Жаворонков⁶⁵. Есть сдвиги в нужном направлении и в плане институционализации, включая поддержку со стороны Российского гуманитарного научного фонда, чтение курсов по исторической социологии в ряде университетов страны, в публикаторской работе.

Вклад в рассматриваемую проблематику вносит журнал «Социологические исследования». В ряде помещенных на его страницах статей методология историзации применялась при выявлении причин, истоков, состояния актуальных проблем современного российского общества⁶⁶. К памятным для отечественной социологии датам 2008 г. исследовались микро- и макро-уровни карьеры академика А.М. Румянцева (ранее академика Ю.П. Францева)⁶⁷. Анализ появляющихся за рубежом новых публикаций по социологии методом историзации позволяет уточнять представления о развитии современной социологии в мире, чтобы из переводов на страницах журнала «Социологические исследования» коллеги-социологи имели свежую информацию действительно о самых актуальных тенденциях отечественной и мировой социологии.

Примечания

- 1 При поддержке РГНФ, грант № 06-03-00108а.
- 2 *Arjomand S.A.* Social Theory and the Changing World. Mass Democracy, Development, Modernization and Globalization // *International Sociology*. 2004. № 3. P. 299–300.
- 3 The Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA) Project 2008, p. 2 [Электронный ресурс] // Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Document ID: 16445. – Электронные данные. – Режим доступа: <http://www.bbaw.de/bbaw/Forschung/Forschungsprojekte/mega/en/S.2>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.11.08.
- 4 *S. Lynd.* Making Middletown // *Indiana Magazine of History*. 2005. V. 101. № 3.
- 5 *Heberer T.* China's nationalities policies: Quo vadis? [Электронный ресурс] // Casa Asia. – Barcelona, 2008. – Электронные данные. – Режим доступа: <http://www.casaasia.es/pdf/21904105720AM1077184640713.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.11.08.

- 6 *Theaux W.* Roots of grey literature in the Lacanian unconscious: Psychoanalytic interpretations // *International Journal of Grey Literature*. 2000. V. 1. № 1. P. 29.
- 7 Здесь, особенно в Германии, социологическое знание изначально было неотъемлемой составной частью социологии.
- 8 Сопротивление констатирует тогдашний (1998 г.) президент Международной социологической ассоциации И. Валлерстайн, но у него речь идет о сопротивлении идее интеграции социальной науки с исторической наукой.
- 9 Р. Мертон после шести лет занятий эмпирикой в нью-йоркском центре прикладных социологических исследований ратовал в 1947 г. за жесткое разделение социального от исторического. «Пусть историки изучают и объясняют сущность события прошлого, классика, мы, социологи, будем изучать и объяснять сущность современного общества» – так его позицию излагал позднее Дж. Александер.
- 10 *Elias N.* Über den Rückzug der Soziologen auf die Gegenwart // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 35. 1983. S. 29–40.
- 11 *Adorno T.* Vorlesung zur Einleitung in die Soziologie. Frankfurt a. M., 1973. S. 150.
- 12 *Philip Abrams.* *Historical Sociology*. Ithaca: Cornell University Press, 1982. P. 2.
- 13 *Валлерстайн И.* Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира*. Вып. 2. Новосибирск, 2001. С. 102–115.
- 14 В вышедшем в 1958 г. сборнике «Современная социология» Г.Э. Барнс назвал историческую социологию «мертвой без шансов на оживление». Любопытно, что эту оценку воспроизвели через пару лет советские противники сближения истории и социологии: «искусственно созданная дисциплина – историческая социология, ... лишенная полноценных связей с анализом явлений современного общества, с их генезисом и судьбой, ... зачахла и погибла».
- 15 *Романовский Н.В.* О современном этапе развития социологии // *Социологические исследования*. 2007. № 1. С. 22–24.
- 16 *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003 / Перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. С. 314.
- 17 *Deflem M.* On the methodology of Comparative Historical Sociology. Scattered Notes. P. 12. [Электронный ресурс] // College of Arts and Sciences. Sociology Department // Web-site of University of South Carolina / © University of South Carolina Board of Trustees. – Columbia, 2008. – Режим доступа: <http://www.cas.sc.edu/socy/faculty/deflem/zhistory.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – данные соответствуют 07.12.2008.

- 18 *Franzosi R.* From Words to Numbers: Narrative, Data, and Social Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- 19 Р. Францози, специалист в области индустриальных конфликтов, стал в свое время, работая профессором в одном из университетов в США, жертвой «количественников». Осмелившись оспорить оправданность жесткой квантификации с наборами переменных, формулами объяснения причин, интенсивности стачек, он был вынужден уйти из этого вуза.
- 20 *Жаворонков А.В.* Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений. 1967–2004 гг. М.: Вершина, 2007.
- 21 *Гребенниченко С.Ф.* Диктатура и промысловая Россия. 1920-е годы. М.: ЭКОН, 2000.
- 22 Подробнее см.: *Черных А.И.* Историческая социология на Западе (конец XX века) // Социологические исследования. 2004. № 10; *Миронов Б.Н.* Социология и историческая социология: взгляд историка // Там же; *Smith D.* The Rise of Historical Sociology. Philadelphia: Temple University Press, 1991.
- 23 *Sztompka P.* The Sociology of Social Change. Oxford, 1993.
- 24 *Smelser N.J.* Social Change in the Industrial Revolution. L., 1959.
- 25 The Holberg Prize Symposium in Honour of S.N. Eisenstadt. Processes that change the world. November 2006, p. 11 [Электронный ресурс] // Информация о симпозиуме. – Электронные данные. – Режим доступа http://www.holbergprisen.no/HP_prisen/en_hp_2006_eisenstadt.html, свободный. – Данные соответствуют 12.06.2007.
- 26 *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64–72.
- 27 *Goffman E.* The Interaction Order. American Sociological Association, 1982 Presidential Address // American Sociological Review. 1983. V. 49. №. 1. P. 5.
- 28 *Abrich U.H.* Rational choice and turnout // American Journal of Political Science. 1993. V. 37. №. 2. P. 246–248; *Green D.P., Shapiro I.* Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science. New Haven: Yale University Press, 1994; *Kiser E., Hechter M.* The debate on historical sociology: rational choice theory and its critics // American Journal of Sociology. 1998. V. 104. № 4. P. 785–816; *Boudon R.* Beyond rational choice theory // Annual Review of Sociology. 2003. V. 29. №. 1. P. 1–21; etc.
- 29 *Giddens A.* Central Problems in Social Theory. Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. L.; Basingstoke, 1979. P. 14.
- 30 Ibid. P. 3.
- 31 Ibid. P. 55.
- 32 См. напр.: *Alsted J.* De menneskelige samfunds udvikling – en kritisk introduction til historisk sociologi. Roskilde, 2001.

Н.В. Романовский

- 33 *Arjomand S.A.* Op. cit. P. 336.
- 34 Напр.: *Skocpol T.* States and social revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge, 1979 или *Она же*: Social Revolution in the Modern World. Cambridge, 1994.
- 35 *Smith D.* Op. cit.; *Rauzduel R.* Sociologie historique des «Annales». Paris, 1999; *Kruse V.* Analysen zur deutschen historischen Soziologie. Münster, 1998; Comparative Historical Analysis in the Social Sciences / Eds. J. Mahoney, D. Rueshmeyer. N.Y.: Cambridge University Press. 2003; Handbook of Historical Sociology / Delanty G., Isin F. (eds). L.: Sage, 2004; *Schützeichel R.* Historische Soziologie. Bielefeld: Transcript Verlag, 2004, etc.
- 36 *Shenhav Y.* Sociology of Organization and Management. Seminar Overview. Princeton University. Department of Sociology. Fall 2003. P. 1. [Электронный ресурс] // Сайт Принстонского университета / © 2008 The Trustees of Princeton University Princeton, New Jersey. – Электронные данные. – Режим доступа: http://www.princeton.edu/~sociolog/pdf/soc530q_shenhav.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.11.08.
- 37 Историческая социология: опыт и перспективы (заочный круглый стол) // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 41.
- 38 Там же. С. 52.
- 39 Там же. С. 48.
- 40 *Gotham K.F., Staples W.G.* Narrative analysis and the new historical sociology // Sociological Quarterly. 1996. V. 37. №. 3. P. 483.
- 41 *Неоизм* – то, что – по утверждению (на мой взгляд, спорному) приверженцев – не имеет пока истории (например – субкультуры, эксперименты, *андерграунд*) и, следовательно, не поддается историзации.
- 42 *Gotham K.F., Staples W.G.* Op. cit. P. 483.
- 43 В строительной терминологии глагол «to embed» обозначает, среди прочего, установку в готовящееся бетонное основание металлических «закладных частей», к которым потом, когда бетон застынет, намертво будут крепиться многотонные конструкции. Иными словами, смысл термина связан с наличием/отсутствием глубоких, прочных корней, с *укорененностью*.
- 44 *Theaux W.* Op. cit. P. 29.
- 45 *Philip Abrams.* Op. cit. P. 2.
- 46 *Alexander J.* Towards a New, Macrosociological Theory of Performance // Yale Journal of Sociology. 2003. V. 3. Fall. P. 45–48.
- 47 *Gorski P.* From the Chair: Comparative-Historical Sociology as an Identity // Trajectories. Fall 2007. V. 19 1. P. 4.
- 48 *Фливерг Б.* Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 17.

- ⁴⁹ *Deflem M.* Comparative and Historical Sociology: Lecture Notes – deflem@scedu [Электронный ресурс] // Сайт профессора М. Дефлема / © Mathieu Deflem – Электрон. данные. – 2008. – Режим доступа: // www.mathieudeflem.net pp.16–19, свободный. – Загл. с экрана. – данные соответствуют 07.12.08.
- ⁵⁰ *Abbott A.* Conceptions of time and event in social science methods. Causal and narrative approaches // *Historical Methods*. 1990. V. 23. № 4. P. 140–150; *Maines D.* Narrative's moment and sociology's phenomena: toward a narrative sociology // *Sociological Quarterly*. 1993. V. 34. № 1. P. 17–38; *Somers M.* Narrativity, narrative identity and social action: rethinking English working-class formation // *Social Science History*. 1992. V. 16. № 4. P. 591-630; *Kiser E., Welser H.T.* The micro-foundations of analytic narratives [Электронный ресурс] // *Sociologica: Italian Journal of Sociology on line* / © 2007–2008 by Socet_ editrice il Mulino. – 2007. №. 3. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.mulino.it/rivisteweb/scheda_articolo.php?id_articolo=25957, для зарегистрированных пользователей. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 10.12.08.; etc.
- ⁵¹ *Флишберг Б.* Указ. соч. С. 15–19; What do cases do? Some notes on activity in sociological analysis // What is a case? Exploring the foundations of social inquiry / С. Ragin, Н. Becker, eds. Cambridge: Cambridge University Press. 1992; и др.
- ⁵² К сожалению, наткнувшись однажды на эту информацию в Интернете, я не выписал отсылку к источнику, поскольку подобных материалов в сети много. При попытке установить адрес оказалось, что администраторы системы *Google*, видимо, этот материал сняли.
- ⁵³ См.: *Szaluta J.* La psychohistoire. P. 1987; *Idem.* Psychohistory: theory and practice. N.Y., 1999; а также книгу Н. Смелзера: *Smelser N.* The social edges of psychoanalysis. Berkeley, 1998.
- ⁵⁴ *Journal of Historical Sociology*. 1989. № 2.
- ⁵⁵ *Sewell W., Stinchcomb A., Tilly C.* Author meets author meets author // *Comparative & Historical Sociology*. 2007. V. 18. № 2. P. 14–29.
- ⁵⁶ *Kreiser H.* Conversation with Michael Mann, professor of sociology, UCLA –P. 4 [Электронный ресурс] // Сайт калифорнийского университета, Беркли. Электронные данные. – Режим доступа <http://globetrotter.berkeley.edu/people4/Mann/mann-con2html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.11.08.
- ⁵⁷ *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. С. 176–197.
- ⁵⁸ Такое разъяснение я получил в свое время от профессора Дж. Дебарделебен (Канада).
- ⁵⁹ Напр.: *Turchin P.* Scientific prediction in historical sociology: Ibn Khaldun meets Al Saud [Электронный ресурс] // Сайт автора. –

Н.В. Романовский

- Электронные данные. – Режим доступа: <http://www.eeb.uconn.edu/people/turchin/PDF/Khaldun-Saud.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.11.08.
- 60 «Дизайн исследования» – research design; есть близкий термин – *исследовательская стратегия* (research strategy).
- 61 *Deflem M.* Op. cit.
- 62 University of London. External programme. EMFSS unit information 2007-8 144 (Интернет-источник без адреса).
- 63 *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2001. С. 33–36.
- 64 Вспоминаю реплики немецких социологов по поводу данных исследования проблем автомобилизации России: «как в Италии в 1960-е», «а это похоже на данные по Израилю», «это – как в Швеции» и т. д.
- 65 *Жаворонков А.В.* Указ. соч.
- 66 Сталинизм и теория институциональных матриц // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 132–140; О важной странице исторической социологии в связи с одной, едва не забытой книгой (о книге «Разгром немецких войск под Москвой») // Там же. 2007. № 7. С. 144–150; Ценности общества и ценности интеллигенции в свете исторической социологии // Ценности общества и ценности интеллигенции: Сб. статей по материалам межд. конф. М.: РГГУ, 2006. С. 41–47; Теоретическая социология в России – рамочные условия // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 6–12; и др.
- 67 *Романовский Н.В.* Первый президент Советской социологической ассоциации (к 100-летию со дня рождения Г.П. Францева) // Там же. 2003. № 9. С. 123–128; Первый директор – академик А.М. Румянцев // Там же. 2008. № 6. С. 23–28; и др.

М.Б. Буланова

МОДЕЛЬ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ,
РАЗРАБОТАННАЯ
Н.И. КАРЕЕВЫМ И М.М. КОВАЛЕВСКИМ

Данная статья посвящена проблеме начала социологического образования в России. На основе изучения оригинальных источников конца XIX – начала XX в. раскрываются обстоятельства, а также рассматриваются сущность и особенности первой модели социологического образования, разработанной Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским.

Ключевые слова: образование, социологическое образование, образовательные модели, социология.

Н.И. Кареев и М.М. Ковалевский являются авторами первой модели социологического образования, сложившейся на основе глубокого изучения ими опыта преподавания гуманитарных дисциплин (в том числе и социологии) в учебных заведениях России и Европы. Интересно, что каждый ученый внес свой вклад в разработку отдельных деталей этой модели, но теоретическая база была у них одна – позитивизм.

Процесс социологического образования Н.И. Кареев, с одной стороны, рассматривал как исторически обусловленное явление – закономерный результат многовековой эволюции мировой научной мысли по пути ее гуманизации. Поскольку социология, писал он, является наукой «об обществе во всех существенных сторонах его бытия», изучающей «человеческую личность во всех ее общественных проявлениях и отношениях», она находится «ближе к основной черте гуманитарного образования, чем политика, юриспруденция и экономика»¹. Все перечисленные дисциплины считаются гуманитарными благодаря социологической постановке вопросов.

С другой стороны, как подчеркивал Н.И. Кареев, название «социология» сделалось в конце XIX в. модным, получив благодаря этому крайне неопределенный характер². Ученый с некото-

рой горечью отмечал, что о социологии как науке существуют крайне смутные и противоречивые представления у специалистов других научных областей, даже близких к социологии, не говоря уже о более широких кругах общества³. Вместе с тем, по его мнению, социология заслуживает большего, чем быть просто «придатком», например, к истории или к одной из частных общественных наук.

Н.И. Кареев достаточно четко выписывает элементы модели социологического образования в России.

Первое. Социология заслуживает быть предметом отдельного преподавания хотя бы потому, что особенно привлекает к себе общественное внимание. Книги по социологии пользуются популярностью и охотно переводятся на иностранные языки. Социологические статьи появляются в общих журналах и находят многочисленных читателей. В числе вопросов, возбуждающих отвлеченные споры среди лиц, интересующихся научным знанием, вопросам социологии по их тесной связи с вопросами жизни принадлежит далеко не последнее место⁴.

Второе. Для социологии важно войти в круг университетского преподавания. В истории каждой науки громадное значение принадлежит систематизации добытых истин, а такая систематизация лучше всего достигается путем выработки курсов для устного преподавания и составления учебных пособий для печати⁵.

Третье. При существующем делении университета на факультеты социология должна быть приурочена к одному из существующих факультетов. К какому? На этот счет в разных странах начались настоящие дискуссии. Так, Кареев приводит пример с дискуссией во Франции, где между сторонниками нового предмета произошел некоторый раскол: одни хотели, чтобы социология была предметом историко-филологического факультета, другие – юридического. Это лишний раз показывает, считает Н.И. Кареев, что социология не может быть предметом исключительно одного факультета. Если в одних местах социология преподается на одном факультете, в других – на другом, то это зависит лишь от чисто случайных причин, смотря по тому, где какой профессор брал на себя инициативу.

Четвертое. Социология, как предмет университетского преподавания, должна быть совершенно отдельной и самостоятельной наукой, она не должна «являться с какой-либо специальной окраской, например психологической или исторической, юридической или экономической»⁶.

Пятое. Лицо, занимающееся социологией, нуждается в более энциклопедическом образовании, сравнительно с лицами, по-

свящающими себя другим отраслям знания. В первое время в качестве преподавателей социологии будут выступать представители других родственных наук.

Шестое. Социология должна быть не только учебной, но и академической дисциплиной в высшей школе. Так, пишет Н.И. Кареев, во Франции социология начинает входить в круг предметов, по которым пишутся диссертации и присваиваются научные звания. Это указывает на то, что социология начинает занимать все более и более упрочивающееся положение в ученом мире.

Седьмое. Чтение социологических курсов имеет важное значение в деле систематизации социологии. Как отмечает Н.И. Кареев, социология в конце XIX в. находится на той стадии развития, на которой уже чувствуется потребность в общем своде более или менее установившихся истин или, по крайней мере, в общей системе главных и основных вопросов⁷.

Восьмое. Преподавание социологии требует составления особых программ и пособий. Кареев пишет: «В то самое время, как по другим наукам можно всегда указать на общие пособия вроде школьных учебников или университетских курсов, по социологии нельзя указать решительно ничего. Ищущему социологического образования путем так называемого домашнего чтения, приходится на первых порах обращаться к целому ряду сочинений. Для таких занятий требуется известная программа, а составить такую программу – значит как бы прямо наметить содержание систематического курса социологии»⁸.

Девятое. Весьма существенным недостатком современной социологии, мешающим ее преподаванию, Кареев считает невыработанность научной терминологии. С одной стороны, отмечает он, одно и то же понятие обозначается различными словами. С другой стороны, одни и те же термины очень часто употребляются в различных смыслах, а это, конечно, также не может содействовать взаимному пониманию социологами друг друга. Очень часто в науку об обществе переносятся – без всякого изменения смысла или с некоторым изменением смысла – технические выражения, употребляющиеся в других науках. Понятно, пишет Н.И. Кареев, что такое состояние социологического лексикона дает лишнее оружие в руки противников социологии как самостоятельной науки, могущей сделаться особым предметом преподавания⁹.

Кроме того, разрабатывая свое понимание модели социологического образования, Н.И. Кареев обращает внимание на первоочередные задачи в деле утверждения социологии как самостоятельной науки.

М.Б. Буланова

Первая задача – отказ от всякого рода философствования при изучении общественных явлений и использование метода сравнительно-исторической индукции при накоплении и разработке фактического материала, необходимого для построения научных теорий.

Вторая задача – четкое определение своего места среди других наук через определение предмета, которым, по мнению ученого, все более становится теория эволюции социальных явлений.

Третья задача – избавление от односторонности, присущей, например, органической теории общества и социологическому дарвинизму. Современное движение в социологии, считает он, скорее приведет к сближению, а не к большему разъединению отдельных направлений.

Четвертая задача – признание поправки к классификации наук О. Конта, связанной с включением психологии в разряд наук, предшествовавших социологии. По мнению Кареева, социология будущего выработается из научного синтеза биологических, психологических и экономических объяснений.

Пятая задача – утверждение отдельного и самостоятельного места социологии среди таких старых наук, как история, государственное управление, юриспруденция, политическая экономия.

Шестая задача – укрепление влияния социологии на постановку и решение разных исторических, политических, юридических и экономических вопросов. На общей социологической почве все более будут сближаться между собою отдельные общественные науки. Это использование общей наукой об обществе результатов частных наук¹⁰.

Такое развитие социологии как науки несомненно, по мысли Н.И. Кареева, окажет благотворное воздействие на преподавание этой дисциплины.

Подход Кареева к разработке модели социологического образования не строится только на анализе особенностей развития социологии как науки. Он анализирует состояние образования в других общественных науках, ищет те свойства и формы, которые могли бы быть полезны для становления социологического образования. Так, ученый позитивно оценивает преподаваемый Н.М. Коркуновым курс энциклопедии права. Введенный в этот курс значительный психологический и социологический материал, считает Н.И. Кареев, поднимает его до «философской пропедевтики обществоведения». А дополнение используемых подходов экономическим позволяет придать этому достаточно спорному (как и социология!) предмету университетского преподавания значение настоящего социологического курса¹¹. Ка-

реев соглашается с представлением американского социолога Гиддингса о том, что социология как предмет преподавания является своего рода пропедевтикой для лиц, изучающих другие общественные науки. Но, по мнению Кареева, социология не может быть ограничена ролью общего введения в данный круг наук. Особую роль социология играет как предмет общего образования, так как по своему значению с ним не может сравниться ни одна из частных наук.

Таким образом, Н.И. Кареев дает обоснование своеобразной модели социологического университетского образования, построенной на сложном взаимоотношении социологии с другими общественными науками. С одной стороны, социология как предмет преподавания использует достижения других наук, являясь в то же время для них общей основой. С другой стороны, социология призвана быть абсолютно самостоятельной наукой и предметом образования.

Подход к социологическому образованию М.М. Ковалевского совпадал в общих чертах с разработками Н.И. Кареева, но отличался большей строгостью и продуманностью.

Его основу составляло убеждение ученого, что, во-первых, социологическое образование требует серьезной предварительной подготовки и достаточной эрудиции лиц, решившихся на занятия по социологии, во-вторых, оно не должно быть изолированным процессом, а осуществляться в тесной связи с развитием теории¹².

Социология как наука представляет «синтез всех конкретных наук об обществе»¹³. Ковалевский пишет о том, что социологией интересуются и математики, и физики, и биологи. Среди них он называет громкие имена Маха, Оствальда, Мечникова, Тимирязева. Ковалевский считает, что и историки заинтересованы в создании научной дисциплины, синтезирующей и сводящей в систему их распавшуюся на специальности работу. Спор между историками идет не о том, быть ли этой дисциплине вообще, а о том, в какой форме ей существовать – в форме философии истории или обществоведения. Социальные психологи, этнографы и географы включают в свои вопросы немало того, что принадлежит к области социологии. В то же время многое, что написано Бастианом, Ратцелем, Постом или Колером, служит или материалом для социологии, или может войти в нее на правах отдельных глав. Мак-Леннан и Морган, Вестермарк, сами того не зная, работали на пользу «новой науки об обществе». То же делали и делают, на сей раз сознательно, Ломброзо с его «уголовной антропологией» и Ферри с его «уголовной социологией». Ревнителю так называемой

М.Б. Буланова

коллективной психологии, начиная от Тарда и кончая Сигеле и Росси, также пишут начальные главы социологии. Ковалевский отмечает, что на звание социологов претендуют Эспинас, Романес и все те, кто занимаются психологией и общественным бытом животных. В названии социологов нельзя отказать и тем философам, которые, как Фулье, посвящали целые тома изучению «идей – сил». Недаром тот же Фулье считал предметом новой науки природу, происхождение и развитие общества под влиянием причин: физических, биологических, психологических и, наконец, социальных. Совокупностью этих причин определяется, по его мнению, как организация, так и эволюция обществ. Немало также экономистов, готовых ввести хозяйственную жизнь в более широкую область социальной жизни вообще¹⁴.

Таким образом, по мнению М.М. Ковалевского, как предмет преподавания социология может быть естественно воспринята и понята другими общественными и естественными науками как генетическая социология.

Вводя понятие генетической социологии и ее метода, Ковалевский писал: «Генетической социологией называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право»¹⁵.

Социолог доказывал, что вопросы генетической социологии как науки о происхождении общественных институтов имеют особый смысл для русских, ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала, находящегося в их руках и далеко еще не разработанного, несмотря на целые поколения исследователей.

Все стороны общественной жизни, подчеркивал ученый, тесно связаны между собой и воздействуют друг на друга. Раскрыть это взаимодействие в прошлом и объяснить зарождение верований и учреждений и составляет ближайшую задачу всякого социолога, всего же более того, кто посвятил свой труд генетической социологии¹⁶.

Открыв новое научное направление – генетическую социологию, Ковалевский сформулировал ее основные принципы и методы. Для него было ясно, что без данных генетической социологии не могут существовать другие науки. Так, он писал: «Конкретные науки об обществе, поставляя социологии материал для ее умозаключений, в то же время должны опираться свои эмпирические обобщения на те общие законы сосуществования и развития, какие призвана устанавливать социология как наука о порядке и прогрессе человеческих обществ»¹⁷.

Преподавание социологии не исключает, разумеется, параллельного изучения конкретных дисциплин об обществе; оно только вносит в существующий теперь хаос систему и единство. М.М. Ковалевский отмечает: «Мы выходим из высших школ, посвященных общему образованию, с не координированными представлениями и о нравственном долге, предписываемом нам практическим разумом, и о хозяйственном расчете, подсказываемом нам себялюбием, и о праве, заключающем в себе веления, отвечающие пользе и нуждам государственным, и о религии, открывающей нам пути к вечному спасению. Едва ли хаотическое состояние наших основных понятий может иметь счастливый исход для практической деятельности. Социология, по крайней мере, способна была бы научить нас одному – необходимости искать в велениях и здорового эгоизма, и, по-видимому, противоречащего ему альтруизма, и в требованиях государственности, и в велениях церкви осуществление начал, подсказываемых нам заботой о сохранении и дальнейшем развитии общественной»¹⁸.

Вопросы, которые поднимает генетическая социология, представлялись М.М. Ковалевскому слишком сложными, чтобы быть доступными пониманию низшей школы. Говоря о своей позиции в отношении изучения социологии в школе, он заявлял: «Я не сторонник составления для нее ни “политических, ни социальных катехизисов”, вроде тех, какие изданы были французским министром народного просвещения Полем Бэром. Но я не вижу причины, по которой элементы социологии не могли бы войти в состав знаний, сообщаемых в сколько-нибудь систематическом виде ученикам средних школ. На Западе нет недостатка в учебниках, составленных для этой цели»¹⁹. Но главным очагом преподавания социологии, разумеется, должны были стать университеты.

Реальная практика развития социологического образования в России действительно началась с включения в университетские курсы по гуманитарным дисциплинам социологического материала – от отдельных фрагментов и примеров до целых лекций. Так, Н.И. Кареев отмечал, что к концу 70-х годов XIX в. профессора Московского университета настойчиво прививали своим слушателям вкус к социологическим знаниям. Это относилось прежде всего к М.М. Ковалевскому с его лекциями об эволюции общественных форм и Н.М. Коркунову с его курсом энциклопедии права. К 90-м годам XIX в. отмечались спорадически читаемые курсы социологии в Петербурге, Москве, Харькове. В некоторых городах вводились спецкурсы по социологии в виде факультативов²⁰.

Преподавание социологии в российских учебных заведениях с первых шагов строилось почти исключительно на изучении основ позитивизма. Профессора Харьковского университета – экономист Н.А. Милютин, профессор химии П. Цитович, филолог А.А. Потебня в 70-е годы XIX в. знакомили своих студентов (среди которых был и М.М. Ковалевский) с доктриной О. Конта, взглядами Дж.Ст. Милля и Г. Спенсера. Именно это, по мнению Н.И. Кареева, помогло М.М. Ковалевскому овладеть основами социологии и приехать в Европу уже не новичком в этой науке²¹.

В конце XIX в. в дискуссию по вопросам социологического образования, кроме Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского, был вовлечен широкий круг ученых. Большинство из них сходились во мнении, что студенты университета, независимо от будущей профессии, все должны изучить общеобразовательный курс социологии. Наибольший интерес вызывала возможность соединения в едином комплексе юридического, экономического и исторического знания. Многие считали сближение наук полезным не только для улучшения преподавания, но и для развития каждой из них и построения на единой основе «величественного здания социологии – общей науки о человеческом обществе»²².

Большой интерес и отклик в российских академических кругах в конце XIX в. вызвала идея объединения усилий социологов всех стран для совместного занятия социологическими вопросами.

Н.И. Кареев с восторгом пишет о важном значении для социологии деятельности Международного социологического института, основанного в 1893 г. в Париже. Принципиальные положения, сформулированные основателями Института, представляли, по его мнению, первую попытку определения профессионального кодекса социолога:

«1. Рассматривать все категории социальных фактов как тесно связанные между собой, не опуская ни одной из них в своих исследованиях.

2. При изучении каждой из них пользоваться более методом объективным, нежели субъективным, то есть наблюдать, классифицировать, делать наведения, вместо того, чтобы заниматься произвольным построением.

3. Вследствие этого стремиться к тому, чтобы хорошо узнать общественный мир, каков он есть, что одно позволит говорить, каким он мог бы и должен бы быть.

4. Изучать прежде, чем предпринимать реформы; знать для того, чтобы действовать, но знать прежде, нежели действовать»²³.

Именно такие качества и навыки, считал ученый, нужно прививать будущим профессиональным социологам в высшей школе.

Итак, модель социологического образования, предложенная Н.И. Кареевым и уточненная М.М. Ковалевским, полностью соответствовала состоянию процесса институционализации социологии как науки в конце XIX в.

Главный акцент в формировании образовательной модели был поставлен на необходимость включения социологии в состав университетских учебных дисциплин и на ее размежевание с другими общественными науками. Эта модель в 1901–1905 гг. была реализована в Высшей русской школе общественных наук в Париже.

Примечания

- 1 *Кареев Н.И.* О сущности гуманитарного образования // Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899. С. 26.
- 2 *Кареев Н.И.* Взгляд на современное состояние социологии // Цит. по: Социология в России XIX – начала XX веков (выпуск 1) / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1997. С. 28.
- 3 Там же. С. 32.
- 4 Там же. С. 39–40.
- 5 Там же. С. 40.
- 6 Там же. С. 41.
- 7 Там же. С. 42.
- 8 Там же. С. 44.
- 9 Там же. С. 45–46.
- 10 Там же. С. 49–50.
- 11 Там же. С. 38–39.
- 12 *Кукушкина Е.И.* Социологическое образование в России XIX – начала XX в. М., 1994. С. 45–46.
- 13 *Ковалевский М.М.* Русская высшая школа общественных наук в Париже // Социология в России XIX – начала XX в. (выпуск 1). С. 443.
- 14 *Ковалевский М.М.* Социология на Западе и в России // Там же. С. 105–106.
- 15 *Ковалевский М.М.* Понятие генетической социологии и ее метод // Ковалевский М.М. Соч.: В 2 т. Т. 1: Социология. СПб., 1997. С. 272.
- 16 Там же. С. 272, 286.
- 17 *Ковалевский М.М.* Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика // Социология в России XIX – начала XX в. (выпуск 1). С. 39.

М.Б. Буланова

- 18 *Ковалевский М.М.* Социология на Западе и в России // Там же. С. 106–107.
- 19 Там же. С. 107.
- 20 *Кукушкина Е.И.* Указ. соч. С. 37.
- 21 *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. 2-е изд. СПб., 1907. С. 55.
- 22 *Кукушкина Е.И.* Указ. соч. С. 40.
- 23 *Кареев Н.И.* Взгляд на современное состояние социологии... С. 34–35.

Д.Ж. Кондов

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ КАК ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена жанру истории (русской и зарубежной) социологии и его критике: в ней предложен подход, который выступает альтернативой классическим версиям истории дисциплины и представляет собой сплав социальной истории и социологии знания. В качестве примера приводится анализ социальных оснований «субъективной социологии» Н.К. Михайловского (1842–1904), одного из «отцов-основателей» дисциплины в России, и его alter ego в области метода – М.М. Ковалевского (1851–1916). В конце статьи высказаны доводы в пользу эпистемологических функций такого рода истории.

Ключевые слова: социология, история социологии, социология знания, социальная история.

Точно так же потомки наши, зная, что мы действуем под напором тех или других космических и социальных условий, сумеют связать эти условия со свойствами нашей деятельности.

Михайловский Н.К.
«Что такое прогресс?» (1868)

Название курса «История (западной или отечественной) социологии» может создать впечатление, что речь идет об одной из дисциплин исторического цикла, однако это впечатление будет ложным. Изучение истории социологии в университете как по форме, так и по содержанию редко оказывается социологическим: парадоксально, но история социологии – одна из наименее историчных дисциплин на социологическом факультете. Практически везде эта обширная область исследований редуцирована к набору «великих» имен и их «теорий», так, словно никогда и не

Д.Ж. Кондов

существовали ни социальная история, ни социология знания. То есть, по сути, «история социологии» сведена к своей самой архаичной и примитивной форме: именно так в Средние века описывались деяния королей и святых. В свою очередь, по содержанию современные курсы «истории социологии» лишь отчасти связаны с актуальным состоянием социологии и если и дают о ней представление, то как бы случайно и мимоходом: этот эффект задан самой хронологической рамкой курса, которая навязана Госстандартом и оставляет на «живых» авторов лишь последние лекции и семинары, отдавая большую часть времени на откуп «мертвым» классикам (наивно оправдывая это тем, что они-де «необходимы для понимания» первых). И тем более эти курсы не связаны с рефлексией о собственных основаниях (логических и социальных). Однако они воспроизводятся из года в год: значит, они для чего-то нужны, но для чего?

В традиционном обществе история «деяний королей и святых» имела вполне определенное предназначение: она была одним из инструментов накопления и поддержания их «славы» в условиях, когда вес символического капитала («чести») был на порядок выше, чем сейчас (Норберт Элиас пишет о Людовике XIV, что он «ведет войны, потому что титул завоевателя есть “благороднейший” и высочайший из всех титулов... И если Людовик XIV заключает мир, то он хвалится тем, что отеческая любовь к подданным взяла верх над его “собственной славой”»¹). Порой создается впечатление, что единственной функцией истории социологии в своей архаической форме является схожая по сути легитимация факультета в пространстве Университета и/или на международной социологической «арене»: так, в одной из своих последних книг («Баудолино») Умберто Эко описывает ситуацию, которая сложилась в Средние века, когда силовым балансом между городами выражался, помимо прочего, через наличие более или менее почитаемого «святого» (или его части) в главном храме конкретного города – что привело к ситуации конкуренции за «святые мощи» и появлению в рамках Европы пяти голов Иоанна Крестителя и т. п. Социология, поздняя дисциплина, появившаяся в рамках Университета только в начале 90-х годов прошлого века, похожа на нувориша, который, внезапно разбогатев, желает стать частью «хорошего общества» и «конструирует» себе аристократические корни: получив заветные кафедры, социологи бросились вспоминать славные традиции и отчаянно спорить был ли Питирим Сорокин русским или все-таки американским социологом (как когда-то города вели спор о том, чья голова Крестителя более «свята»)?

Собственно, представленный ниже набросок анализа социальных оснований социальной теории Н.К. Михайловского – это попытка показать, что есть иные «способы употребления» данной дисциплины. Изучение истории (отечественной) социологии может стать своего рода напоминанием о том, что каждый исследователь, его «перспектива», укоренена в той истории, частью которой он является. И как любая «точка зрения», эта перспектива предполагает наличие «темных мест»: Мерло-Понти где-то говорил, что мы не видим того места, откуда видим то, что видим. Это «немыслимое в мысли», продукт занимаемого в социальном пространстве «места», является тем, что одновременно делает что-то видимым и что-то скрывает. Делая его более или менее прозрачным для субъекта познания, «объективируя субъекта объективации» (преимущественно, путем исторической реконструкции «генеалогий» специфических схем мышления и восприятия, «категорий»), социологический анализ позволяет до некоторой степени контролировать свое «теоретическое бессознательное» и редуцировать его нежелательные эффекты. Чтобы обозначить этот ход мысли, Бурдьё ввел понятие двойной объективации: адекватно понять некоторую часть социального мира можно, лишь хорошо представляя ту позицию, которую занимаешь сам в этом мире и которую объективируешь в более или менее превращенной форме в тексте. Лишь вернув истории дисциплины ее историчность, можно надеяться на (относительную) свободу по отношению к ней.

Социальная траектория и «субъективная социология»

По мнению П. Бурдьё, составляющие теоретическое бессознательное исследователя «допущения принадлежат трем различным порядкам: существуют, прежде всего (начиная с самых поверхностных), те, что связаны с обладанием определенной позицией в социальном пространстве и с особенной траекторией, которая к ней привела, так же, как и принадлежность к определенному полу (который может множеством способов затронуть отношение к объекту в той мере, в какой половое разделение труда вписано в социальные структуры и структуры когнитивные, ориентируя, например, выбор объекта). Далее следуют те [допущения], которые являются конститутивными для $\delta\acute{o}\xi\alpha$, свойственной каждому из различных полей (религиозному, артистическому, философскому, социологическому и т. д.), и,

Д.Ж. Кондов

точнее, те, которыми каждый мыслитель обязан своей позиции в определенном поле. Есть, наконец, те допущения, которые являются конститутивными для $\delta\beta\alpha$, генетически связанной со $\sigma\chi\omicron\lambda\acute{\iota}$, досугом – условием существования всех ученых полей»². Специфическая социальная траектория, проходящая через серию взаимосвязанных позиций (начиная с родительской семьи), «осаждается» в виде практических схем восприятия, оценивания и действия, которые Бурдые обозначил как габитус и которые являются порождающим принципом практик, в том числе и «теоретических».

Внешней стороной социальной траектории и отправным пунктом нашего анализа может служить «официальная» биография Н.К. Михайловского, фиксирующая событийную сторону его истории. Николай Константинович Михайловский родился в городе Мещовске Калужской губернии в дворянской семье³. Лишившись в раннем детстве матери и в 14 лет отца, он был практически предоставлен самому себе. Помощь родственников позволила ему окончить в Костроме гимназию, после чего он был определен в Санкт-Петербургский институт корпуса горных инженеров. Однако завершить образование ему не удалось из-за участия в студенческих волнениях. Что, впрочем, его не сильно тяготит – он мечтает стать адвокатом, «защитником вдов и сирот» (необходимо отметить, что эта позиция получает новое звучание после Великих реформ: фигура адвоката – например, в произведениях Степняка-Кравчинского – часто появляется в одном контексте с фигурами революционного подполья). После исключения из института он уезжает в провинцию к родным. По возвращении в Петербург посещает лекции на юридическом факультете, но со временем охладевает к профессии адвоката. Он много читает, по мнению В.В. Козловского, именно в это время он знакомится с произведениями Белинского, Добролюбова, Чернышевского и Писарева – авторов, которые составят его литературный пантеон.

С 1868 г. Н.С. Курочкин приглашает Михайловского в библиографический отдел «Отечественных записок», которые взял в аренду Некрасов. Но приветственное стихотворение Муравьеву, председателю верховной следственной комиссии по делу Каракозова и усмирителю польского восстания, которое написал Николай Некрасов, порождает в душе Михайловского серьезные сомнения в возможности сотрудничать с его журналом. Тем не менее он соглашается работать в «Отечественных записках» и предлагает редакции журнала – Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Слепцову и Елисееву – начало своего романа «Борьба». Хотя ро-

ман был принят благосклонно, автор не решается опубликовать его. Начиная с 1869 г. вплоть до его закрытия, Михайловский становится одним из самых ярких сотрудников журнала. К нему быстро, особенно после публикации его первой крупной работы «Что такое прогресс?», приходит известность. В 80-е годы его называют властителем дум молодежи и популярнейшим мыслителем своего времени. Затем он работает в популярном журнале «Русское богатство», с 1891 г. — в качестве главного редактора. Таким образом, потомок обедневшего дворянского рода, конвертируя полученный начальный культурный капитал (прежде всего, образование), становится одним из ключевых деятелей на публичной (литературно-политической) сцене второй половины XIX в.

Первой и самой известной работой Михайловского стала статья «Что такое прогресс?», опубликованная в некрасовских «Отечественных записках» в 1868 г. В статье основным оппонентом автора в борьбе за легитимное определение прогресса (его критериев) выступает Спенсер, а все остальные темы выстраиваются вокруг этой оси. С точки зрения Михайловского, основой определения должно быть благополучие и развитие («счастье») личности. Если Спенсер определил прогресс как движение от однородности к разнородности (дифференциация) и проводил аналогию между обществом и организмом, то, в свою очередь, Михайловский утверждает ровно обратное — единственной «целостностью», по отношению к которой стоит определять прогресс/регресс, является не общество, а личность (которая, в отличие от общества, обладает «способностью страдать и наслаждаться»), для которой разделение труда (спенсеровская «дифференциация») оборачивается деградацией (т. е. негармоничным развитием как следствие усиления одних «отправлений» и ослабления других — и прежде всего появление различия между умственным и физическим трудом): «В организме все-таки страдает и наслаждается целое, а не части; в обществе все-таки страдают и наслаждаются части, а не целое. И никакое остроумие, никакая эрудиция не в силах стереть эту коренную разницу, связанную с коренной разницей между разделением труда физиологическим и социальным, которая, в свою очередь, связывается со столь же коренной разницей между развитием органическим и социальным»⁴. Счастье и благополучие личности увязывается, таким образом, с одним типом разделения труда, с «простой кооперацией», где люди работают над общей проблемой, не распределяя между собой тех или иных участков работы, — и противопоставляется «сложной кооперации», функциональному разделению труда, в котором человек становится

Д.Ж. Кондов

элементом большого производственного целого и занимается лишь какой-то узкой проблемой. Михайловский цитирует по этому поводу Шиллера: «Вечно возясь с каким-нибудь обрывком целого, человек и сам превращается из целого в обрывок». Возвышенный идеал полноценной личности становится той общей мерой, с помощью которой можно определить направление движения общества, его прогресс или регресс. В дальнейшем эта тематика будет развиваться в статье, посвященной «борьбе за индивидуальность» (1875). Общество и личность находятся в ситуации «борьбы за индивидуальность» – борьбы за целостность, в результате которой либо личность победит и подстроит под себя общество («простое разделение труда»), либо сама подстроится под общество, которое в пределе станет некоторым подобием «организма», редуцирующего личность к простой «клетке», образом которого служит современный муравейник («сложное разделение труда»). «Прогресс» общества, его дифференциация и усложнение – это регресс личности, ее упрощение и деградация. Исход этого непримиримого противостояния не ясен – он лишь «возможен», у истории нет предначертанных путей. Симпатии Михайловского однозначны: «Победе высшей индивидуальности, то есть общественной (какой бы она ни была – национальная, экономическая, родственная, политическая), я радоваться не могу. (...) Я – не олимпиец, а только человек, то есть индивид в тесном смысле слова, а потому сочувствовать могу только такому же индивиду, и радоваться только его победе, и горевать только о его поражении»⁵.

Но вернемся к работе «Что такое прогресс?». Именно в таком теоретическом контексте появляется знаменитый «субъективный метод», давший название всей социологической «школе» Михайловского (ее создателями были П. Лавров, С. Южаков и Н. Кареев, а последователями – А. Гизетти, Н. Рейнгардт, В. Чернов, Н. Русаков, Е. Колосов, М. Менский, П. Мокиевский, А. Красносельский и др.). Дадим слово автору: «...может быть, объективная точка зрения, обязательная для естествоиспытателя, совершенно непригодна для социологии, объект которой – человек – тождествен с субъектом; может быть, вследствие этой тождественности мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т. е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, почувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами»⁶. «Субъективный метод» – это оценка социальных явлений с этической, нравственной точки зрения, с высоты

нравственного идеала. Свое выражение он получил в теории единства Правды-истины и Правды-справедливости: истина изначально одна и лишь прогресс в разделении труда приводит к состоянию разделения на прекрасное, истинное, справедливое и т. д.: «И метафизика и специализация знаний суть результаты нарушения целостности неделимых и бесконечного раздробления человеческих целей и интересов. И та и другая возможны только в эксцентрическом периоде социального развития. Третий великий результат нарушения индивидуальной целостности и гармонии отправления есть объективный метод в социологии...»⁷

Идеи Михайловского, связанные с соотношением идей и состояния разделения труда, его «социология знания», составляют нецененную по достоинству часть его творчества. Все проекты «науки для науки», «искусства для искусства» и т. д. являются, считает он, лишь иной формой того разделения труда («эксцентрический» период истории), которое сделало их возможным: «Поклоняясь красоте, он думает, что он ратует за чистую, идеальную красоту, тогда как на самом деле он только возводит в принцип те черты эмпирической, так сказать, красоты, которые ему доступны; он ратует только за те условия, которые дали возможность выработаться этой эмпирической красоте»⁸. Так, например, «ожиревший» идеал красоты купеческого сословия, представляющий для него «красотой вообще», является продуктом характерных для этой социальной группы условий жизни, «удаленной и от тяжелого труда, и от утонченного развития страстей, и от умственного развития». Таким образом, «субъективный метод», вновь объединяющий нравственные и фактические суждения, истину и справедливость в единой «правде», является не только единственно адекватным и научным (для успешного познания социального мира необходимо, считает Михайловский, обладать высоким нравственным идеалом), но и средством преодоления «эксцентрического» периода истории и (всегда лишь возможного) перехода к периоду «субъективно-антропоцентрическому» (в данной работе не ставится задача исчерпывающе описать социологию Михайловского⁹).

Объективация субъекта объективации

Связь социологии Михайловского с «духом времени» эпохи была очевидна уже для его современников – за высокими абстракциями социальной теории стояли вполне узнаваемые проблемы пореформенного развития России. Фокусом этих проблем

Д.Ж. Кондов

после Манифеста об освобождении крестьян был «аграрный вопрос» и развитие капитализма. Как часто бывает в таких случаях, именно политические противники связали непосредственные условия производства социальной теории и ее содержание. Прежде всего речь идет о П. Струве, Туган-Барановском и В. Ленине, которые в 90-х годах XIX в. вступили с Михайловским и его сторонниками (Воронцов, Даниельсон, Южаков и др.), группировавшимися вокруг журнала «Русское богатство», в борьбу за «наследство» 60-х и, в более общем плане, за интеллектуальное лидерство в среде левых радикалов. Именно тогда и именно в этом контексте появляется оппозиция «народники»/«марксисты», которая сохранилась в отечественной историографии до наших дней почти в неизменном виде. Ленин пишет ряд работ («Что такое “друзья народа” и как они борются против социал-демократов», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «От какого наследства мы отказываемся?» и др.), в которых «разоблачает» мелкобуржуазный характер «субъективной социологии» и в этом видит причину, которая не позволила Михайловскому оценить прогрессивную роль капитализма: «Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против “наследства” просветителей, поставив вопрос о капитализме в России, но данное им решение этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелкобуржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду вопросов общественной жизни оказалось позади по сравнению с “просветителями”»¹⁰. Поскольку «народничество по своему содержанию соответствует интересам класса мелких производителей, мелкой буржуазии, которая занимает промежуточное положение среди других классов современного общества», постольку «идеализация крестьянина и его общины – одна из необходимых составных частей народничества, и народники всех оттенков, начиная от г-на В. В., и кончая г-ном Михайловским, принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания “общины”»¹¹. Этот «анализ» давал право утверждать Ленину, что «ученики – гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники»¹².

Именно эта версия, замыкавшая «субъективную социологию» непосредственно на классовую структуру общества, стала господствующей в интерпретации творчества одного из первых социологов в России. Любопытным подтверждением этого положения является работа американского слависта Р. Пайпса, посвященная биографии П. Струве¹³, где он неизбежно касает-

ся творчества его оппонента. По мнению исследователя, социология Михайловского оказалась необычайно созвучна той социально-политической ситуации, которая сложилась после Манифеста, когда основная часть негосударственных пахотных земель была поделена на две примерно равные половины: одна осталась у помещиков, а другая была передана крестьянству. С экономической и юридической точек зрения помещичье и крестьянское владение землей базировалось на разных принципах. Земля, оставшаяся в помещичьем владении, равно как и та, которую они постепенно продавали коммерсантам и разбогатевшим крестьянам, являлась частной собственностью. Ее можно было закладывать или продавать, и, как правило, обрабатывалась она не владельцами, а наемными рабочими или арендаторами. По марксистской терминологии, эта земля стала основой капиталистического сектора российской сельской экономики. Тогда как земля, переданная, согласно Манифесту, крестьянам, содержалась и эксплуатировалась на основе другого принципа, известного как «народное производство». В этом секторе каждому труженику был гарантирован (по крайней мере, теоретически) прямой доступ к средствам производства и земельный надел; но он не имел права распоряжаться ими как своей собственностью – это право принадлежало общине, членом которой он являлся¹⁴. Именно эта объективная двойственность социальной организации ключевой сферы российской экономики (девять из десяти человек населения Империи были крестьянами) нашла свое теоретическое выражение в двух типах разделения труда – «простом» и «сложном». «Субъективная социология», таким образом, являлась не чем иным, как политической программой, призывавшей к поддержке одного сектора экономики («народного производства») за счет другого («капиталистического»), а собственно «социология» была лишь приемлемой для царской цензуры формой выражения этой программы и дополнительным аргументом в ее пользу («научность»). Не отказываясь от этой традиции осмысления творчества Михайловского, необходимо признать ее односторонность и неполноту: замыкая концептуальный аппарат последнего на столь широкий контекст, упускают из виду гораздо менее заметные и более сильные социальные детерминации, связанные с контекстом профессиональной деятельности, которые опосредуют влияние этого более широкого контекста. Речь идет о журналистике, специфическое принуждение которой опосредует для его агентов влияние других полей – экономики, политики и т. д.

В своих «Литературных воспоминаниях» Михайловский пишет: «Для меня лично “литературные воспоминания” — плеоназм. Иных воспоминаний, кроме литературных, я бы и не мог предложить читателям, потому что вся моя жизнь протекла в литературе. Конечно, и у меня, как у всякого, были внелитературные связи и отношения, но я не полагаю их интересными для читателей. Говоря, что жизнь моя вся протекла в литературе, я понимаю жизнь профессиональную, жизнь труда. Я никогда не служил ни на государственной, ни на частной службе, никогда не носил мундира, кроме школьного, никогда не занимался торговлею, хозяйственными делами и т. п. <...> Начав писать на школьной скамье, я затем уже не переставал быть литератором и только литератором, за исключением, помнится, двух лет, когда, еще не оперившись в литературном смысле, снискивал себе пропитание чтением корректур. Значит, и тут был все-таки около литературы»¹⁵. Мелкопоместный дворянин, недоучившийся буквально несколько месяцев и так и не получивший диплома о высшем образовании, Михайловский был полностью и всецело обязан своим положением в обществе печатному слову и, в более широком смысле, своему «культурному капиталу», понятому как практическое владение определенным культурным кодом. Выбор журналистики и литературы как призвания вряд ли можно назвать случайным – потеряв возможность получить диплом горного инженера из-за излишне острой реакции администрации на юношеский нонконформизм («А выйти я должен был за коноводство и либеральные и даже, можно сказать, якобинские убеждения, которые выразились преимущественно тем, что я носил волосы длинные и зачесывал их назад. Оказалось, что я Марат, Робеспьер. <...> Впрочем, ты не подумай, пожалуйста, что меня выгнали из корпуса, нет, мне очень вежливо предложили выйти самому по домашним обстоятельствам»¹⁶), он не только потерял возможность профессиональной карьеры, но и карьеры в административном аппарате Империи или в Университете. Собственно, выбор между адвокатурой, профессией юриста и литературным трудом («Тем не менее в то время, когда моя статейка о Софье Николаевне Беловодовой увидела свет, я не о литературной профессии мечтал, а об адвокатской... Я был особенно заинтересован судебной реформой, о которой, впрочем, должен признаться, имел довольно смутное понятие. Это не мешало мне мысленно говорить блестящие речи в качестве “защитника вдов и сирот”»¹⁷) являлся не таким уж большим, если принять во внимание, что и та и другая профессия были сильно преобразованы Великими реформами.

Введение независимого от администрации и гласного суда присяжных в 1864 г., по мнению Ричарда Уортмана, было вызвано не только необходимостью защиты прав собственности после Великих реформ, но и результатом процесса профессионализации профессии юриста, начавшегося еще в правление Николая I (последний полагал, что получив образование, судьи и юристы смогут точнее и лучше исполнять соответствующие приказы)¹⁸. Итогом этого процесса стало появление группы высокообразованных чиновников, для которых право составляло самостоятельную ценность вне и помимо его отношения к воле монарха. Появление относительно автономного суда в структуре государственного аппарата неизбежно клало некоторый предел произволу администрации, главой которой был самодержец. Именно эта особенность во многом объясняет то недоверие и напряженность, которая существовала между новым судом и императором. Как пишет Р. Уортман, приступая к реформе, Александр II полагал, что действует в согласии с духом национальной исключительности: абсолютный монарх дарует России благо либеральных учреждений без конфликтов и насилия, сопровождавших их возникновение в Европе, и тем самым возвысит образ власти, обретет поддержку в образованном обществе. Вместо этого Великие реформы спровоцировали надежду на нечто большее, ожидание общественного участия в управлении, т. е. тех самых перемен, которые реформы должны были предупредить¹⁹.

Журналистика и литература находились в схожем положении: в 1865 г. меняется порядок контроля, администрация Империи переходит от предварительной цензуры к цензуре карательной, с привлечением к ответственности за нарушение соответствующих правил по суду. От предварительной цензуры освобождалось большинство газет и журналов страны (однако прежний порядок контроля был сохранен для периодики и книгоиздания, обращенных к массовой аудитории). По указу императора закон вступал в силу 1 сентября. 4 сентября 1865 г. без предварительной цензуры вышли «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос» и «Московские ведомости», с 11 сентября – «День», затем «Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Весть», «Сын Отечества» и др.²⁰ Облегченный порядок цензуры и выпуска новых изданий открыл дорогу количественному расширению издаваемой продукции (и, соответственно, открыл пространство карьерных возможностей для массы молодых и образованных людей): при Николае I в 1845–1854 гг. был разрешен выпуск 6 газет и 19 журналов (без учета органов правительственных учреждений и ученых обществ), при Алек-

Д.Ж. Кондов

сандре II в 1855–1864 гг. соответственно – 66 и 156. К 1881 г. в стране выходило около 500 частных изданий²¹. Все эти изменения в области литературы и журналистики не могли не найти отражения в их отношении к государственной власти. В 1868 г. тогдашний министр внутренних дел граф П.А. Валуев писал: «...печать стремится влиять на правительство, руководить им и устанавливать на прочных основаниях свой собственный авторитет рядом с авторитетом правительства. Это естественное и потому повсеместное стремление печати»²². И новый суд и журналистика демонстрировали то стремление к автономии, которое так характерно для проекта Просвещения и его носителей, образованной части населения Империи (это было отмечено, например, Герценом, который в 1854 г. пишет: «Наше воспитание не имеет ничего общего с той средой, для которой человек предназначен, и в этом его достоинство. Образование у нас отрывает молодого человека от безнравственной почвы, гуманизирует его, превращает в цивилизованное существо и противопоставляет официальной России. Он от этого много страдает. Это – искупление преступлений наших отцов»²³). А выбор той или иной сферы в качестве области приложения своих сил был выбором в пользу профессий, в которых культурный капитал был ключевым (особенно это относится к журналистике) и которые, в силу этого, стали одним из способов конверсии и воспроизводства социальной позиции для обедневшего дворянства (миф об «упадке дворянства» (чеховский «вишневый сад»), который некоторые фракции этого сословия ловко использовали, скрывал процессы социальной конверсии, позволявшие удержать господствующие позиции в новом, уже классовом обществе²⁴).

Когда Ленин пишет о «наследстве» и «наследниках» 60-х годов, оспаривая это право у Михайловского и сотрудников «Русского богатства», то это лишь отчасти метафора. Та позиция, которую последний занял в «Отечественных записках» в 1868 г., была сформирована непосредственно Белинским, Чернышевским и Добролюбовым. И речь не столько об идейном наследии, которое, безусловно, усвоил Михайловский, сколько о самом месте публициста и литературного критика в «радикально-демократическом» журнале. «Отечественные записки» образца конца 60-х годов – это вариант закрытого цензурой в 1866 г. «Современника» Н. Некрасова, где и сотрудничали легендарные публицисты. Толстый журнал того времени имел две примерно равные части – литературную и публицистическую, и именно последняя во многом определяла лицо журнала, его «направление» и была напрямую зависима от позитивной или нега-

тивной оценки читающей публики. Эту зависимость и ее эффекты, по отношению к которым именно публицисты были наиболее уязвимы, стоит рассмотреть внимательнее.

Патрик Шампань, французский социолог, занимающийся проблемами журналистики, пишет, что история журналистики могла бы быть названа историей невозможной независимости, поскольку творчество журналиста всегда в значительной мере обусловлено общественными, в особенности политическими и экономическими, условиями. Конкуренция, срочность, объем продаж, политические факторы – все это влияет на деятельность различных средств информации. Иначе говоря, если даже пресса не контролируется существующей властью, то это не означает полной свободы выражения для журналистов. Экономическая цензура, которая производит отбор в зависимости от действительных или предполагаемых ожиданий публики, может быть порой гораздо более сурова и безжалостна. Более того, она анонимна и многим кажется вполне законной. Таким образом, главное противоречие поля журналистики состоит в том, что наиболее соответствующий нормам журналистики тип поведения далеко не всегда экономически выгоден (более того, эти внешние принуждения настолько сильны, что ставят под вопрос само существование «поля», как относительно автономного пространства со своими «правилами игры»). Журналист стремится в идеале к служению истине любой ценой, но он работает в газете, имеющей определенную цену, и оказывается втянутым в экономическое предприятие с его собственными требованиями, не имеющими чисто духовного значения²⁵. Безусловно, поле журналистики не однородно и в нем есть позиции и полюса, которые зависят от чисто экономической логики получения прибыли в большей или меньшей степени: толстые журналы типа «Отечественных записок», экономическим базисом которых были подписчики, обновлявшие подписку из года в год, были безусловно гораздо менее зависимы, чем, например, ежедневные газеты, которые должны были найти покупателя немедленно (и, таким образом, оправдать вложенные в рекламу средства рекламодателей). Подписка давала некоторое пространство для маневра издателю и публицистам, но тем не менее довольно ограниченное. Тем более что в отличие от писателей-дворян публицисты часто бывали более зависимы от заработной платы, получаемой от издателя, и соответственно от экономического успеха издания: «Говоря, что жизнь моя вся протекла в литературе, я разумею жизнь профессиональную, жизнь труда... Да не подумает читатель, что я вижу в этом какую-нибудь заслугу или особенное

Д.Ж. Кондов

достоинство. Я просто предъявляю факт, имеющий свои очень дурные стороны, между прочим, ту обидную практическую беспомощность, которой почти всегда отличаются люди, с молодых лет исключительно отдавшие литературе. Бывают, правда, редкие исключения, как, например, Некрасов, но это именно исключения»²⁶. И это тем более относилось к предшественникам Михайловского, сформировавшим занимаемую им позицию: «разночинцам» Белинскому и Чернышевскому.

Таким образом, позиция, которую занимал публицист в журнале и журнал по отношению к другим СМИ, накладывала ограничения и выдвигала определенные требования к характеру производимой продукции. В публицистике не было места специализированному знанию, требующему в том числе гораздо больших временных затрат: «Из нашей братии, пишущих наспех и не имеющих в своем распоряжении достаточно времени для обработки своих статей, разве только какая-нибудь очень самоменная бездарность бывает часто довольна своим произведением...»²⁷. Этот недостаток *времени*, как одно из условий производства (социологического) знания – наравне с другими – определяет характер текста, чья внутренняя связность обеспечивается существующим «здравым смыслом», порядком очевидностей, которые автор разделяет со своей публикой: «Мне случалось тогда писать, кроме отдельных статей теоретического характера, по два ежемесячных обзора зараз... по самым разнообразным вопросам – философским, социологическим, нравственным, чисто практическим, литературным. И все это связывалось единством пульса жизни, который у меня бился в такт с моими читателями... Теперь г. Яковенко вырывает из всего этого, собственно говоря, один эпизод, хотя и очень важный, и набрав, как ему кажется, букет противоречий, говорит: объясни! Многочисленные выписки г. Яковенко из моих сочинений представляются мне чем-то вроде скошенной травы: когда-то все это было живо, каждая травинка имела свои корни в земле и добывала из земли нужные ей соки, и росла и цвела»²⁸ (курсив мой. – К. Д.). Публицистическая социология Михайловского оказывается пронизана политизированным здравым смыслом («корни в земле»), который в своих основных контурах определен существующим на тот момент балансом политических сил и производной от них «актуальностью» (что и поспешили отметить его политические оппоненты – Ленин и Струве).

Кроме того, эта же форма зависимости от «публики» нашла свое выражение также в том *определении «искусства»*, которое он отстаивал как литературный критик: «Дело в том, что заразительность есть единственное мерило достоинства искусства как

искусства, и это еще не решает вопроса о достоинстве тех чувств, которые оно передает. Поэтому «истинное», «хорошее» искусство, в которое художник вложил и оригинальность, и ясность, и искренность и которое обладает высокой степенью заразительности, может быть вместе с тем дурным искусством по характеру внушаемых им чувств»²⁹. Нетрудно заметить, что это определение «искусства» напрямую зависит от *внешней оценки широкой публики*, в том числе выраженной в *количестве продаж*: «Что г. Чехов и Горький занимают в настоящую минуту “верхи”, в этом нет сомнения. В особенности поразителен успех г. Горького. Г. Чехов заработал свое нынешнее положение далеко не сразу, тогда как с г. Горьким произошло нечто вроде рождения готовой Минервы из головы Юпитера. На моем экземпляре пятого тома его “Рассказов”, помеченном прошлым 1901 годом, значится: “двадцать шестая тысяча”. Это цифра — если она еще окончательная — исключительная в нашей литературе. А принимая в соображение, что автор появился в литературе всего каких-нибудь пять-шесть лет тому назад, надо признать, что ни одна из звезд первой величины нашего литературного небосклона, — ни Толстой, ни Достоевский, ни Щедрин, ни Тургенев — не завоевывали с такою быстротою такого широкого круга читателей»³⁰.

Необходимость удовлетворять вкусам относительно широкой образованной публики (в 90-х годах число подписчиков «Русского богатства» не превышало 14 тысяч, что считалось большим успехом³¹), будучи инкорпорирована в ходе подстройки габитуса под объективно занимаемую позицию, становится добродетелью «целостности» (понятой как отсутствие специализации), «профанности» и т. д. Иначе говоря, экономически необходимое отсутствие специализации (которое может лишь уменьшить количество подписчиков и ухудшить финансовое состояние журнала), став набором практических схем восприятия и оценивания, принимает форму утверждения ценности «профанности», целостной «личности» и т. д. (и, соответственно, осуждение «специализации», «раздробленности», «науки для науки» и т. д.) — т. е. становится *личным идеалом*: «Для человека жить не значит пить, есть и спать. Многие люди живут этой жизнью, но это недостойная человека жизнь... Жить значит мыслить, чувствовать и действовать, причем все три элемента должны быть в полном согласии, ибо это равноправные и друг друга поддерживающие функции или стороны жизни»³². И тот факт, что социологическая концепция Михайловского, появившись почти полностью готовой на заре его публицистической карьеры, почти не менялась, говорит о том, что она была практически идеально подстроена под ту объективную

Д.Ж. Кондов

позицию, которую он занимал (и, соответственно, под те требования, которые она ему предъявляла). (Также это говорит о том, что тот набор капиталов, которым он обладал («Начав писать на школьной скамье, я затем уже не переставал быть литератором и только литератором»), и связанный с ним опыт (габитус как практическое видение себя и мира, «верования»), соответствовал, т. е. был «функционально адекватен», позиции публициста. Он был в полном смысле «наследником».)

Так и не получив специализированного образования, разорвав с университетским миром (отчасти не по своей вине), Михайловский унаследовал тот род специфической «культуры» (сформированный ранее другими публицистами), который был максимально эффективен именно в области публицистики, где объективные требования позиции (срочность, простота, доступность, широта охвата материала в тексте) совпадали с его субъективными пристрастиями. Таким образом, *концепция «личности»*, которая является смысловым и нормативным центром его субъективной социологии (критерием «прогресса»), оказывается продуктом опыта, полученного в ходе социальной траектории. «Разносторонне развитая личность» – это неузнанная и не признанная как таковая «разносторонне развитая» личность самого Михайловского, чье неспециализированное образование (специфика приобретенного им культурного капитала) оказалось удивительно созвучно объективным требованиям позиции публициста в толстом журнале. «Личность» – это объективная необходимость, ставшая добродетелью и функционирующая (вне и помимо сознательных интенций автора), таким образом, как *идеология*. Идеология, которая выступает, помимо всякой воли и желания самого Михайловского, оправданием, апологией того *способа бытия* (социальной позиции), который представляет ее автор. Будучи сам очень внимательным к позициям своих оппонентов, производя их объективацию (например, справедливо замечая, что определенные идеалы красоты связаны со специфическими условиями существования), он не заметил (предпочитая мыслить себя как исключение) связь собственных идеалов с конкретными историческими «условиями существования». Универсализируя *личность»* до общечеловеческих масштабов, как критерий прогресса общества, Михайловский – просто в силу половинчатости и заинтересованности произведенной им объективации – универсализирует тот способ (социального) бытия, который был условием возможности появления такой концепции «личности» (его социальная траектория, включая – по преимуществу – его деятельность как публициста). (Необходимо

отметить, чтобы избежать анахронизма, что граница, которая разделяла журналистский мир от мира университета, была в то время гораздо более проницаема, чем сейчас. Об этом, например, говорит биография П.Б. Струве, который неоднократно в разные периоды своей жизни пересекал ее в обе стороны. Возможно, доступ к университетской кафедре, вкупе с полученным в наследство культурным и социальным капиталом (история семьи Струве знает как высших администраторов Империи, так и известных ученых), оказался одной из причин того, что в своих работах он четко отделяет (вслед за неокантианцами) «сущее» и «должное». Идеалы «развитой личности», «профана» могут быть расценены, в свете этой перспективы, как своего рода «рессентимент», плод невозможности для некоторых этого «естественного» перехода.)

Таким образом, тот набор концепций, который составляет ядро «субъективной социологии», можно рассматривать как «превращенную форму» той позиции, которую занимает автор в структуре (журналистского) разделения труда, и той траектории, которая привела его на эту позицию – так же, как и той истории, продуктом которой эта позиция является. Единство Правды-истины и Правды-справедливости – это не только и не столько политическая позиция, выраженная на эзоповом языке социологии, чтобы преодолеть (все более, надо сказать, слабеющую) политическую цензуру, сколько выражение объективной экономической необходимости привлечь больше читателей, ставшее субъективной добродетелью (успешного) журналиста, самой судьбой предназначенного для этой позиции. Этот вывод не противоречит более старой традиции интерпретации, которая, начиная с Ленина («Поскребите “народного друга”... и вы найдете буржуа»³³), замыкает творчество Михайловского на широкий социально-политический контекст, но делает ее более нюансированной: именно позиция публициста делает его более восприимчивым к социально-политической «актуальности» («мыслить мыслями» исследуемого объекта) и задает ту точку зрения, с которой она описывается («личность», «прогресс» и т. д.).

Alter Ego: Максим Максимович Ковалевский

Позиция, которую Н.К. Михайловский занимал в поле журналистики, позиция литературного критика в прогрессивном журнале, рассчитанном на широкую «просвещенную» аудиторию, «наследника» великих традиций 60-х, как и любая другая позиция, одновременно и скрывает и показывает. Как это часто

Д.Ж. Кондов

случается, он был крайне пронизателен в отношении своих идейных противников: «свободная от оценок» социология («наука для науки»), похоже, действительно была продуктом долгого процесса дифференциации и развивалась прежде всего в университетах. Свидетелем и участником этого процесса был Н. Кареев – в своей работе, посвященной русской социологии, он напишет: «Между этой академической социологией, особенно большой роли в преподавании не игравшей, и социологией журнальной, хотя тоже более научной, чем публицистической, тесной связи не образовалось, и в первой из них вообще было больше объективизма, академизма, отвлеченности. В этой же ученой среде были сделаны и первые попытки систематизации социологии как в направлении историко-критического обозрения социологических учений, так и в смысле наложения самой теории в понимании автора»³⁴.

Ключевой фигурой этой альтернативной версии социологии, зародившейся в Университете независимо и позже «субъективной», является Максим Максимович Ковалевский (но, кроме того, Е. де Роберти и, позже, П. Сорокин), история которого показательна в контексте социальной траектории нашего героя. Он был потомком предводителя дворянства Харьковской губернии и девушки из древнего, но обедневшего рода, его стартовые позиции кардинально отличаются от таковых у Михайловского. Если последний лишь с помощью родственников закончил гимназию, то Ковалевский, признававшийся, что помещики их круга «жили в довольстве» и «значительного сокращения дохода от отмены «несвободы» не ощутили»³⁵, не спешил с учебой и занимался дома с гувернантками и гувернерами (что, помимо прочего, дало отличное знание основных европейских языков, но обернулось проблемами с поступлением в гимназию). Именно французский гувернер оказался у истоков интереса Ковалевского к истории. (Это расхождение между нашим героем и его протагонистом не случайно – дворянское сословие было крайне дифференцированным по своим доходам: Б.Н. Миронов подсчитал коэффициент Джинни (0 при полном равенстве, 1 при максимальном неравенстве) для этого сословия, который оказался одним из самых высоких (0,71 в 1858 г.). Исходя из этого, он заключает: «Малочисленная дворянская элита, состоявшая из богатых дворян-помещиков, по своим доходам резко отрывалась от всего остального дворянства. В массе российское дворянство отнюдь не было богатым...»³⁶.)

Можно предположить, что именно сочетание, с одной стороны, высокого социального положения семьи, а с другой – ее

относительной дистанции по отношению к властной иерархии, которую олицетворяла высшая бюрократия Империи (они жили на периферии, в Слободской Украине, и отец Максима Максимовича, герой войны 1812 года, настолько «дорожил дворянской честью», что «считал ниже себя отправление каких-либо придворных должностей»³⁷), было условием появления «*незаинтересованных*» и «*отстраненных*» *диспозиций* в отношении знания (схожие условия можно наблюдать, например, в определенный момент в семье Струве). Так или иначе, но в гимназии он уже «заражен стремлением к ученому педантизму», а в Харьковском университете, куда на юридический факультет он поступил в августе 1868 г., окончательно делает выбор в пользу карьеры ученого, знаменующий ощутимый разрыв с прежней средой («Пустота провинциальной среды и той золотой молодежи, среди которой я вращался на расстоянии немногих месяцев, стала для меня очевидной»³⁸). Здесь же он впервые знакомится с фигурами О. Конта и Дж.Ст. Милля, которые будут путеводными звездами его интеллектуальной карьеры – как и интерес к «истории учреждений и общественности». (Кто знает, возможно, в этой склонности к «педантизму» свою роль сыграла «природная неуклюжесть» и лишний вес, набранный после тифа: учитель «на общих танцклассах, устраиваемых для детей дворянских семей, к немалому моему смущению не обращался ко мне иначе, как со словами: “Поворачивай, медведь”»³⁹. Или же физический недостаток (не очень хорошо сшитая в детстве заячья губа), из-за которого в гимназии его обидно дразнили «трехгуб»⁴⁰. За повышением роли (основательного) «знания» и «таланта» перед светской «легкостью» (ставшей «пустотой») вполне возможно скрывается своеобразная механика *рессентимента*.)

В 1872 г. М.М. Ковалевский заканчивает университет и получает степень кандидата права за работу «О конституционных опытах Австрии и чешской национальной оппозиции». После чего начинается долгий период ученичества в Европе: Прага, Вена, Берлин, Париж и Лондон (такого рода поездки впоследствии станут регулярными и иногда вынужденными) – *состояние* и дарованное им свободное для научных изысканий *время* кардинально отличает ситуацию Ковалевского от ситуации Михайловского, которому, как было показано выше, постоянно не хватало ни первого, ни второго. Интересно в этом отношении сравнить представление о профессиональном мастерстве у Ковалевского, неявно присутствующее в качестве цели в предложении реформы образования («...легко было бы устроить более специальные курсы для тех, кто пожелал бы усвоить тот или другой

Д.Ж. Кондов

предмет не в размерах общего очерка, а с восхождением к источникам и их критике... Необходимо, чтобы так называемые семинарии, или, что то же, практические занятия, знакомили с методами исследования, каких придерживаются наиболее выдающиеся русские ученые... Как не организовать эту помощь профессорской коллегии таким образом, чтобы наши молодые люди обрели возможность, не в пример нам, испытывать свои силы на научной разработке русского материала под руководством наиболее известных русских специалистов...»⁴¹), и таковое у Михайловского, включающее как необходимое условие нравственное совершенство, *помимо* собственно специфической компетенции (см. выше): эти разные акценты – на собственно *специфической* компетенции («объективизм» Ковалевского) и компетенции, если можно так выразится, *нравственной* («субъективизм» Михайловского) – выражают в неузнанной и непризнанной форме *время*, необходимое на получение первой, и его практические условия (социальное происхождение из разных страт дворянского сословия, Университет / демократический журнал и т. д.). Возможно, именно этим обусловлена подмеченная Ковалевским «некоторая предвзятость» «избалованного вниманием» Михайловского «к людям, посвятившим себя педагогической деятельности»: «они, мол, читают лекции повинным слушать их студентам, а мы пишем для добровольных читателей»⁴² – замечание, по сути, пытающееся символически перевернуть и обозначить как позитивную бóльшую, в сравнении с профессором, зависимость публициста от публики. Расхождения «в вопросах научного метода и общей доктрины» все-таки скрывают за собой определенные «расхождения в вопросах житейских»... (ср.: «При всем расхождении моем во взглядах с Михайловским, не столько в вопросах житейских, сколько в вопросах научного метода и общей доктрины...»⁴³).

В этом отношении М. Ковалевский (как и П. Сорокин (интересные эпистемологические эффекты (маловероятной) университетской траектории П. Сорокина зафиксировала Ю. Маркова⁴⁴), и в отличие от Н. Михайловского) является продуктом Университета, университетской системы с ее званиями, степенями и этапами карьеры: кандидат, магистр, профессор и т. п. Он успешно конвертировал полученный специфический культурный, экономический и социальный капиталы в университетские и научные позиции, другими словами, он является примером успешной конверсии (необходимость которой, как и средства, заданы Великими реформами: ценность дворянского звания была обусловлена прежде всего возможностью владеть землей с на-

ходящимися на ней крепостными) позиции наследственной аристократии в «аристократию ума, знания и таланта» (позиция, которую, «разумеется», разделяла и Софья Ковалевская⁴⁵); конверсии дворянской «чести», удерживающейся от прислуживания власти – в достоинство «профессора» Университета, обретшего после реформ невиданную прежде степень автономии. Тогда как социальная траектория Н. Михайловского принципиально (если не сказать, роковым образом) расходится с Университетом: как «коновод» студентов он вряд ли мог рассчитывать на успешную карьеру в любом из государственных учреждений. Надо ли говорить, что распределение политических позиций следует уже намеченным нами линиям социальных различий: если Н. Михайловский «народник» (стигма, навешенная на него противниками, прежде всего «марксистами» Струве и Лениным, с которой он был совершенно не согласен), то М. Ковалевский – «либерал» (позиция, что примечательно, характерная для всего профессорского корпуса настолько, что кадетскую партию неофициально именовали «профессорской»⁴⁶). (Интересно, что даже став в какой-то момент и редактором журнала, и политиком, Ковалевский сохранил специфические диспозиции профессора, которые обрекали эти новые роли как минимум на меньшую эффективность: «Мне хорошо было известно, что земледельцы Харьковской губернии были против этого выкупа. Я и сам допускаю его только в известных пределах. Но скрыть свою мысль я считаю ниже своего достоинства, поэтому, отвечая на вопрос, я заметил, что для борьбы с безземельем или малоземельем крестьян я ставлю на первый план переселение и передачу крестьянам в собственность казенных земель... Но и с этими ограничениями идея выкупа показалась земледельцам уезда настолько революционной, что они стали открыто агитировать против меня... Удивительно, что при таких условиях, если я получил то значительное число голосов, которое позволило мне считаться 4-м по списку кандидатов»⁴⁷.)

Здесь следует сделать небольшое отступление и перенестись в немного иной контекст – контекст немецкого университета (который, кстати, служил образцом для организации университета российского) начала XX в., где Макс Вебер, один из его «профессоров», дал образцовое выражение принципа «свободы от оценки» и его обоснование. Его точка зрения на соотношение «нравственной» и «специфической» компетенции диаметрально противоположна точке зрения Н. Михайловского (и, соответственно, близка к М. Ковалевскому): «Я отвергаю субъективное пристрастие именно в чисто научных интересах. Я готов найти в

Д.Ж. Кондов

работах наших историков доказательство того, что там, где человек науки приходит с собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов»⁴⁸. Различие «сущего» и «должного» вполне естественно для неокантианца: «Я надеюсь узнать, найдутся ли люди, которые действительно станут утверждать, что вопросы — имеет ли конкретный факт такое, а не иное значение, почему данная конкретная ситуация сложилась так, а не иначе, следует ли обычно в соответствии с правилами фактического процесса развития за данной ситуацией другая и с какой степенью вероятности — по своему смыслу не отличны в корне от других, которые гласят: что следует практически *делать* в конкретной ситуации?»⁴⁹

Интересно, что обоснование этой позиции явным образом привязано к положению профессора в университете: его критика направлена прежде всего против невыносимого для него «профессорского пророчества» и опирается на требование «интеллектуальной честности». Это требование признать, что «установление фактов» и ответ на вопрос «как следует действовать» представляют собой «две совершенно разные проблемы», и уйти за пределы Университета: «Пророку и демагогу не место на кафедре в учебной аудитории»⁵⁰. Но почему? «Это значит: иди туда, где возможна критика. В аудитории преподаватель сидит напротив своих слушателей: они должны молчать, а он говорить»⁵¹. Они должны молчать и слушать в силу одного, но фундаментального обстоятельства — преподаватель обладает специальным знанием (*специфической компетенцией*), которой не обладают они.

Более того, именно этот факт лежит в фундаменте обоснования автономии Университета: немецкий университет, в том виде, в каком его застал Вебер и в каком он был воспринят в России, — это университет, который был реформирован Карлом Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767–1835) в начале XIX в. Его фундаментальными принципами являются *академическая свобода* и *единство исследования и преподавания*, которые альтернативны как принципам организации средневекового цехового университета (модель английского университета, подконтрольного церкви), так и утилитарно спланированного и организованного университета эпохи Просвещения (модель, идеально воплощенная во французском Имперском университете, который предназначен прежде всего для целей государственного и социального использования)⁵². Государство не должно вмешиваться в университетскую науку, цель которой заключается в получении специфического знания, «научного результата»: как писал Гумбольдт, «государство должно постоянно отдавать себе отчет в том, что не оно обеспечивает эти результаты,

что оно и не способно это сделать. Напротив, всякая попытка государственного вмешательства может только помешать развитию науки»⁵³. Если бы чиновник знал, что должен делать ученый, то он был бы ученым, а не чиновником.

Таким образом, именно «специфическая компетенция» (ставшая *символическим капиталом*, т. е. узнанная и признанная благодаря специфическим схемам восприятия и оценивания) ученого/преподавателя является основанием его власти – власти внушать студентам научную истину – и (относительной) независимости от государства. Однако, когда облеченный признанием государства профессор ступает на почву «должного», он выходит за рамки легитимных полномочий и осуществляет «произвол», способный потенциально подрвать позиции своей группы: «...такая привилегия бесконтрольности уместна, как нам представляется, только там, где речь идет о чисто *профессиональной* квалификации профессора. Что же касается личного пророчества, то в этой области не существует профессиональной квалификации, а поэтому не может быть и упомянутой привилегии»⁵⁴. Если приоритет суждений профессора (преподавателя и ученого) в его профессиональной области гарантирован признанием его специфической компетенции, которая распределена неравномерно, то в области моральных суждений (в Университете, «от имени науки») его приоритет всегда подвержен риску быть разоблаченным в качестве *произвола* в силу того, что «нравственная» компетенция (чувство добра и зла в отличие, например, от способности различать стили в живописи или исторические эпохи) универсальна. (В каком-то смысле «объективность» ученого, одним из следствий которой является профессиональная аполитичность, выступает своего рода «платой» за гарантии относительной независимости от государства: своего рода «пакт о ненападении». Это можно заметить, например, в моменты *кризиса*, когда условия этого «пакта» становятся явными: в 1905 г., после событий 9 января на Дворцовой площади, была опубликована «Записка о нуждах просвещения», подписанная 342 лицами, среди которых были академики, профессора и приват-доценты («Записка 342-х»). Они заявляли о необходимости «полного и коренного преобразования современного строя России» на началах законности, политической свободы, народного представительства для осуществления законной власти и контроля над действиями администрации. В ответ на это президент Академии великий князь Константин Константинович поставил им «на вид внесение в науку политики и нарушение долга подданных», а также саркастически порекомендовал отказаться от жалова-

Д.Ж. Кондов

ния, получаемого от «порицаемого правительства». В Академический союз, к которому принадлежали подписанты и который в итоге оказался настроен наиболее «реформистским» и «соглашательским» образом, входил также и М. Ковалевский. Позже этот «союз» практически растворился в партии кадетов⁵⁵.)

Другими словами, «свободная от оценок» социология является продуктом (исследовательского) университета – и именно эта версия социологии будет находиться на острие процесса *институционализации* и, соответственно, *профессионализации* дисциплины. Так, например, именно М. Ковалевский был (наравне с Е. де Роберти) организатором и руководителем Русской высшей школы общественных наук в Париже, которая работала с 1901 по 1906 г.⁵⁶ Характерно, что ни школа при русской секции международной выставки 1900 г., ни тем более РВШОН не финансировались государством и, по сути, существовали на общественных началах. М. Ковалевский вспоминает: «Нам пришлось обойтись без всякой денежной помощи, и весьма скромные издержки были покрыты мной, в размере, если не ошибаюсь, 1000 франков. Лектора читали бесплатно»⁵⁷. Иными словами, положение в *авангарде* дисциплины, которая еще не обрела институциональной поддержки, несет в себе множество рисков и неопределенность. Тем самым эта позиция предполагает, и это очевидно в случае и М. Ковалевского и Е. де Роберти, что ее обладатели достаточно «непотопляемы», чтобы переждать все бури и ненастья на долгом пути к официальному признанию – т. е. она предполагает агентов привилегированных классов (и возвращает нас к вопросу об исходных социальных различиях). Так, например, когда в 80-х годах на родине вновь, как это бывает после крупных реформ, начались политические «заморозки», Ковалевский снова уезжает за границу и в 1889 г. окончательно селится на юге Франции, недалеко от Ниццы, в небольшом городке Белье, на своей вилле – где с новой силой предается архивным разысканиям.

Социальная эпистемология как «терапия»

Приняв «тезис о симметрии» Д. Блура за исходный («Форма ее [социологии знания] объяснений должна быть симметричной. Одни и те же типы причин будут объяснять, например, и истинные и ложные представления»⁵⁸), мы не можем утверждать, вслед за Лениным, ложность «субъективной социологии» лишь на основании ее «мелкобуржуазности». Собственно социальное основание тех или иных концепций социальной реальности не является

их априорным опровержением, и их поиск – не способ уничтожить своего идейного оппонента. Скорее, это поиск немыслимого в мысли, который расширяет возможности последней через установление дистанции по отношению к ее категориальным инструментам. Попробуем это показать на нашем примере.

Вернемся к центру социологии Н.К. Михайловского, «субъективному методу». В статье «Что такое прогресс?» он пишет: «Но мы знаем, что у несмеющейся и неплачущей природы нет целей, нет стремлений, нет интересов, и потому смотрим на разложение трупа как на факт, подлежащий объективной оценке. Но у человека есть цели; цели эти представляют столь же реальные факты нашего сознания, как реален факт разложения мертвого тела. Факт этот точно так же требует оценки, но оценки субъективной»⁵⁹. Напомним, что смысл «субъективного метода» – это сравнение существующего социального порядка с должным, с определенным идеалом, например, полноценным развитием «индивидуальности», «личности» и т. д. Подобный метод необходим постольку, считает Михайловский, поскольку человек ставит перед собой цели и реализует таким образом некие идеалы. Он не просто адаптируется и подстраивается под некую среду обитания, как поступают все остальные живые виды, но и активно ее трансформирует, адаптируя под свои идеалы – именно, считает Михайловский, поэтому нельзя механически переносить выводы Дарвина на социальный мир.

Однако если внимательно проследить цепь аргументов, то станет явным очевидный разрыв: из того, что человек обладает некоторыми ценностями и идеалами, отнюдь не следует, что ученый должен оценивать развитие истории с точки зрения идеала. Субъективный метод как бы двоятся – это одновременно и вполне разумное требование учитывать при построении социальной теории мысли, желания и ценности действующих индивидов, и (как вывод из предыдущего требования) утверждение необходимости самому исследователю иметь и использовать в исследовании эти ценности. Иначе говоря, мы имеем дело с двумя «субъективными методами»: с методом своего рода «понимания», когда исследователь «вживается» в объект исследования, «мыслит его мыслями» и «плачет его слезами» – и с методом нравственной оценки, когда помимо констатации того порядка, который существует (включая идеалы исследуемых индивидов), выносится вердикт о том, каким он должен быть. И между двумя этими методами нет связи (конечно, при условии, что Михайловский не разделял (а он не разделял) гегелевской философии истории, в которой «сущее» «естественным образом» в итоге совпадает с

Д.Ж. Кондов

«должным»), они не вытекают с необходимостью один из другого: пример социологии М. Вебера и ее последующего развития в XX в. показал, что можно выстроить «свободную от оценки» науку, которая будет принимать в расчет ценности, идеалы и, в более общем плане, «субъективный мир» индивидов.

Тем не менее связь между этими двумя методами существует – но она не логическая, как считал Михайловский, а социальная: они связаны самой логикой функционирования того социального пространства, которое в превращенной форме объективируется в тексте социальной теории. Единая Правда (истина и справедливость) как ключевое положение в теории Михайловского объективирует в себе логику поля журналистики с его борьбой за «просвещенного» читателя, в котором последний занимал определенную позицию. И именно эта объективная позиция в разделении (журналистского) труда, став набором схем восприятия и мышления, составляет то «немыслимое в мысли», набор неявных предпосылок, которые приводят к утверждению, что «у человека есть цели; цели эти представляют столь же реальные факты нашего сознания, как реален факт разложения мертвого тела. Факт этот точно так же требует оценки, но оценки субъективной». Прояснить это «теоретическое бессознательное», пусть и частично, путем исторического и социологического анализа – значит увеличить свободу человеческого разума по отношению к неизбежной детерминации частными обстоятельствами его индивидуальной истории.

Николай Константинович Михайловский совсем не был адептом специфической профессиональной идеологии (гениального) «Творца», он не считал, что наука, искусство и любой другой продукт человеческого разума появляется где-то в безвоздушном пространстве платоновского мира идей, вдалеке от грешной земли с ее страстями, борьбой за власть, разделением труда и т. д. Более того, он создал вполне правдоподобную социологию знания, где появление «науки для науки», «искусства для искусства» и т. п. увязывалось с прогрессом разделения труда, которое вслед за разделением на умственный труд и труд физический приводит к выделению «ума» и «тела» (мыслимые через отношение подчинения последнего первому), и искусственно разделяет «первоначально единые истину, добро и красоту». Именно эта историзация и релятивизация идей и идеалов стала одним из ключевых объектов критики как у марксиста Бердяева (в ранний период его творчества, работа «Субъективизм и индивидуализм в общественной

философии», 1901), так и у православного философа Зеньковского, назвавшего Михайловского «полупозитивистом» в своей фундаментальной «Истории русской философии». (Его логика примерно следующая: поскольку сам исследователь не является внешним наблюдателем по отношению к миру, его ценности и идеалы так же носят эмпирический характер и, следовательно, не являются общезначимыми (Бердяев решал эту проблему, вынося ценности на уровень трансцендентального субъекта.) Остается вопрос, как включить эти идеалы в корпус научной теории: если фактические утверждения могут быть эмпирически оспорены, то ценностные – нет. Эти аргументы почти буквально повторяют аргументы Вебера.)

Однако, признавая собственную обусловленность социальными и «космическими» силами, Михайловский не был готов фактически раскрыть их. Теоретически признавая свою вовлеченность в социальный порядок, он на уровне практики игнорировал следствия из этого положения, мысля себя скорее как *счастливое исключение* из общего правила: «Чтобы в эксцентрическом периоде общественного развития могли явиться люди, органически способные ко многостороннему сочувственному опыту, способные воспроизвести в своем сознании все оттенки жизни, раскиданные процессом общественных дифференцировок в разные стороны, — для этого нужны особенно *счастливые и чисто случайные* сочетания обстоятельств, удачное смешение крови, особенности воспитания и пр. И это будут люди с высоким нравственным уровнем, способные к успешной разработке социологии (может быть, излишне заметить, что один высокий нравственный уровень сам по себе не может гарантировать ничего). Но такие люди, конечно, редки»⁶⁰ (курсив мой. – К. Д.). Ценой отказа от практической объективации собственной позиции в социальном порядке оказывается специфическая слепота по отношению к тем структурам, которые воспроизводят себя неузнанными и непризнанными как таковые в виде социологических концептов, настаивающих от имени «личности» на вреде специализации и пр. — концептов, становящихся, тем самым, идеологией, неосознанной (и поэтому гораздо более эффективной) *аналогией manière d'être* их «автора». Объективация субъекта объективации, овладение той историей, продуктом которой является исследователь, — это эффективный способ хотя бы отчасти редуцировать ее эффекты, расширить заданные этой историей границы пространства мыслимого. Именно такой формой «эпистемологической бдительности» и могла бы стать *история* социологии.

Д.Ж. Кондов

(В качестве своего рода послесловия необходимо еще раз подчеркнуть, что данная работа представляет собой скорее попытку показать возможность иной истории социологии, чем законченную картину социальных детерминаций возникновения новой дисциплины. Последнее невозможно хотя бы потому, что требует невероятного количества затраченных усилий, времени и предполагает *коллективную* работу: именно поэтому выводы данной работы носят *гипотетический* характер и требуют дальнейшего уточнения, изменения или, кто знает, опровержения. В ней представлены скорее самые общие линии, согласно которым можно было бы соотнести определенную символическую продукцию (теории, методы и т. д.), контекст ее производства (университет, журналистика, государство, цензура и т. д.) и производства ее производителей (социальное происхождение, обстоятельства взросления, образование и т. д.). Рассекая исследовательское поле линиями концепций, эта работа оставляет пустые клетки, которые требуют заполнения: увеличения числа новых фигур (социология в России явно не ограничивалась фигурами Н.К. Михайловского и М.М. Ковалевского, пусть даже их считают «отцами-основателями»), конкретизации ситуации в поле журналистики (кто был оппонентом/конкурентом «Отечественных записок» и «Русского богатства», динамика тиража издания, доходов и т. д.), в поле университета (иерархия дисциплин, финансирование и т. д.) и в тех дисциплинах (история и право), в рамках которых рождается университетская социология в России.)

Примечания

- 1 *Элиас Н.* Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 169.
- 2 *Bourdieu P.* Méditations pascaliennes. Paris: Editions de Seuil, 1997. С. 24.
- 3 Большая часть биографических сведений взята из кн.: *Козловский В.В.* Социологическое наследие Николая Михайловского // Михайловский Н.К. Герои и толпа. СПб.: Алетейя, 1998.
- 4 *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? // Там же. С. 51.
- 5 *Михайловский Н.К.* Борьба за индивидуальность // Там же. С. 281.
- 6 *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? // Там же. С. 52.
- 7 Там же. С. 100–101.
- 8 Там же. С. 115.
- 9 Подробнее см.: *Виленская Э.С.* Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века.

- М.: Наука, 1979; *Балуев В.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М.: Наука, 1995; *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. Ин-т «Открытое общество». М.: Онега, 1995.
- 10 *Ленин В.И.* «От какого наследства мы отказываемся?» // Ленин В.И. Избранные произведения: В 4 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1986. С. 65.
- 11 Там же. С. 66, 69.
- 12 Там же. С. 67.
- 13 *Пайтс Р.* Струве: левый либерал, 1870–1905. Т. 1. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
- 14 Там же. С. 61–62.
- 15 *Михайловский Н.К.* Литературные воспоминания // Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. С. 211.
- 16 Там же. С. 550–551.
- 17 Там же. С. 220.
- 18 См.: *Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- 19 Там же. С. 26.
- 20 *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 145–146.
- 21 Там же. С. 156.
- 22 Там же. С. 150.
- 23 *Герцен А.И.* Старый мир и Россия // Революция против свободы. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 39.
- 24 См.: *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- 25 *Шампань П.* Двойная зависимость. Несколько замечаний по поводу соотношения между полями политики, экономики и журналистики // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М., 1996. С. 212–213.
- 26 *Михайловский Н.К.* Литературные воспоминания. С. 211.
- 27 *Михайловский Н.К.* Литература и жизнь // Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. М.: Канон+, 1999. С. 314.
- 28 *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. С. 82.
- 29 *Михайловский Н.К.* Еще об искусстве и гр. Толстом // Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. С. 466.

Д.Ж. Кондов

- 30 *Михайловский Н.К.* О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова // Там же. С. 495.
- 31 *Есин Б.Н.* История русской журналистики XIX века. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 214.
- 32 *Михайловский Н.К.* Русское отражение французского символизма // Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. С. 371.
- 33 *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов [Электронный ресурс] // Универсальный портал «Материалистическая диалектика» / Вячеслав Сачков – Электрон. данные. – Троицк, 2000–2008. – Режим доступа: <http://libelli.ru/works/1-1.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 21.11.08.
- 34 *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996. С. 354.
- 35 *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. С. 57–58; см.: *Погодин С.Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб.: Издательство «Нестор», 2005.
- 36 *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 93.
- 37 *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 56.
- 38 Там же. С. 70.
- 39 Там же. С. 54.
- 40 Там же. С. 51.
- 41 Там же. С. 133–134.
- 42 Там же. С. 230.
- 43 Там же. С. 230–231.
- 44 См.: *Маркова Ю.В.* Теория социальной мобильности П.А. Сорокина и «условия ее возможности» // Социологические исследования: история, теория, методология. Сборник аспирантских докладов, составленный по материалам научной конференции «Ломоносовские чтения» 1999 года. М.: Социологический факультет МГУ, 1999.
- 45 *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 243.
- 46 *Иванов А.* Российский ученый корпус в зеркале первой русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 6 (44). С. 87.
- 47 *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 386.
- 48 *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 539.
- 49 *Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Там же. С. 429.
- 50 *Вебер М.* Наука как призвание и профессия. С. 538.
- 51 Там же. С. 539.

- 52 Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос 5–6 (35) 2002. С. 66–67.
- 53 Гумбольдт К. В. фон О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22).
- 54 Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. С. 418.
- 55 См.: Иванов А. Российский ученый корпус в зеркале первой русской революции. С. 82–88.
- 56 Подробнее см.: Гутнов Д.А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.
- 57 Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 276.
- 58 Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос 5–6 (35). 2002. С. 5.
- 59 Михайловский Н.К. Что такое прогресс? С. 123.
- 60 Там же. С. 131.

А.А. Мочалов

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Характерные особенности рассмотрения и трактовки проблем образования в российской социологии на рубеже XIX–XX веков. Формирование двух мировоззренческих ориентаций – западной и славянофильской. Влияние идей М.М. Ковалевского, как одного из наиболее ярких представителей позитивизма, на постановку проблем воспитания и образования. Анализ социологического и исторического образования выдающимся русским историком и социологом Н.И. Кареевым. Роль школы как одного из важнейших факторов социальной мобильности с точки зрения П.А. Сорокина.

Ключевые слова: образование, социологическое образование, западничество, славянофильство.

В становлении и развитии российской социологии в рамках ее классического этапа условно выделяют три периода: первый – 1860–1890-е гг., второй – 1890-е гг. – начало XX в., третий – начало XX – рубеж 10–20-х гг. XX в. Становление социологии в России происходило тогда, когда в Западной Европе она уже активно развивалась благодаря трудам О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса и многих других представителей социологической науки. Временной люфт, отделяющий появление российской социологии от ее западноевропейской «старшей сестры», может быть определен приблизительно как тридцать лет.

Следовательно, работы вышеназванных социологов не могли не оказать влияния на российскую социологическую мысль. В связи с этим постановка и решение определенного круга проблем, сформулированных российскими социологами, с одной стороны, развивают и дополняют идеи зарубежных классиков, с другой – появляются совершенно новые концепции, возникновение которых было обусловлено спецификой экономической и

социально-политической ситуации, в которой происходило становление и развитие социологии в России, ее теоретическое осмысление. В поле зрения отечественных социологов также находились проблемы воспитания и образования.

Возникновению отечественной социологии как вполне самостоятельной области научного знания предшествовал подготовительный этап, который совпал с формированием двух мировоззренческих ориентаций – западнической и славянофильской, оказавших заметное влияние на российскую общественную мысль и, несомненно, наложивших свой отпечаток на процесс формирования социологии, «который так или иначе отражал реальное разнообразие типов умонастроения и мировоззрения»¹.

Развернувшаяся в середине XIX в. острая полемика между западниками и славянофилами коснулась и вопросов образования и воспитания. Западники – В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Н.П. Огарев и др. – приветствовали западноевропейскую систему образования, критиковали словесно-крепостнические традиции воспитания и обучения, защищали права личности на самореализацию в этой сфере. Они рассматривали решение вопросов воспитания как неотложную необходимость. Славянофилы, как известно, исходили из самобытности исторического пути русского народа. В этом контексте основой народного, национального воспитания они считали православную религиозность, нравственность и любовь к ближнему. Видными представителями славянофильства в вопросах образования и воспитания были И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев. Так, А.С. Хомяков на основе изучения систем образования в странах Западной Европы (Германии, Англии, Франции, Испании) и их национальной культуры пришел к выводу, что главным источником российского просвещения является православие. По его мнению, исходя из того, что «задача русской земли есть проявление общества христианского, православного, скрепленного в своей вершине законом живого единства и стоящего на твердых основах общины и семьи», русское воспитание должно носить особый характер, а именно: оно должно быть «согласно с началами не христианства вообще, а с началами православия, которое есть единственно истинное христианство, с началами жизни семейной и с требованиями сельской общины»².

Для первого периода развития социологической мысли в России, как и на Западе, было характерно господство позитивистских идей. Их влияние сказалось и на постановке проблем воспитания и образования.

Одним из наиболее ярких представителей позитивизма в русской социологии был М.М. Ковалевский. Его научное наследие представляет огромный практический и теоретический интерес как для современной социологической науки в целом, так и для современной социологии образования и педагогики. М.М. Ковалевский был активным проводником и пропагандистом идей просвещения, образования и науки, ему принадлежит важная роль в утверждении демократических начал в развитии образования в России, в частности, введении обязательного бесплатного начального образования.

Как и О. Конт, М.М. Ковалевский развивал идею о необходимости введения обязательного, доступного для всех граждан начального образования. В своей работе «Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века», раскрывая проблему свободы и равноправия (по Ковалевскому – «равенства возможностей») как составляющих представительной демократии, определяя свободу как «право каждого человека делать все, что он пожелает, при условии не нарушать тем самым равной свободы всякого другого», он приводит существенное дополнение: в понятие «равенство возможностей» должно входить «получение дарового начального образования»³. Таким образом, обосновывая принцип «равенства возможностей», Ковалевский рассматривал его в аспекте всеобщей доступности начального образования.

В то же время М.М. Ковалевский хорошо осознавал, что введение принципа всеобщей обязательности обучения невозможно при недостатке образовательных учреждений, в связи с чем подчеркивал, что обязательность – важное, но последнее звено в целой цепи мероприятий, преследующих цель внесения знаний в народ.

Одним из неотъемлемых условий развития образования в России, по мнению М.М. Ковалевского, является окончательное снятие всяких ограничений, препятствий и запретов для желающих учиться «ввиду их пола, происхождения и вероисповедания». «Все эти запреты, – писал социолог, – должны пасть: “сыновьям кухарок” не будут напоминать, как это делал министр Делянов, о том, что им лучше не учиться, так как подобного рода государственная мудрость признается в настоящее время непростительной глупостью; евреям не будут ставить на вид, что их можно принять в созданные государством школы только в том случае, когда они не превышают определенного процента»⁴.

В идее М.М. Ковалевского о предоставлении всем гражданам равного доступа к образованию в социальных условиях того вре-

мени содержались элементы всеобщего образования. Она сохраняет свою актуальность и сегодня. Хотелось бы особо отметить, что в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года»⁵ в качестве одного из важнейших направлений модернизации образования выделяется обеспечение равного доступа молодых людей к полноценному качественному образованию в соответствии с их интересами и склонностями, независимо от материального достатка семьи, места проживания, национальной принадлежности и т. д., а одной из приоритетных задач образовательной политики является обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования.

Помимо позитивизма, в рамках первого периода российской социологии сложилось еще несколько направлений исследований, в которых также ставились и обсуждались проблемы образования и воспитания. К ним можно отнести психологическое направление (Н.И. Кареев, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков) и натурализм в различных его формах (Н.Я. Данилевский, Л.И. Мечников, П.Ф. Лилиенфельд и др.).

Выдающийся русский историк и социолог Н.И. Кареев рассматривал вопросы воспитания и образования по большей части в связи с анализом социологического и исторического образования. Размышляя о значении исторического образования, он выдвинул ряд интересных и актуальных идей, затрагивающих крайне важные аспекты системы образования в целом, в первую очередь проблемы целей и задач образования, структуры образовательного процесса, специализации в процессе образования.

По мнению Н.И. Кареева, главной целью образования должна быть подготовка образованных людей с широкими знаниями и кругозором, прежде всего в области высшего образования. Не все, кто заканчивает университет, продолжают в дальнейшем профессионально заниматься научной деятельностью, однако образованными людьми после его окончания должны стать все.

Рассуждая подобным образом, автор считал, что образование, даваемое в высшем учебном заведении, должно носить общий характер, в связи с чем необходимо избегать слишком ранней специализации. Затрагивая проблему специализации в процессе образования, Н.И. Кареев отмечал, что она необходима, однако ранняя специализация может повлечь за собой не столько положительные, сколько отрицательные последствия. Существует целый ряд общеобразовательных дисциплин, которые ни в коем случае нельзя исключать из программы, так как они имеют решающее значение для всей последующей деятельности человека⁶.

С его точки зрения, все дисциплины можно подразделить на общие, «имеющие более, нежели другие, образовательный характер», и специальные, «которые имеют характер более ученый». Н.И. Кареев доказывал, что образовательный процесс в вузе должен быть организован таким образом, чтобы в первые два года обучения преподавались дисциплины, имеющие общеобразовательный характер, и только впоследствии они уступали место специальным дисциплинам. Подобный принцип, по мнению социолога, к сожалению, достаточно часто нарушается на практике.

Анализируя творчество Н.И. Кареева, мы видим, что проблемы целей и задач образования, специализации в образовании не утратили своей актуальности в наши дни. Учеными, политическими и общественными деятелями, педагогами сегодня активно дискутируется вопрос о пропорциях в высшем образовании специализации и универсализации.

Хотелось бы отметить, что в конце XIX в. преподавание социологии начиналось, как правило, на юридических факультетах. Социологическое образование в то время включалось в университетские курсы по другим дисциплинам – от отдельных фрагментов и примеров до целых лекций. В связи с этим становится понятным, почему Н.И. Кареев говорил о самостоятельности социологии, ее особой роли в процессе образования и воспитания.

Проблемы социологического образования, поднятые Н.И. Кареевым, обладают скрытым теоретическим потенциалом и значимы сегодня в связи с тем, что дискуссии о характере и особенностях социологической науки и социологического образования не утихают, в то время как оно уже приобрело самостоятельный статус и институциональные характеристики.

В границах третьего периода развития российской социологии ведущим направлением становится неопозитивизм, представители которого занимались в первую очередь исследованием социального поведения, социальных связей и взаимодействий.

Одним из наиболее ярких представителей неопозитивизма в начале XX в. был российский социолог П.А. Сорокин. Прежде всего охарактеризуем его взгляды в целом на образование как социальный институт и на роль школы как одного из важнейших факторов социальной мобильности. Несмотря на то, что основные положения своей концепции образования он опубликовал в США в конце 1920-х гг., контуры ее формировались в России.

П.А. Сорокин определял социальную мобильность как «переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельнос-

тью, из одной социальной позиции в другую»⁷. В качестве одного из важнейших каналов социальной мобильности социолог выделяет институты образования и воспитания. Каналы вертикальной мобильности представляют собой некие «лестницы», «лифты», которые позволяют перемещаться индивиду «вверх или вниз из одного слоя в другой». П.А. Сорокин отмечает, что «роль канала, которую исполняет современная школа, становится все более значимой, ведь, по сути, она взяла на себя функции, ранее выполняемые церковью, семьей и другими институтами»⁸.

П.А. Сорокин доказывал, что во все времена, в любом обществе институт образования выступал едва ли не основным средством «вертикальной социальной циркуляции». Причем если школа оказывалась общедоступной, она представляла собой «социальный лифт», который движется снизу вверх. Если же она была школой только для высших слоев населения, она превращалась в лифт, движущийся только «по верхним этажам социального здания». Однако и в таких обществах некоторым индивидам удавалось проникнуть в этот школьный лифт и благодаря ему занять более высокую социальную позицию.

«В современном западном обществе школы представляют один из наиболее важных каналов циркуляции, – отмечает Сорокин, – причем это проявляется в самых разнообразных формах»⁹. Не окончив университета или колледжа, фактически нельзя достичь какого-либо заметного положения во многих отраслях. Многие сферы и профессии практически закрыты для человека без соответствующего диплома.

Рассмотренная П.А. Сорокиным идея образования как одного из важнейших факторов социальной мобильности представляет ценность и актуальна сегодня. По прошествии времени идеи П.А. Сорокина оказались достаточно реалистичными и находят свое воплощение в тенденциях развития образования в современном российском обществе.

П.А. Сорокин в своей статье «Проблема новой социальной педагогики» поставил еще целый ряд интересных и актуальных для современного образования вопросов. В частности, это вопрос об эффективности современной ему системы образования и воспитания, которая, по его мнению, слишком громоздка и неэффективна, так как требует больших временных затрат, в конечном счете не дает ожидаемых результатов, а именно необходимых знаний. Кроме того, она также не учит логически мыслить. «В самом деле, для того, чтобы получить сравнительно небольшие знания кончающего университет студента, – пишет Сорокин, – мы учимся в среднем 15–16 лет и к двадцати двум,

двадцати трем годам получаем свидетельство об окончании высшего учебного заведения, свидетельство фиктивное, так как многие “кандидаты” в действительности не обладают той суммой познаний и той степенью логического мышления, которая удостоверялась этим свидетельством или дипломом»¹⁰.

Необходимость реформирования системы образования, по мнению социолога, диктуется самой жизнью. Поэтому «в интересах общечеловеческой культуры, в интересах общего благоденствия наше время требует изобретения новых методов воспитания и обучения, методов бесконечно более интенсивных, чем современные, экстенсивные способы достижения этих задач»¹¹.

П.А. Сорокин рассматривал проблемы не только интеллектуального, но и морального воспитания. Моральное воспитание, по его мнению, заключается, с одной стороны, в изменении поведения человека таким образом, чтобы оно было социально полезно, а с другой – в обеспечении личности максимума возможностей для самоопределения и саморазвития.

Задачи морального воспитания состоят, во-первых, в том, чтобы запечатлеть у человека в уме идею добра или надлежащую форму поведения, а, во-вторых, сделать эту идею действенной. В том случае, когда эти задачи будут достигнуты, проблема морального воспитания будет решена. «Тогда не нужны будут ни тюрьмы, ни виселицы, ни эшафоты, ни розги, ни удары, ни весь вообще богатый арсенал карательных и наградных давлений»¹². Идеальная воспитательная система, по его мнению, характеризуется отсутствием «кар и наград». Их наличие – признак того, что существующий аппарат воспитательных средств бессилён.

Таким образом, система воспитания и образования начала XX в., по мнению П.А.Сорокина, требует глубокого реформирования в силу своей медлительности и безжизненности, что предполагает интенсификацию обучения и воспитания. В теоретическом плане препятствий для этого нет, а как показывает практика, интенсификация обучения и воспитания вполне возможна.

Завершая анализ проблем воспитания и образования в российской социологической мысли конца XIX – начала XX в., следует обозначить характерные особенности рассмотрения и трактовки вышеназванных проблем в рамках указанного периода. Прежде всего, такой особенностью является заимствование западного опыта, идей классиков зарубежной мысли, таких как О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др. Мы уже неоднократно упоминали о том, что в рамках классического этапа развития российской социологии получают особое звуча-

ние проблемы доступности образования, структуры знания, соотношения в нем гуманитарного и естественно-технического компонентов, роли семьи и общественных учреждений в образовании и воспитании и т. д.

В то же время в русле развития отечественной социологической мысли вышеназванные проблемы получают иную окраску, что было обусловлено особенностями данного периода, так или иначе отражавшими социальные, экономические и политические реалии страны. Прежде всего речь идет об отмене крепостного права, которая дала толчок развитию индустриального производства и капиталистических отношений. Произошло также значительное оживление социальной жизни, связанное с появлением революционных демократов, народников и иных общественных движений, противостоящих правящему царскому режиму. В связи с этим еще одна особенность трактовки проблем воспитания и образования русскими социологами состоит в том, что они попытались вписать их в контекст социальной и политической жизни, рассмотреть именно на этом фоне. И, наконец, так как большая часть российских социологов была «заражена» идеями народников, то акцент делался прежде всего на народном образовании (А.И. Герцен, Н.П. Огарев, М.М. Ковалевский).

В заключение хотелось бы отметить, что в ходе классического этапа развития отечественной социологии оказались сформулированными основные социологические идеи относительно образования и воспитания, синтезировавшие лучшие достижения европейской социологии с концептуальными положениями отечественных исследователей, сохраняющие свою актуальность и методологическое значение для современного анализа образования.

Примечания

- 1 *Кукушкина Е.И.* Русская социология конца XIX – нач. XX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 8.
- 2 *Хомяков А.С.* Об общественном воспитании в России // История педагогики в России: Хрестоматия. Изд. 2-е. М., 2000. С. 163–164.
- 3 *Ковалевский М.М.* Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века // Социология в России XIX – начала XX веков. История социологии. Социологическое образование. Тексты. Т. 2. М.: Изд. Университета Бизнеса и Управления, 1997. С. 25.
- 4 Там же. С. 21

А.А. Мочалов

- 5 О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года. Министерство образования Российской Федерации. Приказ № 393 от 11.02.2002.
- 6 *Кареев Н.* Историко-философские и социологические этюды // Социология в России XIX – начала XX веков. История социологии. Социологическое образование. Тексты. Т. 1. М.: Изд. Университета Бизнеса и Управления, 1997. С. 69–71.
- 7 *Сорокин П.А.* Социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 373.
- 8 Там же. С. 397.
- 9 Там же.
- 10 *Сорокин П.А.* Проблема новой социальной педагогики // Общедоступный учебник по социологии. М., 1994. С. 248.
- 11 Там же. С. 250.
- 12 Там же.

Социальные и культурные проблемы России в социологическом измерении

Д.Н. Баринов

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается изменение социального самочувствия российского общества. Анализ результатов социологических исследований позволяет говорить об устойчивой тенденции к снижению социальной тревожности у россиян и динамичной смене приоритетов в иерархии социальных страхов и тревог. Сопоставление эмпирических данных общероссийских опросов с региональными исследованиями социальной тревожности показывает заметное сходство объектов тревожности, а также социальных факторов, способствующих возникновению и интенсивности протекания данного социального настроения.

Ключевые слова: социальное настроение, социальное самочувствие, социальная тревожность, страхи.

Социальная тревожность как разновидность массовых социальных настроений выступает одним из индикаторов социального самочувствия общества, отражая определенную структуру потребностей и систему ценностей различных групп населения¹.

Выполняя сигнальную функцию, тревожность выражает оценку степени удовлетворенности наличной ситуацией и существующих возможностей реализации притязаний и сигнализирует о реальной или потенциальной угрозе удовлетворению потребностей в данной объективной ситуации. Таким образом, оценочный компонент социальной тревожности напрямую связан с потребностями социальных групп – носителей данного социального настроения и отражает определенное отношение к данной ситуации и данным потребностям. В свою очередь, значимость и важность тех или иных потребностей вместе со способами их удовлетворения соотносятся с ценностной системой человека, социальной группы, общества в целом².

Д.Н. Баринов

Соответственно анализ изменения социальной тревожности за определенный период времени, ее уровня и интенсивности, может рассматриваться и как показатель не только динамики социального самочувствия, но и трансформации структуры потребностей и иерархии ценностей общества или отдельных социальных групп.

По данным исследований ВЦИОМ, общей тенденцией динамики социальной тревожности у россиян с 1992 по 2007 г. является снижение ее уровня и трансформация репертуара страхов населения. Так, с июля 1994 г. по январь 2000 г. наблюдается устойчивая тенденция в настроениях россиян – при некоторых колебаниях уменьшение количества лиц, переживающих страх. В июле 1994 г. чувство страха испытывали 10,9% респондентов, в январе 1997 г. страх переживали 11,9% респондентов, в январе 1998 г. – 10,5%, в январе 1999 г. – 13,1%.

Однако с января 2000 г. отмечается уменьшение количества респондентов, заявлявших о чувстве страха (9,7%), и некоторая стабилизация этого настроения в пределах примерно одного уровня. В частности, в мае 2000 г. 6,9% респондентов говорили о чувстве страха как настроении, которое они испытывали в последние дни. В сентябре 2000 г. – 8,6%, в январе 2001 г. – 7,7%, в марте 2001 г. – 7,8%, а в июле 2002 г. – 7,3% россиян³. Показательно, что в апреле 2007 г. зафиксировано увеличение количества тех, кто ничего не боится, до 7% вместо 1% в 1992 г.⁴

Характерно, что уменьшение числа лиц, переживавших страх, с января 1997 г. по март 2001 г. коррелирует с другими показателями – оценкой социально-экономического и политического положения своего региона и страны, а также перспектив ее развития.

Так, с января 1997 г. по март 2001 г. увеличилось количество людей, которых «вполне устраивает» та жизнь, которую они вели на момент опроса, с 1,5% до 5,7%. В то же время с 1997 г. по 2001 г. уменьшилось количество респондентов, не удовлетворенных собственной жизнью, с 29,1% до 17,3%.

Также за указанный период уменьшилась доля тех, кто оценивал материальное положение своей семьи как «очень плохое». Если в январе 1997 г. таких респондентов было 14,6%, то в марте 2001 г. уже 9,9%. И хотя исследование не выявило рост числа тех, кто оценивал бы свое материальное положение как хорошее (3,7% в январе 1997 г. и 4,4% в марте 2001 г.), все же заметно увеличение числа лиц, которые оценили материальное положение своей семьи как среднее. В январе 1997 г. таких респондентов было 39,6%, а в марте 2001 г. уже 50,0%⁵.

Указанный период характеризуется также позитивными сдвигами в оценках экономического положения страны и политической обстановки в стране. С одной стороны, с 1997 г. по март 2001 г. практически не изменилось количество тех, кто оценивал экономическое положение России как хорошее и как очень хорошее (0,1% и 0,8% в январе 1997 г. и 0,2% и 1% в марте 2001 г.). С другой стороны, отмечается увеличение числа респондентов, оценивших экономическое положение России как среднее с 12,4% в январе 1997 г. до 26,1% в марте 2001 г. Вместе с этим произошло уменьшение доли людей, считающих, что экономическое положение страны плохое (с 52,7% до 48,6%) и очень плохое (с 26,3% до 12,5%)⁶.

Аналогичную картину можно наблюдать и в отношении населения к политической обстановке в стране. Если количество респондентов, считающих, что политическая обстановка в стране остается напряженной, практически не изменилось с января 1997 г. по март 2001 г. (58,8% и 59,0% соответственно), то тем не менее заметно увеличилась доля тех, кто оценивает политическую обстановку в стране как спокойную. В январе 1997 г. таких респондентов было 4,4%, а в марте 2001 г. уже 16,6%. С этими данными коррелирует уменьшение числа респондентов, характеризующих обстановку в стране как взрывоопасную с 30,4% в январе 1997 г. до 11,4% в марте 2001 г.⁷

Сходная картина наблюдается и в 2007 г. Увеличение количества опрошенных, не высказавших никаких опасений, соотносится также с общими показателями социальных настроений россиян. В частности, в апреле 2007 г. лишь 8% респондентов заявили о неудовлетворенности своей собственной жизнью, показатели оценки экономического положения страны как плохого и очень плохого по сравнению с предыдущими годами снизились на 20% и 2% соответственно. Политическую обстановку в стране в апреле 2007 г. оценили как очень хорошую 1% россиян, как хорошую – 16%, как очень плохую – 2%, как плохую – 14%. Большинство респондентов (57%) охарактеризовали политическую обстановку в стране как среднюю⁸.

Таким образом, можно говорить о том, что с начала 90-х годов по 2007 г. наблюдается рост, а затем и стабилизация позитивных социальных настроений и, как следствие, переход от категоричных негативных оценок и эмоций к нейтральным.

Анализ структуры социальных тревог россиян позволяет говорить о трансформации внутри иерархии страхов населения страны. Так, по данным ВЦИОМ, в 1994 г. больше всего у россиян вызывали тревогу рост цен (81%), рост числа уголовных

Д.Н. Баринов

преступлений (67,4%), рост безработицы (56,1%), кризис в экономике (50,7%), резкое расслоение на богатых и бедных (36,8%).

В 1995 г. лидеры социальных тревог остаются теми же – рост цен беспокоят 76,8% россиян, рост числа уголовных преступлений 57,8%, рост безработицы – 48%, кризис в экономике, спад производства в промышленности и сельском хозяйстве – 46,8%, слабость государственной власти – 46,8%. С одиннадцатого на шестое место поднимаются военные действия в Чечне (34,7%), потеснив проблему расслоения общества на богатых и бедных (34,5%), которая сместилась вниз на одну позицию.

В 1996 г. наиболее актуальными проблемами общества, вызывавшими у россиян беспокойство и тревогу, были рост цен (67,5%), рост числа уголовных преступлений (59,3%), рост безработицы (54,7%), кризис в экономике (54,5%), резкое разделение на богатых и бедных (37,4%). Военные действия в Чечне (31,6%) уступили место проблеме расслоения общества, занявшей то же место, что и в 1995 г.

В 1997 г. на первое место среди тревожащих россиян социальных проблем выходит задержка выплат заработной платы, пенсий, пособий. 63,3% россиян отметили данную проблему. Проблема роста цен сместилась с первого места на пятое (46,8%), а второе место заняла проблема роста безработицы (53,9%). Вместе с тем по-прежнему волнующими россиян проблемами остались рост числа уголовных преступлений (53,8%), кризис в экономике (47,2%), резкое разделение на богатых и бедных (45%).

В июле 1998 г. первое место занимает тревога по поводу задержек в выплате зарплаты, пенсий, пособий (67,3%), второе – рост безработицы (65,2%), затем кризис в экономике (56,5%). Рост числа уголовных преступлений занимает четвертое место в иерархии социальных тревог (49,6%), за которым следуют тревоги по поводу резкого разделения на богатых и бедных (41,3%). Характерно, что проблема роста цен сместилась в июле 1998 г. на шестое место.

Июль 1999 г. демонстрирует заметные изменения, связанные с перемещением тревог внутри иерархии. На первое место выходят тревоги по поводу роста безработицы (63,9%), а второе место занимает кризис в экономике (56,3%). Рост числа уголовных преступлений поднимается на одну позицию и занимает уже третье место (44,7%), а тревога по поводу задержек зарплаты, пенсий, пособий опустилась с первого места на четвертое (39,7%).

В июле 2000 г. первое место удерживала тревога, вызванная ростом безработицы (51,3%), а на второе место выходят военные действия в Чечне (48,1%). Кризис в экономике занимает третье

место (39,2%), а на четвертом – резкое разделение на богатых и бедных (38,4%). Характерно, что в июле 2000 г. на пятую позицию поднимается беспокойство по поводу коррупции и взяточничества (29,7%).

В январе 2001 г. рост безработицы (42,7%) уступил первое место в структуре социальных тревог росту цен (79,4%), заняв при этом третье место. На второе место вышел рост числа уголовных преступлений (52,9%). Кризис в экономике (39,9%) занимает четвертое место, а военные действия в Чечне сместились со второго на пятую позицию (39,2%). Беспокойство по поводу коррупции и взяточничества сместилось на две позиции вниз, заняв седьмое место (34,8%).

По данным исследовательского холдинга ROMIR Monitoring, в марте 2005 г. важнейшими проблемами общества, вызывающими беспокойство и тревогу населения, являлись (в порядке убывания числа респондентов): рост цен, инфляция – 50%, бедность людей, низкая зарплата – 47%, безработица – 41%, наркомания – 31%, рост преступности – 29%, слабость государственной власти – 18%, корыстность, взяточничество чиновников – 15%, проблемы коммунального хозяйства – 13%, загрязнение окружающей среды – 10%, проблемы морали, нравственности – 9%, задержки с выплатой зарплаты, пенсий – 9%, межэтнические проблемы внутри страны – 3%, международные региональные проблемы – 3%⁹.

В декабре 2005 г. у россиян вызывали беспокойство и тревогу такие проблемы, как рост цен, инфляция (55%), бедность людей, низкая зарплата (46%), безработица (37%), наркомания (31%), рост преступности (26%), корыстность, взяточничество чиновников (19%), слабость государственной власти (16%), проблемы коммунального хозяйства (13%), загрязнение окружающей среды (9%), проблемы морали, нравственности (8%), задержки с выплатой зарплаты, пенсий (6%), международные, региональные проблемы (4%), межэтнические проблемы внутри страны (3%)¹⁰.

Результаты исследования ВЦИОМ, проведенного в апреле 2007 г., фиксируют сдвиги в иерархии страхов с социально значимых на личные. В качестве наибольших опасностей опрошенные называют потерю близких (28%), войну, массовую резню (18%), старость, болезнь, беспомощность (11%), нищету (9%), произвол властей (8%)¹¹.

Таким образом, динамика структуры и рейтинга социальных страхов и тревог населения показывает изменение восприятия угроз общественным сознанием и характеризуется смещением внимания к проблемам личной безопасности.

Д.Н. Баринов

Немаловажное значение для характеристики особенностей социальной тревожности современного российского общества имеют социальные факторы ее возникновения и динамики.

Данные мониторинга ВЦИОМ¹², проведенного в январе 2001 г., показывают, что женщин в большей степени, чем мужчин, волнуют такие проблемы, как рост числа уголовных преступлений (их отметили 57,7% женщин и 47,1% мужчин), кризис морали, культуры, нравственности (30,8% и 23,3%), ухудшение состояния окружающей среды (27,6% и 21,6%), военные действия в Чечне (44,7% и 32,7%).

Напротив, у мужчин чаще, чем у женщин, тревогу вызывал кризис в экономике (46,9% мужчин и 34,0% женщин), коррупция, взяточничество (44,0% и 22,3%), слабость, беспомощность государственной власти (22,3% и 15,7%), конфликты в руководстве страны (6,4% и 3,4%).

При этом и для женщин, и для мужчин наиболее актуальными проблемами, вызывающими высокий уровень беспокойства, являлись рост цен (77,4% мужчин и 81,7% женщин), рост безработицы (43,8% и 41,8%).

Важным фактором, оказывающим влияние на уровень социальной тревожности, является возраст. Результаты исследований ВЦИОМ показывают, что с увеличением возраста возрастает и доля лиц, для которых наиболее актуальной становится проблема роста цен. Если среди респондентов до 29 лет эту проблему в качестве тревожащей назвали 70,9%, среди лиц от 30 до 49 лет – 75,8%, то среди представителей возрастной группы 50 лет и старше уже 88,7%.

Людей старшего возраста в большей степени, чем представителей молодых возрастных групп, беспокоили такие проблемы, как военные действия в Чечне (их отметили 45,0% пожилых, 35,9% лиц в возрасте 30–49 лет и 35,2% респондентов до 29 лет).

Вместе с тем задержки в выплате зарплаты, пенсий, пособий также в большей степени тревожили представителей молодого поколения и людей зрелого возраста (22,9 и 20,5% соответственно), нежели лиц 50 лет и старше (9,9%). Также меньшая степень беспокойства свойственна пожилым (12,4%) и по поводу слабости, беспомощности государственной власти. Среди респондентов до 29 лет и 30–49 лет таких оказалось 35,2 и 35,9% соответственно.

С увеличением возраста уменьшается число лиц, обеспокоенных безработицей и состоянием окружающей среды. Так, если среди респондентов до 29 лет и 30–49 лет безработицей были обеспокоены 51,6% и 45,6% соответственно, то среди лиц 50 лет и старше – 33,8%.

Одним из существенных факторов социальной тревожности выступает уровень образования. Так, нехватка продуктов питания, товаров первой необходимости в январе 2001 г. в большей степени волновала людей с образованием ниже среднего (10,4%), нежели со средним и средним специальным (6,0%) и высшим и неоконченным высшим (3,9%). Одновременно с понижением уровня образования повышается степень тревожности по поводу роста числа уголовных преступлений (56,5% у лиц с образованием ниже среднего и 43,5% с высшим и неоконченным высшим), военных действий в Чечне (42,8% и 34,0% соответственно), задержек в выплате зарплаты, пенсий, пособий (16,5% и 10,1%).

Хотя проблема роста цен имеет наиболее высокие показатели у представителей всех групп, выделенных по критерию образования, всё же беспокойство и тревога увеличиваются одновременно с понижением уровня образования. Также чем ниже уровень образования, тем выше тревожность из-за роста безработицы.

Напротив, кризис в экономике, состояние окружающей среды, обострение национальных отношений, резкое разделение на богатых и бедных, слабость, беспомощность государственной власти в большей степени беспокоят лиц с высшим и неоконченным высшим образованием, чем со средним и средним специальным и ниже среднего. В частности, если ухудшение окружающей среды тревожило 31,9% респондентов с высшим и неоконченным высшим образованием, то среди лиц со средним и средним специальным и образованием ниже среднего таких 28,5% и 17,9% соответственно.

Таким образом, низкий уровень образования заставляет реагировать на наиболее насущные, ближайшие проблемы, затрагивающие потребности физиологического продолжения жизни. В то же время более высокий уровень образования позволяет смотреть на действительность гораздо шире, отчего в поле зрения попадают проблемы, не связанные напрямую с физиологическими аспектами жизни человека.

С понижением уровня профессионально-квалификационного статуса возрастают тревоги по поводу нехватки продуктов питания и товаров первой необходимости, роста безработицы, задержек в выплате зарплат, пенсий, пособий. В частности, если среди руководителей рост безработицы вызывал тревогу у 24,2%, то среди специалистов 27,8%, среди служащих 41,6%, среди квалифицированных рабочих – 43,0%, а среди неквалифицированных – 54,7%.

Д.Н. Баринов

В то же время с повышением профессионально-квалификационного статуса возрастают тревоги по поводу таких проблем, как кризис морали, культуры, нравственности, ухудшения окружающей среды, коррупции, взяточничества, слабости и беспомощности государственной власти. Так, среди руководителей кризисом морали, культуры, нравственности обеспокоены 56,1% респондентов, среди специалистов – 49,2%, среди служащих – 34,0%, среди квалифицированных рабочих – 19,7%, а среди неквалифицированных – 17,5%.

Несмотря на то, что тревога, вызванная ростом цен, характерна для всех профессиональных групп, все же в меньшей степени эта проблема беспокоит руководителей (58,6%), нежели представителей других профессионально-квалификационных групп (77,8% среди специалистов, 82,0% среди служащих, 76,2% среди квалифицированных рабочих и 85,8% среди неквалифицированных рабочих).

С увеличением среднедушевого дохода увеличивается и уровень тревоги в отношении нехватки продуктов, товаров первой необходимости, роста цен, роста безработицы, кризиса в экономике, задержки в выплате зарплаты, пенсий, пособий. Так, если среди респондентов с высоким уровнем дохода ростом безработицы обеспокоены 39,4% опрошенных, а среди лиц со средним доходом 37,8%, то среди респондентов с низким доходом – 60,8%.

В то же время уровень тревоги по поводу кризиса морали, культуры, нравственности, ухудшения состояния окружающей среды, угрозы взрывов, обострения национальных отношений, слабости государственной власти и конфликтов в руководстве страны возрастает одновременно с ростом дохода. В частности, кризисом морали, культуры, нравственности обеспокоены 21,1% респондентов с низким доходом, 28,9% со средним и 31,2% с высоким.

Наконец, немаловажным фактором, оказывающим влияние на уровень тревожности, является место жительства. Так, нехваткой продуктов и товаров первой необходимости в большей степени обеспокоены жители сельской местности, нежели Москвы и Санкт-Петербурга. Та же картина наблюдается и в отношении таких проблем, как рост безработицы, резкое разделение на богатых и бедных, задержки в выплате зарплаты, пенсий, пособий. В частности, если в Москве и Санкт-Петербурге ростом безработицы были обеспокоены 28,5% респондентов, в больших городах – 36,6%, в средних – 41,8%, в малых – 46,9%, то на селе – 48,2%.

В то же время ряд проблем общества вызывает повышенную тревогу у жителей мегаполисов и характеризуется низким уровнем тревоги у представителей других населенных пунктов. Это относится к кризису морали, культуры, нравственности, ухудшению состояния окружающей среды, угрозе взрывов, обострению национальных отношений, коррупции и взяточничеству, слабости государственной власти. Так, в Москве и Санкт-Петербурге кризис морали, культуры, нравственности вызывал тревогу у 40,1% опрошенных, в больших городах – у 33,0%, в средних – у 33,3%, в малых – у 26,8%, в сельской местности – у 14,9%.

Результаты других исследований¹³ показывают, что, несмотря на неоднозначный характер взаимосвязи социальных факторов и социальной тревожности в разные периоды времени, можно говорить о некоем устойчивом их влиянии на возникновение и иерархию страхов населения.

В современных условиях дифференциации регионального развития российского общества безынтересным представляется рейтинг социальных страхов у жителей провинциальных городов. С целью изучения региональных особенностей социальной тревожности в ноябре 2006 г. автором был проведен социологический опрос среди жителей г. Смоленска (n=209).

Как показали результаты исследования, в ноябре 2006 г. 37,3% жителей г. Смоленска испытывали беспокойство, 19,1% – тревогу, 11,9% переживали неуверенность, а 4,7% – страх.

Результаты проведенного исследования показали, что с повышением уровня образования возрастает и доля тех, кто не склонен испытывать негативные эмоциональные состояния. В частности, беспокойство испытывали 21,5% лиц со средним образованием, 11,9% – со средним специальным / техническим и 3,8% – с высшим. Аналогичная картина наблюдается и в отношении других эмоциональных состояний: о том, что испытывали тревогу, заявили 11,4% опрошенных со средним образованием, 7,1% – со средним специальным / техническим и 0,4% – с высшим. Чувство страха переживали 7,6% респондентов со средним образованием, 1,9% – со средним специальным / техническим и 0,4% – с высшим.

Согласно полученным в ходе исследования данным, 62,2% опрошенных жителей г. Смоленска испытывают незначительную тревогу и беспокойство по поводу своего будущего. 24,8% – склонны переживать сильную тревогу относительно будущего, 7,6% абсолютно не боятся грядущего.

Между тем женщины в большей степени склонны испытывать тревогу и беспокойство по поводу своего будущего, чем

Д.Н. Баринов

мужчины. В частности, у 64,4% женщин будущее вызывает незначительную тревогу, тогда как среди мужчин таких 57,7%. Очень сильно тревожит будущее 27,5% женщин и 19,7% мужчин. Напротив, о полной уверенности в завтрашнем дне заявили 15,4% мужчин и лишь 3,6% женщин.

Таким образом, мужчины менее чувствительны к опасностям и рискам, связанным со своим будущим и будущим их семей, чем женщины, чувствуют себя более уверенно или, по крайней мере, стремятся выглядеть таковыми. Аналогичные данные встречаются и в исследованиях Левада-центра. Так, результаты проведенного этим аналитическим центром в ноябре 2007 г. опроса показали, что мужчины (3%) в меньшей степени, чем женщины (7%), склонны испытывать чувство страха¹⁴.

На вопрос «Какие проблемы беспокоят лично Вас, вызывают у Вас тревогу, страх?» ответы жителей Смоленска распределились следующим образом. Около половины опрошенных (47,8%) обеспокоены ростом преступности, а 42,1% – ростом цен, инфляцией. Терроризм является источником тревожности для 31,1% респондентов. 29,6% испытывают тревогу и беспокойство по поводу наркомании. Для 25,3% опрошенных актуальной является проблема слабости государственной власти. Менее четверти опрошенных смолян обеспокоены бедностью и низкой зарплатой (23,9%), безработицей (23,4%), загрязнением окружающей среды (22,9%), проблемами коммунального хозяйства и коррупцией (по 21,05%), проблемами морали и нравственности (19,6%), авариями на транспорте и производстве (12,9%). Наименее значимыми для смолян оказались такие проблемы, как межнациональные отношения внутри страны, военная угроза со стороны других государств и угроза голода и нищеты (5,2%, 4,3% и 3,83% соответственно).

Как показало исследование, женщины в большей степени, чем мужчины, испытывают тревогу по поводу роста цен, инфляции (45,6% женщин и 35,2% мужчин), бедности и низкой зарплаты (27,5% женщин и 16,5% мужчин), безработицы (27,5% женщин и 15,4% мужчин), терроризма (36,2% женщин и 21,1% мужчин), проблем коммунального хозяйства (26,6% женщин и 14,0% мужчин), будущего детей (49,2% женщин и 36,6% мужчин). Можно выделить и те социальные проблемы, которые вызывают обеспокоенность у мужчин в большей степени, чем у женщин. К числу таких проблем следует отнести наркоманию (32,3% мужчин и 28,2% женщин), коррупцию (29,5% мужчин и 16,6% женщин), загрязнение окружающей среды (25,3% мужчин и 21,7% женщин), слабость государственной власти (28,1% мужчин и 23,9% женщин).

Характерно, что результаты исследования социальной тревожности среди жителей Смоленска оказались сходными с данными общероссийских опросов. Так, по сведениям ВЦИОМ, в мае 2006 г. наиболее актуальными проблемами 35% россиян считали преступность и столько же – рост цен, инфляцию. При этом среди опасностей, вызывающих у россиян наибольшее беспокойство, 53% назвали посягательство на жизнь и здоровье близких родственников, а 40% – посягательство на собственную жизнь и здоровье¹⁵, что, бесспорно, связано с общей незащищенностью граждан, в том числе и от преступности.

Таким образом, анализ динамики социальной тревожности в современном российском обществе позволяет говорить об устойчивой тенденции снижения уровня страха и тревоги у россиян. Однако, несмотря на рост социального оптимизма, для россиян крайне значимым и важным остается удовлетворение потребности в безопасности и физическом существовании, о чем свидетельствует повышенное беспокойство по поводу преступности и экономического благополучия. Динамика социальных страхов и тревог россиян не в последнюю очередь связана с актуализацией в структуре общественной психологии одних потребностей и деактуализацией других.

Сравнение интенсивности социальной тревожности и структуры социальных страхов в регионе и по России в целом показывает их сходство как в отношении объектов беспокойства, так и факторов, способствующих возникновению и интенсивности протекания данного социального настроения.

Примечания

- ¹ *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. С. 6–53; *Обуховский К.* Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972. С. 63–70; *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. С. 21–67; *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
- ² *Виллонас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М.: МГУ, 1976. С. 171.
- ³ Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2002. № 4 (60). С. 64.
- ⁴ Чего боятся россияне? Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения № 701 [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. – М.,

Д.Н. Баринов

- 30.05.2007. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8292.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 5 Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2001. № 3 (53). С. 47.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 48.
- 8 Чего боятся россияне? ...
- 9 Рост цен и низкие зарплаты беспокоят россиян больше всего [Электронный ресурс] // Сайт ROMIR.RU – интерактивная онлайн-служба / © Ромир, 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://romir.ru/news/res_results/52.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 10 Более половины россиян обеспокоены ростом цен и высоким уровнем инфляции [Электронный ресурс] // Сайт ROMIR.RU – интерактивная онлайн-служба / © Ромир, 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.rmh.ru/news/res_results/221.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 11 Чего боятся россияне? ... Указ. Интернет-ресурс.
- 12 Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2001. № 2 (52). С. 61–64.
- 13 Страхи и тревоги россиян. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 68–69; Рост цен и низкие зарплаты беспокоят россиян больше всего [Электронный ресурс] // Сайт ROMIR.RU – интерактивная онлайн-служба / © Ромир, 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://romir.ru/news/res_results/52.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.; Чего боятся россияне? Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения № 701 [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. – М., 30.05.2007. – Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8292.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 14 Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1 (93). С. 97.
- 15 Чего боятся россияне? ...

И.В. Лескова

ПРОБЛЕМА
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СИТУАЦИИ
КРИЗИСА ЦЕННОСТЕЙ

В статье поднята проблема культурной идентичности в ситуации кризиса существующих ценностей. Автор обосновывает актуальность взгляда на идентичность как на принадлежность или соотнесение с определенной культурой, а на культуру как на источник идентификации. Понятие культурной идентичности рассмотрено в контексте формирования личности сквозь призму социокультурных связей в условиях социальной нестабильности, во время переходных фаз жизненного пути и на фоне социокультурных изменений, вызванных переходом к постиндустриальному обществу.

Ключевые слова: культура, идентичность, ценности, личность, социокультурные изменения.

В настоящее время актуальным представляется взгляд не на идентичность как на принадлежность к определенной культуре (соотнесение с определенной культурой), а на культуру как на источник идентификации. Известно, что в основе идентификации лежит различие «Я» и «Другого», которое выстраивается через отношения, с одной стороны, сходства, подобия, тождества, а с другой стороны – различия¹. О. Малинова указывает, что «в действительности люди различаются между собой по множеству параметров, и далеко не все различия служат демаркаторами, разделяющими “Нас” и “Других”, лишь некоторым из них, причем в определенном контексте, мы приписываем особый смысл... Значимость различий или сходства определяется, прежде всего, самой структурой социальных отношений, задающей устойчивые оппозиции, связанные с неравенством, иерархией, статусом, властью, господством, конкуренцией за ресурсы и т. д. Однако не менее важны и общественно принятые способы интерпретации различий и уже сложившихся представлений. Таким образом, мы скло-

И.В. Лескова

няемся к позиции, что существенная роль в производстве и восприятии идентичности принадлежит не только социальной структуре (то есть объективно существующим различиям), но общественному сознанию (то есть тому, как эти различия осознаются, какой им придается смысл и вес)...»². Подчеркнем, что «на широком уровне формы, процессы и даже содержание воспринимаемого социального мира структурируются и лимитируются базовыми категориями и нормами культуры»³.

Стремительно меняющаяся социокультурная реальность общества переходного периода, обуславливающая трансформацию ценностей, норм личности, объясняет актуализацию проблемы становления социокультурной идентичности личности в современных условиях.

По оценкам российских исследователей В. Ядова, С. Климовой, радикальное реформирование общества и его базисных институтов после распада СССР ознаменовало глубочайший социокультурный кризис и привело к структурной и ценностно-мировоззренческой неопределенности на социальном, групповом и личностном уровне⁴.

Одним из проявлений социокультурного кризиса в современной России явился «кризис идентичности» как отдельных индивидов, так и социальных групп. «Причиной последнего считается разрушение и трансформация старых социальных институтов и структур, распад идентичных культурных смысловых единств. Иначе – “культурная травма”», по определению П. Штомпки⁵.

Специфика России заключается в том, что она переживает «спрессованный исторический период», когда драматические внутренние трансформации сопряжены с быстрыми и фундаментальными изменениями в миросистеме⁶.

Исследователи выделяют следующие глобально и регионально действующие факторы, влияющие на социокультурную трансформацию России: 1) общемировой переход от индустриальной к постиндустриальной (информационной) стадии развития общества, выражающийся, прежде всего, в процессах глобализации политики, экономики, стилей и образов жизни; 2) тенденция виртуализации социальных явлений и процессов, распространение мировоззрения постмодерна; 3) процесс самоидентификации российской цивилизации, выражающийся в поиске русской идеи и артикулирующийся в возродившемся в России геополитическом мышлении⁷.

Эти процессы в их специфических российских проявлениях определяют трансформацию ценностей и идентичностей в российском социуме.

Отметим, что постиндустриальное общество характеризуется, прежде всего, приоритетом информационной деятельности, то есть на передний план в нем выходит не материальное производство, а производство информации, знаний. Постмодернизм (постмодерн) определяется как мировоззрение постиндустриального или информационного общества. По З. Бауману, постмодернизм – это переход к институционализованному плюрализму, многообразию, достаточной неопределенности и амбивалентности, а также сопротивлению какому бы то ни было универсализму⁸. Как отмечают А. Флиер, В. Вельш, постмодернистской парадигме соответствуют культурный плюрализм, синкретизм, релятивизм, сугубая условность культурных норм, отсутствие видимых рамок национальных традиций и ограничений, возможность синтеза различных культурных форм, языков, стилей. В соответствии с постмодернистской парадигмой складывается мозаика исторически локальных культур, и системность их самобытных черт становится случайной, фантомной, неоднородной, неустойчивой⁹.

По Л. Ионину, в СССР роль идентификационной доминанты играла партия, как «институт биографического развития индивидов», в силу ее культурной роли (марксистская идеология в СССР постепенно превратилась в культуру, а КПСС из политического в культурный институт). Кроме советской культурной модели, в СССР существовали альтернативные культурные формы. Но последние пребывали в неразвернутом состоянии, как совокупность идей и поведенческих предписаний, по тем или иным причинам не находящих последовательного воплощения в практическом поведении. Культурные модели, имеющие в России многовековую традицию, не получая публичную репрезентацию, перешли в латентное состояние. Поэтому «распад советской культуры и соответствующих институтов ставил страну в состояние культурного опустошения»¹⁰. Образовался мировоззренческий вакуум, вакуум норм и ценностей.

Этот вакуум быстро наполнился освободившимися от запрета на публичную презентацию культурными формами, традиционными для нашей страны, а также пришлыми, после падения «железного занавеса». Все эти «свободно парящие» культурные формы, презентующие себя посредством множества объединений и движений, возникших в постсоветской России (монархисты, кришнаиты, панки, пацифисты, националисты, глобалисты), дают как бы готовые варианты идентификации, предлагая себя каждому, кто стремится обрести новый целостный образ мира и свое место в нем.

И.В. Лескова

Л. Ионин отмечает культурную трансформацию в России, как переход от моностилистической к полистилистической культурной модели, выделяя специфические черты данных культур и указывая, что их элементы сегодня сосуществуют. Старые структуры и символические системы живут, но лишены монополии на репрезентацию социокультурного целого, входя в нынешнюю реальность на правах одного из многих возможных стилей культуры. В то же время на поверхность всплывают десятки и сотни новых или просто забытых жизненных форм и культурных стилей¹¹.

В условиях плюрализации жизненных миров личная идентификация становится предметом множественных интерпретаций, когда каждый институт пытается взять на себя функцию «рекомендовать» те или иные ценностные системы и создавать тем самым свою ориентировочную «программу» поведения.

Существуют две точки зрения на проблему самоопределения в условиях культурного плюрализма.

С одной стороны, как отмечает Э. Куруленко, такое состояние общества облегчает самоопределение, предоставляя расширенные просторы для построения собственной идентичности, разнообразное поле для поиска и экспериментов с последней¹².

С другой стороны, например, по Н. Рыбалкиной, перенасыщенность современной социокультурной среды, с точки зрения присутствия в ней множества образцов и имиджей для идентификации и выборов жизненных ориентиров, рассматривается как «экстремальные условия для реального самоопределения»¹³.

Интерес для нашего исследования представляет концепция А. Дугина¹⁴, изучающего трансформацию идентичности по линии: «премодерн» (традиционное общество) – модерн (Новое время) – «постмодерн». Отметим, что рассмотрение идентичности в рамках локализации в парадигмах исторического процесса традиционное – индустриальное – постиндустриальное общество является сегодня актуальным направлением исследования данного феномена.

По А. Дугину, премодерн знает следующие основные идентичности: империя, этнос, религия, иерархия (каста – сословие).

Империя объединяет в общий рациональный проект несколько этнических групп, универсализируя определенный культурный тип, который ложится в основу выработки системы особой имперской рациональности, всегда подчиненной какой-то высшей сверхрациональной трансцендентной цели. Империи, как правило, открыты к ассимиляции определенных культурных элементов различных охваченных ими этносов, что делает им-

перский механизм чаще всего надэтническим. Имперская идентичность воспринимается гражданами Империи как соучастие в общности универсального проекта, в общности судьбы. Политически возвышаясь над этносом, человек премодерна попадает в Империю. Так, Империя для человека традиционного общества – это не данность, но задание.

Этнос есть, напротив, данность. Это матрица культурной, родовой, социальной природы человека. Этнос – это непосредственная идентичность человека традиционного общества, откуда он черпает язык, обычаи, психологические и культурные установки, систему возрастных и социальных идентификаций. Рациональность этноса (в отличие от имперской рациональности) локальна и имеет ограниченный ареал применения. Эта органичная идентичность в традиционном обществе намного превосходит индивидуальное начало: человек этнический – элемент единого целого, понятого как неразделимое единство. Человек в традиционном обществе есть в той мере, в какой он есть русский, германец, татарин, грек...

Религия – особая форма идентичности премодерна. В некоторых случаях она совпадает с этносом (иудаизм). В других случаях она опирается на стратегический потенциал империи (римское язычество, позже христианство в Византии). Иногда религия сама способна консолидировать различные этносы, превращая их в единое стратегическое целое (исламский халифат). Религия может формировать общую надэтническую идентичность в отрыве и от этноса, и от империи (буддизм в Китае, Японии).

Кастовый (или, смягченно, сословный) принцип характерен для большинства типов традиционного общества. Почти все они основаны на иерархии, где высшие касты соответствуют духу, низшие – материи. Отождествление себя с кастой дает человеку премодерна обоснование для социальной жизни и самопозиционирования.

Идентичности модерна являют собой антитезу идентичностям традиционного общества: государство – вместо империи, нацию – вместо этноса, светскость – вместо религии, равенство индивидуумов, граждан (права человека) – вместо иерархии.

Ситуация постмодерна дает новые идентичности, выдвигая проекты: глобализации (глобализма) – против классических буржуазных государств, планетарного космополитизма – против наций, индивидуального мифотворчества – против строгой установки на секулярность.

Глобализация расплавляет государства, «новое кочевничество» (раскрывается ниже в тезисе Ж. Аттали) и планетарный

И.В. Лескова

космополитизм подвергают декомпозиции нации; светскость, традиционные религии и экстравагантные культы уравниваются в статусе, открывая путь произвольным и индивидуальным парарелигиозным конструкциям (ню-эйдж); виртуальное наделение своего «эго» произвольными качествами, спроецированными на виртуальный клон киберпространства, порождает ультраиндивидуализм¹⁵.

Проблема идентичности становится одной из центральных в дискурсе модернизма и постмодернизма. Поздняя модернизация, детрадиционализация, глобализация, характеризующиеся культурным и политическим плюрализмом, религиозным политеизмом, коллажем социокультурных моделей поведения, альтернативностью выбора, динамичностью и нестабильностью социума, ставят перед человеком множество проблем, которых до недавних пор не существовало¹⁶. Поэтому используемое в данной статье понятие «культурная идентичность» необходимо рассматривать в контексте формирования личности сквозь призму социокультурных связей в условиях социальной нестабильности, во время переходных фаз жизненного пути и на фоне социокультурных изменений, вызванных переходом к постиндустриальному обществу.

Культура как источник смысложизненных ценностей и моделей деятельности, поведения и общения людей выступает важной сферой для осуществления потребности в самореализации, самоутверждении и признании со стороны других. Помимо этого, «каждый человек своей жизнью оказывается обреченным на культуротворчество, которое в то же время есть дело его свободного решения и выбора, свободного самоосуществления, осуществляемого не человеком “вообще”, но именно вот этим конкретным, индивидуально определенным человеком. Такое культуротворчество – задача не только творческих и выдающихся личностей (ученых, политиков, художников и т. д.), но и каждой личности, самим своим участием в социальной жизнедеятельности осуществляющей всерьез и по большому счету культурно-историческую миссию»¹⁷.

Таким образом, трудности ориентации и обретения идентичности в условиях культурного релятивизма и в связи с утверждением в обществе ценностей постмодернистской культуры связаны прежде всего с неспособностью выделить главное в окружающем и внутреннем мире. Разрушение культурной иерархии советского типа повлекло за собой убеждение в ненужности подобной иерархии, что привело к видимой равнозначности культурных образов и концепций, циркулирующих в общественном сознании.

- 1 Ядов В.А. Социальная идентификация личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. М.: ИС РАН, 1994. Кн. 2. С. 78.
- 2 Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://snpi.org.ru/index.php?do=biblio&doc=393>, для зарегистрированных пользователей. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 21.11.08.
- 3 Данилина А.А. Социализация и формирование социальной идентичности [Электронный ресурс] // Сайт «Sociologist's Warehouse» / А.В. Захаров – 2004–2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://sociologist.nm.ru/study/seminar_24a.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 4 Ядов В.А. Теоретическое осмысление трансформаций «посткоммунистических» стран // Социология и современная Россия. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 47; Климova С.Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социс. 2000. № 12. С. 13–22.
- 5 Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. 2001. № 2. С. 3–12.
- 6 Данилова Е.Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Там же. 2004. № 10. С. 30.
- 7 Ионин Л.Г. Современная культура России [Электронный ресурс] // БИБЛИОТЕКА «Гумер»: только интересные книги. – М., 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.gumer.info>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 21.11.08.
- 8 Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе [Электронный ресурс] // Интернет-версия «Социологического журнала» / © «Социологический журнал». – 2006. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/article/29>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 9 Флиер А.Я. Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 151–165; Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия [Текст] / В. Вельш // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 129–130.
- 10 Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) [Текст] / Л.Г. Ионин // Социс. 1995. № 4. С. 3.
- 11 Там же.
- 12 Полтараднева Е.В., Куруленко Э.А. Особенности социокультурной идентификации подростков в современном российском обществе

И.В. Лескова

[Электронный ресурс] // Электронная версия журнала «Вестник Самарского государственного университета / © Самарский государственный университет. – Самара, 2001. – Электрон. данные – Режим доступа: <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/2001web3/soci/200130701.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.

- 13 *Рыбалкина Н.В.* Проблема самоопределения и модальная педагогика. Ситуация тоталитарного и постмодернистического общества. Объективная невозможность самоопределения. [Электронный ресурс] // Сеть открытого образования. – 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://two.cityline.ru/~idcriast/shgo/ribalkin.htm>, свободный. Загл. с экрана. – Данные соответствуют 11.11.08.
- 14 *Дугин А.* Эволюция социальных идентичностей при переходе к парадигме постмодерна [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «ЕВРАЗИЯ.orgg». – 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=%201979>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 15 Там же.
- 16 *Заковоротная М.В.* Идентичность человека. Ростов н/Д, 1999.
- 17 *Тулъчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. С. 181.

Е.В. Кириченко

ПРИРОДА ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ
В ОБЩЕСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В сознании общества социальное неравенство полов всегда оценивалось неоднозначно. Дискуссия по этому вопросу возникла еще во времена античности и не завершилась поныне. В статье проводится анализ различных направлений социально-философской мысли, искавших причины гендерного господства и подчинения. Особое внимание уделено эссенциалистским социальным концепциям, а также гендерной парадигме.

Ключевые слова: гендер, пол, гендерное неравенство, гендерные особенности поведения, феминизм.

Тайна пола – важнейшая тема мировой философии. Пол человека во все времена играл огромную роль в его жизни и деятельности, являясь естественной основой всей его индивидуальности. Понимание и решение многих проблем постиндустриального мира невозможно без анализа гендерных структур социума. Представительница постмодернистского течения феминизма Л. Иригарэ так констатировала актуальность полового вопроса для своих современников: «По Хайдеггеру, каждая эпоха одержима одной и только одной вещью. Кажется, что половое различие – это вопрос нашей эпохи, от решения которого зависит наше интеллектуальное спасение»¹.

Осознание гендерной принадлежности настолько распространено в нашем обществе, что мы считаем его заложенным в генах. Но гендерные различия постоянно создаются и воссоздаются именно в ходе человеческого взаимодействия и в то же время составляют основу социальной жизни и являются ее организующим началом.

Причины господства и подчинения, составляющие существенную черту гендерного конфликта, исследовались в различ-

Е.В. Кириченко

ных направлениях социально-философской мысли. Все основные концепции дифференциации гендерных ролей в обществе и семье условно можно отнести к одному из двух подходов – «половому диморфизму» или же «половому символизму»². Представители первого направления настаивают на том, что половая дифференциация – непреодолимая бытийная константа, которую культура только оформляет и осмысливает с теми или иными вариациями в виде надстройки системы психических различий, когнитивных процессов, мотивации, способностей и интересов мужчин и женщин. Эти различия объективируются в половом разделении труда и прочих общественных ролях. Адепты второго подхода уверены, что гендер – исключительно социальный конструкт, и никакие факты биологии сами по себе не имеют непосредственных социальных значений или институциональных последствий; гендерная дифференциация не тождественна половой дихотомии, она конструируется обществом.

Рассмотрим аргументы каждой из сторон.

Представителей полового диморфизма условно можно разделить на три основные группы – в зависимости от того, что они выбирают в качестве ключевого объяснения стратификации мужчин и женщин в обществе. Восточные мудрецы, пифагорейцы, христианские богословы, русские философы видят источник дифференциации гендерных ролей в экзистенциально-метафизических качественных различиях между мужским и женским началом, составляющих основу бытия. Для Аристотеля, Ж.-Ж. Руссо, С. Кьеркегора, Ф. Гегеля, О. Вейнингера, Л. Колберга, Э. Фрейда, В. Геодакяна и других источник гендерной асимметрии – сама природа человека как биологического существа. И. Кант, О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс убеждены в том, что гендерная дифференциация необходима для выживания и развития человеческого общества, она функциональна. Однако всех их объединяет одно – уверенность в строгой дихотомии женского и мужского начал, а также в том, что она непреодолима. Остановимся подробно на доводах наиболее ярких представителей полового диморфизма.

С древних времен человек стремится закрепить социальные различия между мужчинами и женщинами в доступных ему культурных формах: мифе, религии, обрядовых и семейных традициях. Полярность мужского и женского рассматривается не как результат физиологической дифференциации полов, а как продукт объективации высших сакральных сил в бытийной реальности. Например, китайские символы «ян» и «инь» означают не только мужское и женское начала, но и «небо» и «земля». За

ними выстраиваются целый ряд противоположностей: активное/пассивное, дающее/принимающее, горячее/холодное и т. д.

Принцип бинарных оппозиций прочно утвердился и в греческой философии. Пифагорейцы составили десять пар контрастов (конечное/бесконечное, правое/левое, свет/тьма, добро/зло и т. д.) таким образом, что один из контрастов является лучшим, превосходнейшим по отношению к своей противоположности. Сюда же попадали и категории «мужского» и «женского». Пифагор уверенно заявлял: «Существует положительный принцип, который создал порядок, свет, мужчину, и отрицательный принцип, который создал хаос, сумерки и женщину»³.

Согласно Аристотелю, половая дифференциация – это не просто биологическая данность, но и онтологический принцип: «лучше, когда высший принцип отделен от низшего. Поэтому если это возможно и там, где это возможно, мужское отделено от женского»⁴. Так античностью были заложены базовые основания европейской модели гендерных отношений, которые предопределили вытеснение женщины из общественно значимых сфер.

В средневековой христианской философии дуализм маскулинного (мужественного) и феминного (женственного) усиливается: «мужское» презентует сознательное, рациональное, божественное; «женское» и сама женщина – это образ грязного, грешного телесного мира. Так, уже для Августина эмоции относятся к сфере плоти, рациональность – к сфере духа, а поскольку для него очевидно, что женщина – олицетворение плоти, а мужчина – духа, то он делает заключение: «Где правит плоть и служит дух, там в доме царят извращенные порядки. Что может быть хуже дома, где жена господствует над мужем. Прав тот дом, где муж повелевает, а жена повинуется. Прав человек, в котором властвует дух, а служит плоть»⁵. Согласно Фоме Аквинскому, цель существования женщины – «помочь мужчине продлить род»⁶. Тем самым «в схоластике формируется представление об абсолютистском характере патриархальной власти по аналогии с властью Бога»⁷, а связь женщины, секса и греха становится фундаментальной парадигмой западного патриархального мышления⁸.

Однако уже в философии романтизма чувственное начало впервые получает приоритет над рациональным, а женское – над мужским. Братья Шлегели, Новалис, Ф. Шлейермахер, К. Брентано впервые в истории философии выступили против концепции «естественного предназначения женщины» – «назначение женщины я считаю прямо противоположным домашней жизни»⁹. Женщина более близка к истинной человечности, так

Е.В. Кириченко

как ей присуща изначальная гармония чувства и духа, которой лишены мужчины, склонные бросаться из одной крайности в другую. Нельзя не согласиться с идеологами феминизма в том, что идея спасительной миссии женщины встроена во всю систему андроцентристской идеологии – она наделяется чертами миссии, но одновременно лишается права быть человеком. Воспевание женского предназначения пропорционально нежеланию общества относиться к женщине как к полноценному человеку.

Эту же мысль возрождают и некоторые русские философы конца XIX – начала XX в. Согласно Бердяеву, призвание женщины – не простое деторождение, но и не копирование мужчины. Оно в том, чтобы представлять собой Вечную Женственность, тем самым вдохновляя мужское начало на творчество, результат которого – появление не нового смертного существа, а бессмертных идей. Творчество – вот смысл разделения человеческого рода на два пола. «Быть Данте – это высокое призвание, но не менее высокое призвание – быть Беатриче»¹⁰. Вместе с тем способность женщины к культурному творчеству отрицается, признается лишь ее роль как вдохновительницы мужчин для созидательной деятельности.

Мужчина, согласно Бердяеву, не только не есть нормальный тип человека, но и вообще еще не человек сам по себе, не личность, не индивидуальность. «Мужчина – только пол, половина, он продукт мировой разорванности и разобщенности, осколок цельного бытия. И женщина – пол, половина, тоже осколок»¹¹. «Пол есть не только биологическое, но и метафизическое понятие. Пол – основа бытия, половая принадлежность – основа творения»¹². «Связь пола с Богом, – продолжает эту мысль В. Розанов, – большая, чем связь ума с Богом, чем даже совести с Богом...»¹³

Как видим, для Бердяева и Розанова Бог и религиозность тесно связаны с любовью, страстью, Эросом, – словом, тем, что в западной традиции маркируется как феминное. Кроме того, в русской теологии пола различия мужского и женского начал рассматриваются как духовный, а не онтологический или гносеологический принцип, что характерно для западной философии.

Биологический детерминизм представляет собой подход, согласно которому отношения, складывающиеся между полами в обществе, рассматриваются как производные от принадлежности к биологическому полу. Предполагается, что все социальное биологически фундировано и только как таковое считается естественным и нормальным.

Основы биодетерминистского подхода в отношении полов заложил еще Аристотель, согласно которому единственный

смысл разделения полов заключается в рождении детей, а единственное назначение женщины – в вынашивании потомства. В процессе зачатия женщина дает ребенку тело (материю), а мужчина – душу (форму). Поскольку душа по природе лучше и божественнее тела, то она выше тела, следовательно, мужчина выше женщины: «женщина есть как бы бесплодный мужчина», отклонение от нормы, а «женственность – природный недостаток»¹⁴.

Новыми аргументами наполнил концепцию биодетерминизма Ж.-Ж. Руссо. Для него принципиальное различие мужской и женской субъективности – избыточная сексуализированность женской чувственности, которая полностью определяется половым инстинктом: «В жизни мужчины и женщины пол как таковой играет далеко не одинаковую роль. Самец является самцом лишь в некие минуты, самка остается самкой всю жизнь, во всяком случае, все годы своей молодости...»¹⁵ Поэтому теория «естественного» женского воспитания строится у Руссо как концепция надзорного воспитания, основными условиями которого являются: домашнее образование, сокращение до минимума контактов с внешним миром; подготовка девушки к будущему материнству; непрерывность воспитания (сначала девушку опекает отец, потом муж). «Все образование женщины должно осуществляться, имея в виду ее будущее отношение к мужчине... Угодать им, быть полезными им, превратить себя в любимую и почитаемую ими, чтобы обучать их, пока они маленькие, заботиться о них, когда они вырастут, давать им советы, утешать их и делать их жизнь более приятной и сладкой – таковы обязанности женщины во все времена, и именно им они должны обучаться, начиная с раннего детства»¹⁶. Практические рекомендации, предлагаемые Руссо для воспитания женщин, убедительно свидетельствуют, как можно достичь тех качеств, которые приписывались женской «природе», и как из потенциального дерева, по словам немецкой исследовательницы В. Эрих-Хефели, вырастается плющ. От девочки требуется полный отказ от собственных чувств самоутверждения: протеста, гнева, печали, ярости... И Руссо показывает, как этого можно достичь: «нужно сначала приучить их к принуждению, чтобы затем оно им ничего не стоило; из этого “привычного принуждения” получается потом “послушание”, покорность, а она, с свою очередь, превращается в “мягкость” – первое и самое главное качество женщины»¹⁷. Таким образом, Руссо закладывает в образе Софи все те черты, которые спустя сто пятьдесят лет З. Фрейд de facto будет обнаруживать в психике своих пациенток как специфические особен-

ности «женского»: пассивность, мазохизм, дефицит «сверх-Я», «темный континент» женской сексуальности и т. д. – т. е. все то, что сегодня мы понимаем скорее как признаки фундаментального нарциссического нарушения, которое препятствует развитию самостоятельного бытия женщины как субъекта.

Пожалуй, самым ярким выразителем идеи природной детерминации разделения полов считается З. Фрейд, полагавший, что личность женщины определяется в конечном счете самим фактом отличия ее анатомического строения от мужчины: анатомия – это судьба¹⁸. Именно потому, что девочки и мальчики переживают свою сексуальность по-разному (как результат биологии), они вырастают с разными половыми ролями. Взгляды Фрейда на женщину базируются на постулате о ее биологической неполноценности, из которого им и выводится основополагающий, как он считает, механизм формирования психических качеств женщины – зависть к мужчине и его детородному органу. Действие этого механизма организует внутренние психологические процессы таким образом, что для женской психики возможны только три пути развития – истерия как следствие подавления сексуальных импульсов, мужеподобность (модификация характера под мужские образцы, стремление к творчеству, сильные социальные интересы, активность) и «нормальная» женственность, под которой подразумевается стремление к реализации желания обладать тем, что составляет предмет ее зависти, посредством замужества и рождения сына, и в которой интересы женщины ограничиваются узким миром спальни, детской и кухни.

Представители фрейдизма утвердили в общественном сознании идею о том, что предпочтение, оказываемое женщиной мужскому началу, есть ее самозащита от женских мазохистских стремлений. Фрейд делает вывод, согласно которому «женщины вообще или, по крайней мере, в своем большинстве, в сущности, стремятся занимать подчиненное и зависимое положение»¹⁹. Этим определяется природа и роль женщины по отношению к норме, которая является мужской. Однако многочисленные исследования этого вопроса показали, что в разных человеческих обществах нормы полового разделения отнюдь не универсальны. Нам представляется, что подчиненное, зависимое положение женщин в обществе – скорее результат асимметричной гендерной социализации, показанной еще Руссо, чем врожденной особенностью женской психики.

В России к биодетерминистским концепциям относится «информационная» теория В.А. Геодакяна²⁰, сформулированная им в 60-е годы XX в. В общих чертах ее суть сводится к тому, что

дифференциация полов есть средство, с помощью которого природа обеспечивает выживаемость биологических систем. Дихотомия мужского и женского проистекает из интересов популяции. Процесс воспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность и изменчивость. Женское начало обеспечивает воспроизводство потомства, передачу характеристик и свойств от поколения к поколению, а мужской пол, как передовой отряд популяции, берет на себя функции столкновения с новыми условиями существования. Поэтому мужской пол более уязвим, в нем больше отклонений от средних величин, а женский обладает большей устойчивостью к нежелательным воздействиям среды.

Думается, подобная прямая экстраполяция эволюционно-генетических закономерностей полового диморфизма на человеческую психологию и поведение неправомерна. Психика индивида не развивается по законам биологической эволюции, человек, по сути, сам создает себе среду развития. Более того, в XX в. роль женщины довольно часто менялась, подтверждая тем самым то, что биологические причины, лежащие в основе господства мужчин над женщинами, не имеют глубоких оснований.

Согласно адептам социодетерминистского подхода, основная причина гендерного конфликта коренится в том, что один пол более приспособлен для выполнения определенной социальной роли, чем другой. Однако в целом роли мужчин и женщин взаимодополнительны и нацелены на выживание и развитие общественной структуры.

Классики социологической мысли О. Конт и Г. Спенсер связывают неравенство между мужчиной и женщиной с системными качествами общества, считая, что подчиненное положение женщины в социуме обеспечивает социальный порядок и не является унижительным для нее, будучи основано на естественной слабости женского организма. Иными словами, женщина не способна к общественной жизни в силу своих природных особенностей.

Основатель функционализма Э. Дюркгейм разное положение полов в обществе связывает с общественным разделением труда и развитием цивилизации. Он доказывает, что распределение обязанностей, видов деятельности между мужчинами и женщинами функционально необходимо обществу, по мере усложнения социальной организации оно становится все более отчетливым и взаимодополняемым. В результате социального развития один пол завладел эмоциональными функциями, а другой – интеллектуальными. «В основании диссоциации функций находятся дополняющие друг друга (т. е. природные) разли-

Е.В. Кириченко

чия»²¹. Кроме того, разделение полового труда является источником супружеской солидарности. По мнению Дюркгейма, если разделение труда «регрессирует ниже известной точки... брачное сообщество исчезнет, уступив место лишь весьма эфемерным половым отношениям; если бы полы совсем не разделились, не возникло бы целой формы общественной жизни»²². Не наблюдаем ли мы сегодня подтверждения этой гипотезы? Если следовать логике автора, то современный кризис моногамного брака, возможно, в значительной мере обусловлен универсализацией гендерных ролей, которые в наше время становятся все менее взаимодополнительными и все более взаимозаменяемыми.

Первая собственно социологическая концепция структуры мужских и женских ролей выдвинута американским социологом Т. Парсонсом²³. Он рассматривает лежащие в основе разных ролей женщин и мужчин образцы, которые не могут быть объяснены ссылкой на биологические данные. Общество всегда стремится к состоянию динамического равновесия и стабильности. Механизмом, обеспечивающим равновесие и стабильность самой системы социального взаимодействия, является функциональное разделение сфер деятельности или дифференциация ролей.

Для существования любой социальной системы необходимо выполнение экспрессивной и инструментальной функций. Последняя отвечает за отношения социальной системы с внешним миром, обеспечивая ей средства к существованию. Первая нацелена на поддержание интеграции членов системы, установление моделей отношений и регулирование уровня их напряженности. Мыслитель утверждает, что один и тот же человек не может выполнять одновременно и инструментальные (требующие власти и жесткости) и экспрессивные (требующие мягкости и умения погасить конфликт) функции. Именно поэтому, заявляет он, разделение этих ролей строго функционально и существует во всех системах социального взаимодействия. При такой жесткой дифференциации ролей социально престижная профессиональная деятельность мужчины предопределяет его главенство в семье, а домашний труд женщины (Парсонс назвал его псевдозанятием) – ее подчиненную роль. Такая сегрегация ролей интерпретируется им как механизм подавления возможного соревнования за власть между супругами, разрушительного для брака и семьи.

Примененный к анализу гендерных отношений, полоролевой подход утверждает, что быть мужчиной или женщиной – значит выполнять роли, приписываемые данному полу и усваиваемые индивидами в процессе социализации. Таким образом, женский

(feminine) характер формируется путем социализации в женскую роль, а мужской (masculine) характер, соответственно, – в мужскую роль, а девиации возникают из-за какой-либо неудачи в процессе социализации.

Стоит отметить, что модель поло-ролевых отношений, предложенная Т. Парсонсом, при всей своей логической строгости и убедительности, не лишена недостатков. Во-первых, она носит нормативный характер. Во-вторых, поло-ролевой подход игнорирует действие механизмов власти в гендерных отношениях и, соответственно, не может объяснить сопротивление сложившемуся гендерному порядку и его возможные изменения. Таким образом, «теория половых ролей не располагает механизмом, который бы помог понять изменения как диалектику, вырастающую из самих гендерных отношений»²⁴. Кроме того, результатом применения ролевого подхода является абстрактное представление о различиях между полами и между ситуациями, в которых они находят, а не конкретное объяснение отношений между ними. Что касается половых ролей, то лежащая в их основе биологическая дихотомия, по-видимому, убедила многих теоретиков в том, что здесь нет властных отношений вообще. «Женская» и «мужская» роли молчаливо признаются равными. Думается, в основе дихотомии инструментальности/экспрессивности, при всей ее эмпирической и житейской убедительности, лежат не столько природные половые различия, сколько социальные нормы, следование которым стесняет индивидуальное саморазвитие и самовыражение и женщин, и мужчин.

Эмпирическое опровержение теории Т. Парсонса получила благодаря американскому этнографу М. Мид. Исследовав жизнь трех племен островов Новой Гвинеи, она выяснила, что у племени арапешей оба пола феминны (и мужчины и женщины занимаются делами, которые традиционно приписываются женщинам), у мундугоморов – маскулинны (и мужчины и женщины открыто сексуальны, агрессивны и не заботятся о потомстве), в племени чамбули гендерные роли полов противоположны традиционным представлениям о роли полов в обществе (женщины деятельны, энергичны, руководят деловой стороной жизни, мужчины – их абсолютная противоположность)²⁵.

Тем не менее, несмотря на критические замечания, теория структурно-функционального анализа Парсонса и концепция разделения инструментальной и экспрессивной функций в семье и обществе получили широкое распространение и играли ведущую роль в традиционной социологии вплоть до начала 1970-х годов, потому что позволяли применять понятия половых

Е.В. Кириченко

различий, социализации, ролей и статусов к интерпретации положения женщин и мужчин в обществе. Молчаливо предполагалось, что дифференциация социальных ролей женщин и мужчин является следствием и естественным продолжением принципиальных различий их биологической конституции. Попытки отойти от биодетерминистского подхода и дать социологические объяснения дифференциации половых ролей предпринимались в 1960–1970-е гг. разными социологами: У. Гуд считал причинами дифференциации совокупную систему ценностей, Р. Тернер – систему культуры, Г. Бэрри, М. Бэкон и И. Чайлд – модели социализации, а М. Джоунг и П. Уилмот – степень научно-технического развития общества. Однако очевидно, что эти авторы не преодолели традиционную дихотомию производственных/семейных и мужских/женских ролей.

Итак, традиционная система полового диморфизма характеризуется следующими особенностями: во-первых, мужские и женские виды деятельности и личные качества отличаются очень резко и кажутся полярными (таким образом закрепляется внеисторизм и эссенциализм сложившихся отношений между полами и вообще социальными группами, различающимися по биологическим признакам); во-вторых, эти различия освящаются религией или ссылками на природу и представляются неизменяемыми; в-третьих, мужские и женские функции являются не просто взаимодополнительными, но и иерархичными – женщине отводится зависимая, подчиненная роль, так что даже идеальный образ женщины конструируется с точки зрения мужских интересов.

Половой символизм. Несмотря на абсолютное доминирование эссенциалистского подхода к асимметрии полов на протяжении тысячелетий, еще в античности Платон выразил сомнение в диаметральной противоположности полов и в ее биологической основе. По его мнению, хотя природа женщин и мужчин различна, это не влияет на способность женщин выполнять любые обязанности так же хорошо (совершенно), как и мужчины. Одинаковые природные свойства встречаются в живых существах того и другого пола, и по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах (т. е. женщины могут быть и философами и воинами)²⁶.

В середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс связывают неравенство полов не с несовершенством буржуазной морали и не с разной природой мужчин и женщин, а с существованием частной собственности на средства производства²⁷. Согласно их концепции, причины социально-экономического неравенства женщин

следует искать в глубокой древности в развитии всей совокупности социокультурных обстоятельств и, прежде всего, в экономической жизни. С переходом людей от собирательства к скотоводству и появлением права собственности первобытный коммунизм разлагается, и богатство сосредоточивается в руках немногих богатых людей. Для того чтобы передать собственность по наследству, отец должен точно знать своих детей. Поэтому происходит переход к строгому единобрачию, что является всемирно-историческим поражением женского пола. Базовыми факторами в возникновении патриархата, т. е. власти отцов, согласно классикам марксизма, становятся разделение труда, развитие частной собственности и формирование традиционной семьи, сопровождающиеся закреплением в соответствующих обычаях и правах. Нормы подчинения женщины мужчине с древнейших времен опираются на традиционное право и религиозные установления. По мере того, как женщины будут вовлекаться в общественное производство, равноправие будет усиливаться. Дискриминация женщин в обществе рассматривается в классическом марксизме как частное проявление глобального классового неравенства. А потому способом ее преодоления может быть только революция и построение социализма.

Марксистский подход к проблеме полового неравенства и ее решению не только не вписывается в господствовавшую систему биодетерминизма, но и является ее альтернативой. Однако и этот подход не лишен недостатков. Так, он игнорирует наличие собственной динамики гендерных отношений и сводит все социальные противоречия лишь к отношениям общественных классов. Он слишком сосредоточен на анализе капиталистической системы и зачастую не может объяснить суть и происхождение гендерного неравенства в до- и посткапиталистических обществах.

Куда более полное и аргументированное обоснование концепция полового символизма получила в рамках феминизма. Его адепты предприняли попытки доказать, что пол не сводится только к первичным и вторичным половым признакам, он пронизывает все сферы социальной и культурной жизни человека.

Появление феминизма имманентно самой традиционной культуре, поместившей половину человечества за границу, вне рамок этой культуры – как бы в культурное зазеркалье. «Феминистский вызов традиционной западной философии стал возможен в контексте современного философского релятивизма, допускающего в противовес традиционной рационалистической вере в универсальность истины, что истина может быть относи-

Е.В. Кириченко

тельной, имеющей хождение только в определенной культуре в определенный период времени»²⁸.

Нечувствительность к опыту женского субъекта очевидна в большинстве текстов современной социальной теории, и это вызывает интеллектуальный протест феминистски ориентированных исследователей. Они деконструируют методологическую позицию, лежащую в основе социальной теории, и «перепиывают» ее, включая женский опыт. Так, например, К. Гиллиган критикует Л. Колберга, который, по существу, ограничивал стадии морального развития личности теми, которые типичны для развития мужчин, – согласно предложенной им шкале оценок женские случаи оказывались маргинальными. Н. Чодороу, анализируя первичные истоки женственности, «перепиывает» З. Фрейда, смещая анализ с отношений между отцом и ребенком на отношения между ребенком и матерью. Д. Смит тестирует многие из имеющихся общественных теорий, с их претензиями на универсализм, и обнаруживает, что они находятся в противоречии с жизненной практикой женщин. То, что считалось знанием, подтвержденным с позиций теории познания, признанным «фактом», оказалось «в рамках более общей картины – ограниченным продуктом привилегий»²⁹.

Феминистская теория в самом общем виде – это философско-культурологический анализ понятия пола, альтернативная (по отношению к европейской традиции) философская концепция социокультурного развития. Однако в течение довольно длительного периода феминизм существовал как идеология равноправия женщин и как социально-политическое движение, потому не рассматривался ученым сообществом как весомая методологическая концепция.

Термин «феминизм» (от латинского «femina» – «женщина») предложил Ш. Фурье в 30-е гг. XIX в., хотя зарождение феминистских идей относится еще к эпохе Возрождения. Именно тогда появились первые трактаты К. де Лизан и К. Агриппы, в которых открыто говорилось о подавлении личности женщины и несправедливом отношении к ней со стороны общества. Следующий этап в развитии феминизма связан с периодом Великой французской революции с ее лозунгами свободы, равенства и братства всех людей независимо от их происхождения. Но в «Декларации прав человека и гражданина» ни слова не было сказано о правах женщин. Потому в 1792 г. О. де Гуж написала «Декларацию прав женщины и гражданки», в которой требовала предоставить представительницам «слабого» пола гражданские и избирательные права и возможность занимать государственные посты. В этом же году

М. Уолстонкрафт опубликовала книгу «О подчинении женщины», одновременно в Германии вышла работа Т. фон Гиппеля «Об улучшении гражданского положения женщин».

Значительную роль в оформлении феминистских теорий сыграли различные социально-философские и политические концепции (либеральная философия Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и Дж. С. Милля; утопический социализм Ш. Фурье, А. де Сен Симона и Р. Оуэна; марксизм; психоанализ З. Фрейда; постструктурализм М. Фуко, Ж. Лакана, Ж. Деррида). В частности, марксизм, заново прочитанный феминистскими теоретиками, позволил связать гендерную систему с историческим процессом и отношениями собственности; психоанализ помог распознать структуры бессознательного, воспроизводящие иерархию отношений между полами в рамках социальных институтов. Однако наиболее широкие возможности для осмысления положения женщин и мужчин в обществе предоставил постмодернизм. Основная идея этого философского течения заключается в отрицании «изношенных сюжетов современности» и убеждении в том, что существующую историю и культуру необходимо привести в соответствие с новыми социальными обстоятельствами. Его представители подвергли серьезной критике идеи рационализма и противопоставили им плюралистическую концепцию разума, утверждающую, что социальные системы ценностей носят преходящий характер, так как имеют под собой идеологическую (значит, изменчивую) основу. Это дало феминисткам возможность исторически и культурологически переоценить существующие социальные нормы и стандарты в отношении женщин.

Организованное женское движение обычно датируется концом XIX в. Феминизм «первой волны» или суфражизм (от английского *suffrage* – «право голоса», «избирательное право»), представленный именами Х. Тейлор, М. Фуллер, Х. Мартинью в Англии, Л. Мотт, Э. Стэнтон в США, М.В. Трубниковой, И.В. Сасовой, А.П. Философовой в России, не оспаривал существовавшей общественной системы, выступая за те права для женщин, которые уже имели мужчины (образование, участие в голосовании, право на равный оплачиваемый труд). Этот этап завершился в 1920-е гг. решением своей главной задачи – предоставлением женщинам избирательных прав: первыми странами, принявшими законы о предоставлении женщинам избирательных прав, были Новая Зеландия (1893), Австралия (1902), Финляндия (1906), Норвегия (1913), Советская Россия (1917).

Возрождение феминизма в 60-е гг. XX в. началось в США под влиянием движения за гражданские права, а также студенческого

движения этого периода. Не ограничившись формально-юридическим равноправием, «вторая волна» массового женского движения произвела своего рода социокультурную революцию в западном мире, подорвав патриархальную систему ценностей, социальных практик и институтов. Если для феминисток первой волны женщины выступали в качестве объектов и жертв ошибочных социальных установок, то феминистки «второй волны» увидели в женщинах силу, бросающую вызов этим установкам. Феминизм новой волны не был идеологически однороден: в нем выделилось по меньшей мере три направления (либеральный, социалистический, радикальный феминизм). Задачи либерального крыла были унаследованы еще со времен «первой волны» – вовлечь женщин в «мужской мир», т. е. в политическую, экономическую, социальную деятельность, а также достичь социально-экономического и юридического равенства полов в рамках существующего общества. Социалистический феминизм определил свою цель как трансформацию основных структурных конвенций общества (таких, как категории класса, гендера, сексуальности и расы). Активистки радикального течения требовали кардинального разрушения общества, созданного мужчинами и для мужчин. «Если для либеральных феминисток государство – неперсонифицированный разум, для социалистических феминисток – средство доминирования, легитимирующее идеологию господствующей группы, то для радикальных феминисток государство – инструмент мужского контроля за женской сексуальностью, инструмент насилия, маскулинной власти»³⁰.

Исследователи феминизма выделяют еще и «третью волну» этого течения – постфеминизм, в которую включают культурный феминизм, феминизм цветных (в нем положение женщин анализируется не только через категорию гендера, но и категории расы, национальности, религиозной системы), постмодернистский, психоаналитический, экофеминизм и другие женские течения. Основным отличием данного направления является более тесная его связь с постмодернистской философией. Теоретики постфеминизма активно ставят под вопрос «фальшивый универсализм» теоретического мышления классического философствования и основываются на постструктуралистской методологии понимания человеческого опыта как многообразного, раздробленного, «инакового», где полагание любого типа опыта в качестве «магистрального» оборачивается стиранием, игнорированием и обесцениванием опыта других его видов. Адепты постфеминизма занимаются критическим переосмыслением базовых оснований феминизма и упрекают классиков «второй волны» в биологичес-

ком эссенциализме, редукционизме, недостатке кросскультурных подходов и жестком социальном конструктивизме.

Итак, феминизм – это концепция, которая выросла и развивается как ответ на социальные запросы женщин. И поскольку реальные проблемы, которые встают перед женщинами разных эпох и разных культур, весьма различны, постольку различны решения, которые предлагает феминизм. Однако все они сводятся к трем основным принципам: признанию возможности интерпретации женщиной своего жизненного опыта; неудовлетворенности таким положением, при котором существует институциональное неравенство женщин; и стремлению покончить с этим неравенством.

Участники первого этапа феминистского движения видят источник неравенства между полами в юридических законах, а потому требуют изменения этих законов, предоставления женщинам равных с мужчинами прав – голоса, собственности, образования и т. д.

Представители «второй волны» феминизма этот источник интерпретируют по-разному, соответственно предлагают различные пути решения проблемы половой асимметрии в обществе. Так, К. Миллетт находит источник неравенства в социальных институтах, особенно в семье, которую она характеризует как сердцевину патриархата, и требует широкого комплекса реформ и даже культурной революции, предусматривающей разрушение семьи как специфического института угнетения женщин мужчинами. С. Бовуар уверяет, что мужчины господствуют над женщинами не по причине превосходящей физической силы или более мощного интеллекта, а потому что до распространения средств контрацепции женщины находились всецело во власти биологических особенностей своего пола – частые роды и хлопоты по уходу за детьми делали их зависимыми от мужчин и в материальном отношении. Успехи контрацептивной индустрии, а также материальная независимость работающих женщин, согласно французской исследовательнице, способны искоренить неравенство полов в обществе и семье.

Активистки радикального течения феминизма (С. Гриффин, К. Маккинон, С. Файерстоун) считают, что подчиненное положение женщин заключено в их теле, поэтому сама биология («до тех пор, пока женщина принимает материнскую роль, доступ к общественной сфере для нее затруднен, или совсем закрыт, и уравнивание в положении двух полов становится абсурдом»³¹) должна быть изменена посредством новых репродуктивных технологий (через искусственное осеменение, оплодотворение «в

Е.В. Кириченко

пробирке», трансплантацию эмбрионов и т. д.). Представительницы феминистского социального конструктивизма (Д. Митчелл, Ю. Кристева, М. Баррет), напротив, уверяют, что причиной угнетения женщин является не биология сама по себе, а способы, используемые социальной системой для объяснения биологических процессов, поэтому следует изменить взгляды, убеждения и ценности, а не само тело или природу женщины. Достижение равенства не требует трансформации или подавления тела. Тело – дискурсивный объект, подчиненный воле желаний, обозначения и власти. Женственность – это даже не признак биологического пола: женственны особи обоего пола, когда прибегают к украшению тела, сексуальному завлечению и другим «косметическим» типам поведения.

Сторонники психоаналитического феминизма (Д. Диннерстайн, К. Гиллиган) настаивают, что субъективность и половые различия выстраиваются на уровне бессознательного в значительно большей степени, чем в природе и материальных условиях, а потому путь трансформации общества видят в изменении сознания в ходе выравнивания асимметрии гендерной социализации.

Для постмодернистских феминисток половая дихотомия укоренена в самом языке, а потому бороться следует не с институтами власти, а с ее технологией, прежде всего с языком, который производит и воспроизводит гендерное неравенство. Средство борьбы – деконструкция естественного языка, разоблачение его понятий как идеологически или культурно сконструированных и не отражающих природной реальности.

Нам представляется, что источник асимметрии полов в обществе представляет собой производную как от неотъемлемых физиологических особенностей женщины, так и от их интерпретации в социокультурном контексте. Природная способность (а при отсутствии контрацептивов и необходимость) женщины – рождение детей, способствующая ее естественной зависимости от поддержки и защиты мужчины, до сих пор трактуется общественным сознанием как фактор онтологической вторичности и подчиненного положения женщины в социуме и семье. Отказаться от материнства означает обречь человеческий род на вымирание, поэтому единственным решением проблемы остается изменение общественного сознания относительно положения полов в ходе выравнивания асимметрии социализации мальчиков и девочек.

При констатации причин гендерной асимметрии в обществе, а также при описании стратегий «улучшения положения жен-

щин» теоретики феминизма сталкиваются с проблемой сходства или различий между мужчинами и женщинами. Одни представители феминизма (суфражисты, либеральные и социалистические феминистки) видят причину асимметрии полов в обществе в законодательном оформлении неравных прав мужчин и женщин и отстаивают принцип гендерного равенства, даже тождественности мужчин и женщин как существ, в одинаковой степени обладающих разумом. Различия между полами рассматриваются как несущественные, как продукт «мистики». Б. Фридан разоблачает мистику женственности, С. Окин утверждает, что не следует фиксировать различия, Д. Ричардс полагает униженность женщин следствием асимметричной социализации, Н. Блюстоун утверждает, что женский ум такой же, как у мужчин. В целом сторонники принципа гендерного равенства отрицают различия между полами во имя достижения социального равенства. Представительницы других направлений феминизма часто упрекали их за то, что фактически они искали не равенства женщин и мужчин, а равенства женщины с мужчинами в иерархизированном обществе, где женщины должны были бы соответствовать «мужскому образцу».

Выразители другого «лица феминизма», напротив, делают акцент на различии и доказывают, что представительницам слабого пола нужны особые права, ибо «женщины очевидно отличаются от мужчин – в их способности беременеть и традиционном ограничении их сферой воспитания детей»³². Эта позиция наиболее ярко представлена в рамках радикального феминизма, активистки которого (С. де Бовуар, С. Гриффин, К. Миллет, К. Маккинон, С. Файерстоун) отвергают борьбу за равноправие с мужчинами, ибо эта борьба приводит к принятию женщинами «мужских» ценностей и стандартов поведения; они утверждают ценность особой женской сущности, принципиально отличной от мужской природы, и выступают за развитие сепаратной женской культуры. Начало этой позиции было положено С. де Бовуар в книге «Второй пол» (1949). Общество, по ее мнению, конституирует маскулинное как позитивную культурную норму, а феминное – как негативное, как отклонение от нормы, как «Другое». Общественная группа, обозначаемая как «чужая»/«чуждая» или «другая», получает свидетельство о неполноценности и лишается права на «равенство», констатировала Бовуар. На основе этого радикальные теоретики утверждают, что все женщины подобны друг другу и принципиально отличаются от мужчин в лучшую сторону. Очевиден явный биологизм этой позиции. Радикальные феминистки отвергают традиционные

Е.В. Кириченко

политические стратегии и программы либерального феминизма и предлагают скорее культурные стратегии сепаратизма от «мужской власти», нацеленные на акцентирование и поддержание женской уникальности.

Между «симметристами» и «антисимметристами» много общего: и те и другие стоят на позициях усиления роли женщин в социальной жизни. Однако феминистские теоретики пытаются разрешить дихотомию сходства и различия, либо признавая биологические различия фактором, определяющим иерархию социальных статусов женщин и мужчин, либо попросту отрицая саму проблему биологических различий. Возможно, поэтому ни одна из этих альтернатив не в силах улучшить положение большинства женщин.

Тем не менее влияние феминизма на изменение гендерной системы в западном мире оказалось разнообразным и разнонаправленным: было изменено законодательство, касающееся разводов и абортов, женщины получили устойчивые позиции в парламентских структурах, везде был изменен общественный контекст, трансформирована гендерная идентификация. Феминизм стремился доказать, что пол не сводится к первичным или вторичным половым признакам, но пронизывает все сферы социальной и культурной жизни человека, причем без какой-либо экстраполяции к трансцендентному началу. «Пол не является только составляющей, изолированной частью, или незначительной вариацией общечеловеческого. Он не является случайной характеристикой для социального и политического статуса, он – важнейшая составляющая часть социального и политического положения субъекта. Он имеет глубочайшее влияние и значение для субъекта, ... потому что пол проявляется в каждом действии, биологическом, социальном, культурном, если не в конкретном действии, то определенно в своей значимости»³³. Другими словами, феминистская позиция заключается в признании точки зрения пола на все аспекты интеллектуальных и социальных действий.

Итак, феминизм не дает однозначного ответа на вопрос о происхождении гендерных различий по признаку пола. Поскольку феминистская теория была создана и развивалась через столкновение с целым рядом различных концепций (либерализма, радикализма, социализма, психоанализа, постмодернизма и т. д.), она остается фрагментарной и незавершенной. Нельзя не упомянуть и еще одну особенность феминизма – сращивание научного и политического моментов, причем научный момент неизбежно приносился в жертву политическим амбициям.

«Феминизм сконцентрировался на правах женщин в ущерб их обязанностям, т. е. отказался признать ответственность одних по отношению к другим людям»³⁴. В период спада феминизма как общественного движения множились его парадоксы как теории. Появились новые вопросы и утверждения: «А есть ли пол?», «женщина – это социальный конструкт», «сексуальность конструируема и управляема обществом». Деконструкция традиционного языка и мышления, предпринятая постмодернистскими феминистками, доходила до абсурда, обнаруживавшего, что внутри нас нет ничего «природного», «естественного».

Феминистские исследовательницы выработали две противоположные стратегии: стремление подчеркнуть равенство женщин и мужчин и попытку настоять на существовании различия, т. е. постулировать специфически женскую культуру. Неучтенными остались различия женщин между собой, а также логика, на которой базируется вытеснение женщин. Нам представляется, что дилемма сходства/различий может быть решена только при использовании гендерной теории, базовым принципом которой выступает различение понятий «пол» (sex) и «гендер» (gender).

В 1960–1970-х годах социальные и психологические аспекты взаимоотношений между мужчинами и женщинами описывались в таких понятиях, как «половая роль», «полоролевые ожидания», «половая идентичность». Эти термины ясно говорили, что речь идет не о природных, а о социальных, интерактивных отношениях, нормах и т. д. Но прилагательное «половой» тянуло за собой длинный шлейф нежелательных значений и ассоциаций. Во-первых, слово «пол» и его производные обычно ассоциировались с сексуальностью, хотя многие, даже явно биологические, процессы и отношения с ней не связаны («секс» как фенотип и как деятельность – явления разного порядка). Во-вторых, эта терминология вольно или невольно предполагала, что социокультурные различия между мужчинами и женщинами – только надстройка, форма проявления или способ оформления фундаментальных, базовых, универсальных различий, обусловленных половым диморфизмом. Чтобы избавиться от этих ассоциаций и преодолеть биологический редукционизм, ученые ввели в науку понятие «гендер» (английское gender, от лат. gens – «род»).

Впервые в научный оборот термин «гендер» ввели не феминистки, а американский психолог Р. Столлер в 1968 г. На основе своей практики изучения транссексуалов он пришел к выводу, что легче хирургическим путем изменить пол пациента, чем с помощью психологии – его половую идентичность. Столлер предложил использовать для обозначения социальных и культурных

Е.В. Кириченко

аспектов пола понятие gender, которое до этого использовалось только для обозначения грамматического рода и поэтому не вызывало никаких ассоциаций с биологией. Ведь в грамматике род понимается как способ классификации явлений, как социально оговоренная система различий, а не как объективное описание присущих им черт³⁵.

Переход от женских исследований к гендерным, осуществившийся в 1980–1990-е годы, состоял в постепенном смещении акцентов: от констатации мужского доминирования к анализу того, что разделение по полу является одним из способов социальной стратификации общества и как это влияет на женщин и мужчин.

Развитие категориального аппарата гендерных исследований было связано с конструктивистской критикой структурного функционализма и концептуализацией повседневности как измерения общественной жизни. Конструктивистский подход, опирающийся на работы А. Щюца, П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, смещает акценты социальной теории на микроуровень и повседневные взаимодействия: гендерные отношения рассматриваются как социально и культурно производимые в конкретных социальных ситуациях. Последователи гендерного подхода (Дж. Скотт, Г. Рабин, К. Уэст, Д. Циммерман, Т. де Лауретис, Дж. Хубер, О. Воронина, Г. Брандт, Е. Здравомыслова, А. Темкина, А. Костикова, О. Шабурова и др.) занялись деконструкцией гендерных отношений, т. е. рассмотрением их генеалогии и археологии. При структурном анализе гендерного порядка исследователи пользуются теми же категориями, что и при анализе общества в целом. Выделяются публичная и приватная сферы; в публичной сфере анализируются гендерные отношения в экономике, политике, идеологии и культуре; в приватной сфере предметом анализа становятся семейно-брачные, дружеские и сексуальные отношения.

Гендерные исследования сосредоточены не на одном поле, а на диалоге полов, причем «не обязательно в ракурсе их иерархии, стратификации, но именно в плане реконструкции исторической эволюции различных форм их взаимодействия»³⁶. Гендерная методология по определению междисциплинарна: аккумулируя социологические, политологические, культурологические идеи, она трансформирует их в принципиально новый подход к анализу культуры и общества.

Исходя из убеждения, что мужчины и женщины создаются – ими не рождаются, исследователи, работающие в рамках гендерного подхода, постулируют: не существует ни женской, ни

мужской сущности. Гендер – это социальная категория, назначенная телу, имеющему пол³⁷. Это «система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка»³⁸.

Стоит особо подчеркнуть, что гендерные отношения – это не просто социальная условность. Это социальная конструкция, построенная, а точнее говоря, «замешанная» на власти, т. е. на сегрегации и иерархии. Первым важным ее аспектом является то, что социально сконструированным иерархии и сегрегации приписывается статус естественных, а протест против иерархии и сегрегации воспринимается как агрессия и нарушение порядка вещей. В бинарных гендерных системах идеи доминирования одной гендерной группы (мужчин) над другой (женщинами) и гендерной сегрегации так глубоко укоренены в сознании любого человека, что они воспринимаются как естественные не только мужчинами как субъектами власти и сегрегации, но и женщинами, которые являются их объектами.

Гендерная методология, гендерный анализ призваны вскрыть, обнажить властный характер данного воспроизводства, жестко ограничивающий многообразие индивидуально-личностных проявлений половой идентичности современного человека. Гендер является мощным устройством, которое производит и легитимирует выборы и границы, предписанные категорией принадлежности по полу, «это социальный статус, который определяет индивидуальные возможности»³⁹. Статус гендера включает ресурсы и возможности пола в освоении профессиональной деятельности, доступа к власти, стереотипов поведения, распределения семейных ролей. При этом субъект не только усваивает и воспроизводит гендерные правила и отношения, но и сам создает их – он может как воспроизвести их, так и разрушить.

Гендер не является монолитной сущностью, а состоит из многих компонентов, связанных друг с другом: пол как биологическая категория, как социальная категория, как идентичность, как процесс, как статус и структура. Р. Коннелл выделяет четыре структурных уровня обусловливания и проявления гендерного порядка: уровень социального разделения труда (выражается в разделении труда по признаку пола; в публичной сфере это вертикальная и горизонтальная сегрегация занятости, распределение престижных и непрестижных рабочих мест, дискриминация при найме, профессиональной подготовке и продвижении по службе, различия в оплате труда; в приватной – организация домашней работы и заботы о детях, больных, престарелых);

Е.В. Кириченко

структура властных отношений (включает контроль и принуждение, осуществляемое государственными и бизнес-иерархиями, институциональным и личным насилием, отношения господства и подчинения в семье, регулирование сексуальности); структура «катексиса» или эмоциональных отношений; символический уровень (система значений и репрезентаций мужественности и женственности)⁴⁰. Посредством этих социальных механизмов мужчины и женщины разделяются на две социальные категории, обозначающие асимметричные отношения.

Гендерная теория по-новому ставит оказавшуюся тупиковой для феминизма проблему равенства и различий полов. Не оспаривая различия между женщинами и мужчинами, она утверждает, что сам по себе факт различий не так важен, как его социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий. Они являются последствиями неравенства полов, однако представляются как исток. Иерархия полов не только продуцирует неравенство, но и придает социальную значимость половым различиям. До тех пор, пока не изменится идеология различий, требование гендерного равенства со стороны женщин будет восприниматься как их противоречивое желание иметь одинаковые с мужчинами права и еще специальные материнские права.

Если либеральный феминизм строится на идее полного равенства мужчин и женщин, а радикальный – на идее несходства, то гендерный подход синтезирует эти две позиции в своей концепции «равенства в различии». Равенство прав в рамках гендерного подхода понимается как равенство права на различия и их реализацию. Общественное развитие предполагает не устранение различий (создание бесполого существа в «unisex society»), а устранение их иерархии.

Теоретики гендерного подхода полагают, что на повестку дня выдвигается новая концептуальная задача: вместо решения дилеммы равенство/различие в том виде, как она рассматривалась ранее, необходимо проанализировать феномен разнообразия и множественности различий индивидов. При этом сами различия понимаются не как отклонения от нормы, которые должны быть преодолены, но как разнообразие, которое имеет право на существование и вносит в культуру альтернативные ценности. Такое позитивное восприятие множественности различий противоположно традиционной идее различия как неравенства.

Гендерный подход делает акцент на относительности нормативных определений маскулинности и феминности. Они понимаются не как нечто, что должно быть преодолено (как в

либеральном феминизме), и не в духе уничтожения одного во имя другого (как в радикальном феминизме) – а как две равнозначные составляющие индивида, каждая из которых имеет свою собственную ценность, вне зависимости от того, объединены ли эти составляющие в рамках одной человеческой личности или принадлежат двум половинам человечества. Гендерный подход в этом смысле преодолевает саму фундаментальную оппозицию биологических полов, продолженную в социальной, политической, экономической, культурной и других сферах человеческой жизни.

Нельзя не согласиться с Н.М. Габриэлян в том, что особенностью традиционного, маскулинного, мышления является «фантомизация человеческой личности путем вовлечения ее в многоступенчатые иерархически-ориентированные структуры, превращение человека в пучок дифференциальных признаков с последующим провозглашением одного из них в качестве приоритетного. Тем самым человеческая личность превращается в придаток к какому-то одному из собственных же признаков»⁴¹. В частности, речь идет о сильнейшей установке рассматривать женщину как придаток к ее детородной функции, а атрибутом мужчины полагать исключительно рацию. Способность к деторождению модифицируется в тезис о якобы природной предопределенности женщины. Отсюда, кстати, и отождествление мирового женского начала с Материей, а мужского – с Логосом.

С этой точки зрения, гендерный подход можно определить как устремленность к другому мышлению, способному воспринять многомерность мира не в дробности, а в целокупности, к мышлению не оппозиционному. Ибо оппозиции (объект/субъект, внешнее/внутреннее, целое/частное и т. д.) коренятся не в самом бытии, а в особенностях нашего маскулинизированного сознания⁴².

Как теория и метод гендерные исследования получили широкое распространение в период зенита постмодернистской философии, благодаря которой складывается новое видение мира, побеждает новое ощущение реальности, различие и многообразие признается конституирующим началом природы, мира, человека, социальных связей, культурных и духовных контактов. Гендерный подход сформировался как критика представлений классической социальной философии о природе отношений между полами и ее атрибутов – биологического детерминизма и эссенциализма. В его рамках статус пола перестает быть аскриптивным. Гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и

Е.В. Кириченко

неравенства. В этом смысле гендер означает новый постмодернистский подход – стремление «снять» иерархичность отношений между полами, приучить все общество и отдельного человека к мысли о праве на индивидуальность.

Думается, эвристический потенциал гендерных исследований очень высок и обещает богатство концептуальных подходов и решений. Категория гендера открыла новые аналитические возможности для анализа общества и культуры. Оппозиция мужского и женского утрачивает биологические черты, акцент переносится с критики в адрес мужчин и их шовинизма на раскрытие внутренних механизмов формирования западной культуры. Это – принципиально новая теория⁴³, принятие которой иногда означает изменение ценностных ориентаций человека и ученого и пересмотр многих привычных представлений и «истин».

Примечания

- 1 *Irigaray L. Sexual difference // The Irigaray reader. Cambridge MA, 1991. P. 165.*
- 2 См.: *Клецина И.С. Гендерная социализация. СПб., 1998.*
- 3 Цит. по: *Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 13.*
- 4 Цит. по: *Discovering reality. Feminist perspectives on epistemology, metaphysics, methodology and philosophy / Eds. S. Harding and M. Hintikka. London, 1983. P. 5.*
- 5 Цит. по: *Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996. С. 31.*
- 6 Там же. С. 34.
- 7 *Жеребкин С. Гендерная проблема в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. С. 399.*
- 8 См.: *Миллет К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 23–58.*
- 9 Цит. по: *Шлегель Ф. К Доротее // Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983. С. 338.*
- 10 *Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 253.*
- 11 Там же. С. 252.
- 12 *Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 399.*
- 13 *Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 243.*
- 14 *Аристотель. О возникновении животных. М., 1940. С. 90.*

- 15 *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1961. С. 550.
- 16 Там же. С. 556.
- 17 Цит. по: *Эрих-Хэфели В.* К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе XVII в.: психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софи // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999. С. 80.
- 18 См.: *Фрейд З.* Лекция 33: Женственность // Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 369–385.
- 19 Цит. по: *Хорни К.* О психологии женщины // Психоанализ и культура. Избр. труды Карен Хорни и Эрика Фромма. М., 1995. С. 201–202.
- 20 См.: *Геодакян В.А.* Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 171–189.
- 21 *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1991. С. 58.
- 22 Там же. С. 62.
- 23 См.: *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 494–526.
- 24 *Коннелл Р.* Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000. С. 266.
- 25 См.: *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- 26 См.: *Платон.* Государство // Платон. Собр. соч. Т. 3. М., 1994.
- 27 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. М., 1956.
- 28 *Воронина О.А.* Философия пола // Философия / Под ред. В.Д. Губина. М.: Русское слово, 1998. С. 397.
- 29 *Хоф Р.* Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура; *Чернова И.И.* Тенденции развития гендерных процессов на пороге XXI в. (Опыт сравнительных исследований России и Канады) // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М., 2001. С. 47.
- 30 *Элиот П., Менделл Н.* Теории феминизма // Введение в гендерные исследования Ч. 2 / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. С. 110.
- 31 *Грос Э.* Изменения очертания тела // Там же. С. 610–611.
- 32 *Фогель Л.* По ту сторону равенства // Там же. С. 915.
- 33 *Грос Э.* Изменения очертания тела // Там же. С. 620.
- 34 *Филипс Ч.Т.* Феминизм и семья: историко-социологический анализ. М., 2002. С. 128.
- 35 См.: *Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования Ч. 2. С. 405–436.

Е.В. Кириченко

- 36 *Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // *Женщина. Гендер. Культура.* М., 1999. С. 26.
- 37 См.: *Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. 2 / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001. С. 405–436.
- 38 *Уэст К., Циммерман Д.* Создание гендера // *Гендерные тетради.* Вып. 1. СПб., 1997. С. 97.
- 39 *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: Сб. науч. статей.* Вып. 4. СПб., 1996. С. 7.
- 40 См.: *Коннелл Р.* Современные подходы // *Хрестоматия феминистских текстов* / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000. С. 251–279.
- 41 *Габриэлян Н.М.* Всплывающая Атлантида (медитация на тему феминизма) // *Общественные науки и современность.* 1993. № 6. С. 41.
- 42 См.: *Синельников А.* Паника, террор, кризис. Анатомия маскулинности // *Гендерные исследования.* 1998. № 1. С. 211–227.
- 43 См.: *Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций* / Под общей ред. О.А. Ворониной. М., 2001.

В.А. Адилов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ОБРАЗА МОСКВЫ

В статье исследуются способы конструирования и актуализации образа столицы России – г. Москвы. Раскрыта роль образа как инструмента управления в мультикультурном обществе. Рассматриваются современные возможности и преимущества столицы России в продвижении образа города в коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: город, имидж, образ, коммуникация.

Исторический и культурный опыт показывает, что у Москвы не может быть простого образа: он может быть только многоуровневым, отражающим цивилизационную многоукладность российского общества. На него проецируется внешний и внутренний образ страны, который вбирает в себя национальное общественное мнение, самосознание, мировоззрение. Эти феномены составляют основы жизни, поведения, действия личности, полиэтнического сообщества столицы. Однако убеждения и нормы жизни, идеалы реально формируются в сознании людей, живущих на конкретной территории, в условиях исторически сложившейся социокультурной среды. Поэтому их поведение и мировоззрение формируются на основе сложившейся идентичности, национальных стереотипов, а также объединяющих идей солидарности, которые и создают этнонациональные образы людей и народов, связанных исторической и национальной памятью и социокультурной ориентацией, и детерминируют их социально-политическую адаптацию.

Представляется, что последнее десятилетие коренным образом изменило геополитическую ситуацию и актуализировало проблему формирования образа России, которая стала предметом политического дискурса. Можно утверждать, что сейчас мы являемся свидетелями формирования качественно новой архитектуры

жизни российского общества и государства, в центре которого стоит многонациональная Москва со своим принципиально новым уровнем организации общества, системой политических, экономических и социокультурных координат, со своим образом жизни, со своей уникальной культурой. Образ и характер жизни Москвы слабо коррелирует с жизнью всей России. По большому счету, это государство в государстве. Москва как многомиллионный мегаполис концентрирует в себе наиболее пассионарных представителей российского бизнеса и политики, задает им правила игры, нормы поведения, формат для общественной деятельности, формирует образ будущего страны, ее миссию.

Неслучайно премьер России В.В. Путин приоритетной задачей видит идею формирования образа страны и столицы России Москвы. Безусловно, сегодня особенно актуальной является проблема формирования городской идентичности, сфокусированной на феномене городской культуры и культурно-символических ресурсах. Использование характеристик самосознания, анализ знаков и символов среды дают возможность для формирования уникального образа столицы. Форма образования города и мира человеческих ценностей представляются как взаимодополняющие начала. Образ города является средством адаптации горожан к московской среде. Образ Москвы выступает как посредник между объективным и символическим миром, его пространством, аурой и сознанием человека. Образ города – это продукт восприятия, формирующего в сознании определенные модели, чутко реагирующие на вызовы среды, истории, культуры, пространства.

Одной из главных тем нашего исследования являются вопросы адаптации горожан к уникальным социокультурным условиям Москвы. Для определения парадигмы, в рамках которой можно говорить о начале формирования городской среды, следует рассмотреть культурные пласты, обеспечивающие интеграцию граждан в сообщество москвичей. Формообразование города можно рассматривать как взаимопределяющее начало интеграции жителей в городскую среду и идентификацию себя с содержательными показателями качества города. Одной из составляющих качества города, по К. Линчу, является осмысленное существование жителей города, позволяющее им выстраивать адекватные образы, соответствовать им, выстраивать свое поведение и контакты, обеспечивая коммуникативное развитие. Способность горожан адаптироваться к среде обитания и соответствовать этой среде является условием их адекватного поведения в усложняющейся городской среде. Средством

адаптации горожан к городской среде, по мнению К. Линча, является образ города¹.

В таком случае под образом города следует понимать символически выраженное представление о своеобразии и специфике, уникальности столицы, ее узнаваемом образе, сформировавшемся в общественном мнении.

К. Линч отмечает важность позитивного образа города, подчеркивая, что городская среда – это единое целое, главным качеством которого должно быть чувство глубокой взаимосвязанности на любом уровне и направлении для поддержания эмоционального благополучия человека, а также влияние эстетических качеств среды на поведение и эмоциональное состояние субъектов, что позволяет, по мнению К. Линча, «читать город как текст».

Образ Москвы зависит от многих факторов. При этом учитывается как возникновение новых качеств и черт, так и сохранение традиций и позитивного потенциала. В первую очередь образ должен быть прагматичным, проективным и иметь точный адрес.

Быть прагматичным – значит соответствовать специфике или реально существующему образу, обобщенным символическим представлениям, а также своевременно отстраиваться от других. Решая эту группу задач, важно выявить специфические городские особенности, набор смысловых точек, которые люди насыщают своими символами. Главная функция этих точек заключается в том, чтобы оформить некоторый порядок, нейтральное пространство превратить в обжитое, осмысленное пространство города. Данное мнение подтверждается выводами К. Линча, который отмечает, что своим обликом город и его символическое пространство всегда противостоит личностному масштабу, но городская среда и ее символические смыслы всегда оставляют человеку возможность для самоопределения. Образ города должен быть проективным, т. е. способным подстраиваться под различные жизненные ситуации и целевые аудитории.

Проективность образа, т. е. приращивание к нему запоминающихся черт, происходит в процессе домысливания. К примеру, смысловыми составляющими образа мэра Москвы Ю.М. Лужкова являются масштаб личности, государственный деятель и хозяйственник. «Отец города», он возводит храмы, дворцы, театры, детские сады, больницы, каждую субботу спешит на стройплощадки, чтобы изменить облик Москвы. Сегодня Москва – это Красная Площадь, Большой театр, Храм Христа Спасителя и бессменный мэр Ю.М. Лужков. О нем В.В. Путин сказал, что

В.А. Адилов

Москва ходит в кепке Лужкова. Он инициировал установку памятника Петру и Достоевскому, открыл новую оперу, московский музей современного искусства, на очереди музыкальный театр. Возводятся «Москва», возрождается Китай-город. Всё это – основы фундамента новой Москвы XXI века. Проективность образа позволяет закрепить позитивное восприятие «отца города», открывающего новые школы, спортивные комплексы, культурные памятники, храмы столицы.

Городское пространство, по Г. Зиммелю, это совокупность «точек вращения». Горожанин вращается в разных кругах, соприкасаясь с разным социокультурным миром, а граница – это не факт территории, а «социологический факт», обозначающий различия между элементами одной сферы и элементами другой сферы жизни².

Это позволяет как обозначить стиль жизни горожан внутри страны, так и выработать новый стиль их поведения за рубежом, провести реконструкцию тех идей, которые составляют ядро образа города. Эта группа задач связана с выявлением содержательных, смысловых понятий, составляющих образа города, позволяющих определить поведенческие стереотипы граждан, накладывающих отпечаток на структурирование городского пространства. Исследование городской среды как текста предполагает выявление кодов и значимых единиц, создающих потоки смыслов, воздействующих на поведение людей.

Одним из направлений стратегического управления и развития города может явиться целенаправленная деятельность по созданию, поддержанию, трансформации и развитию образа города как текста.

Сознательное конструирование смысловых составляющих образа страны и города предполагает развитие свойств и качеств, делающих их привлекательными в глазах собственных граждан и мирового сообщества.

В динамично развивающейся информационной среде каждый город и тем более столица государства выстраивают свои коммуникации, ориентированные на внутреннюю и внешнюю общественность. Таким образом, создать образ города, учитывая исторически сложившиеся традиции, социокультурные особенности, менталитет, не разрушая при этом культурный код и смысл существования нации, возможно при опосредующем влиянии СМИ на различные аудитории, формируя картину мира граждан. В этой связи следующая группа задач связана с изменением информационной политики государства, которая могла бы

коренным образом изменить ситуацию, увеличить информационное взаимовлияние, создать почву для взаимопонимания граждан многомиллионного мегаполиса, поиска общих ценностей для позитивного восприятия друг друга.

А также образ города несет содержательные смыслы и символы. Для города, претендующего на роль самостоятельного центра силы, помимо социально-экономического и политического потенциала, не менее важна и духовная составляющая. Позитивная известность предполагает смысловое наполнение образа города, моделирование логической цепочки взаимодействующих образов. Быть центром притяжения для других не только почетный статус и заявленная позиция, но и особая роль, требующая материального, духовного и логического подтверждения. Каждый аспект жизни города – от чистоты улиц до работы предприятий и поведения граждан – влияет на образ города, оказывая прямое и косвенное имидж-формирующее воздействие.

Особенностью образа города является то, что он представляет собой вторичную информационную структуру по отношению к воспринимаемому объекту. Как целенаправленно структурированный образ он всегда носит оценочную и мотивационную нагрузку, благодаря чему оказывает большое влияние на поведение людей, носителей этого образа, на их отношение к реальным событиям, людям, городу, региону, стране в целом. Как относительно самостоятельный мотивационный фактор образ города воздействует на стратегическую линию поведения людей, на структуры лежащих в его основе социальных установок и стереотипов, ориентированных не только на прошлый социокультурный опыт, но и на заявленную позицию. Будучи устойчивым духовным образованием, в массовом сознании образ города моделирует реакции масс населения на новые, зачастую непредвиденные ситуации.

В отличие от образа имидж занимает место между реальным и желаемым, между восприятием и воображением, искусственно расширяя восприятие данного объекта, но – в заданном направлении, поощряя воображение воспринимающего индивида, его «соучастие» в формировании имиджа.

Следует отметить, что специфика коммуникативного воздействия заключается еще и в том, что реакция получателя информации контролируема. Сообщения создаются с учетом ожидаемой реакции населения³. Думается, что образ города и государства никогда не остается постоянным. Для того чтобы быть актуальным и отвечать на вызовы времени, необходимо уточнять его параметры, наполнять новыми смыслами и ценностями.

Россия стала стремиться к новому позиционированию себя в мире, и в этой связи открываются новые возможности для коррекции образа Москвы. На наш взгляд, нужен общественный диалог об образе будущего России и Москвы. Он давно назрел. Негативный имидж России, который компенсируется профессиональными действиями президента, требует корректировки. Выявив наиболее яркие черты образа страны и города, направления развития, можно зафиксировать амбивалентность тенденций и определить, куда мы движемся. Будет ли Москва и впредь позиционировать себя как всемирную столицу «гламура» и «нового русского общества потребления»? Вернется ли Москва к России, утверждая толерантное, комфортное, социальное государство, способствующее минимизации противоречий в полиэтническом сообществе? Кроме того, технологический подход предполагает понимание идентичности москвича как самоотождествления со столицей, ее социально-культурным, политическим, гражданским обществом. В обращении к образу москвича есть и иной смысл. Дальнейший анализ образа столицы и горожан в рамках нашего исследования направлен на концептуализацию подходов к конструированию образа Москвы.

Предполагается, что важность создания образа Москвы для населения может базироваться на двух отправных точках: конструирование социально-культурных идентичностей как инструмента сглаживания возникающих этнополитических, экономических конфликтов и кризисов на территории столицы в помощь администрации города, использование этого инструмента в процессе самоидентификации и адаптации населения и мигрантов к происходящим городским процессам.

Можем предположить, что необходимость формирования имиджа столицы для населения стоит на пересечении нескольких переменных: с одной стороны, это социально-территориальная неоднозначность городского сообщества и потребность в поддержании стабильности системы существования и сотрудничества, а с другой, различное и неоднозначное культурное, ценностное, физическое восприятие города населением. Идентификационная дезориентация породила негативную идентичность, прогрессирующую ксенофобию, атмосферу эскалации межэтнической напряженности. Формирующиеся в этом пространстве этнополитические идентичности трансформируют содержание политической культуры и обладают силой обратной связи с властными институтами.

«Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, – утверждает Л.Н. Дробижева, – госу-

дарство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании и доверии. Этнонациональная и российская идентичность совместимы и пересекаются в том случае, если и та и другая выражены в пределах нормы. Не этнический нигилизм и этнокультурная гомогенность, а интеграция на основе взаимодополняющих и совмещающихся ценностей, представляющих общие интересы. При такой модели общества каждый народ, этническая группа становятся заинтересованными в консолидирующем государстве»⁴.

Российская, а также московская идентичность может быть успешно сформирована только на позитивной надэтнической основе, в рамках позитивно окрашенной социальной картины мира. Для этого необходим проект новой России и ее столицы, обеспечивающий становление позитивных стереотипов россиян.

Москва – центр социокультурного сотрудничества, и наиболее приоритетной целью является формирование позитивного отношения к Москве со стороны внутренней и внешней общест-венности.

Москва стала стремиться не только к внутреннему, но внешнему позиционированию себя. В связи с этим стал проявляться интерес к социокультурным ценностям, которые объединяют Москву многонациональную. Последствие ментального сдвига и интернационализации культурных систем влияют на политическую составляющую менталитета и восприятие окружающего мира, а также ставят на повестку дня необходимость уточнения собственной самоидентификации. В массовом сознании россиян сохранилось базовое ядро – ценностные установки, имеющие глубокие социокультурные корни, которые в совокупности в дальнейшем сформировали проективный тип россиянина – москвича, обладающего автономностью мышления, незаурядными адаптационными способностями и культурной самобытностью. Несмотря на то, что в России произошла модернизация, преобразившая политический, социально-экономический ландшафт российского общества, осуществлена корректировка в форме подражательной модернизации институциональной системы. Поэтому проблема сохранения собственной идентификации стала в очередной раз. Подчеркнем, что особо актуально исследовать российское общество в переходные периоды, когда меняются институты и их функции, ценности, нормы и сами люди, что подчас сопровождается кризисом их идентичности и менталитета. Исследовать характер менталитета россиян в период трансформации – значит уяснить стержень изменений, что позволит прогнозировать будущее. На наш взгляд, в Москве

В.А. Адиллов

должна быть создана целевая программа по корректировке образа столицы России, нацеленная не только на внешнюю, но и на внутреннюю общественность. И начинать ее нужно с москвичей. Дать почувствовать, как в период спортивных побед нашей страны, а также «Сочи-2007», что мы все вместе можем победить, используя наши преимущества, сильные стороны, осмысленно подходя к позиционированию собственной уникальности в многонациональном обществе.

Особенно остро проблема развития мегаполисов стоит в современной России. Предпосылками к этому являются неконтролируемый рост населения, экологические проблемы, социальные, политические и др. Россия постепенно становится городской страной, а Москва – единственный город России, насчитывающий более 10 млн человек. Поэтому изучение городского пространства Москвы остается одной из важнейших и актуальных проблем.

Стратегический проект позиционирования России может выступать как интеграционная основа национального возрождения России в глобализирующемся мире, способствовать положительной идентификации страны и столицы, формулировать ориентиры для нового поколения россиян и москвичей, предлагать реалистический образ многонациональной страны.

Образ города формируется для решения стратегических задач и должен постоянно корректироваться и наполняться разнообразными целевыми акциями, быть прагматичным, соответствовать изменяющейся ситуации; вызывать эмоциональный отклик. Адекватно воспринимаемый образ политического деятеля способствует взаимопониманию и толерантности, минимизации противоречий, обусловленных социокультурными факторами.

Образ города маркирует регион и является признаком его сильной выраженности, устойчивости и соответствия определенным историческим, политико-культурным, этническим особенностям. Историческая практика показывает, что образ города можно целенаправленно формировать и культивировать. Задача состоит в том, чтобы построить в определенной последовательности логическую цепочку взаимодействующих образов страны и ее столицы.

Москва сегодня, как и современное российское общество, характеризуется сложностью внутрикультурных процессов и высокой степенью политической культуры. И социальное, и духовное пространство Москвы состоит из огромного многообразия субкультур, связанных с теми или иными группами населения, регионами. Особенно усилились процессы культурной

дифференциации в последнее время, когда выделились различные культурные субгруппы, по-разному относящиеся к перспективам развития московского региона. Все это культурное многообразие являет проблему культурного пространства города Москвы, проблему национального самосознания, проблему духовного единства российского общества.

На мой взгляд, образ Москвы, воспроизводимый в публичном дискурсе и транслируемый средствами массовой информации, не соответствует социокультурной реальности. Он не отражает действительного разнообразия города уже сегодня и тем более расходится с тенденциями, указывающими на то, как будет выглядеть Москва завтра.

Сегодня вопрос состоит в том, чтобы скорректировать этот образ, привести его в соответствие с заявленным статусом и таким образом облегчить процесс выработки гражданской солидарности со стороны национальных меньшинств. Чувство принадлежности общему социальному и социокультурному целому возможно только тогда, когда для его переживания не требуется подавлять чувства другого.

Субъективные факторы являются в определенной мере основой самовосприятия гражданами своей Родины, представлений их о своей столице, ее месте в мире и служат определенной психологической компенсацией. На наш взгляд, обозначение символических границ должно носить не только виртуальный характер, но опираться на улучшение реальных свойств объектов, традиционных ценностей, образцов для подражания. Работа должна вестись в двух направлениях: создание смысловых, содержательных структур образа и выявление средств формирования и продвижения образа. Образ страны и города – это знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения. Образ отражает естественные символы страны⁵.

Сознательное конструирование смысловых составляющих образа города предполагает развитие тех его реальных свойств и качеств, которые делают его привлекательным в стране и мире. Поэтому сегодня вопрос состоит в том, чтобы осуществить корректировку образа города и страны, определить, в каком положении находится имидж страны и города на данный момент и как воспринимается в интересующих нас регионах. Какой может быть стратегия такой коррекции? На наш взгляд, следует выделить три момента.

Осуществить изменение символической политики и, в частности, провести трансформацию информационного пространства.

В.А. Адилов

С этой целью следует задуматься о создании телесериалов с положительными героями «нетипичной» наружности, а также с «нетипичными» именами. Эти герои, сопровождая культурную повседневность общества на протяжении многих месяцев, постепенно меняют представление общества о самих себе.

К тому же, рассматривая данную стратегию, необходимо заручиться поддержкой государства и бизнеса по производству блокбастеров, с героями которых отождествляется молодежь. Влияние этих образов значительно.

Опыт бизнес-структур вполне может пригодиться в сфере продвижения желаемого образа города, использовать для этого можно различные форматы на радио, позволяющие услышать голоса недоминирующих групп.

В продвижении образа города должны учитываться факторы коммуникационного пространства. Для этого следует сделать регулярными циклы передач в СМИ федерального уровня, предметом которых являлась бы история «нерусской» Москвы – татарской, армянской, грузинской и т. д.

При разработке программы продвижения образа города следует учитывать структуру векторов коммуникации для обеспечения максимально точного донесения информации. Для этого можно использовать и рекламные плакаты на улицах, которые бы помогали преодолеть стереотипное представление о россиянце/москвиче как «лице славянской национальности»; календари, марки, стикеры, популяризирующие такие образы Москвы, как, например, Соборная мечеть или Армянский переулок, с соответствующей сопроводительной информацией. Видится целесообразным использование социальной рекламы, нацеленной на пропаганду уважения к этнокультурному разнообразию.

Освоение символического пространства предполагает исследование реальных свойств образа города и продвижения его в публичное пространство. В этой связи особую значимость приобретает формирование дискуссионного поля, создание площадок для общественных дискуссий, прежде всего, на телевидении, которые позволили бы вывести проблемы, обсуждаемые в экспертном сообществе, в публичную плоскость.

Опираясь на историко-философский, культурологический, технологический подход, осуществить воздействие на культурную среду, поддерживать мультикультурные коллективы, которые своим составом и содержанием своего творчества демонстрируют этнокультурную толерантность России и Москвы.

Технологично используя репутационный менеджмент, социально-рентабельную репутацию города, осуществить спе-

циальные проекты по информированию публики о вкладе в российскую культуру писателей, поэтов, мыслителей, художников из нерусской среды.

Резюмируя и подчеркивая те достоинства, которые город предлагает миру, следует популяризировать «этномузыку». В этом сегменте современной культуры обретается огромное количество талантливейших сочинителей и исполнителей – с удмуртской, татарской, тувинской, якутской идентичностью⁶. Эта идентичность, между тем, прекрасно вписывается в российскую идентичность, способствует улучшению имиджа России и Москвы за границей.

В этой связи обеспечение процессов формирования, коррекции и трансляции образа России и Москвы должно быть сформировано в качестве приоритетного национального проекта.

Примечания

- 1 *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.
- 2 *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. С. 3.
- 3 *Лисовский С.Ф.* Политическая реклама. М., 2000. С. 45.
- 4 *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 26.
- 5 *Беспалов С.В.* Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М., 2007. С. 12.
- 6 *Малахов В.* Этничность в большом городе // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 1 (51). С. 185.

Лю Юаньюань

ИМИДЖ КИТАЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются особенности образа Китая, сформированного в российском общественном сознании, анализируется динамика изменения образа Китая за последнее десятилетие. Выявляя структуру образа Китая, автор анализирует основные источники и факторы формирования образа Китая в России с учетом региональных особенностей.

Ключевые слова: образ, имидж, социальное конструирование, российско-китайское партнерство.

XXIX летние Олимпийские игры в Пекине уже стали достоянием истории. На протяжении 17 дней внимание жителей всей планеты было приковано к Пекину и другим 6 китайским городам, где соревновались лучшие спортсмены мира, проходили бескомпромиссные спортивные баталии, устанавливались мировые и олимпийские рекорды. Проведение в 2008 г. Олимпийских игр в Китае стало закономерным этапом эволюции и реформирования Китая. Основная цель, которую китайские власти ставили перед собой при подготовке Олимпиады и планировании сопутствующих мероприятий, состояла в расширении и углублении взаимопонимания, в укреплении традиционной дружбы между народами. Помимо спортивной составляющей, КНР стремится к тому, чтобы обычаи и культура Азии стали ближе и понятнее простым жителям Запада, к тому, чтобы китайская действительность — и традиции, и современность — нашла адекватное восприятие в дружественных странах.

В главных спортивных соревнованиях четырехлетия приняли участие более 10 700 спортсменов из 204 стран и регионов мира.

Еще задолго до открытия XXIX летних Олимпийских игр представители Оргкомитета Пекинской Олимпиады не скрывали,

что постараются сделать их самыми яркими и запоминающимися в истории. Пекинская Олимпиада побила многие рекорды современного олимпийского движения. Отметим, что в церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине участвовали главы государств и правительств из 80 стран мира. В дни Олимпиады МИД КНР обнародовал список высоких гостей. Согласно данному списку, в церемонии участвовали 54 главы государств, 16 глав правительств, 9 представителей королевских семей и один региональный лидер. Как подчеркивали в связи с этим китайские СМИ, этот факт стал своеобразным рекордом присутствия глав государств на современном спортивном мероприятии.

Даже предварительные подсчеты позволяют утверждать, что непосредственными участниками олимпийских мероприятий стали десятки тысяч зарубежных граждан, а многие десятки миллионов увидели и услышали много нового о КНР по телевидению и, конечно же, в интернете. Благодаря мощной поддержке российских властей в освещении олимпийских игр информация по большинству мероприятий оказалась доступна весьма широкому кругу простых граждан. Возникает надежда на то, что Китай все-таки постепенно перестает стереотипно ассоциироваться в России только с челноками да китайским чаем. Олимпиада в Пекине повысила узнаваемость и известность Китая в мире и в России, но сделала ли понятным народ, его ментальную сущность?

Однако при этом, как отмечает западный социолог К. Хейни-ла (Heinila), прежде всего нужно учитывать противоречивый социальный эффект международного спорта: он может содействовать миру, дружбе и взаимопониманию между народами, а может и негативно воздействовать на международное взаимопонимание, содействовать национализму, шовинизму и расизму. Социальный смысл международного спорта, разумеется, состоит в том, чтобы содействовать международной доброй воле и международному взаимопониманию. «Однако спорт, – указывает К. Хейни-ла, – не порождает эту добрую волю и международное взаимопонимание автоматически через какой-то саморегулирующийся механизм и при всех обстоятельствах»¹. В этой ситуации, подчеркивает он, «крайне необходимо научное исследование для выяснения тех условий и социальных ситуаций, которые содействуют международному взаимопониманию, и тех, которые вредят ему». Причем «этот вопрос должен быть рассмотрен без чрезмерного оптимизма и предрассудков»².

Самым слабым местом нынешней конструкции стратегического российско-китайского партнерства является отсутствие в

Лю Юаньюань

ней массовой социально-политической опоры. Исторически обусловленная европейская ориентация российской интеллигенции и политической элиты, растущая тяга китайской молодежи к США и Японии и падающий интерес ее к России также не способствуют расширению и укреплению этой опоры.

Именно поэтому сегодня в центре внимания ученых и политиков, ответственных за развитие российско-китайских отношений, должно быть создание благоприятной и широкой по масштабам гуманитарной среды стратегического партнерства. Состояние российско-китайских человеческих, гуманитарных отношений – проблема ныне намного более важная, чем узость номенклатуры двусторонней торговли, маршрут нефтяной трубы и даже содержание очередного коммюнике двусторонней встречи на высшем уровне.

Российско-китайские связи не могут быть преимущественно экономическими и нести при этом мощный конфронтационный заряд (как отношения между КНР и Японией, КНР и США). Большая протяженность общей границы и массовость межличностного обмена делают неизбежной если не доминирующую, то весьма существенную роль гуманитарной составляющей этих связей. Тот же двусторонний приграничный туризм – это не «рафинированные» туры европейцев и японцев по историческим и культурным достопримечательностям Китая, когда соприкосновение с жителями и обыденной жизнью страны крайне ограничено. Реальность российско-китайского туризма – это погружение в повседневную реальность небольших приграничных городов и специфических торговых анклавов Москвы, Пекина и провинциальных столиц, разнообразные и нелегкие межличностные связи, отношения с властью, милицией, таможенниками и прочими участниками этого многокрасочного действия. И в этой реальности важную роль играет имидж двух соседних стран.

В современном понимании имидж – это совокупное эмоциональное восприятие какого-либо объекта разговора или суждения: человека, компании, страны, – сконцентрированное в единую простую «картинку», почти схему. Эта «картинка» априори условная, но она дает представление о специфичности и уникальности объекта.

Под имиджем Китая в России понимаются представления о Китае, которые разделяют большинство россиян в данный период времени. Поскольку и системы представлений, и культура – сложные структуры, в которых отдельные образы не обязательно связаны между собой логически, чтобы понять (или реконструировать) индивидуальный образ, зачастую не-

обходимо рассмотреть более широкую их систему. Так, например, для верного понимания взглядов различных социальных групп современной России на Китай необходимо рассмотреть более широкие политические концепции, общее видение этими группами мира и места России в нем, а иногда – современную российскую политическую культуру в целом.

К сожалению, работ, посвященных этой проблеме, немного – она только начинает разрабатываться. Это связано с тем, что интерес к Китаю в широких слоях населения России (за исключением некоторых регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, граничащих с Китаем) невысок, образ этой страны недостаточно представлен в российской массовой культуре³.

Важная составляющая проблемы – желание понять партнера по отношениям. К сожалению, у политиков в первую очередь, да и у профессиональных исследователей такое стремление присутствует далеко не всегда. Историки и политологи во многом формировали и формируют общественное мнение в своих странах. Но они не свободны от субъективных оценок.

На специалистов-международников, изучающих внутренние проблемы, влияют многие субъективные факторы, связанные с их существованием в конкретном обществе, в конкретном социальном строе.

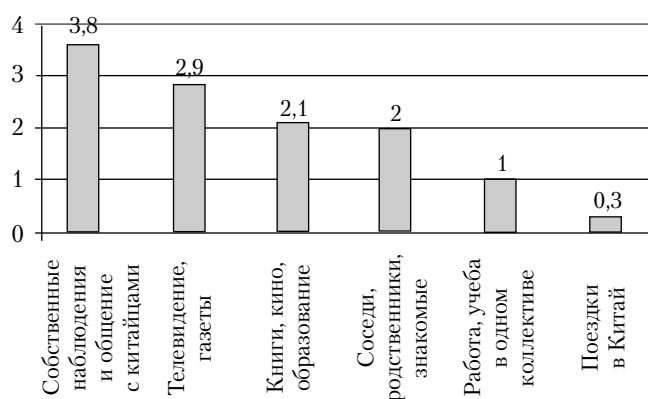
В знаниях китайцев о России отсутствуют всесторонность, серьезное отношение и объективность. Есть желание просто сравнивать национальный доход обоих государств. А такие нематериальные вещи, как российский дух, российская культура, своеобразный российский путь исторического развития, в Китае либо игнорируются, либо абсолютно не воспринимаются. В информации СМИ в обеих странах подчас проявляется несогласованность. Например, в некоторых сообщениях китайской прессы о китайско-российском энергетическом сотрудничестве, связанном с поставками нефти в Китай по нефтепроводу, выражалось недовольство по поводу того, что российская сторона в течение длительного времени не может решить вопрос о ветке нефтепровода на Дацин, однако при этом никто не обратил внимания на другое сообщение: об обещании российской стороны «увеличить объемы поставок нефти по железной дороге, чтобы обеспечить потребности китайской стороны в сырой нефти»⁴.

Работающие в Москве китайские предприятия (магазины и рестораны) одно за другим закрываются. Субъективные причины кроются в незнании России, особенно в непонимании происходящих сегодня огромнейших перемен. Кроме того, некоторые китайцы, столкнувшись в России с «теорией китайской угрозы»,

выражают сомнение в том, что Россия действительно стремится установить с Китаем отношения стратегического взаимодействия и партнерства, и считают, что Китаю необходимо делать это в одностороннем порядке. Эти взгляды, суть которых в недостаточном внимании к России, в недостаточном доверии к России, хотя и не так серьезны, как «теория китайской угрозы», имеющая хождение в России, тем не менее также в определенной степени препятствуют развитию китайско-российских отношений и их следует всячески преодолевать. В некоторых сообщениях о Китае в России дается информация, почерпнутая в западных СМИ. И в Китае в отношении России происходит то же самое. Знания в обеих странах друг о друге весьма поверхностные, в результате народам Китая и России не хватает культурной общности. Если этот вопрос не будет решен, то остается вероятность возникновения конфликтов, аналогичных пограничным проблемам.

По данным пилотажного исследования, которое проводилось в городе Хабаровске в августе–сентябре 2004 г. (заметим, что город фактически граничит с Китаем), оказалось, что основным источником представлений русских о китайцах является собственный опыт общения с иностранцами, аналогичный опыт родственников и знакомых, информация, поступающая из СМИ (см. табл. 1). При этом только у 21% респондентов есть знакомые китайцы (однокурсник, коллега по работе, знакомый торговец на рынке). Менее 10% имеют друзей китайской национальности. На втором месте по информативности – СМИ (телевидение, газеты, радио).

Таблица 1

Получается, что гетеростереотипы китайцев в сознании русских сформировались в основном:

- 1) на рынках, на улице, в транспорте и других общественных местах;
- 2) под воздействием СМИ;
- 3) во время обучения в школе и получения образования.

По мнению российских ученых, «российское фундаментальное образование давало и дает общие представления о восточных цивилизациях, государствах, их истории и культуре. Наибольшее внимание этому уделено в средних классах школы при изучении истории древнего мира. В ходе изучения истории России, новой и новейшей истории любые упоминания о Китае носят отрывочный характер (по сравнению с историей России и стран Европы). Таким образом, основное представление о Китае и китайцах закладывается в подростковом возрасте на уровне впечатления – красочных рассказов об огромной цивилизации и могучем народе, богатейшей китайской культуре и произведениях искусства, научных достижениях»⁵. Россиян восхищают императорские династии, красивые дворцовые церемонии с пышными одеждами, боевые искусства, китайские изобретения (порох и фейерверк, компас, бумага, шелк, оттисковое книгопечатание и др.), необычная храмовая архитектура, своеобразная поэзия, язык и иероглифика. Воспеваются китайское трудолюбие, символизируемое огромными рисовыми полями, религиозность, высокая нравственность (буддизм, нормы этики и морали конфуцианства).

Скорее всего, именно этим объясняются ответы о предмете китайской национальной гордости и высокая доля смысловых групп «национально-культурные особенности» и «история, культура, искусство, наука» в описательных характеристиках китайцев (см. таблицу). При этом обзорный характер школьных курсов не позволяет остановиться подробно на изучении китайской истории и культуры, в результате подростки имеют самые поверхностные, несколько однобокие знания, основанные на впечатлениях масштабности, необычности, непохожести на русское.

Лишь у некоторых эти впечатления перерастают в увлеченность Китаем (чтение книг, изучение языка). Большинство же становится свидетелем или участником сложившейся в последнее десятилетие в России устойчивой моды на «китайское»: увлечения ушу и фэн шуй, иероглифика в интерьерах, популярные в обществе высказывания Конфуция и Лао Цзы, китайские гороскоп и лунный календарь, нетрадиционная медицина, китайский цирк и т. д. Всё это носит характер необычного, экзотики. Стремительный экономический рост КНР, вступление в ВТО и ШОС, во-

енная мощь и фактическое приобретение статуса сверхдержавы и ранее принадлежавшей СССР роли противовеса США также не остается незамеченным как для России в целом, так и для жителей Дальнего Востока. Эти знания и впечатления отражены в представлениях русских о символах китайского этноса, отождествляемого с китайской нацией и государством.

В то же время на представления о китайских национально-психологических особенностях влияют «рыночные» и «уличные» впечатления. Русский человек, вооруженный знаниями об аристократическом прошлом Китая и его экономическом прорыве, приходит на рынок и сталкивается с китайским крестьянским настоящим (грязные, нечистоплотные, наглые, навязчивые, хитрые, коварные и злопамятные, замкнутые, агрессивные, бестактные, бесцеремонные – все эти стереотипы рыночных торговцев, характеристики «базарного» поведения). А с экрана телевизора и из газет идет информация: от политиков – о «желтой ползучей экспансии» и «экономическом захвате», от сотрудников МВД – об очередной потасовке в «китайском» ресторане или казино, от сотрудников миграционной службы – о выдворении очередной партии незаконных мигрантов, проживавших в гараже, от сотрудников таможенной службы – о контрабандном вывозе китайцами российских природных ресурсов. При этом передачи и статьи о современном Китае, его культуре, науке, экономике, быте простых китайцев можно перечислить по пальцам.

«Рыночные» и «газетные» впечатления противоречат ранее полученным знаниям, вызывают непонимание, недоумение, и уже русские испытывают своеобразный «культурный шок» при встрече с китайскими мигрантами.

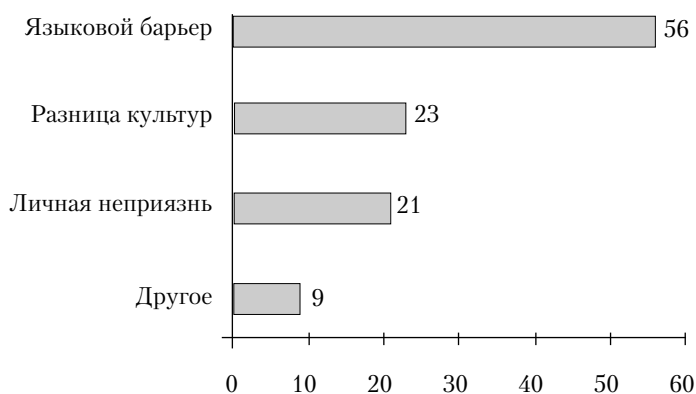
До сих пор характерно наличие широко распространенных стереотипов в восприятии россиянами китайцев. Наиболее известные из этих стереотипов представляют китайцев как людей прилежных и трудолюбивых, но в то же время не слишком сообразительных и с налетом провинциализма (в противоположность европейцам). Кроме того, Китай изображается как страна с громадным населением, готовым хлынуть в другие страны, в первую очередь в Россию.

В то время как общий образ Китая у российского населения за последнее десятилетие стал более позитивным, он не повлиял на отношение к жителям этой страны, особенно к конкретным китайцам, которые знакомы россиянам.

Россияне, главным образом в районах, удаленных от китайской границы, о китайцах по-прежнему очень мало знают. (Причины отражены в табл. 1.)

Таблица 2

Трудности на пути взаимодействия

Если посмотреть на табл. 2, то можно увидеть, что главным препятствием к общению является разность культур, а основным барьером для 56% опрошенных явились языковые трудности. Большинство встречались с ними нерегулярно, главным образом на рынках, и, хотя значительное количество россиян считало, что деятельность китайцев способствует оживлению местной торговли, многие либо относились к ним негативно, либо не имели своего мнения. Поэтому для того, чтобы всесторонне и объективно познать соседа, обеим странам необходимо:

- аккредитовать на условиях постоянной работы корреспондентов, которые могли бы рассказывать о положении в соседней стране, показывая сюжеты с комментариями на своем языке;
- с бóльшим вниманием относиться к событиям, не утрировать факты;
- сообщать о событиях, происходящих в соседней стране, в доброжелательной манере, описывать сюжеты, которые могли бы быть полезными для народов обеих стран с точки зрения ознакомления друг с другом.

Исследовать перемены в отношении российского населения к Китаю нелегко, поскольку соответствующие вопросы редко включаются во всероссийские опросы общественного мнения. Однако доступные данные позволяют выделить две основные тенденции, характерные для 1990-х годов: 1) растущий интерес и позитивные оценки китайской экономики и Китая в целом (осо-

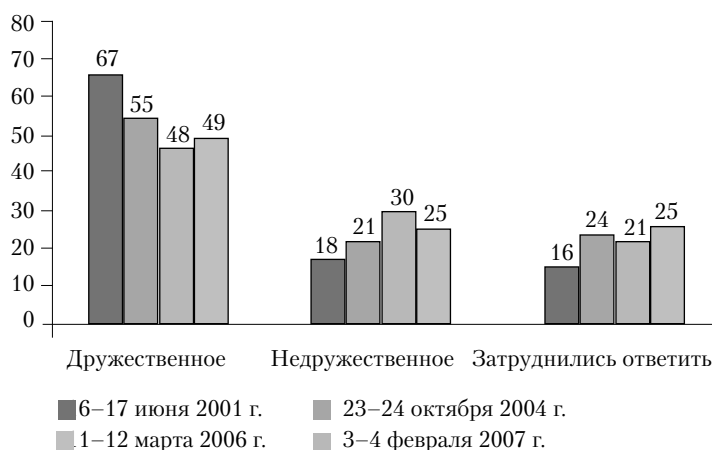
Лю Юаньюань

бенно в сравнении с западным миром); 2) растущую озабоченность возможностью конфликта густонаселенного и мощного Китая и слабеющей России в будущем.

В целом Китай видится значительной частью населения России одним из наиболее дружественных государств, в то же время немало россиян считают, что Китай представляет угрозу (см. табл. 3).

Таблица 3

Как вы считаете, Китай это дружественное или недружественное по отношению к России государство?

С 1992 г. было подписано более 180 различных соглашений на уровне правительств. Документы о сотрудничестве подписали 55 пар регионов и городов Китая и России. Вопросами сотрудничества в экономической, научно-технической и гуманитарной областях занимается ряд межправительственных комиссий и 25 постоянных рабочих групп.

Такой консультативный механизм позволил углубить согласованность стран в действиях, направленных на поиск решения имеющихся проблем, обеспечил стабильное развитие китайско-российского сотрудничества по разным направлениям.

Следует отметить, что в настоящее время в китайско-российских культурных связях проявляется неравномерность. В ходе неофициальных культурных обменов между Китаем и Россией

число российских творческих коллективов, приезжающих на гастроли в Китай, значительно превосходит число китайских гастролеров в России. Причина видится в том, что со времени начала политики реформ и открытости в Китае рост культуры получил значительное развитие, и появилась определенная потребность в российских коллективах, а китайские творческие коллективы мало востребованы на российском рынке культуры.

Разумеется, лучшая продукция традиционной китайской культуры удовлетворяет духовные потребности части российских читателей, помогает формированию положительного образа китайской нации. Вместе с тем то небольшое, что российская сторона восприняла из богатейшего культурного наследия Китая, опять-таки не может считаться достаточным.

Хотелось бы отметить тот факт, что очень многое в выстраивании дружеских отношений между странами зависит от молодежи двух стран.

Нужно, чтобы молодое поколение познакомилось с жизнью людей, живущих по ту сторону границы, узнало, что они думают, к чему стремятся, что читают, какие у них традиции.

Как сказал Президент РФ В.В. Путин: «Если бы мне пришлось указать на великую культуру в полном смысле этого слова, то в первую очередь я бы указал на китайскую культуру. Сегодня российская молодежь испытывает глубочайший интерес к китайской культуре»⁶.

В этой связи нас не могут не порадовать усилия, предпринимаемые отдельными организациями, что особенно ценно, относящимися к системе образования. Речь идет о Центре обменов и изучения культуры Китая и России Университета Цинхуа, где в последние годы состоялся ряд международных конференций и форумов, темой которых стали китайско-российские связи в науке и технике, образовании и культуре, экономике. Другие организации также провели многочисленные мероприятия, например: организованы визиты делегаций молодых предпринимателей и корреспондентов, летние детские лагеря, выставки молодых деятелей искусства, разнообразные конференции и соревнования.

Следует обратить внимание на то, что в последние годы в России стремительно растет интерес к китайскому языку. Известный российский китаевед М.Л. Титаренко считает, что это результат установления стратегического партнерства, расширения связей в политико-экономической и культурной областях. Россияне более чем когда-либо проявляют интерес к Китаю, китайскому языку и культуре. Это происходит именно с начала

Лю Юаньюань

90-х годов XX в., когда развитие торговли между двумя странами выявило нехватку переводчиков, владеющих деловым китайским языком. Действительно, китайский язык в настоящее время не относился к числу основных иностранных языков в российских учебных заведениях, специальность «Китайский язык» есть лишь в нескольких вузах Москвы и других городов, а число студентов, изучающих его, очень и очень небольшое. Даже в конце 1980-х годов существовало всего 12 центров по изучению Китая. Сегодня, по сведениям отдела образования Посольства КНР, в России работает более 50 центров по изучению китайского языка. Среди них свыше 30 вузов, в которых имеется специальность «Китайский язык» или открыты курсы китайского языка, где учится более 2200 человек; 8 школ с преподаванием китайского языка, где учится около 2500 учеников. В России учится около 15 тыс. китайских студентов. В Китае значительно сократилось число студентов факультетов русского языка высших учебных заведений, которые жаловались на невозможность найти работу⁷.

В 2005 г. Китай и Россия подписали межправительственное соглашение о поддержке изучения языка партнера. При поддержке министерства образования Китая и канцелярии Китайской государственной группы содействия распространению китайского языка в мире в России были открыты три центра изучения китайского языка: в Московском, Санкт-Петербургском и Дальневосточном госуниверситетах. В декабре 2006 г. посол КНР в Москве Лю Гучан от имени Группы содействия распространению китайского языка в мире подписал с ректором РГГУ Е.И. Пивоваром соглашение, в соответствии с которым стороны будут сотрудничать в деле создания Института Конфуция в РГГУ. К настоящему времени состоялось официальное открытие (с установлением вывески) первого Института Конфуция в Дальневосточном государственном университете, кроме того, идет подготовка к открытию Институты Конфуция в РГГУ (Москва), в СПбГУ, в Иркутском госуниверситете. Можно предвидеть, что институты Конфуция станут важной базой для изучения китайского языка в России, а расширение базы преподавания китайского языка поможет молодежи России больше и больше узнавать о Китае.

Абсолютное большинство россиян, побывавших в Китае, будь то торговцы или туристы, корреспонденты или дипломаты, постепенно избавляются от своих предубеждений и заблуждений, проникаются симпатией к Китаю, начавшему проводить политику реформ и открытости.

И все же подчеркнем, что от того, как нынешние российские и китайские студенты будут в дальнейшем относиться к соседней стране, в значительной степени будет зависеть будущее российско-китайских отношений.

Что касается тех российских студентов, которые уже побывали в Китае, отметим, что на большинство из них страна произвела благоприятное впечатление. Так, по данным опроса 200 студентов 1–4 курсов г. Владивостока, который был проведен в 2006 г., однозначно заявили, что Китай им понравился (54% опрошенных), хотели бы снова поехать в Китай 36%. Равнодушными остались чуть более 7%, а с плохими впечатлениями и решением больше никогда не ехать в Китай вернулись из него только трое (2,3%)⁸.

Важно, что у 40% из тех студентов, что смогли побывать в Китае, отношение к стране улучшилось. У половины оно осталось неизменным, и только 10% заявили, что их отношение к Китаю изменилось в худшую сторону.

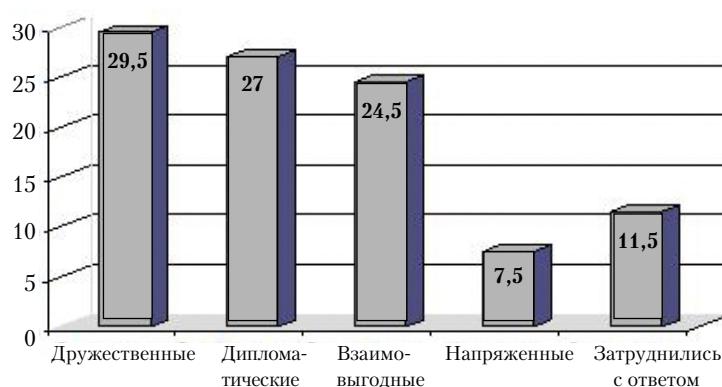
Любопытно, что же именно больше всего понравилось студентам в Китае. На первом месте — уровень обслуживания: 39% упоминали его в первую очередь. На втором — экономические достижения страны (34%), на третьем — памятники истории и культуры (26%). Ничего не понравилось только 18 студентам (14%).

По мнению российского исследователя Л. Лариной, не стоит удивляться этому выбору приоритетов. На фоне российского сервиса и российской экономической действительности достижения Китая в этих областях действительно впечатляют. Для того же, чтобы восторгаться историей и культурой, надо их хотя бы немного знать и понимать⁹. Такими знаниями обладает, хотя бы на минимальном уровне, только треть опрошенных студентов (34%). Для остальных Китай — не более чем экзотика.

Но в то же время стремление побольше узнать о Китае выразили 57% студентов Владивостока. Процент весьма существенный, что означает наличие солидного потенциала для создания гуманитарной среды российско-китайского сотрудничества. Кстати, культурой Китая интересуется большая часть (51%) опрошенных. 37% хотели бы пополнить свои знания о повседневной жизни китайцев, каждый четвертый — об истории и экономике Китая. Не интересуются страной 43% студентов. У них другие интересы и приоритеты, что, в принципе, вполне закономерно.

В целом видно что сегодняшние российско-китайские отношения студенты оценивают в общей своей массе как благоприятные. 30% назвали их дружескими, 27% — дипломатическими, 25% — взаимовыгодными, и только 8% — напряженными (см. табл. 4).

Таблица 4

Обобщая все сказанное, следует отметить, что в разные периоды истории отношения между двумя нашими странами складывались неодинаково. В настоящее время в китайско-российских отношениях не существует резких противоречий, нет и оставленных историей серьезных проблем. Идет реальное изучение друг друга с расчетом на мирную длительную перспективу. Несмотря на то, что усиление Китая в той или иной мере беспокоит Россию, постоянно расширяющиеся в настоящее время деловые связи между Китаем и Россией подтверждают, что сегодняшние отношения между двумя странами можно назвать самыми равноправными и самыми разумными в истории. А к возникающим в процессе обменов между двумя странами моментам некоторой дисгармонии следует относиться разумно, искать общее при сохранении различий. «Национальные годы» – это не только национальная программа. Еще важнее то, что мероприятия, проведенные в их рамках, будут способствовать продвижению делового сотрудничества между двумя государствами по разным направлениям, укрепят дружбу и взаимопонимание между народами двух стран, углубят знания друг о друге, будут способствовать развитию всестороннего сотрудничества между Китаем и Россией по разным направлениям.

- 1 *Рожков И.Я.* Имиджи Китая в контексте PR и рекламы. М.: МГИМО(У) МИД России, 2006. С. 30.
- 2 Там же. С. 45.
- 3 Китай в мировой политике / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т); Редкол.: А.В. Торкунов (отв. ред.) и др.; Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М., 2001.
- 4 *Чжоу Юндун.* Элементы дисгармонии в китайско-российских отношениях на фоне стратегического партнерства: позитивная роль культурных связей // *Образ Китая в современной России: Сб. статей ИДВ.* М., 2007. С. 214.
- 5 *Кубарский Д.В.* Психологические особенности восприятия русским населением Дальнего Востока мигрантов из Китая // *Толерантность в межкультурном диалоге.* М., 2005.
- 6 *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: проблемы динамики и преемственности в межгосударственных отношениях. Автореф. дис. д-ра полит. наук. М., 1998.
- 7 Бэйцзин циннянь бао. 2002. 4 декабря.
- 8 Россия – Китай в XXI веке. Декабрь 2006.
- 9 Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В.А. Колосова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

П.Н. Калмыков

КИТАЙСКАЯ УЧАЩАЯСЯ
МОЛОДЕЖЬ МОСКВЫ.
РЕСУРС МИГРАЦИОННОГО ПРИТОКА
ИЛИ РОССИЙСКИЕ КОНТРАГЕНТЫ
В КИТАЕ?

В данной статье ставится вопрос о том, насколько китайцы, обучающиеся в московских вузах, могут стать иммигрантами в России или нашими союзниками по развитию российско-китайских экономических и культурных связей в самом Китае. Рассмотрение проблемы ведется на основе социологического опроса китайских студентов в московских вузах, а также интервьюирования экспертов.

Ключевые слова: иммиграция, образование, молодежь, миграционные потоки.

К современным общественным явлениям, которые оцениваются крайне неоднозначно, в первую очередь надо отнести китайскую иммиграцию. Единства во мнениях по этому вопросу нет ни среди простых обывателей, ни среди ученых, ни среди политиков. А между тем для России, в свете ее экономических и демографических проблем, нехватки трудовых ресурсов, неравномерности развития регионов, тема китайской иммиграции приобретает особое значение; от того, как она будет развиваться и регулироваться, зависит будущее Восточной Сибири и Дальнего Востока, а во многом и всего государства. Именно поэтому этот вопрос часто становится предметом спекуляций в спорах различных политических сил, что ограничивает возможности его научного анализа и объективной оценки; большинство рядовых граждан России составляет свое суждение о «посланниках Поднебесной» из непрофессиональных и ненаучных публикаций и репортажей в средствах массовой информации, не имея возможности разобраться в вопросе китайской иммиграции глубже.

В настоящей статье предпринята попытка анализа одной из важнейших составляющих миграционного потока китайцев в Россию – учащихся из КНР. В центре нашего внимания находится

ся наиболее развитое и влиятельное из всех рассеяний китайских мигрантов на территории бывшего Советского Союза – московская община китайской диаспоры.

Главным источником, использованным при разработке темы, является проведенный весной 2007 г. опрос китайской молодежи в Москве. Опрошено было 182 китайских учащихся из различных вузов столицы: МГУ им. М.В. Ломоносова, МПГУ им. В.И. Ленина, Российского государственного гуманитарного университета, Московского государственного университета культуры и искусств, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Российского университета дружбы народов и др. Сбор информации осуществлялся методом «снежного кома». Анкета составлена на китайском языке и включала следующие блоки вопросов: социально-демографические характеристики, социальное происхождение, род занятий на родине, место проживания в Китае, продолжительность пребывания в Москве, характеристика учебного процесса и условия жизни в Москве (материальное положение, жилищные условия, характер формальных и неформальных контактов), намерения дальнейшей трудовой деятельности.

Кроме формализованного опроса проведены 28 экспертных интервью. Экспертами выступали преподаватели, обучающие китайских студентов, сами студенты, абитуриенты и аспиранты.

Учащиеся мигранты представляют собой достаточно специфическую массу людей, отличную от всех других приезжих по целому ряду характеристик. Если китайцы, проживающие в России, занятые в производстве, торговле или сфере услуг, уже сегодня являются активными участниками российско-китайских экономических отношений, реальным образом влияют на экономику нашей страны, то нынешним абитуриентам, студентам и аспирантам еще только предстоит сказать свое слово в развитии связей между Россией и Китаем. Именно поэтому почти всегда судьба выходцев из КНР, получающих образование в России, остается вне научного интереса исследователей, занимающихся китайской иммиграцией в нашу страну. А между тем эта категория мигрантов заслуживает ничуть не меньшего внимания, нежели предприниматели и наемные рабочие, приехавшие из Китая.

Признание, которым по традиции, еще с советских времен, пользуется российское образование в КНР, автоматически, по возвращении на родину, делает китайца, окончившего российский вуз, потенциальным представителем политической, научной или культурной элиты в своей стране. Мало того, в отличие от своих соотечественников, живущих в России и занимающихся здесь бизнесом, т. е. преследующих цель получения прибыли,

П.Н. Калмыков

китайцы, приезжающие учиться в нашу страну (а тем более в Москву, один из самых дорогих городов мира), напротив, готовы к весьма значительным по китайским меркам затратам. Это свидетельствует о том, что китайские учащиеся в Москве относятся к более благополучной экономически, а значит, и более влиятельной части китайского общества, нежели большинство торговцев, представителей обслуживающего персонала гостиниц и ресторанов или иных малопрестижных профессий.

Кто же представляет китайскую учащуюся молодежь в Москве?

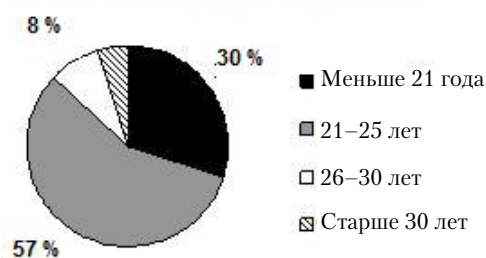
Вопреки распространенному мнению, студенты составляют лишь немного больше половины всех граждан КНР, получающих образование в Москве. Помимо них в российской столице представлены абитуриенты. Они составляют четвертую часть от общего количества китайцев, проходящих обучение в Москве. Около 11% опрошенных оказались аспирантами или соискателями.

Таблица 1

Мотивация приезда китайской молодежи для обучения в Москву (можно выбрать несколько вариантов ответа)	
Сравнительно дешевое и <i>качественное образование</i>	43%
Приехал с родными или близкими	17,5%
Хочу жить и работать в России	14,5%
Мне необходимо изучение русского языка	8,5%
У меня есть научный интерес или исследование, связанное с Россией	4%
Другой вариант	14%
Не дали ответа	3,5%

Основной мотивацией приезда китайской молодежи для обучения в Россию послужило оптимальное, по их мнению, сочетание цены за обучение и уровня преподавания: этот вариант (сравнительно дешевое и качественное образование) отметили почти 43% опрошенных. 17,5% респондентов указали, что они выбрали для продолжения своего обучения Россию из-за того, что здесь проживают и работают их родственники. В 14,5% случаев на вопрос о мотивации приезда в Россию от китайских учащихся следовал ответ «я хочу жить и работать в России». Встречались и некоторые другие варианты ответа: учащиеся говорили о необходимости изучать русский язык для продолжения работы или учебы, указывали на определенный научный интерес или конкретное исследование, связанное с Россией, в качестве причины, побудившей их приехать в Москву. Кого-то сюда привело любопытство, желание знать больше о северном соседе, кто-то приехал, прислушавшись к совету друзей.

Возраст китайских учащихся в Москве

Большинство (95%) китайских учащихся в Москве представляет молодежь – люди не старше 30 лет. Из них более половины – 57% – молодые люди и девушки в возрасте от 21 до 25 лет, а 30% не исполнилось еще 21 года. Люди, чей возраст превышает 25 лет, встречаются гораздо реже: лишь восьми процентам опрошенных на момент проведения исследования исполнилось от 26 до 30 лет, и только пяти процентам респондентов к тому моменту было уже за 30. Девушки и молодые люди представлены в Москве почти в равном соотношении, разница между ними (в полтора процента в пользу последних), которую мы смогли обнаружить, находится в пределах статистической погрешности.

Абсолютное большинство населения Китая составляют ханьцы. По данным пятой всекитайской переписи населения, проходившей в 2000 г., их насчитывалось 91,59% всего население

П.Н. Калмыков

ния Поднебесной. На долю остальных 55 нацменьшинств пришлось лишь 8,41%¹. Очевидно, что в любой стране мира среди мигрантов из Китая ханьцы значительно преобладают над представителями этнических меньшинств, но интересно проследить, соблюдены ли обозначенные пропорции численности ханьцев и нацменьшинств и за пределами Китая.

В результате проведения нашего опроса мы выяснили, что представителей нацменьшинств среди молодых мигрантов в Москве оказалось почти вдвое больше в сравнении с их долей в народонаселении Китая – среди приезжих учащихся китайцев ханьцы составляют примерно 84%, на долю нацменьшинств приходится соответственно 16%.

Чем можно объяснить такой разрыв? Что толкает молодых представителей не ханьских народов получать образование в российской столице? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вернуться к проблеме мотивации приезда китайских учащихся в Москву, проследить, каково было их материальное положение до отъезда в Россию, а также выяснить, откуда в Москву в основном приезжает китайская молодежь. Соответствующие вопросы мы задавали респондентам в рамках стандартизированных интервью.

Оказалось, что материальное положение представителей этнических меньшинств непосредственно до того, как они покидали Китай, судя по их собственным оценкам, заметно отличалось от аналогичного показателя у ханьцев: если «средним» его признало схожее количество испытуемых из числа тех и других (55% и 49,6% соответственно), то совсем иные цифры мы получили по другим вариантам ответа: среди ханьцев в два с половиной раза больше респондентов, чем среди представителей нацменьшинств, назвали свое материальное положение до переезда в Россию «хорошим» или «очень хорошим». Зато тех, кто посчитал его неудовлетворительным («плохим» или «очень плохим»), оказалось в четыре с лишним раза больше уже в последней группе.

Таблица 2

**Материальное положение учащихся –
ханьцев и представителей нацменьшинств**

оценка	ханьцы	нацменьшинства
хорошее и очень хорошее	42,3%	17,5%
среднее	49,6%	55%
плохое и очень плохое	8,1%	35%

Таблица 3

Процентное соотношение выходцев из различных административно-территориальных единиц КНР среди китайских учащихся в Москве

Шаньдун	11,2
Хэбэй	8,4
Шаньси	8,4
Пекин	6,3
Чжэцзян	6,3
Хэйлунцзян	5,6
Хэнань	5,6
Гуандун	5,0
Синьцзян-Уйгурский а/р	5,0
Сычуань	5,0
Цзянсу	5,0
Шанхай	5,0
Цзилинь Ляонин Хубэй Хунань Фуцзянь Шэньси	менее 5% опрошенных
другие	7,6
Итого	100

По этим цифрам можно утверждать, что люди, не принадлежащие к ханьскому этносу, выбирают Москву в первую очередь из материальных соображений. Лишний раз это подтверждает тот факт, что для большинства представителей этнических меньшинств решающим при выборе места для продолжения своего образования оказывалось сочетание цены и качества, а не какой-либо другой фактор. Среди ханьцев соответствующая цифра оказалась на 20% ниже и составила лишь 40% опрошенных.

Говоря о географии исхода молодых китайских мигрантов, следует начать с того, что абсолютное большинство из них, как мы выяснили из нашего опроса, до того, как попасть в Москву, получало образование в Китае. Таковых оказалось более 85% опрошен-

ных. Еще около 10% также приехали из КНР, однако в последнее время перед отъездом в российскую столицу не учились, а работали у себя на родине. То есть в Москву почти все граждане КНР приехали сразу из Китая, не проходя никакой подготовки в других российских городах. Таким образом, практически без оговорок мы можем говорить о том, что провинция Китая, в которой они жили перед отъездом в Россию, для наших опрошенных одновременно являлась и последним местом их проживания вне Москвы.

Что касается географии исхода китайских мигрантов, то она очень широка. Нам встречались выходцы из почти всех административно-территориальных единиц КНР. Разумеется, среди мигрантов лучше представлены жители востока страны, что объясняется как большей демографической насыщенностью этого региона, так и его значительным социально-экономическим опережением по сравнению с западными областями КНР.

Наибольшее количество мигрантов – около 11% – до приезда в Москву жило в провинции Шаньдун, расположенной на восточном побережье Китая в нижнем течении реки Хуанхэ. Это одна из наиболее социально и экономически развитых провинций КНР². Немного уступают ей по количеству учащихся в Москве две другие провинции, расположенные на северо-востоке страны – Хэбэй и Шаньси. Китайцы, приехавшие оттуда в российскую столицу получать образование, составляют примерно по 8,4% от общего числа учащихся из КНР в Москве.

Из двух важнейших городов Китая – Пекина и Шанхая (они также располагаются на востоке страны) – в Москве получает образование в общей сложности больше 11% всех приезжих китайских учащихся. Эти два города являются не только социально-экономическими, но и научными центрами страны, система образования развита здесь несравненно лучше, чем в любой другой административно-территориальной единице Китая. В Пекине на 2000 год высшее или высшее специальное образование имело 17,5% населения, высшее среднее и среднее специальное – 24,1%³. Это самые высокие показатели на весь Китай. Шанхай лишь незначительно отстает от столицы.

Исторически сложилось так, что наиболее экономически развитые – восточные регионы Китая – заселены почти исключительно ханьцами: например, в столичной провинции Хэбэй эта цифра соответствует 96% населения⁴, в соседнем Шаньдуне – 99,3%⁵, а в Цзянсу – и вовсе 99,71%⁶ и т. д. Неудивительно, что и в Москве восток Китая также представляют в основном ханьцы. Это и объясняет их лучшее, по сравнению с нацменьшинствами, общее финансовое благосостояние.

Но восточными провинциями не ограничивается представительство китайских учащихся в Москве. Среди абитуриентов, студентов и аспирантов из Китая нам встречались выходцы как из центральных провинций КНР, таких как Сычуань, Шэньси, Хэнань, Хубэй, так и с юга страны – из провинций Хунань, Гуандун, Фуцзянь и других. Здесь представительство этнических меньшинств резко отличается от восточных регионов, достигая зачастую сравнимой с ханьцами численной пропорции.

Часть наших респондентов представляла Синьцзян-Уйгурский автономный район – крупнейшую административно-территориальную единицу Китая, расположенную на северо-западе страны. По основным социально-экономическим показателям Синьцзян значительно отстает от большинства провинций КНР, до сих пор оставаясь преимущественно аграрным регионом. Тем не менее, по нашим данным, около 5% всех учащихся в Москве китайцев приехало именно оттуда. Причем особого внимания заслуживает тот факт, что все встретившиеся нам в ходе опроса выходцы из Синьцзяна оказались абитуриентами. Мало того, ни одному из них не исполнилось на момент проведения исследования 21 года. Предположение о том, что это лишь совпадение, и все они представляли одну централизованную группу, не подтвердилось: в Москве эти люди учились в двух разных вузах и жили в трех территориально отстоящих друг от друга общежитиях, в большинстве своем не были знакомы между собой. Предположительно, приносит первые плоды проводимая Пекином программа развития национально-территориальных автономий, которая предполагает, в частности, распространение в районах компактного проживания национальных меньшинств обязательного девятилетнего образования и ликвидацию неграмотности среди молодежи и взрослого населения. В 2005 г., с окончанием десятой пятилетки, закончился уже второй этап реализации этой программы⁷. Проблема же состоит в том, что предпринятые шаги в сфере развития среднего образования не были подкреплены здесь аналогичными мерами по развитию высшей школы, из-за чего образовался дисбаланс среднего и высшего образования: часть учеников, закончивших в последние годы местные школы, не имела возможности продолжить обучение в пределах Синьцзяна и вынуждена была искать для этого либо другие районы страны, либо, как в случае с исследуемыми нами учащимися, и вовсе уезжать за границу.

Таким образом, выходцы из Синьцзяна представляют новую волну иммиграции, которая сейчас лишь набирает силу и будет крепнуть до тех пор, пока вслед за развитием начального и сред-

П.Н. Калмыков

него образования в наиболее отсталых регионах страны китайское правительство не уделит достаточное внимание и высшей школе. А случится это, судя по всему, не раньше, чем будет решена основная задача, поставленная Пекином в образовательной сфере, – преодоления неграмотности в малоразвитых регионах страны.

Следует учитывать, что Синьцзян – не единственная в стране национально-территориальная автономия, и его пределами не ограничивается политика китайского правительства в сфере образования. Помимо Синьцзян-Уйгурского автономного района в стране существует еще четыре подобных административно-территориальных единицы, каждая из которых приравнена в своем политическом статусе к провинциям. Помимо того, в КНР представлено 30 автономных округов и 121 автономный уезд. Они входят в состав провинций или других административно-территориальных единиц⁸. А поскольку такого рода образования формируются в первую очередь там, где этнические меньшинства живут компактно и не растворяются среди ханьцев, становится понятно, почему последних в Москве сейчас представлено относительно ханьского населения больше, чем в самом Китае.

Но было бы неправильным объяснять факт значительного представительства в Москве учащихся из экономически отсталых регионов лишь успешной политикой Пекина в сфере развития в этих частях страны начального и среднего образования. Существует еще один фактор, влияющий на формирование такой ситуации. Как утверждают наши эксперты, молодые люди и девушки из наиболее благополучных районов страны, стремящиеся учиться за рубежом, в большинстве своем ориентируются при выборе места продолжения своего образования не на Россию, а, в первую очередь, на страны Западной Европы и США. Это неудивительно, ведь именно в крупных городах, расположенных на Востоке страны, сосредоточена основная масса населения, по своим финансовым возможностям готового нести солидные денежные затраты, которые в менее благополучных регионах Китая посчитали бы неоправданными или непосильными.

Как же в реальной жизни происходит процесс подготовки иностранных специалистов в России? Как протекает адаптация представителей китайской молодежи к иноэтничной среде и новой социальной реальности?

Основными факторами, определяющими жизнедеятельность и процесс обучения представителей иностранной молодежи в первые месяцы пребывания в Москве, являются цель приезда в российскую столицу и уровень владения русским языком. То,

что намерен делать мигрант в Москве – заниматься русским языком, поступать в вуз, учиться в аспирантуре или просто собирать необходимый материал для научной работы, – определяет, насколько хорошо на той или иной стадии пребывания в Москве он должен знать русский язык. Соответственно, исходя из его потребностей или пожеланий, а также с учетом уровня его владения русским языком на данный момент, для приезжего составляется некий план, по которому он должен заниматься в первые месяцы пребывания в Москве.

Так происходит распределение мигрантов на факультетах для иностранных учащихся в Москве. Подобного рода организации существуют во всех крупнейших вузах России. Обучение длится, как правило, один год – два, по пять дней в неделю, 6–8 академических часов в день. По итогам обучения иностранцы сдают экзамены и получают право заниматься на основных факультетах вузов. Обучение начинается в начале сентября, а уже через девять месяцев занятий китайский абитуриент должен владеть русским языком достаточно хорошо, чтобы наравне с русскоговорящими студентами справляться с теми дисциплинами, которые предлагаются ему на первом курсе выбранного им вуза⁹. Это идеальная схема, на которую ориентируются все приезжающие в Россию абитуриенты, но в реальной жизни всё оказывается гораздо сложнее. Первые серьезные трудности поджидают их уже на начальной стадии пребывания в нашей стране.

Мы выяснили, что 95% китайцев, учащихся в Москве, попадают в столицу России непосредственно из КНР. То есть те, кто изучал русский язык до того, как приехать сюда, могли делать это лишь в Китае, однако в КНР не существует достаточно развитой системы преподавания русского языка, на что жаловались многие респонденты. Большинство приезжих начинает обучение русскому языку в России с нуля.

О том, насколько хорошо китайские абитуриенты осваивают русский язык на подготовительных факультетах в первые месяцы пребывания в России, можно судить по их собственной самооценке. По окончании двух третей – трех четвертей курса обучения голоса опрошенных разделились примерно поровну между вариантами «могу объясняться и читать» и «плохо говорю и понимаю» с небольшим перевесом в пользу последнего ответа. Ни лиц, свободно говорящих по-русски, ни тех, кто вовсе не владеет им, среди опрошенных не нашлось. Казалось бы, результаты вполне приемлемые, тем более что впереди у абитуриентов было еще несколько месяцев на то, чтобы расширить свои языковые познания. Но насколько меняется ситуация по истечении време-

П.Н. Калмыков

ни, когда из ранга абитуриентов наши респонденты переходят в категорию студентов или аспирантов? В ответах, полученных от китайцев, проводивших в Москве от одного до трех лет, вариант «могу объясняться и читать» встречается уже вдвое чаще, чем «плохо говорю и понимаю». Но сказать о себе, «владею русским языком свободно» смог лишь каждый десятый респондент.

То есть фактически на этой стадии обучения из-за языкового барьера лишены возможности заниматься по своей специальности более четверти китайских учащихся! Понятно, что если даже в бытовом общении иностранец испытывает значительное затруднение в выражении своих мыслей, а также понимании окружающих, говорящих на русском языке, в научной сфере он тем более оказывается беспомощным, а обучение проходит для него понапрасну.

Только среди тех приезжих, кто провел здесь от трех до пяти лет, лица, способные «объясняться и читать» на русском языке, составляют достаточно внушительную цифру – свыше 75% опрошенных. Вместе с теми, кто выбрал вариант «владею свободно», они составляют подавляющее большинство – около 90,5% респондентов от обозначенной группы. После 5 лет жизни в Москве тех, кто испытывает серьезные языковые трудности, не остается вовсе. Таким образом, при той системе подготовки иностранцев, которая существует в московских вузах сегодня, приезжие учащиеся, для того чтобы стать полноценными участниками учебного процесса, должны заниматься русским языком на подготовительных занятиях гораздо больший срок, нежели им предлагается сегодня.

Эти выводы подтвердили экспертные интервью, взятые у преподавателей столичных вузов, которым приходится работать с китайскими студентами-первокурсниками. По их утверждению, в большинстве своем китайские учащиеся сильно отстают от своих российских однокурсников, причиной чего является существующий между ними и русскоязычными преподавателями языковой барьер. Китайские студенты демонстрируют разную успеваемость, но в целом их уровень совершенно не соответствует требованиям вузов. В итоге, за редчайшими исключениями, к зачетам и экзаменам китайские учащиеся (равно как и другие иностранцы) подходят неподготовленными, и преподаватели, по негласному указанию руководства того или иного факультета, обычно закрывают глаза на их недостаточные знания. В целом на трудности в освоении материала, связанные с недостаточно хорошим знанием русского языка, пожаловалась без малого половина опрошенных студентов – около 44%.

Другой важнейшей причиной низкой успеваемости иностранных студентов в Москве является их недостаточный по стандартам российского образования уровень базовых знаний по основным предметам, необходимым для успешного обучения в московских вузах. Дело в том, что, в отличие от российских абитуриентов, сдающих целый ряд вступительных экзаменов, вынужденных готовиться к поступлению в вуз, занимаясь сверх школьной программы, иностранцы попадают в московские учебные заведения практически без конкурса. Для того чтобы стать студентами, им достаточно пройти собеседование, продемонстрировав там элементарные навыки владения русским языком, а испытания по другим предметам обычно оказываются формальностью.

Если добавить к этому некоторую разницу в учебных программах и образовательных стандартах России и Китая, становится понятным, почему приезжие студенты не готовы к получению высшего образования в Москве и испытывают столько трудностей в освоении материала, особенно на начальной стадии обучения. В связи с этим становится очевидно, что сделать из китайского мигранта, приехавшего в Россию после окончания средней школы у себя на родине, высококлассного специалиста и конкурентоспособного участника экономической жизни России гораздо сложнее, нежели дать высшее образование коренному жителю нашей страны, выпускнику российской средней школы или выходцу из страны ближнего зарубежья, уже до приезда в Россию свободно владеющему русским языком. И до тех пор, пока обучение в вузах России будет пользоваться спросом у таких категорий населения, массовое привлечение представителей китайской молодежи с целью подготовки из них специалистов для российского рынка труда (такие предложения высказывались в научной литературе)¹⁰ будет оставаться нерациональной мерой.

Медленное и малоэффективное развитие коммуникативной функции у китайских мигрантов, связанное с некоторыми этнолингвистическими особенностями, а также с недостаточно разработанной системой преподавания русского языка на подготовительных факультетах, предопределяет в значительной мере слабую эффективность их обучения в вузах столицы, а как следствие, и их неконкурентоспособность в интеллектуально-научной сфере столичного рынка труда. Как следствие, абсолютное большинство (более 85%) китайских студентов, окончивших российские вузы, бывает вынуждено уехать из России, не желая выступать в роли низкоквалифицированных работников и занимать здесь малопрестижные вакансии. При этом следует учиты-

П.Н. Калмыков

вать, что, судя по нашим данным, основная масса китайских выпускников российских вузов, покидающих Россию, возвращается на родину (78%), и лишь сравнительно небольшая их часть (22%) для продолжения обучения или поиска работы переезжает в страны Европы или Америки.

Дальнейшее трудоустройство китайских выпускников российских вузов на родине имеет значительную потенциальную выгоду для России. Очевидно, что, прожив здесь несколько лет своей жизни, выучив русский язык, китайский мигрант по окончании обучения в России будет заинтересован в реализации своих знаний, в том, чтобы максимально эффективно использовать приобретенные в России навыки в своей профессиональной деятельности. Фактически он тем самым невольно становится контрагентом российской науки, культуры или экономики в Китае, ориентируясь на установление тесных взаимоотношений с Россией. От того, насколько удачно он реализует полученные за годы обучения в России знания по приезду в Китай, напрямую зависит судьба межгосударственных российско-китайских взаимоотношений на самом разном уровне и в разных сферах общественной жизни. То, какое впечатление произведет на них наша страна в годы обучения, будет определять их отношение к России на протяжении всей жизни. В связи с этим на первый план выходит вопрос адаптации китайских учащихся к новой этнической и социальной реальности.

Анализ статистического материала выявил значительные особенности этого процесса у исследуемой категории мигрантов. Был изучен целый ряд аспектов этого процесса: нас интересовал уровень владения мигранта русским языком, использование русскоязычных источников информации в повседневной жизни, круг общения мигрантов, наличие или отсутствие у них желания вступать в контакт с принимающим обществом и многие другие моменты. Оказалось, что приспособление представителей китайской молодежи к новой среде обитания проходит ряд стадий – от энтузиазма, приподнятого настроения первых месяцев пребывания мигранта в новой стране через культурный шок, сопровождающийся потерей собственного жизненного статуса, нарушением сложившейся системы ценностей, психическими травмами, депрессией, к полноценному участию в жизни общества, полному привыканию к окружающей действительности. Адаптация китайских учащихся проходит те же этапы, что и у любого другого иностранца, попавшего в новую среду обитания, однако специфика этого процесса у приезжих из Китая заключается в крайней глубине культурного шока и продолжительности кризиса. По нашим

данным, он длится у большинства приезжих учащихся из Китая от полутора до двух с половиной лет. С трудностями справляются далеко не все: после трех-четырех лет жизни в России на родину возвращается значительное число мигрантов.

Чем можно объяснить такую специфику процесса адаптации приезжих из Китая? Существуют различные обстоятельства, влияющие на быстроту и успешность адаптации мигранта к новым условиям жизни. В случае с китайской молодежью каждый из таких факторов предельно осложняет процесс интеграции ее представителей в новую действительность. Значительные культурные и ментальные различия, существующие между населением России и Китая; территория, являющаяся чужой для визитеров и родной для принимающего большинства (о чем его представители часто напоминают мигрантам в форме различного рода националистических лозунгов); доминирование редких, непродолжительных и неглубоких контактов между гражданами России и приезжими учащимися; правовая неполноценность мигрантов и подозрительность со стороны чиновников; расовые различия, подчеркиваемые радикальными националистами – всё это чрезвычайно усложняет адаптацию китайских мигрантов в России.

Основной трудностью, которая мешает адаптации китайских учащихся в Москве, является недоброжелательное отношение, которое они встречают со стороны части российского населения. Предрассудки о вреде и опасности иммиграции, которые порождаются у населения СМИ, приводят к удручающим последствиям.

В 2006 г. американский Институт Гэллапа – один из крупнейших в мире центров изучения общественного мнения – провел серию социологических исследований, целью которых было изучение отношения граждан различных государств к иммигрантам. В России были опрошены 2011 человек, в возрасте от 15 лет и старше. По итогам опросов в мировом рейтинге стран-мигрантофобов Россия заняла первое место. Оказалось, более 70% россиян выступают за сокращение числа иммигрантов, в то время как за их увеличение высказалось лишь три с небольшим процента опрошенных! Для сравнения, в США, государстве, традиционно считающемся страной иммигрантов, люди оказались гораздо более терпимыми к приезжим: сокращения числа иммигрантов пожелали менее половины опрошенных (47%), а число людей, считающих необходимым привлечение иностранцев в их страну, оказалось почти в 5 раз выше, чем в России! Отношение к иммиграции как к явлению в нашей стране также резко негативное: число тех, кто считает ее злом, в 11 с лишним раз выше, чем тех, кто относится к ней положительно (52,3% и 4,6% соответственно)¹¹.

П.Н. Калмыков

Результаты опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в феврале 2007 г., выявили, что без малого четверть населения России и примерно 22% жителей столицы настроены по отношению к китайцам негативно, причем чаще (27% респондентов) антипатию по отношению к китайцам испытывают представители наиболее молодой группы опрошенных – люди в возрасте от 18 до 35 лет¹².

Даже та часть приезжих, которая не составляет реальной конфликтной группы и даже, напротив, ориентирована на сближение с принимающим большинством, тем не менее, в силу некоторых стереотипов, испытывает на себе негативное отношение со стороны местного населения: 47% участников нашего опроса пожаловалось на недоброжелательное отношение со стороны москвичей, 58% – на поборы милиции. 46% приезжих – почти половина опрошенных – за то время, которое они провели в Москве, сталкивались с конкретными проявлениями расизма!

Столь недоброжелательный прием, который оказывается приезжим со стороны местного населения, заметно усложняет и без того по целому ряду причин чрезвычайно непростой процесс их адаптации к российской действительности, оставляя у приезжих от России в основном негативные впечатления.

А между тем положение будущих выпускников российских вузов можно было бы использовать самым благоприятным для России образом. О том, какую роль может в перспективе сыграть продуманная политика вузов в сфере обучения иностранцев, можно судить по тому, что масштабы привлечения китайской молодежи в нашу страну для получения образования сейчас на порядок значительнее, чем это было во времена сближения Советского Союза и Китая – сразу после образования КНР. За 1951–1962 гг. в СССР получило подготовку около 11 тыс. китайских студентов и аспирантов¹³ – число, сопоставимое с количеством китайских учащихся, одновременно пребывающих на территории одной только Москвы сегодня. Однако роль, которую впоследствии сыграли китайские специалисты, прошедшие подготовку в СССР, в экономической и политической жизни Китая, трудно переоценить, а ведь она могла бы быть еще большей, если бы не репрессии времен культурной революции, особенно сильно ударившие по людям, «замешанным» в связях с Советским Союзом.

Но максимально эффективное использование потенциала китайских выпускников российских вузов на благо нашей страны возможно лишь в случае выполнения двух условий: во-первых, по возвращении на родину они должны представлять

собой конкурентоспособную силу и широко участвовать в экономической, политической или культурной жизни страны, а для этого нужно обеспечить высокое качество образования для иностранцев в России. Во-вторых, для людей, приехавших сюда учиться, необходимо создать максимально благоприятное впечатление о России, стимулировать их интерес к нашей стране.

Нельзя забывать и про тех мигрантов, кто, хорошо освоив русский язык, пожелает остаться здесь и после обучения. Этим людям, владеющим двумя сложнейшими мировыми языками, предстоит занять свое место в наиболее престижном и высокооплачиваемом сегменте рынка труда в России.

Примечания

- 1 «Народонаселение и национальный состав» [Электронный ресурс] // Газета «Женьминь Жибао» он-лайн. – Электрон. данные. – 2001–2008. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/other/dixing.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 22.11.2008.
- 2 Энциклопедия китайских регионов. Провинция Шаньдун [Электронный ресурс] // Сайт Китайского информационного Интернет-центра Russian,China.org.cn. – 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/51531.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 3 Энциклопедия китайских регионов. Пекин [Электронный ресурс] // Сайт Китайского информационного Интернет-центра Russian,China.org.cn. – 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/62168.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 4 Энциклопедия китайских регионов. Провинция Хэбэй [Электронный ресурс] // Сайт Китайского информационного Интернет-центра Russian,China.org.cn. – 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/57362.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 5 Энциклопедия китайских регионов. Провинция Шаньдун [Электронный ресурс] // Сайт Китайского информационного Интернет-центра Russian,China.org.cn. – 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/51531.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 6 Энциклопедия китайских регионов. Провинция Цзянсу [Электронный ресурс] // Сайт Китайского информационного Интернет-центра Russian,China.org.cn. – 2008. – Электрон. данные. – Режим

П.Н. Калмыков

- доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/58596.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- ⁷ 2004 nian zhong guo ren quan shi ye de jin zhan. Beijing, 2005. P. 63.
- ⁸ *Арановский К.В.* Основы конституционного права Китая. Национально-территориальная автономия в КНР // Государственное право зарубежных стран. М., 2000. С. 517–520.
- ⁹ Учебные программы // Сайт Центра международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова / © Центр международного образования. – 2001–2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.cie.ru/rus/progr.php>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- ¹⁰ *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. С. 149.
- ¹¹ Russians Very Worried About Immigration [Электронный ресурс] // Gallup / © 2008 Gallup. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/22495/Russians-Very-Worried-About-Immigration.aspx>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 10.12.08.
- ¹² Результаты исследования «Китай и Россия» [Электронный ресурс] // База данных Фонда «Общественное мнение» / © «Общественное мнение» – 2007. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/d070624>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- ¹³ *Цветков А.С.* Советско-китайские культурные связи. М., 1974. С. 36.

Е.А. Тарасенко

ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК
И ПРЕДПОЧТЕНИЙ
ПРИ ПОСТРОЕНИИ БРЕНДА
В КАТЕГОРИИ ВИН
СРЕДНЕГО СЕГМЕНТА

В статье рассматриваются особенности брендинга вин в зависимости от потребительского спроса и поведения потребителей, которое определяется культурой поведения, стереотипами, психологическими особенностями и влиянием рекламы. Статья основана на данных маркетинговых исследований, проводимых автором.

Ключевые слова: потребление, потребительские установки, брендинг, стереотипы, реклама.

Поскольку потребительское поведение в сфере FMCG (товары повседневного спроса с ограниченным сроком хранения) – это постоянно изменяющийся во времени процесс, при выводе на рынок нового бренда вина ключевое значение имеет изучение текущих потребительских установок и предпочтений и определение на их основе основных характеристик «идеального» продукта, которые могут быть использованы при конструировании и концепции позиционирования нового винного бренда¹.

В целом потребителями категория вина воспринимается как классическая, традиционная, натуральная продукция достаточно высокого качества. Восприятие категории органично сочетает в себе диаметрально противоположные понятия.

Социализация и уединенность. Одной из первостепенных функций вина является социализация. Вино расслабляет и стимулирует общение: «Вино располагает к общению, оно раскрепощает человека» (м., 45 л., Москва). Несмотря на социальную функцию вина, напиток прекрасно создает интимную атмосферу. Будь то свидание или потребление в одиночестве, вино создает своеобразный вакуум, ограждая от внешнего мира.

Современность и традиционность. Вино является интегральным элементом современного стиля жизни. Без вина исчез-

Е.А. Тарасенко

нет эмоциональная компонента любой встречи, будь то вечер вдвоем или шумный праздник с большим количеством приглашенных: «*Вино – это праздник, без него никак*» (ж., 37 л., *Курган*). С другой стороны, процесс потребления вина – это ритуал, пришедший в современность из глубины веков, в то же время сами традиции, нюансы потребления вина недостаточно известны респондентам.

Чистота и порочность. Для многих респондентов достаточно важной характеристикой напитка является его натуральность. Многие знакомы с его полезностью, что соответственно прибавляет значимости вину: «*Способствует кровообращению, улучшает цвет лица*» (ж., 36 л., *Курган*). Однако с другой стороны, вино – это безрассудность, возможность потери контроля и, соответственно, асоциальное поведение и пробуждение низменных желаний.

Демократичность и элитарность. В силу многолетней истории и сформировавшейся культуры потребления вина, имиджа утонченного, аристократичного и традиционного напитка вино создает чувство приверженности к более высокому социальному классу, придает значимости человеку. Демократичность вина заключается в том, что разнообразие вкусов, типов, сортов напитка дает возможность любому потребителю найти то, что соответствует всем его требованиям и предпочтениям.

Вино, относясь к категории с ярко выраженной эмоциональной компонентой, обладает довольно устойчивым набором символов. Вся символика категории делится в сознании потребителей на две группы: символы, связанные с процессом производства вина, и образы, трансформированные из настроения, демонстрирующие атмосферу, ассоциирующуюся с напитком: способность вина давать ощущение радости, свободы, расслабления, объединять людей, нежность, изящество, таинственность, наслаждение, романтичность.

Как отмечают респонденты, вино обладает рядом специфических рациональных характеристик: полезность, утоление жажды, способность вина оттенить вкус еды: основная доля респондентов предпочитает употреблять вино для того, чтобы оттенить вкус мяса или рыбы: «*Вино – это мясо, богатый стол...*» (м., 44 г., *Курган*).

В целом в восприятии респондентов рынок вина за последние десять лет не **подвергался кардинальным изменениям**. Данный факт обусловлен классицизмом напитка и традициями его потребления. Тем не менее за последние 5 лет категория претерпела некоторые изменения. Основным **преимуществом**

нынешнего состояния рынка данной категории в сравнении с прошлым является широкий ассортимент: «*Можно подобрать всё, что душе угодно*» (ж., 28 л., Москва). С точки зрения респондентов:

- Увеличилось количество стран-производителей, марок, присутствующих на рынке. Улучшилось качество продукции.
- В восприятии потребителей в прошлом в ценовой категории вин наблюдался значительный разрыв между двумя основными сегментами – доступного и дорогого вина. В настоящем диапазон цен стал значительно шире и равномернее: в данный момент можно найти вино в любом ценовом сегменте.
- Появилось большое количество новых вин с различными вкусовыми добавками, как то: присутствие корицы, ванили и других ингредиентов.
- Единственным **негативным** фактором является увеличение доли подделок, обусловленной увеличением на рынке числа марок – производителей вина.

Восприятие категории в ретроспективе и перспективе для **региональных потребителей** сходно с **московской аудиторией**, однако можно выделить следующие особенности, связанные с дистрибуцией напитка:

- отсутствие в прошлом разнообразия крупных **сетевых магазинов**, которые в данный момент являются основными местами приобретения вина и с появлением которых процесс покупки стал значительно удобнее;
- недавнее **появление специализированных магазинов**, которые воспринимаются **курганскими** потребителями как необходимый атрибут винной индустрии. В будущем покупатели надеются видеть больше магазинов такого рода, что облегчит их процесс выбора и покупки вина.

В целом от данной категории **потребители ожидают** появления новых, нетрадиционных для категории стран-производителей, таких как Китай, Кипр, Мальта, а также улучшения качества наиболее доступных вин и уменьшения доли подделок.

В ходе настоящего исследования были выявлены следующие критерии сегментации вин.

1. **Тип:** Зачастую выбор вина относительно его цвета зависит исключительно от эмоционального состояния потребителя в момент покупки. Рассматривая сладость вина, следует обозначить, что сухое вино предпочитают потребители, которые ценят натуральность напитка и не признают присутствие сахара в вине.

2. Цвет: красное/белое/розовое:

- Красное вино, являющееся традиционным в категории, выступает в роли некоего канона, пришедшего к нам из древних времен. Именно данный вид вина вызывает наиболее яркие ассоциации в категории и воспринимается как напиток для знатоков. Необходимо также отметить, что именно красное вино обладает различными лечебными свойствами, что является рациональным мотивом потребления категории.
- Белое вино не обладает столь сильной символикой и эмоциональной притягательностью, однако находит очень большое количество приверженцев: его более легкий и нежный вкус ценится за ненавязчивость и воспринимается более женским.
- Розовые сорта вина являются нишевым продуктом, поэтому зачастую не привлекают большого количества потребителей. Данное вино менее популярно из-за оригинального вкуса – категории вин присуща такая черта, как ярко выраженный классицизм, за счет чего нетрадиционность розового вина не находит большого количества приверженцев.

3. Сладость: сухое, полусухое/ сладкое, полусладкое. С точки зрения респондентов: в целом считается, что сухие вина пьют люди, разбирающиеся в винах в наибольшей степени, так как оно воспринимается как более традиционный, более утонченный, соответствующий определенным правилам виноделия напиток. Отсутствие дополнительных добавок, даже таких нейтральных, как сахар, создает ощущение большей натуральности вина.

4. Упаковка: стеклянная бутылка/пакет (Bag-in-Box). В зависимости от повода изменяются требования к упаковке. Так, для больших компаний, распивающих алкогольные напитки на природе, предпочтительней вино в пакете (Bag-in-Box), которое отличается своей доступностью и практичностью. Основным преимуществом вина в пакете является возможность его длительного использования. Необходимо отметить, что такая упаковка, как Bag-in-Box, является достаточно новой и непривычной для региональных потребителей, в силу чего в большинстве случаев она вызывает у них недоверие и ассоциируется с низким качеством продукта. Более солидной считается стеклянная бутылка, привлекающая внимание с эстетической точки зрения и предполагающая более высокое качество самого напитка.

5. Разновидность: классическое/экзотическое. Экзотические вина приобретаются достаточно редко, при возникновении желания «попробовать что-нибудь новенькое». В данную группу вхо-

дят японские вина, содержащие различные добавки. Классические вина потребляются чаще экзотических, в основном в стандартных ситуациях, будь то день рождения, отдых или свидание.

6. Название: фантазийное / по сорту вина. Большинство респондентов считает, что более качественными и дорогими винами являются те, названия которых содержат сорт винограда. Вина с фантазийными названиями, такие как «Душа монаха», «Бычья кровь», «Молоко любимой женщины», не внушают доверия многим участникам исследования и коммуницируют недостаточно высокое качество вина: *«Фантазийное название не говорит, где произрастала виноградная лоза, то есть общая характеристика вину не дается»* (м., 40 л., Москва).

7. Цена/качество (страна-производитель).

Дешевое. По мнению участников исследования, цена дешевого и некачественного вина колеблется в диапазоне от 60 до 200 рублей (до 100 рублей для Кургана). В данную категорию входят такие страны-производители, как Молдавия и Россия. В целевую аудиторию данного вина по большей части входят потребители с низким доходом.

Средняя цена. Респонденты считают, что в категорию среднего и качественного напитка входят вина, цена которых варьируется от 300 до 500 рублей. Необходимо отметить, что данный сегмент является наиболее распространенным среди потребителей. В данную группу входят следующие страны-производители: Болгария, Венгрия и иногда Испания. В целевую группу входят потребители со средним и высоким доходом. **Курганские потребители** определяют границы цен среднего вина от 150 до 350 рублей. Наиболее типичными ситуациями потребления являются празднество, отдых, создание интимной атмосферы.

Дорогое вино. По мнению респондентов, в сегменте дорогого вина одна бутылка вина может стоить от 600 до 1000 рублей (от 350 до 600 рублей для Кургана). Здесь напиток отличается хорошим качеством и большей выдержкой. В большинстве случаев такое вино покупается в качестве подарка для дорогого или статусного человека. Однако некоторые участники исследования иногда не отказывают себе в удовольствии насладиться дорогим и наиболее качественным, по их мнению, вином. Потребление вина из данной категории вызывает у них чувство принадлежности к более высокому классу, что является наиболее важным и распространенным эмоциональным мотивом потребления вина в целом.

Премиальное вино. Премиальный сегмент определяется эксклюзивностью вина: очень долгий срок выдержки, известные

винные дома, преимущественно французского происхождения, ограниченная дистрибуция. Респонденты, участвовавшие в интервью, не являются потребителями вина такого уровня, хотя отдельно выделяют данную категорию.

Поводы для употребления вина:

- **Отдых на природе.** Для отдыха на природе многие московские респонденты предпочитают покупать вино в пакете (Bag-in-Box). Основной причиной данного выбора является удобство транспортировки и использования данной упаковки, а также его невысокая цена.
- **Празднество.** Основная часть потребителей считает, что для больших компаний наиболее подходящим является вино, принадлежащее к дешевому или среднему по цене сегменту.
- **Интимная обстановка.** По мнению респондентов, в некоторых случаях вино для интимной обстановки отличается более дорогой ценой и лучшим качеством по сравнению с вином, предназначенным для других поводов. Однако потребители, не особо заботящиеся об эмоциональной составляющей, в любых случаях используют вино, которое относится к дешевому сегменту.

При сегментации категории респонденты выделили пять групп вин, которые можно ориентировочно назвать как: Винная классика, «Наши» традиции виноделия, Винная экзотика, «Народное» вино, «Темные лошадки».

Винная классика: дорогие, высококачественные, престижные. К наиболее престижным, качественным и известным странам-производителям респонденты отнесли Францию, Италию и Испанию. Данная группа, по мнению участников исследования, отличается традиционностью и богатой историей виноделия. Данные страны-производители входят в дорогой ценовой сегмент. Предполагаемая стоимость вина составляет около 500 рублей. Здесь качество вина не вызывает сомнения, в силу многолетней истории вина данных стран-производителей: *«Самые настоящие, достойные вина» (ж., 36 л., Курган)*. В связи с тем что страны данной группы за долгие годы присутствия на рынке сформировали имидж качественного, премиального вина, уровень доверия к этим странам наиболее высок. В большинстве случаев **в Москве** вино данного сегмента подходит для подарка дорогому или статусному человеку. Целевая аудитория данного сегмента вина характеризуется высоким уровнем дохода, утонченным вкусом, приверженности традициям и даже некой долей снобизма, присущей этим людям. Вина данной группы имеет достаточно ярко выраженные имиджевые характеристики: успешность, стабильность, консервативность.

«Наши» традиции виноделия. Одной из наиболее качественных и известных стран-производителей вина является **Грузия**. Участники исследования выделили эту страну отдельно, поскольку она отличается многолетней историей, сформированным имиджем качественного вина еще с советских времен. Грузинские вина входят в средний ценовой сегмент и при этом характеризуются качеством, приближенным к французскому. Потребителями грузинских вин, по мнению участников исследования, является советская интеллигенция, почитающая традиции. Наиболее подходящим поводом потребления может послужить празднество, в частности юбилей или свадьба. Единственным и весомым барьером потребления грузинских вин является обилие подделок: *«В Грузии нет столько виноградников, чтобы сделать такое количество вина» (м., 34 г., Москва)*. В целом грузинское вино оценивается достаточно высоко, немного уступая классическому сегменту огромным количеством подделок.

Винная экзотика: новые, необычные вина. Группа, в которую входят такие страны-производители, как **Чили и Аргентина**, отличается хорошим качеством и относительно доступными ценами. По мнению респондентов, вина данной группы недостаточно известны в силу относительно недавнего выхода на рынок, однако уже успели сформировать определенный положительный имидж. Наиболее весомым преимуществом данной группы является нахождение в среднем ценовом сегменте при хорошем качестве напитка. Вино данного сегмента может потребляться при наличии любого повода, а также в некоторых случаях является достаточно привлекательным в качестве подарка. Курганские **потребители** меньше осведомлены о данной группе вин, так как имеют меньший опыт их потребления. В целом данный сегмент воспринимается как экзотический, потому как в винах Чили и Аргентины достаточно часто встречаются разнообразные ингредиенты. Это воспринимается как новаторство и является достаточно привлекательным фактором.

Народное вино: доступное и массовое. Наиболее дешевыми и массовыми являются вина, произведенные в **Молдавии и России**. Данные страны известны и опробованы абсолютным большинством респондентов. Цены на вина Молдавии и России наиболее низкие из всех сегментируемых стран, что для многих является очень привлекательным. Наряду с низкой ценой, качество напитков оставляет желать лучшего. То же касается **курганских респондентов**, они воспринимают данную группу менее критично и находят качество данных вин не низким, а достаточно приемлемым. Основным недостатком данных стран-произво-

дителей, с их точки зрения, являются многочисленные подделки, обусловленные, по мнению респондентов, отсутствием унифицированности системы контроля. Упоминание на этикетке о том, что вино разлито в России, отталкивает абсолютное **большинство участников исследования в Москве** и коммуницирует для них недостаточное качество напитка. Основными потребителями российского и молдавского вина являются потребители с низким доходом в Москве и со средним в Кургане.

Темные лошадки: малоизвестные вина, в том числе из Австралии и Калифорнии, в связи с тем, что большинство участников исследования в обоих городах не знакомы с винами данных стран.

При выявлении основных типов потребителей вина использовались такие критерии, как культура потребления вина, вкусовые предпочтения, критерии выбора и места покупки, а также ценовая категория вина. Всего автором было выявлено пять категорий потребителей вина: традиционалисты, «мнимые эстеты», знатоки, экспериментаторы и дилетанты.

Традиционалисты. Главной отличительной чертой данного сегмента является приверженность классицизму. Наиболее важным для традиционалистов является процесс дегустации и приобщения к древним традициям. В данном сегменте процесс потребления индивидуалистичен. Рассматривая вкусовые предпочтения, необходимо отметить, что традиционалисты по большей части негативно относятся к разнообразным вкусовым добавкам в вине. К выбору вина данный тип потребителей подходит достаточно тщательно. В большинстве случаев при покупке вина традиционалисты опираются на собственный опыт. Однако существуют две причины, по которым традиционалисты могут попробовать новое для них вино – это дегустация и совет друзей. Покупка вина чаще всего происходит в специализированном магазине, однако в некоторых случаях возможна в супермаркете. Для традиционалистов основным критерием качества вина является цена. Они предпочитают потреблять вино среднего ценового сегмента. Участники исследования, относящиеся к группе традиционалистов, считают, что качественное вино не может стоить менее 300 рублей.

Мнимые эстеты. Незначительную долю потребителей составляют мнимые эстеты – потребители, осведомленные о культуре, традициях потребления вина. Однако информация, которой они обладают, не всегда является правдивой, поэтому данной группе и присвоено такое название: позиционируя себя в качестве знатоков и работая на публику, данные люди пыта-

ются добиться лишь общественного признания, а не истинного наслаждения напитком. Преимуществом вина перед другими алкогольными напитками для мнимых эстетов является длительность потребления и возможность получения эстетического удовольствия от самого потребления. Необходимо отметить, что одним из основных мотивов потребления вина для мнимых эстетов является игра на публику: создание иллюзии принадлежности к более высокому социальному классу. Вкусовые предпочтения мнимых эстетов ограничены классикой и традиционализмом. Потребители данной группы вряд ли положительно воспримут наличие различных добавок в вине, так как это не является общепризнанным каноническим качеством напитка. Данная группа отличается тщательным подходом к выбору вина, умением достаточно четко определить качество вина по предполагаемым критериям. Основной характеристикой качественного вина является цена, второстепенными критериями выбора для мнимых эстетов являются классический внешний вид бутылки и страна-производитель. Основным местом приобретения вина для данных потребителей является специализированный магазин. Однако при отсутствии времени напиток может быть приобретен в супермаркете.

Знатоки. Незначительную долю потребителей составляют знатоки – по большей части интеллигентные мужчины, хорошо осведомленные об общепризнанных критериях качества вина, почитающие историю, культуру и традиции потребления вина. Главным достоинством вина для знатоков является получение эстетического удовольствия и приобщение к древним традициям потребления. Вкусовые предпочтения потребителей данного типа отличаются традиционностью и аристократизмом. В целом напиток, содержащий разнообразные вкусовые добавки (ваниль, корица, различные фруктовые запахи), не воспринимается как вино в силу отклонения от общепризнанного, классического образа. Данная группа отличается тщательным подходом к выбору вина, умением достаточно четко определить качество вина по предполагаемым критериям. Основными критериями для знатоков являются классический внешний вид, страна-производитель, сорт вина, консистенция, аромат, «слезы» на бокале. Единственно приемлемым местом приобретения вина для данных потребителей является специализированный магазин, в силу того, что они могут быть уверены в качестве продукции. Для знатоков ценовой сегмент вина особого значения не имеет. По их мнению, вино должно соответствовать общепризнанным стандартам качества.

Экспериментаторы. Данная группа потребителей, по большей части женщины, не упускает возможности попробовать новинки в категории. В большинстве случаев экспериментаторы потребляют вино в больших компаниях. Основной причиной потребления для них является процесс общения, связанный с потреблением вина. Привлекательным для них является присутствие разнообразных вкусовых добавок в вине. Однако такие потребители не являются приверженцами исключительно новых вин, также они спокойно относятся к классическим винам. Оригинальность внешнего вида бутылки, яркость этикетки, а также уникальность названия привлекают внимание экспериментаторов. В большинстве случаев потребители данного типа приобретают вино в супермаркетах. Данный факт обусловлен тем, что чаще всего вино покупается после покупки остальных продуктов питания. В силу неискушенности, отсутствия опыта, а также боязни ошибиться и потратить достаточно крупную для экспериментаторов сумму денег основными ценовыми сегментами являются средний и дешевый.

Дилетанты. В группу дилетантов входят потребители, не владеющие знаниями, связанными с культурой потребления вина. В большинстве случаев потребители данного сегмента не находят принципиальных различий между винами разных ценовых категорий и не имеют особых вкусовых предпочтений. В основном в данной группе эстетическая красота потребления, наслаждение процессом уступают следованию стереотипам потребления и не являются важными характеристиками для потребителей. Критериями выбора здесь выступают дешевизна и оригинальность названия, упаковки и этикетки. Потребители данного типа предпочитают покупать вино в наиболее удобном территориально магазине: как в супермаркете, так и в любом другом магазине. Возможное исключение составляют специализированные магазины, которые по большей части не посещаются неразборчивыми потребителями в силу отсутствия необходимости в чувстве престижа, солидности приобретаемого напитка.

Наиболее популярные места покупки вин. При выборе места покупки вина потребители руководствуются следующими факторами:

- отсутствие подделок в магазине;
- широкий ассортимент;
- разнообразие цен.

Большинство респондентов предпочитают приобретать вино в **крупных сетевых магазинах** – широкий ассортимент и разнообразие цен делают супермаркеты наиболее популярными при

приобретении вина, а известность, «имя» магазина *«защищают потребителей от опасности приобретения поддельной, некачественной продукции»*. Также важной причиной покупки вин в супермаркете является то, что в большинстве случаев покупка вина осуществляется одновременно с приобретением продуктов питания. Для **московских потребителей** важным фактором является близкая расположенность магазина к дому либо к офису, в то время как **курганским покупателям** данный факт не столь важен – покупка может быть совершена в супермаркете, находящемся довольно далеко от дома.

Большая часть московских потребителей совершает покупку вина в **магазинах, специализирующихся только на продаже алкогольной продукции**, аргументируя свое предпочтение большей уверенностью в качестве продукции и возможностью получить квалифицированную консультацию. Среди потребителей **Кургана** привычка покупки вин в специализированных магазинах не распространена в силу того, что данные магазины только начали появляться в городе.

Респонденты, которые имели опыт покупки в специализированных магазинах, отмечают существенные для них достоинства такого вида дистрибуции: разнообразный ассортимент, уверенность в отсутствии подделок, наличие «более грамотных», чем в супермаркетах, продавцов-консультантов. Очень важным преимуществом таких магазинов в глазах потребителей является возможность дегустации вина: по словам респондентов, любое вино можно попробовать за «достаточно умеренную цену».

Основная доля респондентов к местам, не подходящим для покупки вина, относит палатки и уличные лотки в силу наличия сомнений в надлежащем качестве предлагаемых напитков.

В целом у потребителей не существует определенной схемы покупки вина – алгоритм покупки может меняться в зависимости от повода его распития. При походе за вином, еще до того момента, когда потребители оказываются непосредственно перед полкой с винной продукцией, покупатели могут иметь «заранее продуманный» набор критериев выбора.

Сорт вина выбирается на основе личных вкусовых предпочтений, разновидностей закусок, а также эмоционального состояния.

Цена. Так как для большинства респондентов качество вина определяется его ценовой категорией, то до покупки вина потребители заранее планируют сумму затрат: *«Я не куплю бутылку, если она стоит дешевле 100 рублей» (м., 44 г., Курган)*.

Марка. Данный критерий характерен для ограниченной аудитории потребителей (например, знатоки) и встречается до-

вольно редко в силу недостаточной осведомленности российских потребителей о марках вина.

Страна-производитель. Так же, как и цена, является неким мериллом качества в категории и выбирается потребителем исходя из личных предпочтений. Данный критерий в сознании потребителей напрямую связан с ценой напитка – если речь идет о статусном подарке, скорее всего выбор будет сделан в пользу известных, традиционных и качественных производителей, таких как Франция, Испания, Италия.

Необходимо отметить, что для некоторых респондентов достаточно весомым аргументом за то или иное вино непосредственно в магазине является количество бутылок, присутствующих на полке: *«Я всегда смотрю, если вина мало на полке – значит, оно хорошее» (ж., 28 л., Москва)*. Не менее важным фактором при покупке вина для респондентов является повод для потребления:

- Для интимной обстановки позволительно более дорогое вино.
- В большой компании можно обойтись средним и даже дешевым вином.

Несмотря на это, чаще всего выбор вина происходит непосредственно в магазине – перед полкой с продуктом. Далее большинство респондентов обращает внимание на внешний вид вина. Здесь мнения участников исследования делятся на две группы:

- Часть потребителей привлекает классическая форма бутылки и светлая цветовая гамма этикетки. В данную группу входят традиционалисты и эстеты. Такие потребители не отрицают привлекательности нестандартных упаковок, однако придерживаются традиций.
- Экспериментаторы и неразборчивые обращают внимание на оригинальность упаковки: нестандартную форму бутылки и броскость этикетки.

Критерии выбора вина. При покупке вина респонденты руководствуются множеством критериев. Наиболее значимыми для них являются следующие.

Цена. В связи с тем что в настоящее время диапазон цен на вина очень широк, а также в силу различного финансового состояния потребителей наиболее важным критерием покупки является цена.

Внешний вид. Абсолютное большинство участников исследования обращают внимание на форму бутылки, коммуницирующую качество вина. Наиболее привлекательной для традиционалистов, мнимых эстетов и знатоков являются простота и

строгость, отражающие эстетическую красоту и классицизм напитка. Однако экспериментаторы обращают внимание на оригинальность и броскость.

Этикетка также является значимым элементом при покупке вина. По мнению традиционалистов, мнимых эстетов и знатоков, она должна быть «не вычурной» и выдержанной в светлой цветовой гамме (бежевые тона), изображение на этикетке должно быть строгим, классическим. Хотя экспериментаторов и неразборчивых привлекает яркость и непохожесть.

Информация на этикетке, по мнению участников групп, является желательным элементом. Предпочтительней, если информация будет содержать некую историю вина. А также привлекательным, по мнению респондентов, является наличие книжечки небольшого размера: она является единственно уместным дополнительным элементом на бутылке вина и притягательна с эстетической точки зрения.

Страна-производитель. После выбора наиболее привлекательной бутылки по внешнему виду респонденты смотрят на страну-производителя.

Место разлива. Абсолютное большинство респондентов предпочитают вина, разлитые в стране-производителе. Это обусловлено недоверием к отечественному производителю. Однако некоторая доля участников исследования считают приемлемым покупку вин, разлитых в Подмосковье. В основном в эту группу входят респонденты с низким доходом.

Тип (белое/красное). Во многом выбор вина зависит от его типа. В свою очередь, тип обусловлен поводом и эмоциональным состоянием в момент покупки. По мнению большинства респондентов, белое вино более актуально при легком настроении, красное – для создания праздничной атмосферы.

Год урожая. Год урожая не является особо значимым критерием для потребителей, не осведомленных о том, вино какого урожая наиболее удачно, однако некоторые респонденты (в большинстве мнимые эстеты и знатоки) обязательно обращают внимание на выдержку и год урожая.

Промоушн-акции. В некоторых случаях промо-акции являются важным критерием при выборе вина. Наиболее привлекательна дегустация. В данном случае потребители могут опробовать новый продукт, что снижает риск дальнейшего разочарования в напитке и ощущения «пустой траты денег». Также достаточно влиятельным фактором являются специальные предложения, к которым относится незначительное снижение цен в супермаркетах на определенное вино.

В целом при выборе критерии выдвигаются в соответствии с представлениями потребителей о качественном вине. Так, у респондентов существуют определенные общепризнанные критерии качественного вина, как то: внешний вид (форма бутылки, этикетка, наличие осадка) и содержимое бутылки (аромат, консистенция, вкус). Однако необходимо отметить, что зачастую качество вина определяется индивидуальными предпочтениями потребителей. Данный факт обусловлен не сформированной культурой потребления вина в стране.

«Поддельное вино». Многие потребители вин жалуются на то, что в настоящее время в категории появилось большое количество подделок. Потребители идентифицируют подделки по следующим признакам:

- Поддельное вино продается в местах, изначально не вызывающих доверие. Так, местом продажи поддельного вина может являться киоск.
- С подделками ассоциируются вина, места производства и разлива у которого не совпадают. По словам потребителей, при разливе вина не в местах производства оно может быть разбавлено или, наоборот, дополнено какими-либо добавками, например красителем.
- Первым признаком поддельного вина для потребителей является некачественная пробка: она либо крошится, либо сделана из пластмассы.
- Самыми явными факторами при выявлении поддельного вина для потребителей являются:
 - ненасыщенный, разбавленный вкус вина, содержащий примеси уксуса или спирта: *«Это водка с компотом!» (жен., 36 л., Курган);*
 - запах вина: содержит нотки уксуса или спирта, чувствуется добавление красителей: *«Мы однажды с мужем пили вино, оно вроде неплохое было, а когда я стала мыть бокалы, они еле отмылись – так окрасились!» (жен., 32 г., Москва).*

Некоторые респонденты выделяли такую страну-производителя, как Грузия, в качестве наиболее подверженной подделкам.

Необходимо отметить, что при процессе потребления вина зачастую люди стараются создать очень теплую, приятную атмосферу, на время оказаться в идеальном мире: при сервировке на столе всегда оказываются «любимые» бокалы (в большей степени это относится к посиделкам в очень узком кругу). Закуска, даже если она легкая, аккуратно раскладывается в красивую, порой даже праздничную посуду. *«Мы же все-таки вино пьем, здесь сыр прямо на доске не оставишь, нужно переложить в тарелочку!» (жен., 32 г., Москва).*

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом основные мотивы потребления лежат в эмоциональной сфере: получение эмоциональной разрядки, наслаждение, культура, история напитка, создаваемая им атмосфера. Были выявлены следующие критерии сегментации вин: тип (цвет, сладость, упаковка, разновидность, название) и повод (отдых, празднество, создание интимной обстановки). В основе данных критериев лежат как рациональная, так и эмоциональная составляющие: красное вино может быть выбрано, если на столе присутствуют мясные продукты, вместе с тем выбор может пасть на белое вино при более легком эмоциональном настрое; сладость вина определяет чистоту напитка, с одной стороны, и воспринимается как причастность вина к традициям и древности – с другой; пакет (Bag-in-Box) может быть выбран исходя из его удобства для пикника на даче, а в случае проведения романтического вечера вдвоем Bag-in-Box уступит стеклянной, более престижной и серьезной бутылке. Такой критерий, как цена вина, играет одну из первостепенных ролей в процессе деления вин по группам, и зачастую в первую очередь коммуницирует потребителям качество напитка.

При покупке вина в магазине большое значение для потребителей имеют повод, цена и продавец-консультант. В результате проведенного исследования были выявлены следующие наиболее значимые критерии выбора вина: цена, внешний вид (форма бутылки, этикетка, информация), страна-производитель.

Основными дескрипторами качественного вина для потребителей являются классическая строгая форма бутылки, отсутствие вычурности на этикетке, преобладание пастельных коричнево-песочных или бордовых тонов (только для красного вина), темный цвет стекла для сохранения качества продукта, натуральная пробка, вогнутое дно, аккуратность размещения этикетки на бутылке, отсутствие осадка, отсутствие запаха спирта и других примесей, нехарактерных для букета вина, консистенция должна быть скорее плотной.

В ходе исследования были выявлены следующие типичные потребители вин: **традиционалисты** – люди, почитающие традиции, культуру потребления вина; мнимые **эстеты**, уверенные в том, что осведомлены об истории вина, любящие играть на публику; **знатоки**, владеющие информацией о критериях качества вина, почитающие историю, культуру и традиции потребления вина; **экспериментаторы** – потребители, предпочитающие всевозможные новинки с различными вкусовыми добавками; **дилетанты**, не разбирающиеся в вине.

При построении винного бренда в категории вин среднего сегмента наиболее интересными и перспективными могут быть следующие сегменты потребителей: экспериментаторы, традиционалисты и мнимые эстеты.

Экспериментаторы, подверженные влиянию новизны и уникальности напитка, обратят внимание на различные, нехарактерные для категории вин атрибуты: разнообразие вкусовых добавок, непривычных для вин, оригинальность форм бутылок и названий. Также данную группу может привлечь происхождение вина – напиток, произведенный в экзотической стране, нехарактерной для него изначально, является сильным мотиватором для таких потребителей.

Традиционалисты, ориентированные на такие характеристики напитка, как его традиционность, классицизм, эстетизм, ищут в его потреблении приобщения к определенному ритуалу. Для данных потребителей наиболее важным фактором является чистота вина, т. е. отсутствие в нем ненатуральных, нехарактерных для категории добавок. Зачастую даже добавление сахара (т. е. сладкие и полусладкие вина) воспринимается данной группой как дистанцированность напитка от чистоты и натуральности. Зачастую традиционалисты ориентируются на традиционные и априори качественные места производства вин; эталонами для них являются Франция, Италия, Испания и Грузия.

Для мнимых эстетов критерием, определяющим их выбор, является цена напитка: по убеждению данных потребителей, чем она выше, тем лучше вино. Данная группа не оперирует такими понятиями, как сорт вина, страна-производитель, марка. Выбор мнимыми эстетами осуществляется в первую очередь благодаря популярности той или иной марки или страны-производителя – в данном случае на первый план выходят известность и популярность напитка среди большинства потребителей, пафосность, которой этот напиток наделяет своего потребителя. Эмоциональная вовлеченность в категорию в данном случае достигается лишь за счет понятий «общественное признание», «одобрение большинства». Для данной группы трудно выделить какие-либо предпочтения в выборе страны-производителя; можно сказать, что на данный момент наиболее привлекательными для мнимых эстетов являются Франция, Испания, Италия в силу своей известности и популярности в настоящее время.

Ориентация на такие сегменты потребителей, как дилетанты и знатоки, не имеет большого потенциала при построении нового бренда в категории вина, поскольку знатоки не будут подвержены маркетинговой коммуникации: высокая информи-

рованность ограничивает их заинтересованность в новых брендах. Дилетанты являются наименее перспективной целевой аудиторией: поддаваясь на воздействие внешних факторов, не имея устоявшихся понятий и предпочтений в категории вин, они с легкостью, не задумываясь, переключаются между марками, поэтому сложно предположить, что привлечет их внимание в следующий момент и когда это произойдет.

Примечание

- ¹ Статья основана на материалах качественного эмпирического исследования, проведенного автором в Москве и Кургане в январе–феврале 2007 г.: всего было осуществлено 24 глубинных этнографических интервью (по 12 в каждом городе). В исследовании принимали участие мужчины и женщины 25–45 лет (50:50): $\frac{1}{2}$ респондентов со средним доходом, определяемым как 800–100 долларов США на человека в семье в месяц в Москве и 250–350 долларов США на человека в семье в месяц в Кургане, и $\frac{1}{2}$ респондентов с доходом выше среднего, определяемым как 1001–2000 долларов США на человека в семье в месяц в Москве и 351–700 долларов США на человека в семье в месяц в Кургане. Все участники потребляли вино не реже двух раз в месяц, а также были ответственны за выбор и приобретение вин и приобретали вино самостоятельно минимум два раза за последние три месяца. Все респонденты предпочитали вина Молдавии, Грузии, Франции, Италии, Испании, Чили, Аргентины и России следующих ценовых категорий:
- $\frac{1}{2}$ респондентов употребляли вина средней ценовой категории – до 350 рублей за бутылку.
 - $\frac{1}{2}$ респондентов употребляли вина ценовой категории выше среднего – от 350 до 1000 рублей за бутылку.

Е.Ю. Озерова

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В статье рассматриваются жизненные стратегии военнослужащих, складывающиеся на фоне трансформации российского общества, реформирования вооруженных сил, участия в боевых действиях. Выделяются основные этапы жизни военнослужащих, подробно раскрывается этап адаптации к гражданскому обществу после увольнения из армии и после участия в боевых действиях. Доказывается, что коренное переустройство российского общества, имевшее место в 90-е годы, а также участие в войне, стали точкой бифуркации для жизненных ориентиров, позиций, стратегий социальной группы профессиональных военных. Подробно описывается каждое из возникших на этой почве направлений в жизненных стратегиях военнослужащих, и с опорой на данные основания разрабатывается типология жизненных стратегий.

Ключевые слова: жизненные стратегии, военнослужащие, адаптация, ценности, позиции, ориентации.

Коренное переустройство, которое происходит в российском обществе на протяжении последних почти двадцати лет, привело к радикальным изменениям в социальных и культурных условиях жизни людей. С момента распада СССР сформировались новые политические, общественные и экономические институты, появились новые социальные группы, многократно углубилось социальное неравенство, существенно преобразовались ценностные ориентации людей. В результате стабильное и понятное для абсолютного большинства населения России пространство социальных позиций и стандартов поведения стало противоречивым, неопределенным и динамичным. Под воздействием новых условий произошел пересмотр жизненных стратегий практически всех социальных групп страны. Одной из наиболее многочисленных социальных групп, для ко-

торой принятие «новых законов», новых поведенческих, ценностных, культурных паттернов, формирование новых жизненных стратегий далось с большим трудом, стала группа профессиональных военных.

Мы рассматриваем этапы жизни военнослужащих и выделяем типологию их жизненных стратегий, сформировавшихся в результате трансформации российского общества и реформирования армии.

Эмпирическую базу данной статьи составили:

1) данные, полученные автором в глубинных интервью, проведенных в 2005–2008 гг. Всего проведено 25 интервью, из них 15 с кадровыми военнослужащими, уволенными из Вооруженных сил в период реформирования армии; и 10 – с военнослужащими, принимавшими участие в военных действиях;

2) данные ежегодных мониторингов Социологического Центра ВС РФ «Мониторинг социально-экономического и правового положения граждан, уволенных с военной службы, инвалидов военной службы и членов их семей» за 2005–2007 гг.;

3) данные, полученные Л.В. Певень в 2005 г. в ходе исследования «Материальное положение военнослужащих и членов их семей». Объем выборки составил 400 человек. Методом сбора социологических данных был избран анкетный опрос.

Эмпирические данные показали, что в структуре жизненного пути кадровых военнослужащих выделяются основные этапы: детство–юность, служба в армии, переходный этап – адаптация к гражданской жизни, жизнь в гражданском обществе. Опыту службы в армии они придают основополагающее значение в формировании структуры своей личности и характера.

У *участников военных действий* выделяются два дополнительных этапа – этап пребывания на войне и этап адаптации к мирной жизни.

Особенно подробно в исследовании был изучен этап адаптации бывших военнослужащих к гражданской жизни. Бесспорно, что жизнь военнослужащего в армии, и тем более в условиях боевых действий, представляет собой отдельную реальность, провоцирует конкретный способ «социального конструирования реальности», воспроизводство и применение которого в гражданском мире возможно лишь частично¹. Поэтому при переходе из военного в гражданское общество военнослужащие сталкиваются с необходимостью адаптации. В процессе адаптации кадровых военнослужащих на основе полученных результатов ярко прорисовываются две составляющие: социальная и мировоззренческая.

Социальная составляющая процесса адаптации бывших кадровых военнослужащих к гражданскому обществу в основном способствовала ему и не имела проблемного характера. Положительными факторами здесь стали семья, помощь государства, капитал социальных связей (армейские друзья и знакомые), идентификация в гражданском обществе с категорией военнослужащих и восприятие межличностных контактов через структуру «свой–чужой», с предпочтением в сторону «свой». Отягощающим фактором в адаптации стало негативное отношение к категории военнослужащих в обществе после распада СССР.

Мировоззренческая составляющая, наоборот, осложняет процесс адаптации. У военнослужащих возникают существенные **противоречия в восприятии мира**. Военный мир предполагает четкую регламентацию прав и обязанностей, наличие фиксированной схемы карьерного, статусного и материального роста. Гражданский дает более свободное самоощущение, вариативность, связан с необходимостью «крутиться, чтобы выжить». Также происходит **диссонанс ценностных ориентаций и основных личностных достоинств** военнослужащих и гражданских людей. Для военнослужащих свойственны: прямолинейность, честность, порядочность, честь. В гражданском мире, по мнению бывших военных, нередки такие явления, как интриганство, предательство, подстава, а также первичность материального фактора над иными, что им, оказывается, крайне трудно принять.

Сходные составляющие социальной адаптации возникают и у *участников боевых действий*. Однако у них выделяются некоторые особенности. Во-первых, нередки случаи распада семьи. Во-вторых, происходит восприятие капитала дружеских связей как высшей ценности, как «братства, скрепленного кровью», в-третьих, свойственно объединение в общественные организации ветеранов войны. Кроме того, для участников боевых действий выделяется блок психофизических проблем. Среди психологических выделяют произвольные воспоминания, синдром нарушения сна, раздражение мирной жизнью, частые колебания настроений от агрессии, раздражения и сдержанности до глубокой чувственности, специфические желания, например потребность видеть кровь, желание вернуться на войну. Спектр физических проблем крайне широк: от головных болей до онкологических заболеваний.

В ходе исследования обнаружилось дополнительное основание для структуризации жизненных этапов военнослужащих, которое заключено в исторической компоненте развития российского общества. На фоне данного основания сформирова-

лись три основных этапа: советский, переходный (конец 1980 – начало 1990-х) и российский.

Советский этап военнослужащие связывают с атмосферой стабильности и уверенности в завтрашнем дне, свойственной всему советскому обществу, высоким материальным положением военных, наличием социальных льгот, уважительным отношением к ним в обществе, и как итог, высоким уровнем социального самочувствия и удовлетворенности жизнью.

В переходный этап (после распада СССР), по мнению военнослужащих, от привычной и естественной стабильности, уверенности в завтрашнем дне не осталось и следа. Перемены отрицательного характера произошли в мировоззрении всего общества, основным мерилom отношений между людьми стали деньги. В армии имели место длительные задержки денежного довольствия, которые вызывали необходимость вторичной занятости «на гражданке». В военной среде произошла утрата патристического отношения к службе, она пропиталась духом коррупции и наживы. Появилось резко негативное восприятие военнослужащих в обществе. Данные факторы создали для военнослужащих неблагоприятную обстановку, поставили под сомнение их настоящее и будущее благополучие, а также возможность дальнейшего несения службы и в ряде случаев спровоцировали увольнение из Вооруженных сил.

Однозначного восприятия *российского этапа развития общества* у бывших военных не сложилось. **Большинство склоняются к негативному восприятию**, указывают на низкий, не соответствующий ни запросам времени, ни характеру воинского труда уровень заработной платы военнослужащих и пенсий граждан, уволенных из армии. Это, в свою очередь, провоцирует необходимость дополнительной занятости индивидов, проходящих службу, а также трудоустройства после выхода на пенсию и увольнения из Вооруженных сил. Причину такому положению дел они видят в государственной политике и в «людях у власти» – безнравственных, личные меркантильные интересы которых превалируют над общественными и государственными интересами. Перемены к лучшему и **позитивная оценка** современного общества присутствует среди военнослужащих в меньшинстве. Ее сторонники выделяют дефолт 1998 года как ключевой момент, положивший начало переменам к лучшему. Эти перемены находят выражение в восстановлении уверенности в будущем для всего населения страны, в динамике ценностных ориентаций в социуме в сторону порядочности, верности слову, повышении роли глубоких фундаментальных знаний личности для ее успеха на трудо-

Е.Ю. Озерова

вом поприще. Итогом данных перемен становится улучшение социального самочувствия военнослужащих, восстановление уважения и авторитета данной категории граждан в глазах общества, повышение привлекательности категории бывших военных для работодателей в гражданском обществе, улучшение материального положения, расширение возможностей.

В результате эмпирического анализа жизнедеятельности военнослужащих в данном исследовании удалось выделить ряд **типологий их жизненных стратегий**.

До момента трансформации российского общества типология жизненных стратегий была идентична для всех военнослужащих. Ее основу составляли ценности, поведенческие образцы, планы, подчиненные их профессиональному выбору, – служению Родине и выполнению своего военного долга, определенных приказов, задач и обязанностей в рамках своей службы.

Структурный кризис, имевший место быть в 1990-е годы в российском обществе, напрямую отразившийся на армии, на статусе военнослужащих, на условиях и качестве их жизни, явился точкой бифуркации в жизненных стратегиях военнослужащих. Здесь вырисовываются два основных типа жизненных стратегий – традиционный и новаторский.

Для военнослужащих, отнесенных к *традиционному типу*, характерно стремление осуществлять смысл своей жизни в рамках ранее избранных идеалов и образцов, которые раскрывают их призвание, а именно военной службы, невзирая ни на какие внешние влияния и изменения. Однако они, в свою очередь, используют активную и пассивную стратегии. Активная находит выражение в стремлении сохранить тот костяк, который был в армии до перемен, с его моральным и профессиональным подтекстом, вере в потенциал армии и перемены к лучшему. *Для пассивной стратегии* свойственно «бояться перемен и плыть по течению». Военнослужащие, реализовавшие ее, предпочли остаться в армии, но стали нести свою службу с меньшим, чем ранее, энтузиазмом и результатами.

Новаторский тип жизненных стратегий предполагает реальную оценку происходящих вокруг процессов, активный поиск путей для выхода из складывающихся проблемных ситуаций, результатом чего стало увольнение из армии и построение новой жизни в гражданском обществе. Однако жизненные стратегии военнослужащих, отнесенных к данному типу, неоднородны и требуют дополнительной классификации.

Первая *стратегия* – стратегия «*Легкости и благополучия*». Для военнослужащих, реализовавших ее, характерна ровная, по-

стоянная трудовая занятость, высокие должностные позиции, редкая смена мест работы и общая удовлетворенность своей трудовой деятельностью в гражданском социуме. Они выделяют легкость в поиске работы, в адаптации к трудовому коллективу, в приобретении дополнительных навыков и знаний для гражданской специальности. Военнослужащие, чьи жизненные стратегии легли в основу данного вида, – наемные работники, и для построения своих трудовых стратегий «на гражданке» активно использовали капитал армейских и дружеских связей. Перемену своей жизненной траектории и увольнение из Вооруженных сил они оценивают положительно. Картина будущего, возникающая в их воображении, также несет в себе черты, характерные для всей их жизненной стратегии – спокойствие, легкость и благополучие, имеет положительную окраску. В качестве идеального будущего им представляется жизнь на море или в деревне, чтение книг зимой перед камином и рисование картин.

Вторая *стратегия* – «Поиска, борьбы и успеха». Для ее воплощения свойственно активное использование возможностей, предоставляемых временем, а именно занятие бизнесом, предпринимательством. Организация собственного бизнеса проходила у военнослужащих в опоре на новое образование по гражданской специальности и получение опыта в конкретной сфере, ее углубленное изучение и понимание, через временную работу по найму. Военнослужащим, реализовавшим ее, свойственна активная жизненная позиция, активный поиск вариантов для самоутверждения, инициативность, нахождение новых ресурсов и перспектив для движения «наверх», возведение трудовой деятельности на пьедестал высшей жизненной ценности, позитивный психологический настрой. Благодаря этому, респондентам, отнесенным к данной группе, в итоге удалось преодолеть все трудности и добиться благополучия как в карьерном, так и в материальном плане, достичь свободного самоощущения в гражданской жизни. Увольнение помогло бывшим военнослужащим с данной стратегией поправить свое материальное положение и подняться на более высокий жизненный уровень, поэтому переход к гражданской жизни воспринимается ими положительно, как повышение социального статуса. Для них свойственно построение существенных планов на будущее, связанных с большими приобретениями, основанием собственного бизнеса, видение себя в перспективе как активной, деятельной личности.

Третий вид жизненных стратегий – *стратегия «Понижения и пессимизма»*. Ее представляют бывшие военнослужащие, у которых возникли значительные сложности с трудовым утверждением

ем в гражданском обществе. В результате смены военной профессии на гражданскую они стали занимать более низкие должности и худшие рабочие места. Им свойственна прерывистая трудовая занятость: периоды наличия рабочего места сменяются периодами его отсутствия и поиска. Характер труда – неоднороден, часто низводится вплоть до физического, занимаемые должности располагаются на уровне низшего звена. Военнослужащим из данной группы так и не удалось утвердиться в гражданском обществе, они на настоящий момент не имеют постоянного места работы и высказывают общую неудовлетворенность жизнью. Фактором, которым респонденты склонны объяснять свои поражения, смену профессиональной позиции на более низкую, является «невписанность» их личного профессионального и жизненного проекта, сформировавшихся в условиях другой социальной реальности, с другими ценностными ориентирами и условиями, в контекст доминирующих на настоящий момент ценностей и условий. Нереализованность в гражданской жизни заставляет бывших военнослужащих с ностальгией вспоминать годы службы в армии и расценивать свое увольнение неоднозначно, склоняясь в пользу продолжения службы. Будущее представляется военнослужащим, отнесенным к стратегии «Понижения и пессимизма», в серых тонах, главной заботой выступает состояние здоровья, никаких планов на жизнь они не строят.

Сходная с кадровыми военнослужащими структура жизненных стратегий характерна и для *участников боевых действий*. На основе ответов участников войны вырисовываются три жизненные стратегии после пребывания в горячих точках – возвращение к прежнему делу (традиционная стратегия), поиск новых путей для профессионального самоопределения (новаторская стратегия), стратегия криминального пути.

Для приверженцев традиционной стратегии участие в боевых действиях подтвердило правильность их выбора в профессиональном плане, следствием чего стало возвращение военнослужащих к «довоенной» трудовой деятельности. Кроме того, война положительно сказалась на их профессиональном самоутверждении: удалось улучшить условия службы, получить должностные повышения и обрести уважение сослуживцев.

Для жизненной стратегии новаторов после пребывания в горячей точке характерен перевес в пользу жизни в гражданском обществе и освоения новой гражданской специальности. Она, так же как и предыдущая, несет в себе положительный акцент для социального самочувствия военнослужащих. Благодаря ее воплощению в жизнь, им удалось освоить интересующую их

сферу деятельности, найти приложение своим знаниям и навыкам в гражданском обществе, достичь высокого уровня удовлетворенности жизнью.

В частности, на примере биографий участников боевых действий прослеживается стратегия выбора криминального пути, имевшая место в 1990-е годы. Непродуманная политика государства в отношении участников локальных конфликтов, не всегда способствовавшая самореализации и не содействовавшая трудоустройству участников боевых действий в мирной жизни, привела к тому, что потенциал ветеранов, их боевой опыт, наработывавшийся ценой крови и жизнью, в дальнейшем не всегда используется в интересах общества.

Таким образом, произошедшая в 1990-е годы трансформация существенным образом изменила не только структуру советского общества, но и жизненные ориентиры, позиции, стратегии его граждан. Для жизненных стратегий профессиональных военных этот исторический момент стал точкой бифуркации, и ранее единые устремления, планы, образ жизни и мыслей кардинально разошлись, появилось несколько различных жизненных векторов. Одна часть военных предпочла продолжить службу, другая сочла необходимым уволиться и перейти в статус гражданских людей. По результатам исследования можно заключить, что более высокого социального статуса и уровня удовлетворенности жизнью удалось достичь военным, которые приняли решение «порвать со службой». К настоящему времени из Вооруженных Сил уволено 1018 генералов, 159 тыс. старших офицеров, 199 тыс. младших военнослужащих. Причинами увольнения были: низкая заработная плата – 44% от числа уволенных; пенсионный возраст – 36%; окончание контракта – 14%, состояние здоровья – 6%².

Примечания

- ¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- ² Ежегодник социологических исследований Социологического центра ВС РФ. М., 2006.

В.И. Горбачева

РОДИТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена проблемам родительской компетенции в современном обществе. Автор анализирует концепцию так называемого токсичного родительства. Особое внимание в ней уделяется эмоциональной некомпетентности матерей и отцов, проявляющейся в максимальном контроле за детьми и невнимании к нуждам детей. В статье использованы данные эмпирических исследований об отношениях между родителями и подростками.

Ключевые слова: семья, родительство, дети, подростки, родительская компетентность.

В англоязычной литературе при описании родительства используются два термина. Первый из них – *parenthood* – чаще применяют специалисты, анализирующие институциональные характеристики родительства. Второй – *parenting* – употребляется для раскрытия собственно родительских ролей, включая отклонения от одобряемых конкретной культурой моделей обращения с детьми.

Родительство определяется И.С. Коном как «система взаимосвязанных явлений: а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям; б) специфические социальные роли и нормативные предписания культуры; в) обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания и т. д.»¹. В данной работе рассматриваются модели реального родительского поведения, востребованные в повседневной практике.

Одной из основных характеристик современной российской семьи является ее малодетность. В условиях повсеместно распространенной малодетности родительская компетентность достигается с большим трудом. Малодетный тип репродуктив-

ного поведения с преобладающей потребностью в двух детях начал формироваться в 60-е годы XX в. В середине 80-х годов происходит дальнейшее снижение репродуктивных установок до одного ребенка, что является подтверждением готовности взрослых взять на себя ответственность за весьма ограниченное количество детей. Уровень потребности семьи в детях сегодня во многом определяется тем фактом, что современные 20–30 летние мужчины и женщины являются выходцами из одно-двухдетных семей. В родительской семье они не приобретают необходимых навыков ухода и взаимодействия с младшими братьями и сестрами, что оставляет непознанным данное поле социальной реальности. Более того, высокий процент разводимости в разных возрастных группах, ранняя смертность мужчин, изначально неполные семьи, в которых присутствуют лишь мать и ребенок, приводят к отсутствию реальной модели мужского поведения в семье и усложняют процесс гендерной социализации. Образ мужчины-отца существенно искажается в сознании как мальчиков, так и девочек и, становясь взрослыми, вступая в брак, они вынужденно совершают большое количество ошибок в межличностном взаимодействии друг с другом и детьми.

Исполнение квазиматеринской роли в родительской семье у девочек, как правило, отсутствует. Более того, если вступление в брак оказывается спровоцированным беременностью невесты, то практически одновременно приходится осваивать супружеские и родительские роли в собственной семье, что существенно образом усложняет адаптационный процесс.

В подавляющем большинстве случаев обучение родительским ролям происходит методом проб и ошибок. Но содержание родительских обязанностей зависит от возраста ребенка, поэтому родители вынуждены всякий раз осваивать новые аспекты взаимодействия с ним. Однако опыт родительского взаимодействия с первым ребенком оказывается впоследствии невостребованным, не используется, если не рождается второй младенец.

Таким образом, у нас есть все основания говорить, что одной из проблем современного российского общества является проблема родительской компетентности. Для всестороннего анализа компетентности в семье необходимо использование комплексного подхода. Неоднородность моделей родительского поведения обусловлена различиями в условиях формирования представлений о содержании социальных функций отца и матери и интегративности родительства как синонима целостности, непротиворечивости. Неустойчивость супружеских отношений провоцирует несогласованность и противоречивость родитель-

ского поведения. Ответственное родительство включает контролирующую эмоциональность.

Эмоциональная компетентность имеет ярко выраженный гендерный характер. Социально ожидаемой и позитивно санкционируемой выступает материнская любовь. Период беременности позволяет женщине морально подготовиться к материнству, но представления о ребенке и реальный ребенок на руках могут не соответствовать ожиданиям. Основная трудность заключается в неумении ухаживать за ребенком, понимать, в чем он нуждается, а отсюда неуверенность в себе, растерянность, страх сделать что-то не так. Опасения, что другие поймут, как трудно быть хорошей мамой, заставляет женщин откладывать обращение за помощью к другим членам семьи. Стремление скрыть собственную некомпетентность вынуждает женщин продолжительное время оставаться в максимальном моральном и физическом напряжении. Оказывается, что рождение ребенка сопряжено со значительными трудностями – бессонные ночи, хроническая усталость, отсутствие свободы передвижения, жизнь в соответствии с режимом дня ребенка, стрессы. Эмоциональная компетентность проявляется в способности контролировать собственное поведение как матери, управлять собой, идентифицировать себя с материнством. Эмоционально неадекватные родители представляют определенную угрозу сыну или дочери, поскольку ребенок вынужден постоянно искать защиту от родительских эмоций. Повышенная тревожность, неуравновешенность, вспыльчивость, подавленность, противоречивые требования, стремление демонстрировать родительскую любовь и требования ответного выражения любви, благодарности, признательности и т. д. вынуждают ребенка приспособляться к непредсказуемости поведения родителей. Эмоциональная некомпетентность родителей в общении с детьми признается как факт.

Если сравнивать готовность к исполнению родительских ролей у мужчин и женщин, то у последних она оказывается существенно выше. Женщины, исполняя материнскую роль, чувствуют себя увереннее, чем мужчины в роли отцов. Это подтверждает устойчивый гендерный стереотип, что большую часть времени женщина проводит с ребенком и усваивает роль матери быстрее и эффективнее, чем мужчина усваивает роль отца. Мужчина концентрирует свои усилия на ином социальном поле, профессиональном, вне семьи, поэтому его успешная адаптация к исполнению роли отца заканчивается в более старшем возрасте и ребенка и отца. С точки зрения самооценки себя как родителя, матери и отцы существенным образом различаются.

Энтони Гидденс², анализируя детско-родительские отношения, широко использует термин «токсичные родители». Токсичными он называет тех взрослых, которые постоянно обращаются с детьми в такой манере, которая угрожает их чувству личного достоинства. Даже отдельные незначительные проступки детей вызывают у них негодование и негативные санкции в виде вербального или физического насилия. Недовольство родителей своими детьми стало неотъемлемой составляющей современной действительности. Родители могут бесконечно долго рассказывать, какой плохой у них ребенок и приводить аргументированное подтверждение данного мнения, но с большим трудом поддерживают беседу о положительных чертах характера, достойном поведении младшего члена семьи. Дефицит похвалы распространяется как на детско-родительские, так и на супружеские отношения.

Э. Гидденс выделяет несколько уровней и типов токсичного родительства. Токсичность может быть минимальной и максимальной. Если первая группа объединяет эмоционально некомпетентных взрослых, то вторая категория токсичных родителей – максимально контролирующие всё то, что касается ребенка. Контролируется учеба, круг друзей и знакомых, проведение досуга, интересы и предпочтения, свободное время, одежда, увлечения. Типичная реакция детей, с которыми обращаются подобным образом: «Почему они не позволяют мне жить своей собственной жизнью?» Оценка ребенком действий родителей фиксирует максимальное вторжение в личную жизнь представителей младшего поколения семьи.

Третья категория токсичных родителей сознательно дистанцируется от процесса воспитания и ответственности за ребенка, проявляя полное безразличие. Ребенку предоставляется полная свобода действий, вседозволенность, отсутствует даже минимальный контроль за режимом дня, питанием, учебной. Воспитатели детских садов все чаще говорят о пренебрежительном отношении родителей к здоровью ребенка, о нежелании обсуждать с педагогом проблемы дошкольника. Происходит эмоциональное отвержение, ребенок передается на воспитание в семью прародителей или оказывается предоставленным самому себе.

Токсичность родительства проявляется в вербальных оскорблениях детей. Регулярные словесные оскорбления нередко сопровождаются избиениями. «Есть еще и такие родители, которые твердо убеждены, что физические наказания являются необходимой частью внушения уважения к авторитету, поэтому следуют предписанию “не жалеть розг”»³, дети должны беспре-

кословно повиноваться родителям как более старшим и опытным. Во взаимодействии родители–дети существует значительный дисбаланс власти. Особенно ощутимым он оказывается в ранние годы детства. Родители гораздо более могущественны, чем маленькие дети.

Максимальной концентрации токсичность достигает в семьях с антисоциальным поведением – алкоголиков, наркоманов. Безусловную опасность для детей представляют семьи с криминальной составляющей, если один или оба родителя имеют опыт пребывания в местах лишения свободы. Согласно официальной информации МВД, около 1 млн мужчин одновременно находится в пенитенциарных заведениях России, а каждый 4-й мужчина среднего возраста имеет опыт нахождения в тюрьме. Вероятность того, что ребенок будет воспитываться родителем с криминальным опытом, весьма реальна. Многие родители в течение долгого времени ведут себя в отношении своих детей крайне безответственным образом, не обеспокоены их благополучием и эмоционально отвергают их.

Э. Гидденс использует понятия токсичного или отравляющего родительства, но как нам представляется, более точным русским понятийным аналогом будет травмирующее родительство. Степень травмированности ребенка будет напрямую связана с родительской компетентностью. Исключить или минимизировать негативное воздействие на личность ребенка способна ответственная модель родительского поведения. «Дети имеют право не только быть накормленными, одетыми и защищенными, но и эмоциональные права на то, чтобы иметь чувства, которые уважаются, и на то, чтобы их взгляды и чувства принимались во внимание»⁴.

В январе 2006 г. в ходе анкетного опроса 112 родителей из полных семей, имеющих детей разного возраста, мы выясняли отношение мужчин и женщин к родительским ролям и их исполнению. На вопрос: «Трудно ли, с вашей точки зрения, усвоить родительские роли и достойно выполнять их?», почти все респонденты (110 человек) выбрали вариант ответа «безусловно, да». Однако, несмотря на утвердительный ответ, на следующий вопрос, «чувствуете ли вы себя уверенно в роли родителя?», все опрошенные женщины (58 опрошенных) ответили «да, и мне это нравится». А вот у мужчин мнения по этому поводу разделились – мужчины, имеющие ребенка старше 10 лет, в возрасте около и старше 40 лет в основном ответили – «да, и это мне нравится». А вот молодые мужчины, возраст которых не превышал 30 лет, в основном отвечали: «Пока не совсем уверенно выпол-

няю родительские обязанности, кое-что я еще не освоил». Потребность находиться рядом, радость от общения с ребенком и близость с ним отмечают 84,8% матерей и отцов.

Основным источником информации о родительстве для каждого четвертого опрошенного являются собственные родители. В общении с ребенком используется модель поведения, которая перешла к современным мамам и отцам от их родителей. Но 31% из числа опрошенных женщин категорически отказывается воспроизводить по отношению к собственному ребенку тот механизм межличностного взаимодействия, который существовал в родительской семье. Отрицательный жизненный опыт, переживания, травмы, полученные в детстве, останавливают матерей от тиражирования травмирующего родительства в жизненный сценарий следующего поколения детей. Речь идет об осознанном родительстве, когда из практики реализации материнской роли сознательно исключаются те моменты, которые в своем детстве наблюдала женщина и страдала от них.

Нас интересовало, используют ли родители наказание и какое, чтобы добиться послушания ребенка. Родители, имеющие детей до 5 лет, ответили отрицательно. Родители детей от 10 лет и старше ответили утвердительно. Самыми распространенными видами наказания оказываются вербальные, когда ребенка ругают, 34%, и запрещают на какое-то время смотреть телевизор, играть в компьютерные игры – 18,8%, ограничивают передвижение в пространстве, оставляют дома, запрещая выходить гулять, общаться с друзьями – 12%. Никто из родителей не признался, что физически наказывает детей.

Оптимальным возрастом вступления в материнство респонденты считают диапазон 20–25 лет. По мнению респондентов, оптимальный момент готовности к отцовству – 30 лет, этот возраст совпадает с профессиональным самоопределением и материальным благополучием мужчины.

Мы провели интервью с 27 школьниками 10–11 классов, которые состояли на учете в комиссии по делам несовершеннолетних в поселке Малаховка в марте 2006 г. Нас интересовало, что чаще всего является поводом для возникновения конфликтов с родителями. Оказывается, что старшеклассники не готовы подчиняться немотивированным запретам родителей. Им нужна аргументация. Запрет на позднее возвращение домой подростки принимают. Они понимают обеспокоенность родителей и признаются, что ходить одному по вечерним или ночным улицам страшно. «Мы не ходим по одному. Некоторое время назад погиб наш одноклассник, который после репетиции поздно возвращался домой». Они

приобретают отрицательный жизненный опыт, когда несчастья происходят с конкретными людьми из их ближайшего окружения. Более того, респонденты признаются, что тоже волнуются, если родители возвращаются домой позже обычного. Поводом для возникновения конфликта с родителями является школа: плохо учишься, недостаточно времени отводишь на уроки, прогуливаешь уроки. Второй блок претензий родителей касается выполнения обязанностей по дому, «родителям кажется, что я ничего не делаю». Третий блок, создающий напряженность в отношениях, – досуговая деятельность, «не туда пошла, не с тем пришла, не так оделась», «отцу действует на нервы, когда я громко включаю музыку». «Как вы разрешаете конфликты?» – спросили мы у ребят. Оказалось, что «сердиться долго не имеет смысла», «дружно поругались, затем дружно помирились». «У нас в семье считается нормальным извиняться», извиняются и дети, и родители. Респонденты отмечают повышенную раздражительность отцов. «Мама даже предупреждает меня, когда отец не в духе. Все конфликты смягчает мама. Мы с папой можем долго не разговаривать, он непробиваемый. У папы очень вспыльчивый характер». Отношения с одним из родителей, чаще с отцом, оказываются более напряженными, чем с другим, с матерью.

Ребята попросили объяснить, что им мешает без конфликтов общаться с родителями. Оказывается, что отсутствие взаимопонимания: «Иногда мне кажется, что мы разговариваем на разных языках», «чаще всего мы не понимаем друг друга», «родителям почти всегда некогда», «никто не хочет видеть во мне взрослого, и это меня раздражает». Оказывается, что подростку важно быть принятым, понятым и услышанным собственными родителями. Подростки готовы к диалогу с родителями, а родители не готовы к подобной форме взаимодействия. Межпоколенная конфликтность отношений признается как детьми, так и взрослыми. Именно конфликтное взаимодействие порождает побег из дома, беспризорность, детский суицид, а также одинокую старость.

Таким образом, родительская компетентность формируется в процессе осмысления собственного детства, опыта пребывания в родительской семье, взаимодействия взрослых и детей, оценивается самими родителями, детьми, ближайшим окружением – друзьями, родственниками, знакомыми, педагогами в детском саду и школе. Социальность родительской компетентности определяется уровнем ответственности за детей, их физическое и моральное благополучие. Социальным маркером успешного родительства выступает благополучие ребенка в семье и его адаптированность в социуме.

- 1 *Кон И.С.* Этнография родительства. М.: Высшая школа, 2001. С. 36.
- 2 *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь, эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
- 3 Там же. С. 124.
- 4 Там же. С. 126.

Е.А. Колосова

ЧТЕНИЕ КАК ФАКТОР
РАННЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ДЕТЕЙ

Статья посвящена особенностям детского чтения как фактора ранней социализации современных младших школьников и основана на вторичном анализе данных и на контент-анализе учебников и энциклопедий для младших школьников. Структура книжных предпочтений современных младших школьников, обнаруженная в ходе исследования, является показательной с точки зрения социализации. Автор делит процесс социализации на три взаимосвязанных действия – воспитание, образование и самосоциализация, которые влияют на многостороннее развитие личности ребенка.

Ключевые слова: детство, чтение, социализация, источники информации, обучение в школе, самообразование, гендерные стереотипы.

Детство – первая и важнейшая стадия социализации. Социализация ребенка представляет собой постепенное включение его в группу взрослых, приобщение к культуре с самого раннего детства. Опыт первых лет жизни ребенка в большей степени, чем наследственность, накладывает отпечаток на последующую социализацию и на самоформирование личности¹. Социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и образования, с помощью которых человек приобретает социальную природу и способность участвовать в социальной жизни, обеспечивая передачу культуры от поколения к поколению².

На рубеже XX–XXI вв. значительно меняется общий контекст развития детства. Сложные процессы, происходящие в книгоиздании вследствие развития рыночных механизмов, приводят к значительным изменениям в книжной культуре. С одной стороны, книжная продукция, в том числе детская, становится более разнообразной, но с другой стороны, на нее постоянно рас-

тут цены, что сильно ограничивает возможности приобретения книг семьями, школами, библиотеками. Вместе с тем увеличение числа телевизионных каналов, новых возможностей, которые предоставляет видеотехника, развитие мировой сети Интернет, приводит к тому, что «экранная культура» начинает все сильнее влиять на чтение детей и подростков³.

Своеобразие отношения детей младшего школьного возраста к книге требует руководства со стороны педагога, особой системы воспитания читателя. Детский писатель должен строить свое произведение таким образом, что его отношение к героям и событиям всегда будет понятно читателю, и ребенок будет вставать на точку зрения автора. Эмоциональная заинтересованность возникает у ребенка, как правило, когда он при чтении не только переживает действия и поступки героев, но и начинает чувствовать своеобразие конкретного образа, лишь ему присущие особенности⁴.

В основе системы воспитания маленького читателя лежат принципы, вытекающие из особенностей восприятия литературы как искусства слова, из особенностей эстетического восприятия ребенка и специфики художественного образа детской книги. Методы и приемы воспитания читателя развивают эмоциональную и мыслительную активность, сохраняют эмоциональную целостность переживаний маленького читателя, что без сомнения оказывает очень важное влияние на социализацию через чтение художественной литературы.

Сегодня меняется не только процесс чтения детьми печатной продукции, меняются все характеристики чтения в целом, а также отношение детей и подростков ко всему комплексу медиа – периодике, телевидению, радио, а также к мультимедиа и интернету. «Уходит» та часть подросткового чтения, которое было «для души» и, вероятно, для самообразования. Часть времени, ранее тратившуюся на чтение, заменили телепросмотры и компьютерные игры. Так что можно говорить о том, что происходит частичное «замещение» книжной культуры «визуальной»⁵.

Самые значительные изменения в развитии новой телекоммуникационной среды происходят в крупных городах, поскольку там многие дети и подростки уже живут в насыщенной информационной среде или периодически в ней находятся.

У современных школьников есть большие возможности выбора того или иного способа и средства для проведения досуга, есть свои любимые медиаматериалы (чаще всего это видеофильмы). Чтение оказывается одним из чувствительных социальных индикаторов, отображающих изменения в образе жизни и новых коммуникативных привычках и способах поведения детей.

Неоспорима роль семьи в формировании отношения к книге у детей младшего школьного возраста, к чтению в целом, дополнительному (учебники), самообразовательному (развивающая литература) в частности. Книжки дети младшего школьного возраста, как правило, берут в домашней библиотеке, состав которой отражает вкус, род профессиональных занятий и любительских интересов нередко нескольких поколений, и в свою очередь определяет не только отношение к книге, но и круг чтения ребенка на достаточно долгий период.

Тематика читательских интересов современных школьников выявлена в ходе вторичного анализа данных всероссийского исследования 2001–2002 гг., организованного Российской государственной детской библиотекой в 7 областных и краевых центрах России (Владимир, Брянск, Москва, Самара, Саратов, Ставрополь, Тамбов), в 14 городах и 38 поселках, селах, деревнях и хуторах этих регионов. Было опрошено 1503 школьника в возрасте от 6 до 15 лет (Исследование № 1).

Опрос, проведенный весной 2001 г. в Иваново, Мурманске, Рязани, Смоленске, Твери и в некоторых районах Московской области (опрошено 594 школьника – Исследование № 2), также дает достаточно интересные показатели в отношении жанрово-тематического разнообразия круга реального чтения школьников.

Если попробовать обобщить данные в отношении гендерных предпочтений, получаем следующее: народным сказкам большее предпочтение отдают девочки, а богатырские сказки и былины пользуются большим успехом у мальчиков. Классику отечественной литературы в большинстве своем называли девочки (в 2–3 раза чаще, чем мальчики) – Пушкин, Некрасов, Куприн, Гоголь, Есенин, Карамзин, Лермонтов, Толстой. И только один автор этого периода оказался в почете у мальчиков – это Тургенев.

С классикой советской литературы дело обстоит похожим образом, большинство предпочтений отдано девочками и только произведения С. Михалкова пользуются одинаковым спросом среди детей обоего пола. В выборе исторической литературы дети были не так категоричны, здесь есть и авторы, пользующиеся большим успехом у девочек (С. Мосияш, С. Голицын, А. Дорофеев, А.О. Ишимова, Л. Обухова, С. Романовский, В. Ян), так и книги, пользующиеся большим успехом у мальчиков (А. Митяев, О. Тихомиров), а также книги, интересные в равной степени и тем и другим (С. Алексеев, Н. Головин).

Книжки про войну, как это ни странно, больше упоминаются читателями женского пола, а вот фантастика, что вполне законо-

мерно, интересна в большинстве своем мальчикам (А. Беляев), но есть авторы, привлекательные для девочек (К. Бульчев).

Энциклопедии и справочная литература пользуются большим успехом у девочек, хотя в целом количество выборов свидетельствует о том, что дети обоего пола заинтересованы в получении дополнительной справочной информации по интересующим их вопросам.

Зарубежная литература также востребована как читателями женского пола (Андерсен, Берроуз, Линдгрэн, Твен, Шекспир), так и читателями мужского пола (Дефо, Верн).

Несомненно, что такие пристрастия в книжных предпочтениях не случайны, на выбор и обращение к определенной книге влияет множество факторов, не последним из которых является детское воспитание, причем не только внутрисемейное, но и школьное, поскольку в начальной школе учитель выполняет не только образовательную функцию, но и воспитательную.

Обнаруженная пестрота читательских предпочтений отчасти обусловлена, отчасти поддержана разнообразием современной издательской продукции. Исследователи детского чтения утверждают, что активно идет процесс индивидуализации читательских интересов, а также более тонкого определения или поиска своего читательского «сектора». И как следствие, практика увеличения числа изданий для детей поддерживает эту тенденцию и создает условия для ее реализации⁶.

В книжных предпочтениях наблюдаются региональные отличия, в первую очередь они могут быть обусловлены уровнем развития издательского дела в конкретной местности, книжной торговли, наполнения библиотечных фондов и т. п. Чтение, без сомнения, зависит от школьных программ, наличия в доме тех или иных книг, а также от возможности родителей делать книжные покупки. По отношению к личности читателя это так называемые внешние факторы⁷.

В период школьного обучения учителя активно продолжают начатую родителями традицию формирования разного типа поведения у мальчиков и девочек, исходя из утвердившихся гендерных стереотипов.

Сочетание количественного пересчета и качественного, смыслового и содержательного анализов учебников по математике и русскому языку для учащихся младших классов позволяет нам сделать вывод о наличии в текстах клише, соответствующих гендерным стереотипам распределения ролей в семье и ожиданий от детей разного пола. В проанализированных учебниках мужской профессиональный мир представляется детям

наполненным отвагой, смелостью, желанием защищать родину, а женский связан в первую очередь с трудом, направленным на оказание социальных услуг, так называемый социальный сервис. Совместные действия людей двух полов в трудовой деятельности связаны со строительством и творческими профессиями.

На наш взгляд, дети, обучающиеся по таким учебникам, усваивают не только азы математики или русского языка, но и получают установки сегрегации социальных сфер и доминирования мужского пространства. Эта функция языка учебников является латентной, но очевидно, что авторы учебных пособий не ставили данную цель перед собой намеренно. Как носители стереотипов мышления авторы лишь воспроизвели существующие в русском языке типизированные андроцентрические акценты, которые укоренены в сознании взрослых. Учебные пособия выступают внешним консервативным социальным фактором, усиливающим и поощряющим стереотипные модели поведения в обществе. Некоторые такие языковые схемы снабжают ребенка программами его повседневной жизни «здесь и сейчас», другие предназначены для более поздних биографических ступеней.

Самообразование, а именно обращение школьников к развивающей литературе, одна из форм познавательной деятельности человека, которая возникает под влиянием внешних и внутренних факторов. Наряду со школьной литературой, развивающая литература (в частности, детские энциклопедии) также является важнейшим источником влияния на школьников вне учебной деятельности. Усвоение определенных культурных образцов посредством самообразования составляет содержание процесса социализации личности. Поскольку самообразование выступает как средство подготовки к труду и овладения социальными навыками, в нем имеет место совпадение индивидуально-личностного и социально значимого, что важно учитывать в контексте ранней профессиональной социализации младших школьников.

Развивающая литература в большинстве случаев, так же как учебники, выступает внешним консервативным социальным фактором, усиливающим и поощряющим стереотипные модели поведения в обществе, но в меньшей степени.

Дети в значительной мере усваивают роли и правила поведения в обществе из средств массовой информации (телевидение, газеты), а также из различного рода детской литературы. Символическое содержание, представленное в них, оказывает глубокое воздействие на процесс социализации, способствуя формированию определенных ценностей и образцов поведения.

Также важным является вопрос о месте интернета в социализации младших школьников и есть ли угроза «ухода» книги в прошлое и замена ее электронными источниками. Поводов для опасения нет, поскольку в основном интернетом дети пользуются для просматривания игровых сайтов и игры в сетевые игрушки, а не чтения. Книга не становится менее актуальной, она все еще остается в качестве главного источника информации. Но меняется характер информации, она преимущественно двух видов: для учебы или для отдыха.

Существующие в обществе гендерные стереотипы оказывают большое влияние на процесс социализации детей, в том числе и профессиональной. Под гендерными стереотипами понимаются стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское». В частности, существуют гендерные стереотипы в отношении профессий, которые в той или иной степени влияют на выбор будущей профессии младшего школьника.

Детская развивающая литература, как и детские учебники, является каналом трансляции и формирования социокультурных стереотипов. Важным отличием двух этих источников влияния на социализацию школьников является то, что в силу многократных переизданий и обновлений учебники в большей степени отражают тенденции современного мира, в отличие от развивающей литературы, в которой есть элемент законсервированности. Так, тенденция к ослаблению гендерных стереотипов гораздо четче прослеживается в учебниках, нежели в развивающей литературе.

В целом процесс социализации, который является решающим в формировании личности, можно разложить на три взаимосвязанных действия – воспитание, образование и самосоциализацию. Ребенок развивается многосторонне, с одной стороны, посредством воспитания в семье, с другой – обучения в школе по обязательной программе, и наконец, самообразования, накопления информации, которая необходима конкретному, отдельно взятому ребенку.

Механизмами социализации в данном случае будут служить те книги, к которым ребенок обращается в процессе социализации. Так, воспитание будет происходить через книги в семье, обучение – через учебники и дополнительную литературу, а самосоциализация – с помощью так называемой развивающейся литературы, к которой он обратится по совету сверстников, при содействии взрослых, возможно через действие рекламы книжных издателей.

Е.А. Колосова

Через чтение постепенно происходит приобщение к информации, образованию, культуре. Детское чтение, осуществляя такие социальные функции, как информационная, образовательная, воспитательная, коммуникативная, досуговая, стремится к достижению основной цели социализации, а именно усвоение человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноценного члена общества.

Примечания

- 1 *Поликанова Е. П.* Социализация личности // *Философия и общество.* 2003. № 2. С. 95–96.
- 2 *Цымбаленко С.Б., Шариков А.В., Щеглова С.Н.* Информационное пространство российского подростка в постсоветский период. М., 2006. С. 78.
- 3 Чтение детей и подростков в конце XX века / По материалам региональных исследований библиотек. М., 1999. С. 5.
- 4 *Беленькая Л.* Ребенок и книга // *Я вхожу в мир искусств.* 2005. № 3. С. 69–72.
- 5 *Чудинова В.П.* Чтение «компьютерных мальчиков»: результаты исследования [Электронный ресурс] // В.П. Чудинова, Е.И. Голубева, Н.Н. Сметанникова. Недетские проблемы детского чтения: Детское чтение в свете «библиотчной» социологии: Сб. ст. // Сайт русской ассоциации чтения. – Электрон. данные. – 2006. – Режим доступа: <http://www.rusreadorg.ru/issues/chudinova/3.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – данные соответствуют 23.11.08.
- 6 *Голубева Е.И.* Что предпочитают читать наши дети [Электронный ресурс] // Там же.
- 7 *Голубева Е.И., Чудинова В.П.* Детское чтение в России: реальность, опасения, прогнозы/Детское чтение и его поддержка государством [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской Государственной Детской библиотеки. – 2007. – Электрон. данные. – Режим доступа: // www.rgdb.ru/research/y_read_2.asp, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 01.02.2007.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ПРИМЕНЕНИИ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

В статье рассматривается конструирование здорового образа жизни через призму концепции социального конструирования реальности. Автором предлагается и описывается структура социального конструирования здорового образа жизни, включающая в себя: объект конструирования; элементы конструирования; процессы конструирования; характер конструирования; условия и факторы конструирования; агенты конструирования; цели конструирования; способы конструирования; образцы конструирования; механизмы поддержания результатов конструирования; уровни конструирования; формы как результаты конструирования; последствия конструирования.

Ключевые слова: социальное конструирование, здоровье, образ жизни.

В данной статье мы рассмотрим основные процессы социального конструирования здорового образа жизни, опираясь на феноменологический анализ (П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц) и его модификации в современной российской социологии¹. Опыт показывает, что идеи феноменологического анализа могут использоваться в прикладных исследованиях различных целевых аудиторий как базовый методологический принцип, например, в работах отечественных авторов при изучении проблем инвалидности (Е.Н. Ким, М.Н. Реут, М.Ю. Сусловой, Н.В. Васильевой), при изучении проблем детства (С.Н. Щегловой)².

Объектом конструирования выступает социальный универсум – здоровый образ жизни. Здоровый образ жизни как социальный универсум сконструирован в совокупность **элементов социальной реальности**: объектов, событий, социальных процессов и социальных институтов, находящихся в сложной взаимосвязи и в целостности формирующих его элементов. Эта

Н.И. Белова

взаимосвязь воспроизводит особый способ и стиль жизни, способствующий сохранению и укреплению физического, психического и социального здоровья с момента рождения человека и в течение всей его жизни.

Актуальными характеристиками здорового образа жизни в различные исторические эпохи или в отдельных культурах являются **универсальные элементы здорового образа жизни (универсалии)** – мероприятия, направленные на сохранение, укрепление и восстановление здоровья. К таким универсалиям относят рациональное питание; адекватную двигательную активность; закаливание; позитивное поведение в отношении психического здоровья; уход за телом, одеждой; поддержание гигиенических условий быта; соблюдение рационального режима труда и отдыха; сексуальное поведение, не наносящее ущерб здоровью; воздержание от курения, злоупотребления алкогольными напитками, лекарственными средствами; неупотребление наркотиков; позитивное экологическое поведение. Совершая либо не совершая такие действия, индивиды будут восприниматься как типы, ведущие здоровый или нездоровый образ жизни.

Здоровый образ жизни конструируется при помощи **процессов** опривычивания (хабитуализации), типизации, объективации, институционализации и легитимации.

В результате процесса опривычивания и типизации формируется бинарная конструкция: здоровый – нездоровый образ жизни, а поведение индивидов становится контролируемым и предсказуемым. Институционализированное поведение включает в себя роли. При этом можно выделить диаметрально противоположные: роль человека, ведущего здоровый образ жизни, и человека, ведущего нездоровый образ жизни. Причем первую могут выполнять как индивиды, являющиеся здоровыми (практически здоровыми) в физическом, психическом и социальном плане, так и имеющие нарушения здоровья. Роль человека, заботящегося о своем здоровье посредством ведения здорового образа жизни, позволяет ему успешнее выполнять ролевой набор – работника, семьянина, гражданина.

Следующий процесс, при помощи которого происходит конструирование здорового образа жизни, – легитимация, т. е. «способы его “объяснения” и оправдания». Легитимация использует язык как свой главный инструмент. Язык формирует «лингвистически обозначенные семантические поля и смысловые зоны», в рамках которых можно «объективировать, сохранять и накапливать биографический и исторический опыт». В результате такого накопления составляется социальный запас

знаний, передающийся от поколения к поколению – совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное. К этому уровню можно отнести все когниции и стереотипы, которые стали неотъемлемой частью массового сознания, например: «здоровый образ жизни могут вести только те, у кого много денег»; «ведут здоровый образ жизни люди, у которых ранее были или имеются в данный момент нарушения здоровья, т. е. больные люди»; «здоровый образ жизни ведут пожилые люди, стремящиеся продлить годы жизни, и т. п.».

Следующие уровни легитимации представлены научными направлениями, которые изучают здоровый образ жизни. Ярким примером является такое научное направление и дисциплина, как «валеология», в рамках которой рассматривается формирование здорового образа жизни посредством гигиенического воспитания.

В качестве специальных организаций, призванных институционализировать здоровый образ жизни, мы выделяем здравоохранение, призванное его формировать у различных групп населения; специализированные учреждения, предоставляющие услуги по реализации отдельных аспектов здорового образа жизни – фитнес-клубы, бассейны и др.

Социальное конструирование здорового образа жизни может носить эволюционный характер через последовательное и постепенное включение всех процессов конструирования или революционный характер, когда происходят глубокие и быстрые трансформации (в терминах П. Бергера и Т. Лукмана, альтернации), которые приводят к тотальным изменениям всего социального универсума или его отдельных сфер.

Примером быстрых преобразований в здоровом образе жизни является ситуация в Европе и Северной Америке во второй половине прошлого века. Рост количества заболеваний, вызванных образом жизни (в первую очередь онкозаболеваний и сердечно-сосудистых), привел к необходимости поиска и устранения факторов, способствующих развитию таких заболеваний. Массированное внедрение здорового образа жизни в 1970-е годы в США, Японии, Финляндии, ФРГ и Канаде позволило снизить смертность от сердечно-сосудистой патологии, главной формы хронической неинфекционной заболеваемости, почти на 40%.

На глубокие конструкционные изменения здорового образа жизни оказывают огромное влияние социальные, экономические, политические, экологические и информационные **факторы**. Например, изменение уклада жизни меняет представле-

Н.И. Белова

ния людей о внешнем идеале человека, ведущего здоровый образ жизни и, соответственно, являющегося здоровым.

Велико влияние информационных факторов на формирование здорового образа жизни. Например, медицинское просвещение изменило представление людей о правильном (здоровом) питании и позволило выявить и осознать связь между разными типами питания и болезнями, продолжительностью жизни.

Условиями и факторами социального конструирования здорового образа жизни могут выступать изменения материальной среды, связанные прежде всего с социально-экономическими процессами; трансформации коллективного поведения и др. Изменения внешних условий могут иметь своим следствием не только конструирование какого-то нового элемента, но и легитимирующее закрепление некоторых традиций. Если изменения некоторых внешних условий несут в себе угрозу, то государство от имени общества берет на себя функции создания специальных легитимирующих действий, сдерживающих данные опасности. Так, в настоящее время приняты и действуют особые правила и законы, ограничивающие или запрещающие употребление алкоголя, табакокурения, наркотических веществ и т. п.

Социальное конструирование здорового образа жизни ведется через **агентов конструирования**: отдельных индивидов или социальные организации. Под их влиянием формируются навыки ведения здорового образа жизни и социальные нормы.

Цели конструирования здорового образа жизни могут быть рациональными или иррациональными (или, как их называет В. Парето, закономерными и алогичными). К рациональным целям, по нашему мнению, относится стремление к улучшению состояния психофизического здоровья, продолжительности и качества жизни (как со стороны государства, так и со стороны отдельно взятого человека). К иррациональным целям – пропаганда здорового образа жизни для получения, прежде всего, коммерческой выгоды.

В качестве **механизмов** поддержания конструируемого универсума «здоровый образ жизни» можно выделить социальные нормы и санкции, презентуемые обществу через традиции, религиозное сознание, идеологию и закон, через произведения литературы и искусства. Культурные образцы, на основании которых осуществляется действие механизмов, могут быть представлены в вербальной и невербальной формах посредством фольклора, мифологии, искусства, религии, научных и идеологических проектов, новаторских социальных практик, законотворческой деятельности и др.

В качестве **способов конструирования** здорового образа жизни используются различные методы и механизмы. Среди основных методов можно выделить методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, экстраполяции, построения аналогий, проб и ошибок. Конструирование здорового образа жизни проходит на **макро- и микроуровнях**. Оно обладает объективными количественными и качественными характеристиками. Процессы, происходящие на макро- и микроуровнях, находятся в постоянной взаимосвязи.

При рассмотрении здорового образа жизни как результата социального конструирования нами фиксируются его институционализированные и неинституционализированные **формы**. В современном российском обществе формирование здорового образа жизни представлено в двух выделяемых формах. К первой относится государственная политика в области формирования здорового образа жизни, а также социальная инфраструктура для его поддержания, ко второй – «народные» методы укрепления и поддержания здоровья.

В свою очередь, изменения социального универсума имеют определенные последствия для всего общества и ведут к изменениям социально-культурных моделей поведения, структуры заболеваемости и состава населения и др. Например, такие изменения могут повлиять не только на воспроизводство населения, точнее будет сказать, на тип воспроизводства (расширенное, суженное и простое), но и на качество здоровья последующих поколений.

Примечания

- ¹ *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- ² *Щеглова С.Н.* Детство как социальный феномен (Концепция социального конструирования детства): автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук: (22.00.04) // С.Н. Щеглова; [Ин-т молодежи]. М., 1999. 45 с.

Ю.А. Купрякова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДОРОВЬЕ»
В ОЦЕНКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
СООБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ

В современном мире медицина и здравоохранение – важнейшие сферы жизни человека. Система охраны и укрепления здоровья воздействует не только на самого индивида, но и на общество в целом. Охрана здоровья населения – это социальная проблема. Ведущую роль в ее решении играет государство. В настоящее время российское здравоохранение находится в состоянии системного кризиса, который негативно влияет на будущее нации.

С января 2006 г. в России идет реализация национального проекта «Здоровье». Нацпроект направлен на повышение качества жизни российских граждан и выполняется под личным контролем президента России. Реализация национального проекта требует предварительного анализа и оценок.

Ключевые слова: здоровье, социальная защита, система здравоохранения, профессиональное сообщество.

Сегодня Россия уступает многим странам по важнейшим показателям здоровья населения. Одной из главных причин такого положения дел остается неэффективность отечественного здравоохранения.

Наиболее актуальной для России является проблема сокращения численности населения, естественная убыль которого в общей сложности за период с 1992 по 2005 г. составила 11,2 млн человек. Таким образом, речь можно вести не о высокой смертности, а о сверхсмертности. За период 2000–2005 гг. суммарный коэффициент фертильности (среднее количество детей, рожденных одной женщиной в течение жизни) составил 1,1, а для обеспечения стабильной численности населения он должен превышать 2,1¹. В последние десятилетия отмечено постарение населения.

Наша страна является абсолютным «лидером» по величине разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин: средняя продолжительность жизни у мужчин составляет 59 лет, а у женщин 72 года. По состоянию медицины и здоровья мы опустились с одного из первых мест на 136 место в мире².

Неблагоприятная ситуация с продолжительностью жизни определяется высоким уровнем сердечно-сосудистых заболеваний, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. Сердечно-сосудистые болезни являются основной причиной смертности, так как на них приходится 56% всех случаев смерти. Эти показатели входят в число самых высоких в Европейском регионе. Внешние причины (несчастные случаи, отравления и травмы) являются второй по значимости причиной смерти – на их долю приходится 14%. На долю злокачественных образований приходится 12% случаев смерти³. Хронические заболевания оказывают значительное влияние как на здоровье нации, так и на национальную экономику Российской Федерации.

Таким образом, здоровье населения совершенно не соответствует геополитическому положению одной из крупнейших и наиболее богатых разнообразными ресурсами стран мира.

Анализ масштабов и причин избыточной смертности в России 1990-х годов показывает, что на первый план выходят проблемы, связанные с кризисной ситуацией 90-х годов, воздействием нестабильной экономической ситуации. Период трансформации в России связан с ухудшением физического и психического здоровья. С социальной точки зрения наиболее показательным свидетельством ухудшения качества жизни населения является рост бедности в эти годы. Низкий социально-экономический статус граждан привел к целому набору воздействий факторов риска, большей уязвимости и меньшему доступу к качественной медицинской помощи.

Самым пострадавшим звеном в процессе кризиса здравоохранения оказалась профилактика. Причиной снижения внимания к вопросам укрепления здоровья населения и профилактики заболеваний является то, что в условиях кризиса экономические и политические приоритеты страны не сочетались с целью оздоровления населения, а скорее даже вели к снижению уровню здоровья. Ввиду низкой выявляемости болезней на ранних стадиях произошел рост запущенных случаев болезней.

Стало очевидным, что возникла угроза жизнеспособности российского здравоохранения, а значит, и угроза жизнеспособности населения страны. Положительные показатели уровня общественного здоровья благотворно сказываются на обществе в

Ю.А. Купрякова

экономическом плане и с точки зрения улучшения благосостояния населения.

Именно это обстоятельство заставило государство начать крупные преобразования в отечественном здравоохранении.

С января 2006 г. на территории Российской Федерации началась реализация национального проекта «Здоровье». Это является важным шагом, направленным на повышение доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения.

Новизна национального проекта по сравнению с федеральными целевыми программами заключается в концентрации ресурсов на ограниченном количестве четко обозначенных приоритетных направлений и повышении ответственности исполнителей при осуществлении расходов.

Национальный проект «Здоровье» нацелен на сдерживание тенденций заболеваемости и смертности населения путем развития первичной медицинской помощи и строительства центров высоких медицинских технологий. С учетом потребности населения планируется создание 15 центров по следующим направлениям: сердечно-сосудистой хирургии, травматологии, ортопедии и эндопротезированию, эндокринологии, нейрохирургии, трансплантологии и репродуктивным технологиям.

Оказание медицинской помощи в период беременности и родов, проведение обследований новорожденных должно способствовать снижению материнской и детской смертности. Эти меры нашли свое отражение в расширении неонатального скрининга. Для этого организована централизованная закупка тест-систем и медицинского оборудования для оснащения медико-генетических консультаций и обучение медицинских работников специальным методикам. Осуществляется оплата медицинской помощи, оказываемой государственными и муниципальными учреждениями здравоохранения женщинам в период беременности и родов. Беременным женщинам выдается «родовой сертификат» – это купоны, фактически денежные чеки на 5 тысяч и 10 тысяч рублей. Чек на меньшую сумму предназначен женским консультациям, на большую – родильным домам и родильным отделениям стационаров. Не менее 60% этих средств в женских консультациях направляется на заработную плату персонала, остальное – на развитие данного учреждения. В родильных домах и отделениях на оплату труда медиков направляется не менее 40% средств, поступающих от сертификата, оставшаяся часть направляется на закупку медицинской техники и оборудования, лекарственных средств и т. д.

Мероприятия национального проекта призваны решать наиболее актуальные проблемы здравоохранения, связанные с нехваткой высококвалифицированных кадров в поликлиниках и больницах, низким уровнем оплаты труда, преобладанием устаревшего медицинского оборудования и транспорта. Решение этих проблем связано с подготовкой кадров для первичного звена, повышением уровня заработной платы медицинских работников, улучшением материально-технической базы поликлиник, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, службы «скорой помощи».

Реализация мероприятий национального проекта должна способствовать улучшению качества оказания медицинских услуг и смещению медицинской помощи со стационарного на амбулаторное звено. Запланированные в рамках нацпроекта отдельные профилактические мероприятия связаны с оказанием дополнительных медицинских услуг по диспансеризации и иммунизации населения, а не с профилактикой заболеваний посредством воздействия на факторы риска, приводящие к их возникновению. Диспансеризация проводится среди работающих граждан, занятых на производствах с вредными и (или) опасными производственными факторами. В рамках Национального календаря профилактических прививок запланирована дополнительная иммунизация.

Долгосрочными последствиями НП «Здоровье» правительство видит снижение показателей смертности и инвалидности населения за счет повышения доступности и качества медицинской помощи, снижение экономических потерь за счет восстановления трудового потенциала, уменьшения финансовых затрат на выплаты пенсий по инвалидности, пособий по временной нетрудоспособности. Все это позволит приблизить отечественное здравоохранение к европейским стандартам.

Выводы о достижении этих результатов национального проекта можно делать поэтапно. На текущей стадии для оценки результативности используются показатели бюджетных расходов, не позволяющие измерить влияние на изменения в состоянии здоровья. Основные индикаторы, по которым можно будет измерить результаты работы системы здравоохранения, – сокращение показателей смертности, заболеваемости, повышение уровня рождаемости. Изменения в демографической ситуации можно оценить на протяжении временного отрезка не менее пяти лет.

Реализация национального проекта требует предварительного анализа. Также важна оценка проекта медицинским сообществом. Для того чтобы проанализировать оценку нац-

Ю.А. Купрякова

проекта сообществом врачей, степень информированности врачей о НП и выявить источники информации о НП, в августе центром маркетинговых исследований «Фармэксперт» было проведено социологическое исследование «Оценка врачами реализации национальной программы (НП) “Здоровье” в контексте изменения качества медицинского обслуживания». Исследование проводилось среди врачей в 10 крупнейших городах России. Всего было опрошено 473 врача. Врачи представлены следующими специальностями: терапевт, педиатр, невропатолог, онколог.

Исследование было проведено с помощью метода стандартизированного интервью с элементами экспертного интервью. Экспертный характер опроса обосновывается специфичностью исследуемой аудитории. Врачи выступают как носители информации узкого характера, профессионалы, выражающие свое отношение к исследуемой проблематике. По этой причине обобщенным становится меньший массив респондентов, и выборочная совокупность носит целевой характер.

Исследование, проведенное автором в два этапа с использованием метода глубинных интервью: первые 10 интервью с января по февраль 2006 г., вторые 10 с марта по май 2007 г. Всего 20 глубинных интервью (10 мужчин и 10 женщин). Врачи представлены наиболее востребованными специальностями. 10 из них работают в государственных структурах (двое совмещают с работой в коммерческом медицинском центре), а остальные 10 в коммерческих медицинских центрах.

В период с марта по май 2007 г. автором проведены экспертные интервью. В качестве экспертов выступили руководители медицинских учреждений, заведующие отделениями государственных ГКБ, деканы факультетов медицинских институтов и представители органов государственной власти. Всего было опрошено 6 экспертов.

Результаты проведенных в 2006 и 2007 гг. интервью говорят о том, что о реформе слышало преобладающее количество врачей. В ходе исследования выяснилось, что есть респонденты, ориентирующиеся в мероприятиях реформы, но не знающие, что всё это является единой программой. Это свидетельствует о том, что врачи не владеют полной информацией о национальном проекте, не понимают значения предпринимаемых реформ и неверно трактуют получаемую информацию о целях, задачах нацпроекта.

По данным количественного исследования, информация о мероприятиях, проводимых в рамках национального проекта, поступает к врачам чаще всего от администрации ЛПУ либо из

средств массовой информации. При этом территориальное управление Росздравнадзора обладает низкой степенью активности в вопросах информирования медицинских работников о проводимых реформах. С одной стороны, такой факт можно интерпретировать как недостаток внимания чиновников к специалисту, то есть к врачу, на которого во многом и направлены проводимые реформы. С другой стороны, с учетом российского менталитета, который проявляется в перманентном недоверии к органам государственной власти, передача функции информирования врачей администрации ЛПУ и СМИ может считаться в какой-то мере оправданной.

Результаты исследований свидетельствуют о зависимости между вовлеченностью врачей в национальный проект и их информированностью. Врачи в ходе интервью отмечают, что в процессе работы им надо решать много вопросов на месте и нет времени интересоваться реформами, пока они не касаются их на практике.

В ходе анализа ясно, что врачи самостоятельно не стремятся получить более подробную и полную информацию о НП «Здоровье», не проявляют интереса к реформе. Как вариант донесения программы нацпроекта до врачей, сами респонденты называют распространение разъяснительных буклетов, печатных материалов внутри ЛПУ.

Оценки экспертов подтверждают низкую информированность врачей о НП «Здоровье», отсутствие единства понимания среди врачей этой реформы. По мнению экспертов, проведение некой государственной политики в области здравоохранения требует определенной дисциплины и сплоченности, особенно когда проект осуществляется в сжатые сроки.

В опросе, проведенном среди врачей, на прямой вопрос об отношении к НП «Здоровье» в половине случаев получен позитивный отклик. 49,7% врачей отметили, что считают крайне необходимыми проводимые мероприятия и полностью поддерживают их (табл. 1). Однако значительная часть респондентов придерживается достаточно настороженной позиции относительно реализуемых реформ. Общая доля ответов с негативным оттенком: «НП – это лишь попытка “задобрить” медработников перед президентскими выборами 2008 года», «Крайне запоздалые решения по сохранению государственного сектора здравоохранения», «Не понимаю смысла и не ощущаю результатов реализации» – составляет 44,6% от опрошенных. Это свидетельствует о том, что значительная часть врачей до сих пор не понимает значения предпринимаемых реформ и не доверяет

Ю.А. Купрякова

органам государственной власти, пытающимся провести изменения в системе здравоохранения.

Таблица 1

Отношение врачей к НП «Здоровье»

Варианты ответов	в % от общего количества опрошенных
Считаю крайне необходимым и подерживаю проводимые мероприятия	49,7%
НП – это лишь попытка «задобрить» медработников перед президентскими выборами 2008 г.	7,4%
Крайне запоздалые решения по сохранению государственного сектора здравоохранения	26,0%
Не понимаю смысла и не ощущаю результатов реализации	11,2%
Затрудняюсь ответить	5,7%

Данные количественного исследования подтверждают результаты глубинных интервью. Врачи не видят изменений и улучшений, никто из коллег не делится положительными новостями.

При этом подавляющее большинство респондентов поддерживают реформы и считают их крайне необходимыми, но чаще всего не связывают эти реформы с проводимым сейчас национальным проектом. Прежде всего эта проблема связана с тем, что для многих врачей неочевидна логика проводимых реформ.

Вопрос о наиболее приоритетных направлениях в области здравоохранения вызвал достаточно единодушные отклики среди врачей. В качестве самого важного сегмента был назван амбулаторно-поликлинический (68,9% от общего числа опрошенных), второе место заняли стационары (21,8%). Развитие офисов врачей общей практики было отмечено как наиболее важное направление лишь 5,3% респондентов (табл. 2).

Таблица 2

**Наиболее приоритетные направления
в здравоохранении с точки зрения врачей**

Варианты ответов	в % от общего количества опрошенных
Амбулаторно-поликлиническое звено	68,9%
Стационары	21,8%
Развитие офисов врачей общей практики	5,3%
Затрудняюсь ответить	4,0%

Аналогичные данные получены в ходе глубинных интервью с врачами. Большинство респондентов отмечают важность первичного звена для населения всей страны как части медицины, на которую ложится основная нагрузка. По мнению врачей, основная задача поликлиник – это ранняя диагностика и предотвращение развития заболеваний. Последние годы отечественное здравоохранение было ориентировано на развитие стационарной медицинской помощи в ущерб догоспитальным медуслугам, что свело на нет обязательные диспансеризации среди населения, а это в свою очередь привело к высокому уровню хронических и запущенных заболеваний, к инвалидизации населения.

Другой значимый вопрос, затронутый в проведенном количественном исследовании, касался тех специальностей государственного сектора здравоохранения, которые нуждаются в первоочередном оснащении. По мнению врачей, такими специальностями из представленного списка прежде всего являются онкология (такую позицию высказали 44,4% опрошенных), лабораторная диагностика (38,1%), фтизиатрия (29,3%), реаниматология (25,4%) (табл. 3).

При этом возможность сокращения числа медицинских специальностей признали разумной лишь 7,6% опрошенных врачей. 84,6% респондентов заявили о недопустимости такого мероприятия.

Таким образом, врачи признают амбулаторно-поликлинический сектор как приоритетный для реформирования в структуре здравоохранения. При этом основу для проводимых мероприятий врачи видят не в сокращении числа специальностей, а в их дополнительном финансировании и оснащении.

**Специальности государственного здравоохранения,
требующие первоочередного оснащения в 2007–2008 гг.,
по мнению врачей**

Варианты ответов	в % от общего количества опрошенных
Онкология	44,4%
Лабораторная диагностика	38,1%
Фтизиатрия	29,8%
Реаниматология	25,4%
Гастроэнтерология	7,2%
Другая	7,0%
Патанатомия	5,5%
Затрудняюсь ответить	4,7%
Педиатрия	3,6%

Обоснованным выделение понятия «высокотехнологическая медицинская помощь» считают 55,5% опрошенных врачей, необоснованным – 16,5%. При этом 28% респондентов затруднились дать ответ, что, по всей вероятности, связано с низкой степенью осведомленности врачей по обсуждаемой проблематике. Приведенное предположение подтверждается ответами на вопрос о случаях в практике врачей, когда пациенту было отказано в предоставлении высокотехнологической медицинской помощи (ВТМП). 44,5% респондентов сказали, что никогда не отправляли своих пациентов на ВТМП, 9,1% признались, что не знают, что такое ВТМП и как отправлять пациента на ВТМП (табл. 4). Еще 17,2% опрошенных отмечают, что встречаются достаточно много проблем в предоставлении ВТМП. И лишь 28,1% врачей заявили об отсутствии каких-либо проблем с оказанием высокотехнологичной медицинской помощи.

Как выяснилось в ходе количественного исследования, многие врачи не используют систему высокотехнологичной медицинской помощи или даже не знают о ее существовании.

В результате проведенного исследования были выявлены недостатки в обучении и повышении квалификации врачей. Поскольку большинство из них считает сертификацию специали-

тов обязательной, это значит, что врачи нуждаются в постоянном повышении уровня профессиональных знаний и навыков. 41,6% опрошенных заявили, что в 2006 г. не проходили обучения с целью повышения квалификации. Из тех же врачей, кто прошел обучение, около 91% оценили его как хорошее и удовлетворительное.

Таблица 4

Предоставление ВТМП в практике врачей

Варианты ответов	в % от общего количества опрошенных
Я никогда не направлял(а) пациентов на ВТМП	44,5%
Проблем с оказанием ВТМП нет	28,1%
Достаточно много	17,2%
Я не знаю, что такое ВТМП и как отправить пациента на ВТМП	9,1%
Затрудняюсь ответить	1,1%

На основании этого можно сделать вывод, что проблема обучения и прохождения циклов повышения квалификации специалистов является актуальной. Поскольку медицина и фармацевтика стремительно развиваются, необходимо обеспечить врачей современной и полной информацией об инновациях в лечении для того, чтобы достигнуть более высокого уровня предоставления медицинских услуг. Большинство врачей считают сертификацию специалистов обязательной, а это означает, что врачи нуждаются в постоянном повышении уровня профессиональных знаний и навыков. При этом огромная доля врачей не вовлечена в систему повышения квалификации, что приводит к снижению качества медицинского обслуживания.

Результаты опроса показывают, что чуть больше трети респондентов (36,4%) высказали уверенность в том, что реализуемый проект приведет к повышению уровня предоставления медицинской помощи. Некоторые сомнения в этом выразили еще 43,7% опрошенных, что связано с недоверием к проводимым реформам. Наконец, пятая часть опрошенных врачей уверены в том, что проводимая программа не окажет позитивного влияния

Ю.А. Купрякова

на состояние оказываемых медицинских услуг. Необходимо отметить, что доля врачей, пессимистично настроенных или сомневающих в реалистичности проекта, в совокупности составляет 63,6%. В целом НП «Здоровье» характеризуют как систему продуманных, логически увязанных мероприятий лишь 23,3% респондентов, отчасти с этим согласны 52,3% опрошенных, наконец, около четверти врачей с этим не согласны.

Такие данные свидетельствуют о том, что большинство врачей плохо понимают логику и последовательность проводимых реформ. Это связано с тем, что мероприятия охватывают систему здравоохранения не всецело, а частично.

С момента начала реализации национального проекта прошло два года. С 2008 г. начался новый этап НП «Здоровье», также требующий оценок и дальнейшего изучения.

Примечания

- 1 Избранная демографическая и социально-экономическая информация на 1 января 2004 г. [Электронный ресурс] // Обзорные сводки о состоянии здоровья и здравоохранения по странам. Российская Федерация // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. – Копенгаген, 2009. – //http://www.euro.who.int/eprise/main/WHO/Progs/chhrus/demographic/20050131_1?language=Russian, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 2 Анализ демографической ситуации: тенденции и последствия [Электронный ресурс] // Демография. ру. Институт демографических исследований; Иван Ковалёв – 13.03.2006. – Электрон. данные. – Режим доступа: // http://www.demographia.ru/razdel/index.html?idR=19, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.
- 3 Избранная демографическая и социально-экономическая информация на 1 января 2004 г. [Электронный ресурс] // Обзорные сводки о состоянии здоровья и здравоохранения по странам. Российская Федерация // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. – Копенгаген, 2009. – //http://www.euro.who.int/eprise/main/WHO/Progs/chhrus/demographic/20050131_1?language=Russian, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 23.11.08.

А.И. Дубинина

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И ЛЕКАРСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Для успешного развития общества необходима эффективная система здравоохранения. В связи с изменением социального строя и основополагающих принципов управления российским государством в конце XX в., произошли трансформации во всех областях общества, в том числе в системе здравоохранения. На протяжении последних лет осуществляются многочисленные попытки реформирования и оптимизации системы, однако далеко не все из них оказываются удачными. В статье мы проанализируем современную ситуацию с медицинским обслуживанием и лекарственным обеспечением, подразумевая, что это ключевые направления системы здравоохранения.

Ключевые слова: медицина, здравоохранение, социальная политика, медицинское обслуживание.

В общественном сознании здоровье человека традиционно делит ключевые позиции с такими ценностями, как семья, работа и материальное благополучие. По результатам исследования, проведенного компанией ГФК-Русь в феврале 2008 г. (исследование проводилось методом опроса в крупных городах России с населением свыше 500 тыс. чел.; в исследовании приняли участие 500 респондентов в возрасте от 18 до 71 года), здоровье занимает второе место в иерархии ценностей россиян, оно является очень значимым для 54% населения (на первом месте семья – 61%)¹.

Здоровье при этом выступает особым и необходимым параметром социального устройства, является основополагающим в системе общественных отношений, способствует успешному развитию социума в целом и его составляющих. С этой точки зрения, здоровье выступает не только индивидуальной, но и общественной ценностью, значимой для всего государства.

А.И. Дубинина

Здоровье как общественная ценность лежит в основе социальной политики государства в области здравоохранения. В Конституции РФ провозглашено, что Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие граждан. В частности, в Российской Федерации охрана здоровья человека выступает как одна из гарантий социальной защиты.

Под **государственной социальной политикой** понимаются «действия государства в социальной сфере, преследующие определенные цели, соотнесенные с конкретно-историческими обстоятельствами, подкрепленные необходимыми организационными и пропагандистскими условиями, финансовыми ресурсами и рассчитанные на определенные этапные социальные результаты»². При этом в федеративном государстве, каким является РФ, государственная социальная политика имеет свои особенности: поскольку государство является многосубъектным, механизмы функционирования государства в социальной сфере обеспечиваются как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации.

Принято говорить о сильной и слабой социальной политике государства. Сильная социальная политика – это активные и эффективные действия государства, которые обеспечивают выполнение конституционных прав и свобод граждан. В свою очередь, слабой социальной политикой является та, при которой государство не справляется с выполнением своих конституционных функций.

Особое место при анализе здоровья как общественной ценности занимает общепризнанное право людей на сохранение здоровья, закрепленное в законодательстве. Под **правами на здоровье** понимаются «основные принципы и гарантии, предоставляемые индивидам по поводу здоровья»³.

Согласно Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РФ в 1991 г., каждый имеет право на квалифицированную медицинскую помощь в системе государственного здравоохранения. В «Основах законодательства об охране здоровья граждан» изложены правовые нормы относительно прав пациента.

Этот же правовой документ определяет охрану здоровья граждан как «совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долго-

летней активной жизни, предоставление ему медицинской помощи в случае утраты здоровья. Гражданам Российской Федерации гарантируется право на охрану здоровья в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и международными нормами и международными договорами Российской Федерации, Конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации»⁴.

Исходя из зафиксированных в законодательстве положений, **здоровье** понимается как «сфера социальной жизни общества, обеспечивающая возможность осуществления политических, экономических, научно-образовательных, лечебно-профилактических, управленческих и организационных мероприятий, направленных на реализацию права граждан на сохранение собственного здоровья»⁵.

В этой связи **здравоохранение** можно определить как социальный институт, деятельность которого направлена на сохранение здоровья как отдельно взятого человека, так и всего общества в целом.

Обеспечение доступности и повышение качества медицинского обслуживания выступает одной из важнейших задач государства в области здравоохранения, что отражено в многочисленных приказах Министерства здравоохранения и социального развития РФ. Именно на улучшение качества предоставления медицинских услуг на государственном уровне направлены многие реформы, проводимые в современной российской системе здравоохранения. По мнению исследователей Л.В. Пановой и Н.Л. Русиновой, «в современном обществе возможность получения необходимых услуг здравоохранения рассматривается как одно из неотъемлемых социальных прав человека, поскольку медицинская помощь направлена на удовлетворение первоочередных, жизненно важных потребностей, связанных с поддержанием здоровья, освобождением от боли и предотвращением заболеваемости»⁶.

Однако, несмотря на положения, зафиксированные в российском законодательстве, в разные годы в период 2000–2007 гг. Россия занимала 125–130-е места в мире по состоянию здравоохранения (по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)). Данный показатель главным образом обусловлен низким уровнем финансирования. Плачевное состояние российского здравоохранения касается недостаточного лекарственного обеспечения населения, низкого качества медицинской помощи, устаревшего медицинского оборудования, немотивированности медицинского персонала и т. д.

А.И. Дубинина

По оценкам ВОЗ, в 2003 г. в Российской Федерации был зафиксирован самый высокий в регионе Евр-В+С⁷ уровень смертности населения (16,4 на 1000 населения, что на 46% выше показателей 1990 г.; в 2006 г. этот показатель составил 15,28), особенно это касается людей среднего возраста. Последнее обусловливает быстрое старение населения; уже к 2016 г. прогнозируется, что каждый 5-й житель страны будет в возрасте от 60 лет и старше. В то же время прирост населения России – отрицательный и в 2003 г. составил «-6,3» (в 2006 г. – «-4,8»⁹), в то время как средний показатель по региону – «0,8» (ВОЗ, 2003 г.). При этом средняя ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России примерно на 3 года ниже, чем в среднем в регионе Евр-В+С и почти на 14 лет ниже, чем в регионе Евр-А¹⁰. В то же время отмечается самая большая разница между мужчинами и женщинами (в 2006 г. показатель составил 13 лет). В большей степени болезни среди мужчин относятся к сердечно-сосудистым заболеваниям и непреднамеренным травмам, при этом основные факторы риска – алкоголь и табак. Среди женщин наиболее распространенные заболевания – сердечно-сосудистые и нервно-психические расстройства, основные факторы риска – повышенное артериальное давление и высокий уровень холестерина. В целом в России в январе–феврале 2008 г. 58% всех смертей было обусловлено болезнями системы кровообращения, что актуализирует проблему профилактики здоровья.

Сложившуюся ситуацию в системе современного российского здравоохранения объясняют несколько факторов. К политическим относится неотработанность мер по сохранению здоровья населения в новых условиях; нестабильность социальной политики в области здравоохранения; коррумпированность административного аппарата и др. К социальным факторам – низкие доходы населения, вредные привычки, неправильный образ жизни, халатное отношение к здоровью и др. К природным – в ряде случаев неблагоприятный климат, плохая экологическая ситуация. Экономический фактор – один из наиболее важных – это бюджет, затрачиваемый государством на здравоохранение. По итогам многочисленных исследований доказана прямо пропорциональная связь доступной системы здравоохранения со здоровьем населения в целом¹¹.

Известно, что в России бюджет на здравоохранение гораздо ниже, чем во многих странах. По данным аудиторов Счетной палаты, объем госфинансирования здравоохранения в России составляет около 3% ВВП, что значительно ниже рекомендуемого Всемирной организацией здравоохранения – 5% ВВП.

Согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) о состоянии систем здравоохранения, в развитых странах на протяжении последних 15 лет темпы роста расходов на здравоохранение опережают темпы роста ВВП. Если в 1990 г. на нужды здравоохранения в странах ОЭСР было потрачено в среднем 7% ВВП, то в 2004 г. — уже 8,9%. В странах Евросоюза первое место по расходам на медицину принадлежит Германии (10,9%), за ней следуют Франция (10,5%), Бельгия (10,1%), Греция и Португалия (по 10%), Великобритания и Венгрия (по 8,3%), Испания (8,1%). Лидером по объему затрат на здравоохранение являются США, где на эти цели идет 15,3% ВВП. При этом доля бюджетных расходов в здравоохранении составляет в странах ОЭСР в среднем 73%¹².

В российском бюджете на здравоохранение в 2008 г. провозглашено увеличение расходов всего на 5,8%, при этом запланированная инфляция составляет 6–7% (но за январь–апрель 2008 г. инфляция составила уже 6,3%), что позволяет делать вывод о фактическом сокращении расходов на здравоохранение в России. Кроме того, выделяемые государством средства не соответствуют стоимости программ государственных гарантий по обеспечению населения медицинскими услугами¹³. В этих условиях все большая доля расходов на лечение и поддержание здоровья перекладывается на граждан. В первом полугодии 2007 г. весь российский фармацевтический рынок на 72% финансировался за счет средств потребителей¹⁴. 8% финансирования приходилось на региональные бюджеты, оставшиеся 20% — на федеральный. Кроме того, все более ощутима нехватка государственного финансирования здравоохранения для людей с низким доходом, незащищенных слоев населения, которые вынуждены отказываться от различных видов медицинских услуг и лекарственных средств либо покупать более дешевые и менее эффективные препараты.

Как следствие недостаточного бюджета на здравоохранение возникают и другие проблемы, обуславливающие в конечном итоге низкий уровень медицинского обслуживания: неблагоприятные условия работы врача, низкая мотивация труда, развитие «комплекса неполноценности» и озлобленности медицинского персонала.

В частности, для западного медицинского и фармацевтического профессиональных сообществ удивителен тот факт, что в России медицинскими представителями (т. е. теми, кто рекламирует и продвигает определенный фармацевтический продукт в аптеках и лечебных учреждениях) работают профессиональные

А.И. Дубинина

врачи. В развитых странах этот тип работ выполняют люди без специального медицинского образования, но прошедшие особую подготовку, тренинги. На Западе и в Америке для врача такая работа немыслима, поскольку профессия врача хорошо оплачивается и считается высокостатусной в обществе. В Европе средняя заработная плата врача составляет 6–7 тыс. евро в месяц, в Америке – около 10 тыс. евро. В России заработная плата медицинского представителя намного выше, чем врача (зарплата медицинского представителя в среднем составляет 1000–1500 евро плюс дополнительные льготы), поэтому многие специалисты уходят из медицинских учреждений на сторону компаний-производителей, таким образом прекращая выполнять свою основную профессиональную функцию – лечение пациентов. Эта тенденция характерна не только для врачей, но также для провизоров и фармацевтов.

Кроме того, плохая техническая оснащенность медицинских учреждений оказывает значительное влияние на результаты проводимого лечения. Во многих больницах и поликлиниках до сих пор применяется морально устаревшее оборудование, оставшееся с советских времен и давно исчерпавшее сроки эксплуатации.

Дороговизна эффективных лекарственных препаратов и ряда процедур в сочетании с материальным неблагополучием большей части населения приводят к повсеместному применению более дешевых и менее эффективных средств. Сегодня среднее потребление лекарственных средств на душу населения в России составляет 74 долл. США в год. Для сравнения в других странах: Франция – 410 долл., Германия – 363.

Для решения данной проблемы с 2005 г. российское государство реализует программу Дополнительного лекарственного обеспечения (ДЛО), согласно которой 20 льготных категорий населения имеют право на получение бесплатных лекарственных средств по рецепту врача, а это около 10% населения в 2005 г., 12% населения – в 2007-м.

Помимо проблем, связанных с недостаточным бюджетом здравоохранения, актуальны и другие проблемы. Во-первых, отпуск в аптеках рецептурных лекарственных средств без рецепта врача (в 90–95% аптек возможно получить рецептурный препарат без рецепта). Во-вторых, переключение пациента в аптеке с одного препарата на другой по усмотрению провизора (что законодательно запрещено). Соответственно, изначально назначенное врачом лечение часто меняется и в результате оказывается неэффективным.

Снижение качества медицинской помощи также связано и с недостаточным обучением врачей в последние годы. В этом пла-

не существует масса проблем: постепенное отмирание медицинских библиотек в лечебных учреждениях, отсутствие обучения персонала в ходе медицинской практики и др. Сегодня основное обучение врачи получают в ходе общения с медицинскими представителями и участия в конгрессах, семинарах, организуемых опять же фармацевтическими компаниями-производителями. В основу подобного обучения заложена идея коммерческой прибыли компаний, поэтому получаемая информация может быть необъективной, что в конечном итоге также сказывается на качестве предоставления медицинских услуг в государственных лечебных учреждениях.

Отдельного внимания заслуживает **ситуация с лекарственным обеспечением** населения в современной России.

После распада СССР российская фармацевтическая промышленность претерпела значительные изменения. Во время существования СССР потребность населения в лекарственных средствах в основном обеспечивали российские производители, недостающие препараты закупались в странах Центральной Европы. С распадом СССР прекратила свое существование единая фармацевтическая промышленность – бывшие союзные республики забрали свои фабрики, в то время как российские постепенно приходили в упадочное состояние. В первые годы после перехода на рыночную экономику производство лекарственных средств было невыгодным, поскольку резко увеличились цены на сырье, энергию, транспорт; на российский рынок буквально хлынули препараты зарубежного производства (на ввоз которых делались значительные льготы), создав таким образом жесткую конкурентную среду. В итоге к 1997 г. объем отечественного производства в фармпромышленности сократился на 60%, производители были вынуждены повысить цены, что в результате привело к тому, что отечественные препараты не выдержали конкуренции. К 1998 г. объем производства лекарственных средств сократился в 5 раз¹⁵. К тому же моменту 120 фармацевтических фабрик, 21 завод, производящий компоненты лекарственных средств, и 42 научно-исследовательских института, синтезирующих иммунобиологические препараты, работали на 25–50% своих мощностей, а у 70–90% истекли сроки эксплуатации оборудования¹⁶.

В то же время 93% фармацевтических компаний производили лекарственные препараты на основе импортных компонентов. К концу 90-х гг. доля импортных препаратов составила уже 65% и продолжала расти в течение последующих годов. В 2006 г. эта доля составила 78%¹⁷. Несмотря на упадок отечественной

А.И. Дубинина

фарминдустрии, цены производителя постоянно росли. Так, с 1997 по 2001 г. они выросли на 150% (т. е. рост на 37–38% в год).

После дефолта российские производители постепенно стали набирать силу, многие фармацевтические заводы стали переоборудоваться, оснащаться современным оборудованием.

Сегодня в России существуют три сектора фармацевтического рынка: розничный/коммерческий (продажа лекарственных препаратов посредством аптек; финансируется за счет средств потребителей), госпитальный (больничные закупки; финансируется за счет региональных и федерального бюджетов), ДЛО (программы дополнительного лекарственного обеспечения; финансируется за счет федерального бюджета). В 2007 г. доли этих секторов рынка составляли 73%, 13% и 14% соответственно¹⁸. С 2008 г. третий сектор называется программа «Обеспечение необходимыми лекарственными средствами» (ОНЛП), но по привычке все участники рынка по-прежнему называют ее ДЛО.

Как видно из долевого распределения, государство сегодня играет не такую значимую роль в поставке лекарственных средств, как это было раньше, однако продолжает влиять на развитие фармацевтического рынка в России, поскольку именно оно обеспечивает средствами федеральные целевые программы и приоритетные проекты.

С распадом централизованного лекарственного обеспечения, которое было в СССР, субъекты РФ разработали собственные программы закупки лекарственных препаратов. Лекарства для больниц стали закупаться за счет территориальных фондов обязательного медицинского страхования (ОМС).

С введением системы медицинского страхования в современной России качество медицинского обслуживания стало также контролироваться со стороны страховых медицинских организаций и фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС). Система ОМС была создана в качестве гарантии государства права граждан на получение бесплатных медицинских услуг в законодательно установленном объеме. Однако с целью экономии средств фонды ОМС закупают лекарственные средства в основном на конкурсной основе, что иногда приводит к низкой эффективности лечения за счет использования дешевых препаратов.

Дополнительно созданная в коммерческом секторе система добровольного медицинского страхования (ДМС) должна была обеспечить повышение качества предоставляемых услуг в ходе конкурентной борьбы между страховыми организациями. Однако пока система ДМС ожидаемых результатов не дала, поскольку

ку во многом используется не индивидуально пациентом, а компанией-работодателем в качестве одного из элементов социального пакета. Так, по словам С. Готовац (член правления компании «Ренессанс Страхование», зам. генерального директора по индивидуальным видам страхования), индивидуально в систему добровольного медицинского страхования вовлечены всего 5–7% населения [из интервью с Сирмой Готовац, ЦМИ «Фармэксперт», апрель 2007 г.].

Теоретически при госпитализации больные должны получать лекарственные средства бесплатно – их закупают больницы за счет своего бюджета, из средств ОМС или из бюджета ДЛО, однако часто этих препаратов оказывается недостаточно либо они поступают не вовремя, поэтому пациенты вынуждены покупать лекарства за собственные деньги. По оценкам ВОЗ, в 2003 г. 80% лекарственных препаратов госпитализированные больные оплачивали из собственных средств¹⁹. В большей степени это связано с недостаточным финансированием больниц, поскольку многие препараты они вынуждены закупать по рыночным ценам. Кроме того, задержки в оплатах государством поставленных лекарств служат сбоем в организации лекарственного обеспечения в больницах.

Амбулаторные больные покупают лекарственные средства в аптеках либо получают их бесплатно по льготным рецептам. После распада СССР многие аптеки стали действовать на частной основе из-за нехватки государственного финансирования. Сегодня многие аптеки действуют как коммерческие предприятия, одновременно обеспечивая льготные рецепты, оплата которых происходит также с большими задержками со стороны государства. Поэтому ряд аптек отказываются от участия в программе ДЛО.

В России на 2006 г. зафиксировано 22 400 поликлиник, 10 200 больниц, 24 000 аптек и аптечных пунктов, 40 000 аптечных киосков, 470 иностранных производителей, 600 отечественных, 1000 дистрибьюторов²⁰.

Обильное число акторов на фармацевтическом рынке привело к тому, что в России резко повысилось количество разрешенных к продаже лекарственных средств при достаточно низкой покупательной способности по сравнению со странами Европы и США. Сегодня в Государственный реестр лекарственных средств включается около 150 000 наименований, в то время как во многих европейских странах медицина успешно использует лишь несколько тысяч. Основная проблема в том, что среди этого множества лекарственных средств, реализуемых на терри-

А.И. Дубинина

тории РФ, большое число неэффективных препаратов. Лишь 12% всех лекарственных средств в 2007 г. обладали доказанной эффективностью (т. е. инновационные, оригинальные препараты), остальные – копии оригинальных препаратов (так называемые брендовые дженерики и дженериковые дженерики), по которым клинические исследования практически не проводятся и которые стоят значительно дешевле. Многие из этих препаратов ограничены или запрещены в странах Европы и поступают из дальневосточных и восточноевропейских стран. А из-за низкой покупательной способности населения врачи назначают препараты, чаще ориентируясь не на эффективность, а на цену. Кроме того, на российском фармацевтическом рынке около 12% контрафактной продукции.

Если отдельно говорить о формировании цены на те или иные препараты, то прежде всего государство при регистрации лекарственного средства фиксирует цену производителя. Затем на эту цену устанавливается максимальная надбавка, которая должна сдерживать розничную цену на препарат. Ограничитель устанавливается и на оптовые, и на розничные цены. Если для оптовой цены это 25% плюс к стоимости производителя, то для розничной – плюс 30% к оптовой цене. В реальности каждый регион устанавливает свою максимальную надбавку, кроме того, дистрибьюторы может быть несколько – и препарат перепродается несколько раз. В результате итоговая цена на 120–200% превышает цену производителя.

Для борьбы с таким явлением государство создало перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств, чтобы обеспечить их доступность. Основными критериями вхождения в этот список стали эффективность, безопасность и цена. Но поскольку лекарственным средствам из этого списка гарантирован спрос, компании-производители дают взятки чиновникам, ответственным за формирование перечня. В итоге в список входят препараты, не отвечающие критерию «жизненной необходимости».

В 1998 г. в России был утвержден стандарт GMP (Good Manufacturing Practice, «Правила организации производства и контроля качества ЛС»). На переход к этим правилам отведено 5 лет. То есть по истечении этого срока компании, производство которых не соответствует требованиям GMP, теоретически должны были прекратить свое существование. Однако в реальности этого не произошло. Сегодня действительно ряд крупных отечественных компаний переходят на стандарты GMP, но этот процесс только начался.

Как демонстрируют приведенные данные, современная система российского здравоохранения требует значительных изменений. Серьезные реформы в направлении повышения эффективности системы начали реализовываться лишь недавно. Достижение поставленных целей требует последовательной и продуманной политики. Пока невозможно сказать о позитивных результатах, во-первых, по причине допускаемых ошибок, просчетов, во-вторых, недостаточного количества времени для оценки итогов работы, в-третьих, в связи со сложностью поставленных задач. Ведь по сути предстоит выстроить всю систему заново, на основе современных общемировых стандартов.

Примечания

- 1 Сайт GfK Русь [Электронный ресурс] / © Институт маркетинговых исследований ГfK Русь. – 2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: // <http://www.gfk.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 10.12.08.
- 2 Социальная политика: Толковый словарь. Издание второе, доработанное / Общ. ред. д. э. н. проф. Н.А. Волгин. Отв. ред. д. э. н., проф. Б.В. Ракитский. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 285.
- 3 *Дмитриева Е.В.* Теоретико-методологические и методические основы социологии здоровья. Дис. д. с. н. М.: РГБ, 2005. С. 205; Социальная политика: Толковый словарь. Издание второе, доработанное / Общ. ред. д.э.н. проф. Н.А.Волгин. Отв. ред. д.э.н., проф. Б.В. Ракитский. М.: Изд-во РАГС, 2002, С. 285.
- 4 Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 (с изменениями от 24 декабря 1993 г., 2 марта 1998 г., 20 декабря 1999 г., 2 декабря 2000 г., 10 января, 27 февраля, 30 июня 2003 г., 29 июня, 22 августа, 1, 29 декабря 2004 г., 7 марта, 21, 31 декабря 2005 г., 2 февраля, 29 декабря 2006 г., 24 июля, 18 октября 2007 г.)
- 5 Социальная политика: Толковый словарь. С.133.
- 6 *Панова Л.В., Русинова Н.Л.* Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи: социологический анализ // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 127.
- 7 К Региону Евр-В+С ВОЗ относит следующие страны: Венгрия, Словакия, Эстония, Литва, Польша, Латвия, Российская Федерация, Болгария, Румыния, бывшая Югославская Республика Македония, Турция, Казахстан, Босния и Герцеговина, Беларусь, Туркменистан, Украина, Албания, Армения, Азербайджан, Грузия, Республика Молдова, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан.

А.И. Дубинина

- 8 Сайт GfK Русь. ... Указ. интернет-ресурс.
- 9 Там же.
- 10 К Региону Евр-А относятся все остальные европейские страны.
- 11 *Панова Л.В., Русинова Н.Л.* Указ. соч. С. 127–135.
- 12 Сайт «Независимой газеты» [Электронный ресурс] / Гл. ред. К. Ремчуков. М., 1990–2008. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.ng.ru/economics/2007-05-25>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 10.12.08.
- 13 *Шейман И.М.* Возможные стратегии реформирования системы государственных обязательств в здравоохранении // Экономика здравоохранения. 2000. № 5, 6/45. С. 47–55.
- 14 Доклад Д.В. Мелик-Гусейнова, директора по маркетинговым исследованиям ЦМИ «Фармэксперт» // «Рынку становится плохо: фармацевтический рынок России – итоги I полугодия 2007 г.». СПб., 2007.
- 15 Отчет о результатах проверки в Минздраве России полноты поступления, целевого и эффективного использования средств федерального бюджета, выделенных на лекарственное обеспечение, осуществления гарантий в области лекарственной помощи населению, выполнения требований Федерального закона «О лекарственных средствах» за 1998 г. и I полугодие 1999 г.
- 16 Доклад ВОЗ «Системы здравоохранения на переходном этапе: Российская Федерация (2003)».
- 17 Фармацевтический рынок России: вчера, сегодня, завтра // Российский фармацевтический рынок. Итоги 2006 г. Годовой отчет ЦМИ «Фармэксперт». М: Литтерра, 2007. С. 23.
- 18 Доклад Д.В. Мелик-Гусейнова...
- 19 Доклад ВОЗ «Системы здравоохранения на переходном этапе: Российская Федерация (2003)».
- 20 Доклад Д.В. Мелик-Гусейнова...

Abstracts

G.I. Kozyrev

SOCIAL CONSTRUCTING OF "VICTIM'S" IMAGE IN THE SOCIAL-POLITICAL CONFLICTS

Theoretical substantiation of concept "victim" in sociology of conflict is presented in this article. The typology of victim is also offered. The grounds for analysis of process of designing of "victim" in sociopolitical attitudes and the stages of constructing of "victim" are described.

N.M. Velikaya, A.A. Goloseyeva

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY INSTITUTES IN PUBLIC DISCUSSION IN MODERN RUSSIA

The article deals with assessment of the state of civil society in Russia and analysis of its three main institutes: public organizations, trade unions and political parties. The analysis of peculiarities and areas of activities of non-profit sector in Russia is carried out; the difficulties of new independent trade unions in getting over aggressive policy of Federation of Independent Trade Unions of Russia (FNPR) are discussed; the dynamic of development of multiparty system in Russia and the assessment of activities of political parties in public opinion is observed.

I.V. Gudkov

FEATURES OF ELECTORAL BEHAVIOR DURING FORMING OF REGIONAL LEGISLATURES

The following article is an attempt of analysis and typology of electoral behaviour of citizens during forming of regional political representative bodies. On the basis of regional voting results' analysis on elections of the representative bodies of government from the moment of introduction of mixed (proportional majority) system and the results of the author's complex research on electoral preferences five types of electoral behaviour were outlined as dominating on the present stage of development of political space in Russia: "patriarchal", "traditional", "client-oriented", "protest" and "marginal". The description of types of

electoral behaviour includes the analysis of specific expectations, necessities and motives of voting of the population, that are characteristic for elections of regional representative bodies of government.

V.V. Popov

THE TRANSFORMATION OF THE POLITICAL LANDSCAPE DURING THE ELECTORAL CYCLE OF 2003–2007 YEARS

The article examines the transformation of the Russian political landscape during the electoral cycle of 2003–2007 years. The parliament parties' lack of actual possibility to influence on the course of legislative work in conditions of complete dominance of one party led to restructuring of the whole party system. The analysis of changes within the parties and of the modalities of the operation revealed a tendency of their ideological shift to the left side.

E.A. Kitaiceva

FEATURES OF ATTITUDES TO ACTIVITY OF POLITICAL PARTIES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

For effective functioning of the political system of the Russian state, problems of formation and development of political parties have a great value. However, despite of depth of the political, social and economic transformations in Russia, process of their functioning proceeds difficultly and it is inconsistent. Besides, in connection with mainly low development of political culture among the population, value of institute of political parties in a modern society is estimated negatively. For correct estimation of a present condition and prospects of democracy in Russia, it is necessary to understand the nature of the inconsistent attitude to democratic values, including such important institute as political parties.

M.Ju. Milovanova

TOWARDS THE ISSUE OF POLITICAL POTENTIAL OF THE YOUTH

Article is devoted to the contradiction between external manifestation of energization of the youth policy and the lack of really qualitative improvement of the status of the majority of young

Russians. Author pays attention to the estimation of two main factors of socialization of people, education and political participation. To integrate young people in the social-economic and political processes political and governmental institutions should stop the consuming attitudes to the youth, to stop consider them as only electorate.

N.V.Romanovskiy

HISTORIZATION OF SOCIOLOGY – CONCEPT AND ESSENCE

The article is devoted to analysis of the content of one of the sociological terms, historization of sociology. Author considers evaluation of this term and also the bounds of historization in empiric sociology and in theoretical studies, its methodological resources.

M.B. Bulanova

MODEL OF SOCIOLOGICAL EDUCATION OF N. KAREEV AND M. KOVALEVSKY

This article is devoted to the information about sociological education in Russia. The first model of sociological education of 19th – beginning of the 20th century has been explored. The analysis was based on original ideas of N. Kareev and M. Kovalevsky.

D.G. Kondov

HISTORICAL SOCIOLOGY AS HISTORY OF SOCIOLOGY

This article considers the genre of the history of sociology (Russian and foreign as well) and this genre's criticism: it suggests alternative approach to the classical versions of history of sociology as discipline and combines social history and sociology of knowledge. Author analyses the social basis of "subjective sociology", created by N.K. Mikhailovsky (1842–1904), one of the founders of sociological discipline in Russia, and his alter ego in the field of method – M.M. Kovalevsky (1851–1916).

A.A. Mochalov

THE ISSUE OF EDUCATION IN THE RUSSIAN SOCIOLOGY
OF THE END OF 19th – THE BEGINNING OF 20th CENTURY

Prominent features of consideration and treatment of educational problems in the Russian sociology at the turn of the 20th century. Formation of two world outlook orientations – Westernizer and Slavophile. Influence of ideas of M.M. Kovalevskiy, as one of the brightest representatives of positivism, on statement of problems upbringing and formation. The analysis of the sociological and historical education by an outstanding Russian historian and sociologist scientists N.I. Kareev. The role of school, as one of the major factors of social mobility, from the point of view of P.A. Sorokin.

D.N. Barinov

THE DYNAMICS OF SOCIAL ANXIETY IN THE MODERN
RUSSIAN SOCIETY

The article “The Dynamics of social anxiety in the modern Russian society” deals with the change of the social general condition of the Russian society. The analysis of the results of the sociological research makes it possible to point to a steady tendency to a decline of the social anxiety with Russian people and the dynamic change of priorities within the hierarchy of social fears and anxieties. Correlation of empirical data of All-Russian polls with regional research of social anxiety shows the noticeable similarity of the anxiety objects and the social factors contributing to the origin and intensity of proceeding of the mentioned social mood.

I.V. Leskova

THE PROBLEM OF CULTURAL IDENTITY
IN THE SITUATION OF CRISIS OF VALUES

In the article the problem of cultural identity in the situation of crisis of existent values is brought up. The author proves the urgency of the view on identity as on affiliation or correlation with definite culture, and the view on the culture as on the derivation of identification. The concept of cultural identity is viewed in the context of building of personality through the prism of socio-cultural relations in conditions of social instability, at the time of transitional phase of

course of life and against the background of socio-cultural modifications, due to the fact of transition to post-industrial society.

E.V. Kirichenko

SOCIAL PHILOSOPHICAL IDEAS ABOUT ESSENCE OF GENDER INEQUALITY

In the consciousness of the society the social inequality of the sexes also estimated in different ways. Discussion on this matter appeared as far back in ancient times and didn't complete up to the present time. Different directions of socially philosophical thought, looked for reasons of gender supremacy and submission, are analyzed in the article. Special attention paid to essentiality social conceptions, and also gender paradigm.

V.A. Adilov

THEORETICAL APPROACHES IN ANALYSIS OF IMAGE OF MOSCOW

Methods of construction and actualization of the image of the capital of Russia – Moscow city – are investigated in the article. The role of image as the instrument of management in multicultural society is discovered. Modern opportunities and advantages of the capital of Russia in promotion of the image of the city in communicative space are considered.

Li Juan Juan

IMAGE OF CHINA IN RUSSIAN PUBLIC CONSCIOUSNESS

Features of China's image existing in Russian public consciousness are described in this article. Dynamic of change of China's image during last ten years is analyzed. Speaking about structure of China's image author describes the main sources and factors of forming of China's image in Russia and its regions.

P.N. Kalmykov

CHINESE YOUNG PEOPLE IN MOSCOW. THE SOURCE
OF THE MIGRATORY INFLOW OR RUSSIAN PARTNERS
IN CHINA?

This article deals with the question if the Chinese young people studying in the Moscow institutes for higher education can become the immigrants in Russia or they will more likely become our allies in the development of Russian-Chinese economic and cultural connections. A study of the question is based on the survey of the Chinese students in Moscow and is amplified with a number of expert interviews.

E.A. Tarasenko

CONSUMER PERCEPTION AND PREFERNCES IN WINE
CATEGORY FOR NEW WINE BRAND DEVELOPMENT AT
THE AVERAGE PRICE SEGMENT

The article explores the wine category perception by Russian consumers in terms of associations, stereotypes, rational and emotional characteristics and benefits of the category, models, motives and barriers for wine consumption, typical situations and states of need, brands perception and market vision. This information is essential for better new wine brand development.

E.Ju. Ozerova

LIFE STRATEGIES OF FORMER SERVICEMEN

The main subject of analyses made in the article are life-strategies of servicemen worked out under the pressure of difficulties of the transitional period of the Russian society, army reforming and service in war-zones. In the article there is an identification of most important life-phases, description of the stage of adaptation to civil life after resigning from the army and leaving war-zone. It is proved that fundamental restructuring of the Russian society in 1990s as well as war-experience became a bifurcation point for life guiding lines, attitudes, strategies of the social group of professional servicemen. There is a detailed description of every emerging direction of life-strategies of servicemen and a new typology of life-strategies is developed on that bases.

V.I. Gorbacheva

PARENTING COMPETENCE AS SOCIAL PROBLEM

This article is devoted to the problem of parenting competence. The author has analyzed A. Giddens's concept about toxicity of modern parents. Emotional incompetence of mothers and fathers, maximum control of children's life and disregard of child's needs are paid attention to. Data of empirical research about mutual relations between parents and teenagers are cited.

E.A. Kolosova

READING AS A FACTOR OF EARLY SOCIALIZATION OF MODERN RUSSIAN CHILDREN

The article deals with the characteristics of children's reading as a factor of primarily socialization of modern pupils and based on arm-chair research and content-analysis of text-books and encyclopedias for pupils. The structure of book preferences of modern pupils, found during the research, is extremely significant from socialization point of view. The author divides the process of socialization into three interrelated actions – education, self-education and bringing up, that influence on the versatile development of the child's personality.

N.I. Belova

THE CONCEPT OF SOCIAL DESIGNING OF A REALITY IN APPLICATION TO RESEARCH OF A HEALTHY WAY OF LIFE

Construction of healthy life-style in the light of conception of social construction of reality is considered in the article. The author proposes and describes the structure of social construction of healthy life-style, including: object, elements, type, process, conditions and factors, agents, methods, forms and consequences of construction.

U.A. Kupryakova

ESTIMATION OF THE NATIONAL PROJECT "HEALTH" BY PROFESSIONAL COMMUNITY OF DOCTORS

Since nowadays medicine and health care are the two most important fields of human life author considers health protection as a social problem. This problem is acute in all countries of the world.

At present Russian health care is in a crisis which influences the future of the nation in a negative way.

Attempt to analyse and estimate national project "Health" which is directed at improvement of living standards of Russian citizens, appears in this article.

A.I. Dubinina

SITUATION IN HEALTHCARE SYSTEM OF CONTEMPORARY RUSSIA: MEDICAL SERVICES AND PHARMACOLOGICAL SUPPORT

For successful development of the society there is a need to have effective healthcare system. As result of transformation of the social order and basic strategy of government at the end of 20th century all social segments had been changed including healthcare system. During last years a lot of attempts to reform and optimize the system have been realized, however not all of them were lucky. In the article we will analyze contemporary situation in medical services and pharmacological support like key directions of the healthcare system.

Сведения об авторах

- Адилов Владислав Александрович* – соискатель кафедры прикладной социологии РГГУ, заместитель директора БЭСТ Академии менеджмента инноваций
- Баринов Дмитрий Николаевич* – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета, директор центра социологических исследований «NOVALENZO»
- Белова Наталья Ильинична* – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной социологии РГГУ
- Буланова Марина Борисовна* – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета РГГУ
- Великая Наталья Михайловна* – доктор политических наук, профессор кафедры прикладной социологии РГГУ
- Голосеева Анна Анатольевна* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политической социологии РГГУ
- Горбачева Валентина Ивановна* – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ
- Гудков Иван Владимирович* – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ
- Дубинина Анастасия Игоревна*, аспирантка кафедры прикладной социологии РГГУ
- Кириченко Елена Владимировна* – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ
- Калмыков Петр Николаевич* – аспирант кафедры этнологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Китайцева Елена Александровна* – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ
- Козырев Геннадий Иванович* – кандидат социологических наук, профессор кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ
- Кондов Данаил Живков* – преподаватель кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ
- Колосова Елена Андреевна* – преподаватель кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ
- Купрякова Юлия Александровна* – соискатель кафедры прикладной социологии РГГУ

Лескова Ирина Валерьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной антропологии РГСУ Российского государственного социального университета (РГСУ)

Ли Юань Юань – аспирантка кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ

Милованова Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ

Мочалов Андрей Александрович – аспирант кафедры теории и истории социологии РГГУ

Озерова Елена Юрьевна – студентка 5-го курса факультета социологии РГГУ

Попов Владимир Владимирович – соискатель кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ

Романовский Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ

Тарасенко Елена Анатольевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ

Корректор *М.Я. Живлов*
Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 26.01.2009.
Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 21,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 28

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
12599, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

